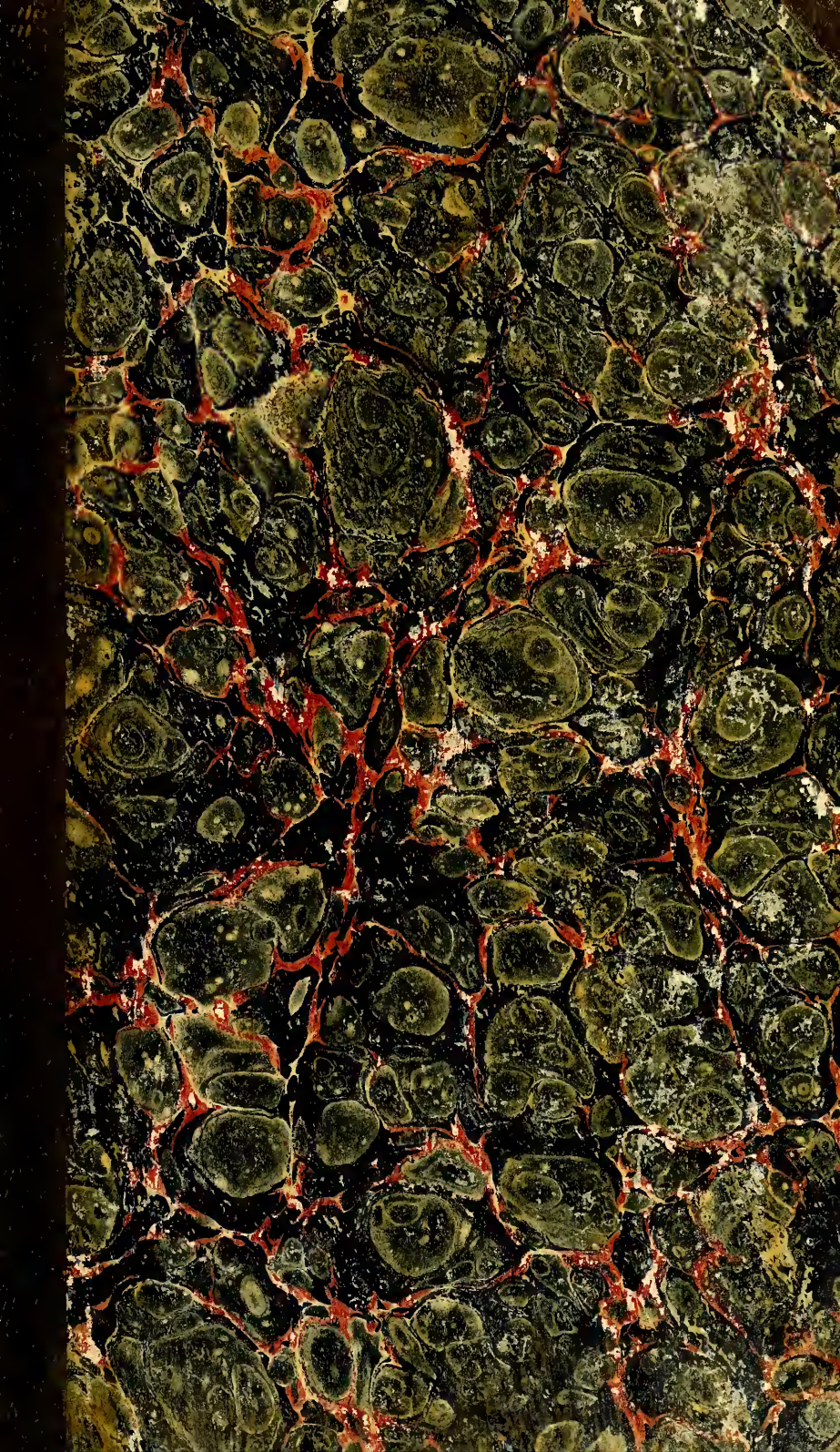

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

составляемый

изъ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Баратынскаго. Барона Брамбеуса. Ѳ. В. Булгарина. А. Ѳ. Воейкова. Ѳ. Н. Глинки. Н. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. Н. Н. Давыдова. В. А. Жуковскаго. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Каченовскаго. И. В. Кирѣевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольника. М. Е. Лобанова. М. А. Максимовича А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ѳ. Одоевскаго. А. П. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорѣльскаго. Н. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Панько. П. П. Свиньина. О. И. Сенковскаго. И. И. Скобелева. И. М. Снигирева. П. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Ѳедорова. Гр. Д. И. Хвостова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастнаго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1834 года Октября 23 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ.

НОЧЬ
НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Свѣтлое небо покрыто туманною ризою ночи;
Мѣсяцъ сокрылся въ волнистыхъ изгибахъ хитона ночнаго;
Въ далекомъ пространствѣ небесъ затерялась зарница,
Звѣзды не блещутъ.
Поля и луга Виѳлеема омыты вечерней росою;
Съ цвѣтовъ ароматныхъ незримо восходитъ въ эѳиръ дымъ
благовонный;
Кипарисы курятся.
Тихо бѣгутъ сребровидныя воды священной рѣки Іордана:
Недвижно лежатъ на покатѣ стада овецъ мягкорунныхъ:
Подъ пальмой сидятъ пастухи Виѳлеема.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

Слава Сѣдящему въ вышнихъ предѣлахъ Востока!
Не знаю къ чему, Наѳанаилъ, а сердце мое утопаетъ въ восторгѣ.
Какъ агнецъ въ долинѣ, какъ легкій олень на Ливанѣ, какъ ключъ Элеонскій, —
Такъ сердце мое и бьется и скачетъ.

ВТОРОЙ ПАСТУХЪ.

Я тожъ, Даніилъ, ощущаю въ себѣ непонятную радость.
Какъ будто-бы я предвкушалъ веселье Сіона;
Какъ будто-бы я находился на лонѣ отца-Авраама.

ТРЕТІЙ ПАСТУХЪ.

Пріятно въ полудни, Агѳей, отдохнуть подъ сѣнью Ливанскаго кедра;
Пріятно по долгой разлукѣ увидѣться съ близкими сердцу; —
Но что я теперь ощущаю... словами нельзя изъяснить...
Какъ будто-бы небо небесъ въ душѣ у меня помѣстилось;
Какъ будто бы въ сердцѣ носилъ я Всезрящаго Бога.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

Друзья! воспоемъ Іегову,
Столь мудро создавшаго землю,
Простершаго небо шатромъ надъ водами,
Душисты цвѣты Виѳлеема,
Душистъ ароматъ кипариса;
Но пѣсни и гимны для Бога душистѣй всѣхъ жертвъ и курсній.

И пастыри дружно воспѣли могущество Бога,
И чудо твореній, и древнія лѣта....
Какъ звуки тимпана, какъ свѣтлыя воды — ихъ голоса разливались въ пространствѣ.
Вдругъ небеса освѣтились, —

И новое солнце — звѣзда Виѳлеема, раздравъ полуночную ризу небесъ,
Явилась надъ мрачнымъ вертепомъ,
И Ангелы стройно воспѣли хвалебные гимны во славу рожденнаго Бога,
И громко всплеснувъ, Іорданъ прокатилъ сребровидныя воды....

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

Я вижу блестящую новую звѣзду!

ВТОРОЙ ПАСТУХЪ.

Я слышу хвалебные гимны!

ТРЕТІЙ ПАСТУХЪ.

Я созерцаю Небесныя Силы!

ВСѢ ПАСТУХИ.

Не Богъ ли нисходитъ съ Сіона?.....
И вотъ отъ предѣловъ Востока является Ангелъ.
Крилѣ позлащенны, эѳирный хитонъ на раменахъ,
Веселье во взорахъ, небесная радость въ улыбкѣ,
Лучи отъ лица какъ молніи блещутъ.

АНГЕЛЪ.

Миръ приношу вамъ и радость, чада Адама!

ПАСТУХИ.

О кто ты, небесный посланникъ?.... Сіянье лица твоего ослѣпляетъ бренныя очи....
Не ты-ль Моисей, изъ Египта изведшій насъ древле
Въ землю кипящую млекомъ и медомъ?

АНГЕЛЪ.

Нѣтъ, я Гавріилъ, предстоящій предъ Богомъ,
И посланъ вамъ возвѣстить безконечную радость.
Свершилась превѣчная тайна: Богъ во плоти днесь явился.

ПАСТУХИ.

Мессія?.... о радостный вѣстникъ, приходъ твой отъ Бога!
Но гдѣ, покажи намъ, небесный Младенецъ, да можемъ
Ему поклониться?

АНГЕЛЪ.

Идите въ вертепъ Виѳлеемскій.
Превѣчное Слово, Его же пространство небесъ не вмѣщало,
покоится въ ясляхъ.

И Ангелъ сокрылся!

И пастыри спѣшно идутъ съ жезлами къ вертепу.
Звѣзда Виѳлеема горѣла надъ входомъ вертепа.
Ангелы пѣли: Слава Сѣдящему въ Вышнихъ! миръ на земли, благодать въ человѣкахъ!
Пастыри входятъ — и зрятъ непорочную Матерь при ясляхъ,
И Бога-младенца, повитаго чистой рукою Маріи,
Іосифа-старца, вперившаго очи въ Превѣчное Слово....
И пастыри, падъ, поклонились.

П. ЕРШОВЪ.

ДВА ГРОБА.

=

Горемыка безталанный
Одинокъ бредетъ домой.
Ночь одѣта въ плащъ туманный,
Холмъ и долъ покрыты мглой;
Вправо видится кладбище;
Далеко еще жилище;
Путь ведетъ въ дремучій боръ:
Путникъ поднялъ томный взоръ

«Отдохну; ослабли силы,
Ноги гнутся подо мной;
Вы, безмолвныя могилы,
Дайте сирому покой!
Защитить плетень забора
Отъ звѣрей меня и вора;
Мертвыхъ, — не боюся ихъ, —
Мертвыхъ сонъ глубокъ и тихъ!»

Вотъ ужъ тамъ страдалецъ бѣдный:
Мѣсяцъ озарилъ кресты,
Льетъ таинственный и блѣдный
Свѣтъ на тусклые щиты;
Будто духи межъ собою
Вѣтеръ шепчется съ травою.
Онъ на пышный гробъ взглянулъ,
Легъ на камень и заснулъ.

Вдругъ, какъ будто чьей рукою,
Съ гроба сорвало его.
Снова легъ онъ: нѣтъ покою;
Слышитъ, кажется, кого.
«Прочь отсюда, подлый нищій!
Нѣтъ! ни помощи, ни пищи,
Ни ночлега не давалъ
Я бродягамъ..... прочь нахалъ!»

Путникъ всталъ, перекрестился:
Что жъ? незапно вопль и стонъ
Не изъ гроба ль испустился?
Путникъ молвилъ: «тяжкій сонъ!
Филинъ поднялъ эти крики,
Этотъ вой глухой и дикій
Средь ночи съ часовни той.
Гробъ я выберу другой.»

Подъ крестомъ простымъ, смиреннымъ,
Тѣнью двухъ согбенныхъ ивъ
Древнихъ, мшистыхъ осѣненнымъ,
Спитъ страдалецъ: онъ счастливъ,
Онъ на лонѣ наслажденій
Въ жизни сладостныхъ видѣній
Райскихъ, благотворныхъ грезъ
Жизнь забылъ скорбей и слезъ.

Во дворецъ вступилъ блестящій —
Блескъ отъ тысячи свѣчей;
Пиръ готовъ уста манящій;
Много во дворцѣ людей.
Стройный ликъ пѣвицъ прекрасныхъ,
Хоромъ пѣсень сладкогласныхъ
Просятъ странника присѣсть,
Отдохнуть, попить, поѣсть.

И старикъ къ нему подходитъ
Свѣтлый, радостный старикъ
И къ столу его подводитъ;
Столъ пространенъ и великъ:
Не исчислишь мѣстъ всѣхъ, смѣты
Нѣтъ гостямъ и всѣ одѣты,
Будто въ ризы отъ иконъ,
Въ жемчугъ, синету, виссонъ.

Всѣ молчатъ; но свѣтъ ихъ взоровъ,
Но улыбка ихъ ланитъ
Лучше словъ и разговоровъ,
Слуху сердца говоритъ:
«Насладися яствой нашей!»
Странникъ пьетъ златою чашей
Искрометное вино;
Но не тмитъ души оно.

Ѣстъ отъ яствъ безкровныхъ, чистыхъ —
Легки яствы, какъ эѳиръ,
Слаще сотовъ золотистыхъ.
Встали, конченъ дивный пиръ:
Нѣтъ гостей, умолкли гимны;
Лишь старикъ гостепріимный
Въ платъ для гостя своего
Вяжетъ лучшаго всего.

Между тѣмъ лучемъ свѣтила,
Озаряющаго день,
Озлатилася могила:
Бросилъ пахарь бодро лѣнь;
Поспѣшилъ пастухъ ко стаду,
Силу, свѣжесть и отраду
Міръ, воскреснувъ, ощутилъ —
Онъ проснулся средь могилъ.

Въ небѣ жаворонокъ вился,
Пѣлъ въ незримой вышинѣ;
Путникъ въ тяжкій путь пустился,
Но вдругъ всталъ, дошедъ къ стѣнѣ,
Посмотрѣлъ на гробъ смиренный,
Молвилъ: «Прахъ благословенный
Принялъ этотъ гробъ простой!
Тамъ же....» Онъ махнулъ рукой.

23 Января 1830. **В. ГАРПЕНКО.**

МОЛОДОЙ ОРЕЛЪ.

=

Какъ во полѣ, во широкомъ
Дубъ высокій зеленѣлъ;
Какъ на томъ дубу высокомъ
Младъ ясенъ орелъ сидѣлъ.

Тотъ орелъ ли быстрокрылой
Крылья мочныя сложилъ,
И къ сырой землѣ уныло
Ясны очи опустилъ.

Какъ отъ дуба не далеко
Рѣчка быстрая течетъ;
Какъ по рѣчкѣ по широкой
Лебедь бѣлая плыветъ.

Шею выгнувъ горделиво,
Хвостъ раскинувъ надъ водой,
Лебедь бѣлая — игриво
Струйку гонитъ за собой.

«Что, орелъ мой быстрокрылой,
«Крылья мочныя сложилъ?
«Что къ сырой землѣ — уныло
«Ясны очи опустилъ?

«Аль не видишь: не далеко
«Рѣчка быстрая течетъ;
«А по рѣчкѣ по широкой
«Лебедь бѣлая плыветъ.

«Мочны ль крылья опустились?
«Клёвъ ли крѣпкій ослабѣлъ?
«Сильны ль когти притупились?
«Взоръ ли ясный потемнѣлъ?

«Что съ тобою, быстрокрылой?
«Не случилась ли бѣда?»
Какъ возговоритъ уныло
Младъ ясенъ орелъ тогда:

— «Нѣтъ! я вижу: не далёко
«Рѣчка быстрая течетъ;
«А по рѣчкѣ по широкой
«Лебедь бѣлая плыветъ.

«Мочны крылья не старѣютъ;
«Крѣпкій клёвъ не ослабѣлъ;
«Сильны когти не тупѣютъ;
«Ясный взоръ не потемнѣлъ.

«Но тоска, тоска-кручина
«Сердце молодца грызетъ.
«Опостыла мнѣ чужбина;
«Край родной меня зоветъ.

«Тамъ въ родномъ краю приволье
«По поднебесью гулять,
«Въ чистомъ полѣ на раздольѣ
«Буйный вѣтеръ обгонять.

«Тамъ бураномъ вьются тучи;
«Тамъ потокомъ лѣсъ шумитъ;
«Тамъ дробится громъ летучій
«Въ быстромъ бѣгѣ о гранитъ.

«Тамъ средь дня — въ выси далекой
«Тучи полночью висятъ;
«Тамъ средь полночи глубокой
«Льды зарницами горятъ.

«Скоро ль, скоро ль я оставлю
«Чужеземные краи?
«Скоро ль, скоро ль я расправлю
«Крылья мочныя мои?

«Я съ знакомыми орлами
«Отдохну въ родныхъ лѣсахъ;
«Я взнесусь надъ облаками
«Я сокроюсь въ небесахъ!» —

П. ЕРШОВЪ.

МИЛОСТЫНЯ.

=

«Создайте, баринъ, подаянье;
«Мнѣ мать нужна,
«Безъ пищи третій день, въ страданьѣ
«Умретъ она.

«Тронитесь горькою слезою.» —
«Гдѣ мать твоя?» —
«Не далеко, тамъ за рѣкою.
«Вотъ домъ ея.»

Вошли въ страдальческу обитель;
Мать на полу
Лежитъ, — надъ ней Святой Спаситель
Висѣлъ въ углу.

По ней хладъ смертный разливался,
Гасъ огнь въ очахъ.
Малютка къ ней на грудь прижался,
Самъ весь въ слезахъ.

«Не плачь, дитя, что безполезно
«Просилъ людей.
«Прижмись еще, малютка нѣжной,
«Къ груди моей.

«Внимай мое вотъ завѣщанье,
«Его храни:
«Въ день радости иль въ день страданья
«Мать вспомяни.

«Люби ты ближняго душою,
«Терпи враговъ;
«Отъ хлада, сирому иль зною
«Давай покровъ.

«Во власть благому Провидѣнью
«Себя вручай,
«И сердце дѣвы обольщенью
«Не предавай.»

Внималъ пришлецъ, и изступленный
Ихъ рѣчь прервалъ:
«Позволь, чтобъ я завѣтъ священный
«Твой досказалъ;

«Но если бъ сердце дѣвы страстной
«Ты воспламенилъ
«И честь похитивъ у прекрасной,
«Ей измѣнилъ;

«Страшись, измѣны воздаянья,
«Отравы дней;
«Страшись дать сыну подаянье
«Рукой своей.

«Не измѣняй своимъ обѣтамъ,
«Для нихъ живи,
«И вѣрь, что счастья уже нѣту
«Въ другой любви.»

Малютка, всѣхъ не понимая
Ужасныхъ словъ,
На слезы матери взирая
Рыдать готовъ.

Она къ пришельцу обратилась:
«Тебя ждала
«Я долго, въ думахъ сокрушилась
«И изныла.

«Но ты пришелъ въ мою обитель,
«Такъ сыну будь
«Ты въ жизни самъ руководитель
«На добрый путь.

«Всевышній будетъ вамъ покровомъ.
«И, можетъ быть,
«Любовью прежней въ мірѣ новомъ
«Насъ съединитъ.»

ЛЕОНТІЙ СНЕГИРЕВЪ.

ПРОЗА.

КНЯЖНА МИМИ.

ДОМАШНІЕ РАЗГОВОРЫ.

Извините, сказалъ живописецъ, если мои краски блѣдны: въ нашемъ городѣ нельзя достать лучшихъ.

Біографія одного живописца.

I.

БАЛЪ.

La femme de César ne doit pas être soupçonnée.

— Скажите, съ кѣмъ вы теперь танцовали? сказала княжна Мими, остановивъ за руку одну даму, которая, окончивъ мазурку, проходила мимо княжны.

— Онъ когда-то служилъ съ моимъ братомъ! Я забыла его фамилію, отвѣчала баронесса Дауерталь мимоходомъ, и, усталая, бросилась на свое мѣсто.

Этотъ короткій разговоръ незамѣтно для окружающихъ мелькнулъ посреди общаго движенія, которое обыкновенно бываетъ послѣ окончанія танца.

Но баронессу этотъ разговоръ заставилъ задуматься, — и не даромъ. Баронесса, хотя уже и въ другой разъ замужемъ, все еще была молода и пре-

красна; ея любезность, ея роскошный станъ, ея каштановые шелковистые локоны привлекали къ ней толпу молодыхъ людей. Каждый изъ нихъ невольно сравнивалъ Элизу съ ея мужемъ, осиплымъ старымъ барономъ, и каждому изъ нихъ, казалось, ея томные, облитые влагою глаза говорили о надеждѣ: лишь одинъ опытный наблюдатель находилъ въ этихъ томныхъ голубыхъ глазахъ не пламень нѣги, а просто ту южную лѣнь, которая, по его мнѣнію, такъ странно соединяется въ нашихъ дамахъ съ сѣвернымъ флегматизмомъ, и составляетъ ихъ отличительный характеръ.

Баронесса знала всѣ свои преимущества; знала, что для всякаго она вмѣстѣ съ барономъ была чѣмъ-то невозможнымъ, противнымъ приличію, какою-то нелѣпостію; знала и то, какъ во время ея свадьбы толковали въ городѣ, что она вышла за барона по расчету; ей нравилось не сходить съ доски на балахъ, никогда не имѣть времени задуматься на раутахъ, всегда имѣть нѣсколько готовыхъ товарищей для кавалькады; но никогда она не позволяла себѣ ни взора, въ которомъ бы можно было замѣтить предпочтеніе одному предъ другимъ, ни сильнаго восхищенія, ни сильной радости, ни сильнаго огорченія, — словомъ ничего такого, чѣмъ бы душа могла быть приведена въ движеніе: притомъ, по чувству ли долга или по какой-то противуестественной любви къ своему мужу, — хотѣлось ли ей доказать, что она вышла за него не по расчету,—или просто потому, что вышеозначенное замѣчаніе наблюдателя было справедливо, — или наконецъ отъ соединенія всѣхъ этихъ причинъ,—только баронесса такъ же была вѣрна барону, какъ ея Бьюти была вѣрна баронессѣ; она никуда не выѣзжала безъ мужа, даже спрашивала у него совѣтовъ о

своемъ туалетѣ; баронъ, съ своей стороны, не сомнѣвался въ привязанности Элизы, позволялъ ей дѣлать что угодно, и спокойно предавался своимъ любимымъ занятіямъ: поутру нюхалъ табакъ, ввечеру игралъ въ вистъ, а въ промежуткахъ выхлопатывалъ себѣ награжденія. Въ городѣ издавна уже добродѣтельныя дамы отыскивали предметъ баронессиной нѣжности; но, когда онѣ для рѣшенія вопроса собирались на общее совѣщаніе, одна называла одного, другая другаго, третья третьяго, и дѣло расходилось за споромъ. Тщетно перебирали онѣ всѣхъ молодыхъ людей общества: только-что согласятся про одного, какъ онъ или женится, или станетъ волочиться за другою, – отчаяніе да и только! Наконецъ такія безпрестанныя неудачи наскучили блюстительницамъ нравственности: онѣ нашли, что баронесса лишь отнимаетъ у нихъ время для наблюденія за другими дамами; единогласно рѣшили, что ея искусство сохранять наружную пристойность стоитъ лучшей нравственности, что ее должно ставить въ примѣръ другимъ женщинамъ, и отложили баронессино дѣло впредь до могущихъ представиться обстоятельствъ.

Баронесса знала, что княжна Мими принадлежала къ этому сословію добродѣтельныхъ. Знала также, что это сословіе въ свою очередь принадлежитъ къ тому страшному обществу, которое бросило свои отпрыски во всѣ классы, – вѣдь извѣстно: все, что ни дѣлается въ свѣтѣ, дѣлается для нѣкотораго безъименнаго общества! Оно – партеръ; другіе люди – сцена. Оно держитъ въ рукахъ и авторовъ, и музыкантовъ, и красавицъ, и геніевъ и героевъ. Оно ничего не боится, – ни законовъ, ни правды, ни совѣсти. Оно судитъ на жизнь и смерть, и никогда не перемѣняетъ своихъ приговоровъ, если

они противны разсудку. Членовъ этого общества вы легко можете узнать по слѣдующимъ примѣтамъ: другіе играютъ въ карты, а они смотрятъ на игру; другіе женятся, а они пріѣзжаютъ на свадьбу; другіе пишутъ книги, а они критикуютъ; другіе даютъ обѣдъ, а они судятъ о поварѣ; другіе дерутся, а они читаютъ реляціи; другіе танцуютъ, они становятся возлѣ танцовщиковъ. Члены этого общества вездѣ тотчасъ узнаютъ другъ друга не по особеннымъ знакамъ, но по какому-то инстинкту; и каждый, прежде нежели вслушается въ чемъ дѣло, уже поддерживаетъ своего товарища: тотъ же изъ членовъ, кто вздумаетъ что-нибудь дѣлать на семъ свѣтѣ, въ ту же минуту лишается всѣхъ преимуществъ, сопряженныхъ съ его званіемъ, входитъ въ общее число подсудимыхъ, и ни чѣмъ уже не можетъ возвратить правъ своихъ. Извѣстно также, что самую важную роль въ этомъ судилищѣ играютъ тѣ, про которыхъ рѣшительно нельзя ничего отыскать, зачѣмъ они существуютъ на семъ свѣтѣ.

Княжна Мими была душою этого общества, и вотъ какъ это случилось. Надобно вамъ сказать, что она никогда не была красавицею, но въ юности была не дурна собою. Въ это время она не имѣла ни какого опредѣленнаго характера. Вы знаете, какое чувство, какая мысль можетъ развернуться тѣмъ воспитаніемъ, которое получаютъ женщины: канва, танцовальный учитель, немножко лукавства, tenez vous droite, да два, три анекдота, разсказанные бабушкою какъ надежное руководство въ сей и будущей жизни, – вотъ и все воспитаніе. Все зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя должны были встрѣтить Мими при ея вступленіи въ свѣтъ: она могла сдѣлаться и доброю женою, и доброю матерью семейства, и тѣмъ, чѣмъ теперь она сдѣлалась. Въ это

время у ней были и женихи; но никакъ дѣло не могло сладиться, – первый ей самой не понравился, – другой былъ не въ чинахъ и не понравился матери, – третій было очень понравился и той и другой, уже сдѣлано было и обрученіе, и день свадьбы былъ назначенъ, но наканунѣ, къ удивленію, узнали, что онъ имъ въ близкой роднѣ: все разстроилось, Мими занемогла съ печали, чуть было не умерла, однако же оправилась. Затѣмъ, женихи долго не являлись; прошло десять лѣтъ, потомъ и другія десять, Мими подурнѣла, постарѣла, но отказаться отъ мысли выйти замужъ, было ей ужасно. Какъ! отказаться отъ мысли, о которой твердила ей матушка въ семейственныхъ совѣщаніяхъ; о которой ей говорила бабушка на смертной постелѣ? отъ мысли, которая была любимымъ предметомъ разговоровъ съ подругами, съ которою она просыпалась и засыпала? Это было ужасно! И княжна Мими продолжала выѣзжать въ свѣтъ съ безпрестанно новыми планами въ головѣ и съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Ея положеніе сдѣлалось нестерпимо: все вокругъ нее вышло или выходило замужъ; маленькая вертушка, которая вчера искала ея покровительства, нынче уже сама говорила ей тономъ покровительства, – и не мудрено: она была замужемъ! у этой былъ мужъ въ звѣздахъ и лентахъ! у другой мужъ игралъ въ большую партію виста! Уваженіе отъ мужей переходило къ женамъ; жены по мужьямъ имѣли голосъ и силу: лишь княжна Мими оставалась одна, безъ голоса, безъ подпоры. Часто, на балѣ, она не знала куда пристать, – къ дѣвушкамъ, или къ замужнимъ, – не мудрено: Мими была не замужемъ! Хозяйка встрѣчала ее съ холодною учтивостію, смотрѣла на нее какъ на лишнюю мебель, и не знала, что сказать ей, потому что Мими не выходила замужъ. И тамъ и здѣсь поздравляли, но не ее, но все ту, которая выходила замужъ! А тихій шо-

потъ, а непримѣтныя улыбки, а явныя или воображаемыя насмѣшки, падающія на бѣдную дѣвушку, которая не имѣла довольно искусства, или имѣла слишкомъ много благородства, чтобы не продать себя въ замужство по расчетамъ! Бѣдная дѣвушка! Каждый день ея самолюбіе было оскорблено; съ каждымъ днемъ раждалось новое уничиженіе; и, — бѣдная дѣвушка! — каждый день досада, злоба, зависть, мстительность мало-по-малу портили ея сердце. Наконецъ мѣра переполнилась: Мими увидѣла, что если не замужствомъ, то другими средствами надобно поддержать себя въ свѣтѣ, дать себѣ какое-нибудь значеніе, занять какое-нибудь мѣсто; и коварство, — то темное, робкое, медленное коварство, которое дѣлаетъ общество ненавистнымъ, и мало-помалу разрушаетъ его основанія, — это общественное коварство развилось въ княжнѣ Мими до полнаго совершенства. Въ ней явилась особаго рода дѣятельность: всѣ малыя ея способности получили особое направленіе; даже невыгодное ея положеніе обратилось въ ея пользу. Что дѣлать! Надобно было поддержать себя! И вотъ княжна Мими, какъ дѣвушка, стала втираться въ общество дѣвицъ и молодыхъ женщинъ; какъ зрѣлая дѣвушка, сдѣлалась любезнымъ товарищемъ въ глубокихъ разсужденіяхъ старыхъ почтенныхъ дамъ. И ей было время! Проведши двадцать лѣтъ въ тщетномъ ожиданіи жениха, она не думала о домашнихъ заботахъ; занятая единственною мыслію, она усилила въ себѣ врожденное отвращеніе къ печатнымъ литерамъ, къ искусству, ко всему, что называется чувствомъ въ сей жизни, и вся обратилась въ злобное, завистливое наблюденіе за другими. Она стала знать и понимать все, что дѣлается передъ нею и за нею; сдѣлалась верховнымъ судіей жениховъ и невѣстъ; пріучилась обсуждать каждое повышеніе мѣстомъ или чиномъ; завела сво-

ихъ покровителей и своихъ питомцевъ (protégés); начала оставаться тамъ, гдѣ видѣла, что она мѣшаетъ; начала говорить о всеобщемъ развращеніи нравовъ. Что дѣлать! Надобно было поддержать себя въ свѣтѣ.

И она достигла своей цѣли: ея маленькое, но постоянное муравьиное прилежаніе къ своему дѣлу или, лучше сказать, къ дѣламъ другихъ, придало ей дѣйствительную власть въ гостиныхъ; многіе боялись ее, и старались не ссориться съ нею; одни неопытные дѣвушки и юноши осмѣливались смѣяться надъ ея, поблекшей красотою, надъ ея нахмуренными бровями, надъ ея горячими проповѣдями противъ нынѣшняго вѣка и надъ непріятностію, обратившеюся ей въ привычку, пріѣзжать на балъ и уѣзжать домой, не сдѣлавши даже вальсоваго круга.

Баронесса знала все могущество княжны Мими и страшнаго ея судилища, хотя чистая, невинная, холодная, увѣренная въ самой себѣ, она и не боялась его преслѣдованій: до сихъ поръ, избѣгать ихъ помогали ей самыя обстоятельства жизни; но теперь баронесса находилась въ весьма затруднительномъ положеніи. Границкій, съ которымъ она теперь только что танцовала, былъ прекрасный, статный молодой человѣкъ, — съ густыми черными бакенбардами; онъ почти всю свою жизнь провелъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ подружился съ братомъ баронессы; братъ баронессы жилъ теперь въ ея домѣ, а Границкій у ея брата, онъ почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ въ городѣ; каждый день обѣдалъ и выѣзжалъ съ ними вмѣстѣ: словомъ, все сближало его съ баронессою, и она понимала, какой прекрасный романъ добродѣтельная душа можетъ построить на такомъ выгодномъ основаніи. Эта мысль занимала ее въ то время, когда она танцовала съ молодымъ человѣкомъ, и она невольно задумывалась,

пріискивая въ головѣ средства, какъ-бы ей защититься отъ сословія добродѣтельныхъ дамъ. Баронесса съ досадою вспомнила, что внезапный, такъ близко подходившій къ предмету ея размышленій, вопросъ княжны Мими привелъ ее въ смущеніе, которое вѣрно не укрылось отъ проницательныхъ взоровъ лазутчицы; ей уже казалось, что при этомъ вопросѣ въ голосѣ княжны было что-то особенное; къ тому жъ она замѣтила, что княжна вслѣдъ за тѣмъ стала съ жаромъ говорить съ сидѣвшей возлѣ нее старою дамою, и что онѣ обѣ, какъ-бы нехотя, то улыбались, то пожимали плечами. Все это въ одно мгновеніе пробѣжало въ головѣ баронессы, и въ то же мгновеніе родило въ ней мысль — однимъ разомъ сдѣлать два дѣла, — и отвратить отъ себя подозрѣніе, и снискать благоволеніе княжны. Баронесса стала искать глазами Границкаго, но не находила его. Тому была причина, и очень важная.

На другомъ концѣ дома находилась завѣтная комната, неприступная для мужчинъ. Тамъ огромное зеркало, ярко освѣщенное, отражало голубыя шелковыя занавѣски: оно было окружено всѣми прихотями причудливой моды; цвѣты, ленты, перья, локоны, перчатки, румяны, все было разбросано по столамъ, какъ Рафаэлевы арабески; на низкомъ диванѣ лежали рядами бѣлосиневатые Парижскіе башмаки, — это воспоминаніе о хорошенькихъ ножкахъ, — и, казалось, скучались своимъ одиночествомъ; нѣсколько въ отдаленіи, подъ легкимъ покрываломъ, перегибались чрезъ спинку креселъ тѣ таинственныя выдумки образованности, которыхъ благоразумная женщина не открываетъ и тому, кто имѣетъ право на ея полную откровенность: эти эластическіе корсеты, эти шнурки, эти подвязки, эти непонятные накрахмаленные платки вздернутыя на сгурокъ, или перевязанныя

посерединѣ, и прочая, и прочая. Одинъ мосье Рави съ великолѣпнымъ, будто изъ фарфора вылитымъ хохломъ на головѣ, въ бѣломъ фартукѣ, съ щипцами въ рукахъ, имѣлъ право находиться въ этомъ гинекеѣ во время бала; на мосье Рави не дѣйствовалъ магнетическій воздухъ женской уборной, отъ которой у другаго дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; онъ не обращалъ вниманія на эти роскошные оттиски, остающіеся въ женской одеждѣ, которую такъ хорошо понимали древніе ваятели, взмачивая покрывало на Афродитѣ; какъ начальникъ султанскаго гарема, онъ хладнокровно дремалъ посреди всего его окружающаго, не думая ни о значеніи своего имени, ни о томъ, что внушила подобная комната его пламенному единоземцу.

Передъ концемъ мазурки, одна молодая дама, сказавъ два слова своему кавалеру, незамѣтно отъ другихъ порхнула въ эту комнату, показала господину Рави свой развившійся локонъ, г. Рави вышелъ за другими щипцами, въ одно мгновеніе молодая дама оторвала отъ булавокъ лоскутъ бумажки, быстро выдернула тонкій карандашъ изъ сувенира, оперлась на диванъ своею маленькою ножкою, написала нѣсколько словъ на колѣнѣ, сжала записку въ непримѣтный комокъ, и, когда г. Рави возвратился, жаловалась на его медленность.

Послѣ окончанія танца, когда въ воздухѣ носится нѣсколько недоговоренныхъ словъ, танцовщики въ хлопотахъ бѣгаютъ изъ угла въ уголъ за дамами, дамы лѣниво просматриваютъ нумера своихъ контрадансовъ, и даже неподвижныя фигуры, окружающія танцующихъ, перемѣняютъ мѣсто, чтобы подать какой нибудь признакъ жизни, – въ эту минуту безпорядка та же дама проходила мимо Границкаго: дымчатый шарфъ слетѣлъ съ распаленныхъ плечь ея, Границкій

поднялъ его, дама наклонилась, ихъ руки встрѣтились, и свернутая бумажка осталась въ рукѣ молодаго человѣка. Границкій не измѣнился въ лицѣ, остался нѣсколько времени на томъ же мѣстѣ, тщательно поправилъ на рукѣ перчатку, и, потомъ, жалуясь на духоту и усталость, пошелъ тихими шагами въ отдаленную комнату, гдѣ нѣсколько игроковъ въ сладкомъ уединеніи сидѣли за карточнымъ столомъ. Къ счастію, одинъ изъ нихъ объявилъ Границкому, что его пари проиграно. Границкій отошелъ въ сторону, вынулъ портфейль, и, какъ-бы отыскивая въ немъ деньги, прочиталъ слѣдующія слова, наскоро написанныя знакомою рукою:

«Я не успѣла васъ предувѣдомить. Не танцуйте со мною больше одного раза. Мнѣ, кажется, что мужъ мой начинаетъ замѣчать.....»

Остальнаго нельзя было разобрать.

По праву нескромности, присвоенной разскащикамъ, мы объявимъ, кѣмъ была писана эта записка. Границкій зналъ ея сочинительницу еще дѣвушкой: она была первою его страстію; тогда еще они поклялись другъ другу въ вѣчной любви, хотя разные семейственные расчеты противились ихъ соединенію, — это было во Флоренціи. Вскорѣ они разстались. Границкій отправился въ Римъ; его Лидію мать увезла въ Петербургъ и, волею или неволею, выдала замужъ за графа Рифейскаго. Какъ бы то ни было, встрѣтившись снова, старые любовники вспомнили прежнюю свою клятву: вспыхнулъ огонь изъ-подъ пепла; они рѣшились возвратить потерянное время и, въ отмщеніе свѣту за его своеволіе, торжественно его обманывать.

Границкій привезъ къ графу цѣлый коробъ рекомендательныхъ писемъ, подарковъ, посылокъ, и про-

чая, и прочая; успѣлъ въ самомъ Петербургѣ оказать ему какую-то услугу, и наконецъ сдѣлался въ его домѣ почти домашнимъ человѣкомъ.

Покорный своей владычицѣ, онъ, возвратясь въ залу, сталъ осматривать, не попадутся ли ему знакомыя дамы, которыя бы помогли ему добить сегодняшній вечеръ. Въ эту минуту баронесса подошла къ нему, и спросила, не хочетъ ли онъ познакомиться съ танцовщицею. Границкій принялъ ея предложеніе съ величайшею радостію; она подвела его къ княжнѣ Мими.

Но баронесса ошиблась въ своемъ расчетѣ: княжна вспыхнула, отозвалась нездоровою, объявила, что она не намѣрена танцовать, и, когда смущенная баронесса удалилась, сказала сидѣвшей возлѣ нее старой дамѣ:

– Съ чего она взяла навязывать мнѣ своихъ друзей? Ей хочется мною прикрыть свои хитрости. Она думала, что трудно догадаться.....

Цѣлый міръ злости былъ въ этихъ немногихъ словахъ. Какъ хотѣлось княжнѣ, чтобы кто-нибудь подошелъ пригласить ее на танцы! Съ какою бы радостію она показала баронессѣ, что не хочетъ танцовать только съ ея Границкимъ! Но княжнѣ, къ несчастію, не удалось это: цѣлый балъ она, по обыкновенію, не сошла съ своего стула, и возвратилась домой съ планами жесточайшаго мщенія.

Не подумайте однако жъ, любезные читатели и читательницы, чтобы злоба княжны на баронессу была произведена лишь минутною досадою. Нѣтъ! Княжна Мими была дѣвушка очень благоразумная, и издавна пріучила себя безъ причины, не увлекаться сердечнымъ движеніемъ. Нѣтъ! давно, давно уже Элиза на-

несла тяжкую обиду княжнѣ Мими: въ послѣднемъ періодѣ ея странствованія по баламъ первый мужъ Элизы казался будто полуженихомъ княжны, то есть, не имѣлъ къ ней такого отвращенія, какъ другіе мужчины; княжна была увѣрена, что если бъ не Элиза, то она бы теперь имѣла наслажденіе быть замужемъ, или по-крайней-мѣрѣ вдовою, — что не менѣе производитъ удовольствія. И все понапрасну! Явилась баронесса, отбила обожателя, вышла за него замужъ, уморила его, вышла за другаго, — и все еще всѣмъ нравится, заставляетъ въ себя влюбляться, умѣетъ не сходить съ доски, а княжна Мими все въ дѣвкахъ да въ дѣвкахъ, — а время все бѣжитъ да бѣжитъ! Часто, за туалетомъ, княжна съ тайнымъ отчаяніемъ смотрѣла на свои перезрѣвшія прелести: она сравнивала свой высокій станъ, свои широкія плеча, свой мужественный видъ, съ маленькимъ измятымъ личикомъ баронессы. О, если бъ кто могъ подсмотрѣть, что тогда дѣлалось въ сердцѣ княжны! что мерещилось ея воображенію! какъ было оно изобрѣтательно въ ту минуту! какою бы прекрасною моделью она могла служить живописцу, который-бы хотѣлъ изобразить дикую островитянку, терзающую попавшагося на ея долю плѣнника! И все это надобно было сжимать подъ узкимъ корсетомъ, подъ условными фразами, подъ вѣжливою наружностію!.... Пламень цѣлаго ада выпускать тоненькою непримѣтною ниточкой!.... О, это ужасно, ужасно!

Въ эти минуты грусти, скорби, зависти, досады, — къ княжнѣ являлась утѣшительница.

То была горничная княжны. Сестра этой горничной нанималась у баронессы. Часто сестрицы сходились вмѣстѣ, и, побранивъ порядкомъ своихъ барынь, каждая свою, — принимались разсказывать другъ дру-

гу домашнія происшествія; потомъ, возвратившись домой, передавали своимъ госпожамъ всѣ собранныя ими извѣстія. Баронесса помирала со смѣху, слушая подробности туалета Мими, – какъ страдала она, затягивая свою широкую талію, – какъ бѣлила посинѣвшія отъ натуги свои шершавыя руки, – какъ дополняла разными способами нѣсколько скосившійся правый бокъ свой, – какъ на ночь привязывала къ багровымъ щекамъ своимъ ужасъ! – сырыя котлеты, выдергивала изъ бровей лишніе волосы, подкрашивала сѣдые, и прочая, и прочая.

Извѣстія, получаемыя княжною, были гораздо важнѣе, – и въ этомъ была виновата сама баронесса. Объ ней почти нечего было разсказывать, и Маша, – такъ называлась служанка княжны, – невольно должна была прибѣгать къ изобрѣтеніямъ. Справедливо старинное, опытомъ доказанное сказаніе, что человѣкъ всегда самъ подаетъ поводъ къ своимъ несчастіямъ!

Когда княжна возвратилась съ бала, – хотя въ это время она и всегда бывала не въ духѣ, но сегодня Маша замѣтила, что съ ея госпожею произошло что-то особенное: ей показалось, будто уже шевелятся башмаки, банки съ помадою, стклянки и прочія вещи, которыя въ такихъ обстоятельствахъ княжна имѣла обыкновеніе отправлять – отправлять – какъ бы сказать это повѣжливѣе? – отправлять параллельно полу и перпендикулярно къ той линіи, которая оканчивалась лицемъ горничной. Кажется, довольно не ясно?.... Бѣдная дѣвушка, чтобъ отвратить грозную тучу, не преминула прибѣгнуть къ единственной своей защитѣ:

– А я-съ сегодня была у сестрицы! сказала она. Ужъ что тамъ дѣлается, ваше сіятельство! —

Маша не обманулась. Въ одно мгновеніе лице княжны прояснилось; она вся обратилась во вниманіе, и уже давно начался городскій шумъ, а Маша еще толковала съ княжною о томъ, какъ баронъ часто выѣзжаетъ со двора, какъ въ это время *новопріѣзжій* сидитъ съ баронессою, какъ они уговариваются ѣхать вмѣстѣ въ театръ, быть вмѣстѣ на балѣ, и прочая, и прочая.

Долго не могла заснуть княжна, и, заснувши, безпрестанно просыпалась отъ различныхъ сновидѣній: то ей кажется, что она выходитъ замужъ, стоитъ уже передъ налоемъ, всѣ ее поздравляютъ, – вдругъ явится баронесса и утащитъ жениха ея; то княжна разсматриваетъ свое вѣнчальное платье, примѣриваетъ его, любуется,–явится баронесса и раздеретъ платье на мелкія части; то княжна ложится въ постелю, хочетъ обнять своего мужа, – а въ постелѣ баронесса лежитъ и хохочетъ; то княжна танцуетъ на балѣ, всѣ восхищаются ея красотою, говорятъ, что она танцуетъ съ женихомъ своимъ,–а баронесса подставитъ ногу, и княжна падаетъ на полъ. Но были и сны утѣшительные: то баронесса представляется ей въ видѣ ея горничной, – княжна бранитъ ее, бьетъ башмаками и обрѣзываетъ ей кругомъ волосы; то въ видѣ большаго чернаго пуделя, – княжна приказываетъ его выгнать и съ удовольствіемъ смотритъ въ окошко, какъ лакеи каменьями бросаютъ въ ея непріятельницу; то въ видѣ канвы, – княжна колетъ ее большею острою иголкой и прошиваетъ красными нитками.

И не вините ее въ томъ, но вините, плачьте, проклинайте развращенные нравы нашего общества. Что же дѣлать, если для дѣвушки въ обществѣ единственная цѣль жизни – выйти замужъ! если ей съ колыбели слышатся эти слова – «когда ты будешь заму-

жемъ!» Ее учатъ танцовать, рисовать, музыкѣ для того, чтобы она могла выйти замужъ; ее одѣваютъ, вывозятъ въ свѣтъ, ее заставляютъ молиться Господу Богу, чтобы только скорѣе выйти замужъ. Это предѣлъ и начало ея жизни. Это самая жизнь ея. Что же мудренаго, если для нее она любитъ, ненавидитъ, жертвуетъ всею святынею души своей! Что же мудренаго, если для нее всякая женщина дѣлается личнымъ врагомъ, а первымъ качествомъ въ мужчинѣ — *удобоженимость*. Плачьте и проклинайте,—но не бѣдную дѣвушку.

=

II.

КРУГЛЫЙ СТОЛЪ.

On cause, on rit, on est heureux.

ROMANS FRANÇAIS.

Подъ кровомъ тишины и спокойствія,
въ кругу своего семейства.....

РУССКІЕ РОМАНЫ.

На другой день, послѣ обѣда, княжна Мими, младшая сестра ея Марія молодая вдова, старая княгиня—мать обѣихъ, да еще человѣка два домашнихъ сидѣли, по обыкновенію, за круглымъ столомъ въ гостиной, и, въ ожиданіи партенеровъ для виста, прилежно занимались канвою.

Княгиня была очень старая и почтенная женщина; во всей ея долгой, долгой жизни нельзя было найти ни одного поступка, ни одного слова, ни одного чувства, которое бы не было строго сообразовано

съ принятыми приличіями; она говорила по-французски очень чисто и безъ ошибокъ; сохраняла въ полной мѣрѣ суровость и неприступность приличную женщинѣ хорошаго тона; не любила отвлеченныхъ разсужденій, но цѣлыя сутки могла поддерживать разговоръ о томъ, о сёмъ; никогда не брала на себя непріятной обязанности вступаться за человѣка не въ ладу съ общимъ мнѣніемъ; вы могли быть увѣрены, что въ ея домѣ не встрѣтитесь съ человѣкомъ, на котораго дурно смотрятъ, или котораго вы не встрѣчали въ обществѣ. Сверхъ того, княгиня была женщина ума необыкновеннаго: она была очень небогата, и не могла давать ни обѣдовъ, ни баловъ; но несмотря на то, умѣла такъ искусно нырять между интригами, такъ искусно оцѣплять людей посредствомъ своихъ племянниковъ, племянницъ, внуковъ и внучекъ, такъ искусно попросить объ одномъ, побранить другаго, что пріобрѣла всеобщее уваженіе и, какъ говорится, поставила себя на хорошую ногу.

Сверхъ того, она была женщина очень благотворительная: несмотря на недостаточное состояніе, ея гостиная была всякой день освѣщена, и чиновники иностранныхъ посольствъ могли быть увѣрены, что всегда найдутъ у ней каминъ или карточный столъ, за которымъ можно провести время между обѣдомъ и баломъ; въ ея домѣ часто разыгрывались лоттереи для бѣдныхъ; она всегда была завалена концертными билетами дочериихъ учителей; она покровительствовала кому бы-то ни было, когда кто ей былъ рекомендованъ порядочнымъ человѣкомъ. Словомъ, княгиня была добрая, благоразумная и благотворительная дама во всѣхъ отношеніяхъ.

Все это, какъ мы сказали, давало ей право на всеобщее уваженіе: княгиня знала себѣ цѣну и любила

пользоваться своимъ правомъ. Но только, съ нѣкотораго времени, княгинѣ все стало какъ-то скучно и досадно; вистъ и люди, люди и вистъ еще какъ-то оживляли ее, но до начала партіи она не могла, разумѣется, въ семейномъ кругу, скрывать своей невольной тоски, и внезапно наружу являлись какая-то жесткость сердца, какая-то маленькая ненависть ко всему окружающему, какое-то отсутствіе всякаго радушія, какое-то отвращеніе ко всякой услугѣ, даже какое-то отвращеніе къ жизни. Какъ не пожаловаться на судьбу? Зачто такая несправедливость? Зачѣмъ такъ худо награждена была эта почтенная жена? Ибо, увѣряю васъ, этотъ маленькой байронизмъ княгини происходилъ не отъ воспоминанія о какихъ-нибудь прежнихъ тайныхъ прегрѣшеніяхъ, не отъ раскаянія, – о, нѣтъ, не отъ раскаянія! Я уже сказалъ вамъ, что, въ продолженіе всей своей жизни, княгиня не позволяла себѣ никогда сдѣлать что-нибудь такое, чего бы не дѣлали другіе: она была невинна, какъ голубица; она смѣло могла смотрѣть на происшествія своей прежней жизни, чистыя какъ стекло, – ни единаго пятнышка. Словомъ, я никакъ не могу вамъ объяснить, отъ чего происходила тоска княгини. Пусть эту загадку рѣшатъ тѣ почтенныя дамы, которыя будутъ или не будутъ читать меня, и пусть растолкуютъ ее своимъ внучкамъ, – надеждѣ новаго поколѣнія.

Такъ княгиня, среди своего семейства, сидѣла за круглымъ столомъ. О, круглый семейный столъ! свидѣтель домашнихъ тайнъ! чего тебѣ не ввѣряли? чего ты не знаешь? Если бъ къ твоимъ четыремъ ногамъ прибавить голову, ты бы сравнялся даже съ нашими глубокомысленными описателями нравовъ, которые столь вѣрно попали на недостатки нынѣшняго общества, и которымъ я столь тщетно подражать стараюсь.

За круглымъ столомъ обыкновенно начинается маленькая откровенность; чувство досады, сжатое въ другое время, начинаетъ мало-по-малу развертываться; изъ-подъ канвы выскакиваетъ эгоизмъ въ полномъ, роскошномъ цвѣтѣ; тутъ приходятъ на мысль счеты управителя и разстройство имѣнія; тутъ откровенно обнаруживается непреодолимое желаніе выйти или выдать замужъ; тутъ вспоминаются какая-нибудь неудача, какая-нибудь минута уничиженія; тутъ жалуются и на самыхъ близкихъ пріятелей и на людей, которымъ, кажется, вы преданы всею душею; тутъ дочери ропщутъ, мать сердится, сестры упрекаютъ другъ друга; словомъ, тутъ дѣлаются явными всѣ тѣ маленькія тайны, которыя тщательно скрываются отъ взоровъ свѣта. Послышится звонокъ, и все исчезло! Эгоизмъ спрячется за дымчатое канзу, на лицѣ явится улыбка, и входящій въ комнату холостякъ съ умиленіемъ смотритъ на дружескій кружекъ милаго семейства.

– Я не знаю, говорила старая княгиня княжнѣ Мими, зачѣмъ вы ѣздите на балы, когда всякой разъ жалуетесь, что вамъ было скучно..... что вы не танцуете..... Выѣзды стоятъ денегъ, и все понапрасну! Только, что я остаюсь одна дома даже безъ партіи..... Вотъ какъ вчера! Право, пора этому всему кончиться: вѣдь тебѣ уже гораздо за тридцать, Мими, – выходи, Бога ради, замужъ поскорѣе; по-крайней-мѣрѣ я тогда буду спокойнѣе. Я право не въ состояніи одѣвать тебя.....

– Я думаю, сказала молодая вдова, что ты, Мими, сама виновата во многомъ. Зачѣмъ это безпрестанная презрительная мина на лицѣ твоемъ? Когда къ тебѣ подойдетъ кто-нибудь, то по лицу твоему можно подумать, что тебя лично обидѣли. Ты право страшна на балѣ..... ты отталкиваешь всякаго отъ себя.

Княжна Мими. Неужли жъ мнѣ вѣшаться на шею всякому встрѣчному, какъ твоя баронесса? Жеманиться, показывать всякому мальчику мою благодарность за то, что онъ мнѣ сдѣлаетъ честь провести меня въ контрадансъ?

Марія. Не говори мнѣ о баронессѣ! Твой вчерашній съ нею поступокъ на балѣ таковъ, что я не знаю, какъ назвать его. Это была безпримѣрная неучтивость. Баронесса хотѣла тебѣ сдѣлать удовольствіе, подвела къ тебѣ кавалера.....

Мими. Подвела ко мнѣ для того, чтобы мною прикрыть свои любовныя хитрости. Вотъ прекрасное одолженіе!

Марія. Ты любишь все толковать въ дурную сторону. Гдѣ ты замѣтила эти любовныя хитрости?

Мими. Одна ты ничего не видишь и не слышишь! Ты, разумѣется, какъ женщина замужняя, можешь презирать свѣтское мнѣніе, – но я..... я слишкомъ дорожу собою. Я не хочу, чтобы обо мнѣ стали то же говорить, что о твоей баронессѣ.

Марія. Не знаю! Но что до-сихъ-поръ ни говорили о баронессѣ, все вышло неправда.....

Мими. Конечно, всѣ ошибаются! одна ты права!... Я не могу надивиться, какъ ты можешь за нее вступаться. Ея репутація сдѣлана.

Марія. О, я знаю! Баронесса имѣетъ много враговъ, – и на это есть причины: она прекрасна собою; мужъ ея уродъ; ея любезность привлекаетъ къ ней толпу мужчинъ.

Мими вспыхнула, а старая княгиня прервала Марію:

– Ужъ правду сказать, я совсѣмъ не рада вашему знакомству съ баронессою; она совсѣмъ не умѣетъ вести себя. Что это за безпрестанныя кавалькады, пикники? Нѣтъ бала, на которомъ бы она не вертѣлась; нѣтъ мужчины, съ которымъ бы она не была какъ съ братомъ. Я не знаю, какъ все это называется у васъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, но въ наше время такое поведеніе называлось неблагопристойнымъ.

– Да дѣло идетъ не о баронессѣ! возразила Марія, хотѣвшая отклонить разговоръ о своей пріятельницѣ. Я говорю о тебѣ, Мими: ты меня истинно приводишь въ отчаяніе. Ты говоришь объ общемъ мнѣніи! Не думаешь ли ты, что оно въ твою пользу? О, ты весьма ошибаешься! Ты думаешь, пріятно мнѣ видѣть, что твоего языка боятся какъ огня, перестаютъ говорить, когда ты подойдешь къ какому-нибудь кружку? Мнѣ, мнѣ, сестрѣ твоей, говорятъ въ глаза о твоихъ сплетняхъ, о твоей злости; ты мужу намекаешь о тайнахъ его жены; женѣ разсказываешь о мужѣ; молодые люди просто ненавидятъ тебя. Нѣтъ ихъ шалости, которой бы ты не знала, о которой бы ты не судила и не рядила. Увѣряю тебя, что съ твоимъ характеромъ ты ввѣкъ не выйдешь замужъ.

– О, я объ этомъ очень мало забочусь! отвѣчала Мими. Лучше цѣлый вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ, чѣмъ выйти замужъ за какого-нибудь больнаго колѣку и до смерти затаскать его на балахъ.

Марія вспыхнула въ свою очередь и готовилась отвѣчать, но ударилъ звонокъ, дверь отворилась, и вошелъ графъ Сквирскій, старинный пріятель, или, что все равно, старинный партенеръ княгини. То былъ одинъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которымъ нельзя

не завидовать. Цѣлый вѣкъ и цѣлый день онъ былъ занятъ: поутру надобно поздравить того-то съ именинами, купить узоръ для княжны Зизи, сыскать собаку для княжны Биби, завернуть въ министерство за новостями, поспѣть на крестины или на похороны, потомъ на обѣдъ, и прочая, и прочая. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ графъ Сквирскій все собирался сдѣлать что-нибудь дѣльное, но отлагалъ день за днемъ, и, за ежедневными хлопотами, не успѣлъ даже жениться. Ему вчера и тридцать лѣтъ назадъ было одно и то же: перемѣнялись моды и мебели, но гостиныя и карты все были тѣ же, — сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня, — онъ уже третьему поколѣнію показывалъ свою неизмѣнную, спокойную улыбку.

— Сердце радуется, говорилъ Сквирскій княгинѣ, когда войдешь къ вамъ въ комнату, и посмотришь на вашъ милый семейный кружокъ. Нынче уже мало такихъ согласныхъ семействъ! Всѣ вы вмѣстѣ, всегда такъ веселы, такъ довольны, — и вздохнешь невольно, какъ вспомнишь о своемъ холостомъ углѣ. Честью могу васъ увѣрить, — пусть другіе говорятъ что хотятъ, — но что до меня касается, я, такъ думаю, холостая жизнь....

Философическія разсужденія Сквирскаго были перерваны поданною ему карточкою.

Между-тѣмъ скоро гостиная княгини наполнилась: тутъ были и супруги, для которыхъ собственный домъ есть родъ Калмыцкой кибитки, годной лишь для ночлега; и тѣ любезные молодые люди, которые пріѣзжаютъ къ вамъ въ домъ за тѣмъ, чтобъ было что сказать въ другомъ; и тѣ, которыхъ судьба, наперекоръ Природѣ, втянула въ маховое колесо гостиныхъ; и тѣ, для которыхъ самый простой визитъ есть слѣд-

ствіе глубокихъ расчетовъ и пособіе для годовой интриги. Тутъ были и тѣ лица, которымъ самъ Грибоѣдовъ не могъ пріискать другаго характеристическаго имени, какъ Г-нъ N. и Г-нъ D.

– Вы долго вчера оставались на балѣ? спросила княжна Мими у одного молодаго человѣка.

– Мы еще танцовали послѣ ужина.

– Скажите жъ, чѣмъ кончилась комедія ?

– Княжнѣ Биби наконецъ удалось прикрѣпить свою гребенку....

– Охъ! не то....

– А, понимаю!... Длинная фигура въ черномъ фракѣ наконецъ рѣшилась разговориться: онъ задѣлъ шляпою графиню Рифейскую, и сказалъ: «Извините!»

– О! все не то.... Вы стало быть ничего не замѣтили?

– А, вы говорите про баронессу?...

– О, нѣтъ! Я и не думала объ ней... Да почему вы объ ней заговорили? Развѣ о чемъ нибудь говорятъ?

– Нѣтъ! Я ничего не слыхалъ. Мнѣ хотѣлось только отгадать, что вы хотѣли сказать своимъ вопросомъ.

– Я ничего не хотѣла сказать.

– Но о какой же комедіи?

– Я такъ говорила вообще о вчерашнемъ балѣ.

– Нѣтъ, воля ваша, тутъ что-нибудь да есть! Вы сказали такимъ тономъ....

– Вотъ свѣтъ! Вы ужъ выводите заключенія! Я васъ увѣряю, что я ни о комъ особенно не думала. Кстати о баронессѣ: она еще много послѣ меня танцовала?

– Не сходила съ доски.

– Она совсѣмъ не бережетъ себя. Съ ея здоровьемъ...

– О! княжна, вы совсѣмъ не объ ея здоровьѣ говорите. Теперь все понимаю. Этотъ гвардейскій полковникъ?.... Не такъ-ли? –

– Нѣтъ! Я его не замѣтила.

– Такъ позвольте жъ? Надобно вспомнить всѣхъ, съ кѣмъ она танцовала....

– Ахъ, Бога ради, перестаньте! Я вамъ говорю, что я объ ней и не думала. Я такъ боюсь этихъ всѣхъ пересудовъ, сплетней.... Въ свѣтѣ люди такъ злы...

– Позвольте, позвольте! Князь Петръ,..... Бобо,..... Лейденминцъ, Границкій?...

– Кто это? Это новое лице, высокій съ черными бакенбардами?...

– Такъ точно.

– Онъ, кажется, пріятель баронессина Дѣверя?

– Такъ точно.

– Такъ его зовутъ Границкимъ?

– Скажите, пожалуйте, сказала одна, сидѣвшая за картами дама, вслушавшись въ слова Мими: что такое этотъ Границкій?

– Его баронесса всюду развозитъ, отвѣчала сосѣдка княжны на балѣ.

– И сегодня, замѣтила третья дама, она показывала его въ своей ложѣ.

– Это только баронессѣ можетъ прійти въ голову, сказала сосѣдка княжны. Богъ знаетъ, что онъ такое! Какой-то выходецъ съ того свѣта....

«То ужь правда, что онъ Богъ-знаетъ, что такое! Онъ какой-то этакой якобинецъ не якобинецъ, un frondeur, не умѣетъ жить. И какія глупости онъ говоритъ! Намедни я стала уговаривать графа Бориса взять билетъ къ нашему Целини, а этотъ, – какъ его, – Границкій, что ли, – принялся возлѣ меня разсказывать о какой-то Страховой Конторѣ, которую здѣсь заводятъ противъ концертныхъ билетовъ....

– Онъ нехорошій человѣкъ, замѣтили многіе.

– Не слышитъ этого баронесса! сказала Мими.

– Ну, теперь понимаю! прервалъ ее молодой человѣкъ.

– О, нѣтъ! Ей Богу, я только хотѣла сказать, какъ бы ей этотъ разговоръ былъ непріятенъ; онъ другъ ихъ дома.... И для всякаго....

– Позвольте мнѣ еще разъ перервать ваши слова, потому что я разскажу именно то, что вамъ хотѣлось знать. Баронесса послѣ ужина не переставала танцовать съ Границкимъ. О, теперь я все понимаю! Онъ не отходилъ отъ нее: то она на стулѣ оставитъ шарфъ, онъ принесетъ его; то ей жарко, онъ носится съ стаканомъ....

– Какъ вы злы! Я ни объ чемъ объ этомъ васъ не спрашивала. Что тутъ мудренаго, что онъ за ней ухаживаетъ! Онъ ей почти родной, живетъ у нихъ въ домѣ....

– А! живетъ у нихъ въ домѣ? Какая самоувѣренность въ этомъ баронѣ!... Не правда ли?

– О, Бога ради, перестаньте! Вы заставляете меня говорить то, чего у меня въ головѣ нѣтъ: съ вами тотчасъ попадешь въ кумушки, – а я, я такъ всего этого боюсь!.... избави меня Богъ, за кѣмъ нибудь замѣчать!.... А особливо баронесса, которую я такъ люблю....

– Да! Она достойна любви и... сожалѣнія.

– Сожалѣнія?

– Безъ-сомнѣнья! Согласитесь, что баронъ и баронесса *вмѣстѣ* составляютъ что-то странное.

– Да! это правда!... Мужъ баронессы совсѣмъ не занимается ею: она, бѣдная, дома, всегда одна...

– Не одна! возразилъ молодой человѣкъ, улыбаясь своему остроумію.

– О, вы все толкуете по-своему! Баронесса очень нравственная женщина....

– О, будемте справедливы! замѣтила сосѣдка княжны. Не надобно никого осуждать; но я не знаю, какія правила у баронессы. Не знаю, какъ-то зашла рѣчь объ Антони, объ этой ужасной, безнравственной пьесѣ: я не могла досидѣть до конца, а она вздумала вступаться за эту піесу и увѣрять, что только такая піеса можетъ остановить женщину на краю погибели....

– О! признаюсь вамъ, замѣтила княгиня, все что говорится, дѣлается и пишется въ нынѣшнемъ вѣкѣ... Я ровно ничего не понимаю!

– Да! отвѣчалъ Сквирскій. Я скажу, что до меня касается, я, такъ думаю, нравственность необходима; но и просвѣщеніе также....

– Ну ужь и вы, графъ, туда же! возразила княгиня. Нынче всѣ твердятъ – просвѣщеніе, просвѣщеніе! – куда не оглянись, всюду просвѣщеніе, – и купцовъ просвѣщаютъ, и крестьянъ просвѣщаютъ, – встарину не было этого, а все шло лучше нынѣшняго. Я сужу по-старинному: говорятъ – просвѣщеніе, а поглядишь – развращеніе!

– Нѣтъ, позвольте, княгиня! отвѣчалъ Сквирскій. Я съ вами не согласенъ. Просвѣщеніе необходимо, и

это я докажу вамъ какъ дважды два четыре. Вѣдь что такое просвѣщеніе? Вотъ напримѣръ мой племянникъ: онъ вышелъ изъ университета, знаетъ всѣ науки: и Математику, и по Латынѣ – имѣетъ аттестатъ, и вотъ ему всюду открыта дорога, – и въ Коллежскіе Ассессоры, – и въ Дѣйствительные. Вѣдь, позвольте сказать: просвѣщеніе просвѣщенію рознь. Вотъ напримѣръ свѣча: она свѣтитъ, намъ бы нельзя было безъ нее въ вистъ играть; но я взялъ свѣчу и поднесъ къ занавѣскѣ, – занавѣска загорится...

– Позвольте записать! сказалъ одинъ изъ играющихъ.

– То, что я говорю? спросилъ Сквирскій, улыбаясь.

– Нѣтъ, робертъ!

– Вы дѣлали ренонсъ, графъ! Какъ это можно? сказалъ съ досадою партнеръ Сквирскаго.

– Какъ? я? ренонсъ? Ахъ Боже мой!... Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ вамъ и просвѣщеніе!... Ренонсъ! Ахъ, Боже мой, ренонсъ! Да, точно ренонсъ!

Тутъ уже ничего нельзя было разслушать: всѣ заговорили о несчастіи Сквирскаго, и всѣ разсужденія, всѣ интересы, всѣ чувства, сосредоточились въ этомъ предметѣ. Пользуясь общимъ движеніемъ, двое изъ гостей непримѣтно вышли изъ комнаты: одинъ изъ нихъ, казалось, только что пріѣхалъ опредѣлиться, другой возилъ его знакомить по гостинымъ. На лицѣ одного видны были досада и насмѣшка; другой спокойно и внимательно всматривался въ ступеньки лѣстницы, по которой они сходили.

– Мнѣ на роду написано встрѣчаться съ этимъ бездѣльникомъ! сказалъ первый. Этотъ Сквирской, старый знакомецъ, – я его зналъ въ Казани, – чего онъ тамъ не чудесилъ! А здѣсь еще онъ ораторствуетъ!

И о чемъ же? О нравственности. И что всего замѣчательнѣе, онъ убѣжденъ въ томъ, что говоритъ: напомни ему, что онъ вконецъ раззорилъ своихъ племянниковъ, бывшихъ у него подъ опекою, онъ будетъ въ состояніи спросить: какое это имѣетъ отношеніе къ нравственности? Скажи пожалуй, какъ вамъ возможно такого безнравственнаго человѣка принимать въ общество?

Товарищъ пожалъ плечами.

– Что жъ мнѣ дѣлать съ тобою, мой любезный! отвѣчалъ онъ, садясь въ карету, если ты не знаешь нашего языка; учись, учись, мой милый: это необходимо, – мы здѣсь перемѣшали значеніе всѣхъ словъ, и до такой степени, что если ты назовешь безнравственнымъ человѣка, который обыгрываетъ въ карты, клевещетъ на ближняго, владѣетъ чужимъ имѣніемъ, тебя не поймутъ, и твое прилагательное покажется страннымъ; но если ты дашь волю уму и сердцу, протянешь руку къ какой-нибудь жертвѣ свѣтскихъ предразсудковъ, или попробуешь только запереть твою дверь отъ встрѣчнаго и поперечнаго, тебя тотчасъ назовутъ безнравственнымъ человѣкомъ, и это слово будетъ для всѣхъ понятно.

Послѣ нѣкотораго молчанія первый продолжалъ: – Знаете ли, что мнѣ гораздо сноснѣе ваши блестящіе, большіе рауты! Тутъ по-крайней-мѣрѣ говорятъ мало, у всѣхъ чинный видъ, – точно люди: но избави Богъ отъ ихъ семейственныхъ кружковъ! Минуты ихъ домашней откровенности ужасны, отвратительны, – отвратительны даже до любопытства. Княгиня – судья Литературы! Графъ Сквирскій – защитникъ просвѣщенія! Право, послѣ этого, захочется быть невѣждою.

– Однако жъ въ словахъ княгини было нѣчто справедливое! Согласись самъ, – что такое въ нынѣшней

Литературѣ? Безпрестанныя описанія пытокъ, злодѣяній, разврата; безпрестанныя преступленія и преступленія.....

– Извини! отвѣчалъ его товарищъ: но такъ говорятъ тѣ, которые ничего не читали кромѣ произведеній нынѣшней Литературы. Ты, конечно, увѣренъ, что она портитъ общественную нравственность, не правда ли? Было бы что портить, мой любезный! Съ середины XVIII вѣка все такъ исправно испортилось, что уже нашему вѣку ничего портить не осталось. И одну ли нынѣшнюю Литературу можно попрекнуть этимъ грѣхомъ? На одно дѣйствительно безнравственное нынѣшнее произведеніе, я тебѣ укажу десять XVIII, XVII и даже XVI вѣка. Теперь нагота больше въ словахъ, тогда она была на самомъ дѣлѣ, въ самомъ вымыслѣ. Прочти хоть Брантома, прочти даже «Поѣздку на островъ любви», Тредьяковскаго: я не знаю на Русскомъ языкѣ безнравственнѣе этой книги; это ручная книга для самой безстыдной кокетки. Нынче не напишутъ такой книги въ пользу чувственныхъ наслажденій; нынче авторъ, вопреки древнему правилу–Si vis me flere, кощунствуетъ, смѣется для того, чтобы заставить плакать читателя. Вся нынѣшняя литературная нагота есть послѣдній отблескъ прошедшей дѣйствительной жизни, невольная исповѣдь въ старыхъ прегрѣшеніяхъ человѣчества, хвостъ старинной беззаконной кометы, по которому, – знаешь ли что? – по которому можно судить, что сама комета удаляется съ горизонта, ибо кто пишетъ, тотъ уже не чувствуетъ. Наконецъ нынѣшняя Литература, по моему мнѣнію, есть казнь, ниспосланная на ледяное общество нашего вѣка: нѣтъ ему, лицемѣру, и тихихъ наслажденій поэзіи! оно недостойно ихъ!..... И, можетъ быть, это казнь благотворная: неисповѣдимы опредѣленія ума человѣческаго! Мо-

жетъ-быть, нужно нашему вѣку это сильное средство; можетъ-быть оно, безпрерывно потрясая его нервы, пробудитъ его заспувшую совѣсть, какъ тѣлесное страданіе пробуждаетъ утопленника. Съ тѣхъ поръ какъ я въ вашемъ свѣтѣ, я понимаю нынѣшнюю Литературу. Скажи мнѣ, чѣмъ другимъ, какою поэзіею она заинтересуетъ такое существо, какова княжна Мими? какою искусною катастрофою ты тронешь ея сердце? какое чувство можетъ быть понятно ей кромѣ отвращенія, – да, отвращенія! Это, можетъ-быть, единственный путь къ ея сердцу. О, эта женщина навела на меня ужасъ! Смотря на нее, я рядилъ ее въ разныя платья, то есть, логически развивалъ ея мысли и чувства, представлялъ себѣ, чѣмъ бы могла быть такая душа въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, и прямехонько, дошелъ.... до костровъ Инквизиціи! Не смѣйся надо мною: Лафатеръ говаривалъ – дайте мнѣ одну линію на лицѣ, и я вамъ разскажу всего человѣка. Найди мнѣ только степень, до которой человѣкъ любитъ сплетни, любитъ вывѣдывать и разсказывать домашнія тайны и все подъ личиною добродѣтели, и я тебѣ съ математическою точностію опредѣлю, до какой степени простирается въ немъ безнравственность, пустота души, отсутствіе всякой мысли, всякаго религіознаго, всякаго благороднаго чувства. Въ моихъ словахъ нѣтъ преувеличенія: я сошлюсь хотя на Отцевъ Церкви. Они глубоко знали сердце человѣческое. Послушай, съ какимъ горькимъ сожалѣніемъ они вспоминаютъ о такихъ людяхъ: «Горе имъ будетъ въ день судный,» говорятъ они: «лучше бы имъ не знать святыни, нежели посреди ея поставить престолъ діаволу.»

– Помилуй, братецъ! Да что съ тобою? Это ужъ, кажется, проповѣдь.

– Ахъ, извини! Все, что я видѣлъ и слышалъ, такъ гадко, что надобно же мнѣ было отвести душу. Впро-

чемъ скажи, – развѣ ты не слыхалъ разговора княжны Мими съ этимъ прокатнымъ танцовщикомъ?

– Нѣтъ. Я не обратилъ вниманія.

– Ты? литераторъ?... Да въ этомъ миломъ свѣтскомъ разговорѣ зародышь тысячи преступленій, тысячи бѣдствій!

– Э, братецъ! Мнѣ въ это время разсказывали исторію по-интереснѣе, – какъ сдѣлалъ карьеру одинъ изъ моихъ сослуживцевъ.....

Карета остановилась.

=

III.

СЛѢДСТВІЕ ДОМАШНИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Я говорю, ты говоришь, онъ говоритъ, мы говоримъ, вы говорите, они или онѣ говорятъ.

Труды.....?!

Къ счастію, немногіе раздѣляли грозное мнѣніе незнакомаго оратора о нынѣшнемъ обществѣ, и потому всѣ его маленькія дѣла шли своимъ чередомъ безъ всякаго помѣшательства. А между-тѣмъ, незамѣтно ни для кого, двигался этотъ родъ предразсудка, который называютъ временемъ.

Графиня Рифейская, издавна дружная съ баронессою, старалась еще болѣе съ нею сблизиться съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Границкій: ихъ видали вмѣстѣ, и на прогулкѣ, и въ театрѣ; баронесса не знала ничего о старинномъ знакомствѣ Границкаго съ графинею; правда, она замѣчала, что они были не равнодушны другъ къ другу, но почитала это обыкновен-

нымъ минутнымъ волокитствомъ, которое иногда предпринимаютъ люди отъ нечего-дѣлать, въ свободное отъ другихъ занятій время. Сказать ли? Баронесса незамѣтно для нее самой даже радовалась своему открытію: оно ей показалось вѣрною защитою противъ нападеній своей непріятельницы.

Но Границкій и графиня вели свои дѣла съ особеннымъ искусствомъ, пріобрѣтаемымъ долгою опытностію: въ обществѣ они умѣли быть совершенно равнодушными; говоря съ другими о предметахъ совершенно постороннихъ, они умѣли или назначить другъ другу мѣсто свиданія или передать какія-либо мѣры предосторожности; они даже умѣли кстати смѣяться другъ надъ другомъ. Пламенные ихъ взоры встрѣчались лишь въ зеркалѣ; но ни одна минута не была ими потеряна: они ловили тотъ мигъ, когда глаза другихъ были отвлечены какимъ-нибудь предметомъ. При мгновенномъ выходѣ изъ комнаты, изъ театра, словомъ, при какомъ бы то ни было удобномъ случаѣ, ихъ руки сливались вмѣстѣ и, за долгое принужденіе часто награждалъ поцѣлуй любви, распаленный насмѣшкою надъ общимъ мнѣніемъ.

Между-тѣмъ сѣмена, брошенныя искусною рукою княжны Мими, росли и множились, какъ тѣ чудныя деревья дѣвственнаго Бразильскаго лѣса, которыя раскинутъ свои вѣтви, и каждая вѣтвь опустится къ землѣ, и станетъ новымъ деревомъ, и снова вонъется въ землю вѣтвями, и еще, еще..... И горе неосторожному путнику, попавшемуся въ эти безчисленныя сплетенія! Молодой болтунъ разсказалъ разговоръ съ княжною Мими другому; этотъ своей маменькѣ; маменька своей пріятельницѣ, и такъ далѣе. Такую же галерею устроила вокругъ себя и Мими; такую же и княгиня; такую же и старая сосѣдка княжны на балѣ. Всѣ эти галереи росли, ро-

сли: наконецъ встрѣтились, переплелись, укрѣпили другъ друга, и частая сѣть охватила баронессу съ Границкимъ, какъ Марса съ Венерою. По этому случаю, всѣ языки, которые только могли шевелиться въ городѣ, зашевелились, — одни по желанію убѣдить слушателей, что они непричастны подобнымъ грѣхамъ, — другіе по ненависти къ баронессѣ, — третьи, чтобъ посмѣяться надъ ея мужемъ, — иные просто по желанію показать, что имъ также извѣстны гостиныя тайны.

Границкій, занятый своими стратегическими движеніями съ графинею, баронесса, успокоенная своимъ открытіемъ, не знали бури, которая была готова надъ ними разразиться: они не знали, что каждое ихъ слово, каждое ихъ движеніе были замѣчены, обсужены, растолкованы; они не знали, что безпрестанно находились передъ глазами судилища, составленнаго изъ чепчиковъ всѣхъ возможныхъ фасоновъ. Когда баронесса за-просто, дружески, обращалась съ Границкимъ, тогда судилище рѣшало, что она играетъ роль невинности. Когда она, по какому-нибудь стеченію обстоятельствъ, въ продолженіе цѣлаго вечера ни слова не говорила съ Границкимъ, тогда судилище находило, что это сдѣлано для того, чтобъ отвлечь общее вниманіе. Когда Границкій говорилъ съ барономъ, это значило, что онъ желаетъ усыпить подозрѣніе бѣднаго мужа. Когда молчалъ, это значило, что любовникъ не въ силахъ преодолѣть своей ревности. Словомъ, что бы ни дѣлали баронесса и Границкій, — садился онъ или не садился подлѣ нее за столомъ, — танцовалъ или не танцовалъ съ нею, — встрѣчался или не встрѣчался на прогулкѣ, — была ли баронесса при людяхъ любезна или не любезна съ своимъ мужемъ, — выѣзжала съ нимъ или не выѣзжала, — все для досужаго судилища служило подтвержденіемъ его заключеній.

А бѣдный баронъ! Если бы онъ зналъ, какое нѣжное участіе принимали въ немъ дамы, если бы онъ зналъ всѣ добродѣтели, открытыя ими въ его особѣ! Его всегдашняя сонливость была названа внутреннимъ страданіемъ страстнаго мужа; его глупая улыбка знакомъ непритворнаго добродушія; въ его заспанныхъ глазахъ онѣ нашли глубокомысліе; въ его страсти къ висту — желаніе не видать женщиной невѣрности или сохранить наружное приличіе.

Однажды, въ домѣ общей знакомой, баронесса Дауерталь встрѣтилась съ княжною Мими. Онѣ, разумѣется, очень обрадовались, дружески пожали другъ другу руки, сдѣлали другъ другу безчисленное множество вопросовъ, и съ обѣихъ сторонъ оставили ихъ почти безъ отвѣта: словомъ, ни тѣни вражды, ни тѣни воспоминанія о приключеніи на балѣ, — какъ-будто-бы цѣлый вѣкъ онѣ не переставали быть истинными пріятельницами. Въ гостиной, кромѣ нихъ, было мало гостей, — только старая княжна, молодая вдова — сестра Мими, старая и всегдашняя ея сосѣдка на балахъ, Границкій и еще человѣка два, три.

Границкій цѣлый день протаскался по разнымъ гостинымъ, чтобъ увидѣться съ своею графинею, и, нигдѣ не нашедши ея, былъ скученъ и разсѣянъ. Баронессѣ было очень непріятно встрѣтиться съ княжною Мими, а старой княгинѣ съ баронессою. Одна Мими была очень рада удобному случаю дѣлать наблюденія надъ баронессою и Границкимъ въ маленькомъ обществѣ. Отъ всего этого произошла въ гостиной несносная принужденность: разговоръ безпрестанно переходилъ отъ предмета къ предмету, и безпрестанно перерывался. Хозяйка поднимала изъ-подъ спуда старыя новости, потому что о новыхъ все возможное было сказано, и всѣ смотрѣли на нее видимо не слушая. Мими торжествовала: говоря съ другими,

она не пропускала ни одного слова ни баронессы, ни Границкаго, и въ каждомъ словѣ находила ключи для гіероглифическаго языка, обыкновенно употребляемаго въ такихъ случаяхъ. Примѣтную разсѣянность Границкаго она переводила то маленькою ссорою между любовниками, то возбужденнымъ подозрѣніемъ мужа. А баронесса! Ни одно ея движеніе не ускользало отъ внимательнаго наблюденія Мими, и каждое ей разсказывало цѣлую исторію со всѣми подробностями. Между-тѣмъ бѣдная баронесса, какъ-будто виноватая, отворачивалась отъ Границкаго: то почти не отвѣчала на его слова, то вдругъ обращалась къ нему съ вопросами; не могла удерживаться, чтобы иногда не взглядывать на княжну Мими, и часто, когда ихъ глаза искоса встрѣчались, баронесса приходила въ невольное смущеніе, которое еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что она сердилась на себя за свое смущеніе.

Спустя нѣсколько времени, Границкій посмотрѣлъ на часы, сказалъ, что онъ ѣдетъ въ оперу, и исчезъ.

— Вѣдь мы разстроили это свиданіе, тихо сказала Мими своей неразлучной сосѣдкѣ. Впрочемъ они наведутъ!

Едва вышелъ Границкій, какъ слуга доложилъ баронессѣ, что пріѣхала ея карета, которой она давно уже дожидалась.

Въ ту минуту какая-то неясная мысль пробѣжала въ головѣ княжны Мими: она сама не могла дать себѣ отчета, — это было темное, безпредметное вдохновеніе злости, — это было чувство человѣка, который ставитъ сто противъ одного, въ вѣрной надеждѣ не выиграть.

— У меня ужасный мигрень! сказала она. Позвольте, баронесса, вашей каретѣ перевезти меня домой черезъ улицу: мы свою отпустили.

Они взглянулись и поняли другъ друга. Баронесса, по инстинкту догадалась, что происходило въ душѣ княжны Мими. Она также не составляла себѣ ни какого опредѣленнаго понятія о намѣреніи послѣдней; но, — сама не зная чего испугалась, — она, разумѣется, безъ труда согласилась на предложеніе Мими; но вспыхнула, и такъ вспыхнула, что всѣ это замѣтили. Все это произошло во сто разъ быстрѣе нежели во сколько мы могли разсказать сцену.

На дворѣ была сильная мятель; вѣтеръ задувалъ фонари, и, въ двухъ шагахъ, нельзя было различить человѣка. Закутанная съ ногъ до головы въ салопъ, Мими, съ трепетомъ въ сердцѣ, всходила, поддерживаемая двумя лакеями, по ступенькамъ кареты. Она едва сдѣлала два шага, какъ вдругъ въ каретѣ большая мужская рука схватила ея руку, помогая ей войти. Мими бросилась назадъ, вскрикнула, — и едва ли это былъ не крикъ радости! Опрометью побѣжала она назадъ по лѣстницѣ, и, внѣ себя, задыхаясь отъ различныхъ чувствъ, загорѣвшихся въ душѣ, бросилась къ сестрѣ, Маріи, которую крикъ ея, раздавшійся по всему дому, заставилъ выбѣжать изъ гостиной вмѣстѣ съ другими дамами.

— Ну, говорите еще! шептала она сестрѣ своей, но такъ, чтобъ всѣ могли слышать: защищайте вашу баронессу! У ней... въ каретѣ...ея Границкій. Посовѣтуйте ей по крайней мѣрѣ осторожнѣе устроивать свои свиданія и не подвергать меня такому стыду....

На шумъ пришла баронесса. Мими замолчала, и, какъ-бы безъ чувствъ, бросилась въ кресла. Пока баронесса тщетно спрашивала у княжны, что съ нею случилось, —

Дверь отворилась, и —

Но позвольте, милостивые государи! Я думаю, что теперь самая приличная минута, заставить васъ прочесть —

ПРЕДИСЛОВІЕ.

=

C'est avoir l'esprit de son âge!

Съ нѣкотораго времени вошелъ въ употребленіе и успѣлъ уже обвѣтшать обычай писать предисловіе посрединѣ книги. Я нахожу его прекраснымъ, то есть, очень выгоднымъ для автора. Бывало, сочинитель становился на колѣни, просилъ, умолялъ читателя обратить на него вниманіе; а читатель гордо перевертывалъ нѣсколько страницъ, и хладнокровно оставлялъ сочинителя въ его унизительномъ положеніи. Въ нашу эпоху справедливости и расчета сочинитель въ предисловіи становитъ читателя на колѣни или выбираетъ ту минуту, когда самъ читатель становится на колѣни и вымаливаетъ развязки· тогда сочинитель важно надѣваетъ докторскій колпакъ, и доказываетъ читателю, почему онъ долженъ стоять на колѣняхъ, — все это съ невиннымъ намѣреніемъ заставить читателя прочесть предисловіе. Воля ваша, а это прекрасное средство, ибо, кто не читалъ предисловія, тотъ знаетъ только половину книги. И такъ, милостивые государи, становитесь на колѣни, читайте, и читайте съ глубочайшимъ вниманіемъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ, потому что я буду говорить вамъ то, что уже давно вамъ всѣмъ извѣстно.

Знаете ли вы, милостивые государи, читатели, что писать книги дѣло очень трудное?

Что, изъ книгъ, труднѣйшія для сочинителя, это Романы и Повѣсти.

Что изъ Романовъ труднѣйшіе тѣ, которые должно писать на Русскомъ языкѣ.

Что изъ Романовъ на Русскомъ языкѣ труднѣйшіе тѣ, въ которыхъ описываются нравы нынѣшняго общества.

Пропуская тысячи причинъ этихъ затрудненій, я упомяну о тысячѣ первой.

Эта причина, — извините! — pardon — verzeihen sie mir! — scusate! — forgive me! — эта причина: наши дамы не говорятъ по-Русски!!

Послушайте, милостивыя государыни: я не студентъ, не школьникъ, не издатель ни А, ни В; я не принадлежу ни къ какой литературной школѣ, и даже не вѣрю въ существованіе Русской Словесности; я самъ говорю по-Русски рѣдко; по-Французски изъясняюсь почти безъ ошибокъ; картавлю самымъ чистымъ Парижскимъ нарѣчіемъ: словомъ, я человѣкъ порядочный, — я увѣряю васъ, что стыдно, совѣстно и безсовѣстно не говорить по-Русски! Знаю я, что Французскій языкъ уже начинаетъ выходить изъ употребленія: но какой нечистый духъ шепнулъ вамъ замѣнить его не Русскимъ, а проклятымъ Англійскимъ, для котораго надобно ломать языкъ, стискивать зубы и выставлять нижнюю челюсть впередъ? А съ этою необходимостію, прощай хорошенькій ротикъ съ розовыми, свѣжими, Славянскими губками! Лучше бы его не было.

Вы знаете не хуже моего, что въ обществѣ дѣйствуютъ сильныя страсти, — страсти, отъ которыхъ люди блѣднѣютъ, краснѣютъ, желтѣютъ, занемогаютъ и даже умираютъ; но въ высшихъ слояхъ общественной атмосферы эти страсти выражаются одною фразою, однимъ словомъ, словомъ условнымъ, котораго, какъ азбуку, нельзя ни перевесть, ни выдумать. Романистъ, въ которомъ столько совѣсти, что онъ не можетъ рѣшиться выдавать Алеутскій разговоръ за языкъ общества, долженъ знать въ совершенствѣ эту свѣтскую азбуку, долженъ ловить эти условныя слова, потому что, повторяю, ихъ выдумать не возможно: они раждаются въ пылу свѣтскаго разговора, и приданный имъ въ ту минуту смыслъ остается при нихъ навсегда. Но гдѣ поймаешь такое слово въ Русской гостиной? Здѣсь всѣ Русскія страсти, мысли, насмѣшка, досада, малѣйшее движеніе души, выражаются готовыми словами, взятыми изъ богатаго Французскаго запаса, которыми такъ искусно пользуются Французскіе Романисты и которымъ они (талантъ въ сторону) обязаны бо̀льшею частію своихъ успѣховъ. Какъ часто имъ бываютъ ненужны эти длинныя описанія, объясненія, при-

готовленія, которыя мука и сочинителю и читателю, и которыя они легко замѣняютъ нѣсколькими свѣтскими для всѣхъ понятными фразами! Тѣ, которые знаютъ нѣсколько механизмъ расположенія Романа, тѣ поймутъ всѣ выгоды, приносимыя этимъ обстоятельствомъ. Спросите нашего поэта, одного изъ немногихъ Русскихъ писателей, въ самомъ дѣлѣ знающихъ Русскій языкъ, почему онъ, въ стихахъ своихъ, употребилъ цѣликомъ слово vulgar, vulgaire? Это слово рисуетъ половину характера человѣка, половину его участи; но, чтобы выразить его по-Русски, надобно написать страницы двѣ объясненій, — а куда какъ это ловко для сочинителя и какъ весело для читателя! Вотъ вамъ одинъ примѣръ, а такихъ можно найти тысячу. И потому я прошу моихъ читателей принять въ уваженіе всѣ эти обстоятельства и пенять не на меня, если, для однихъ, разговоръ моихъ героевъ покажется слишкомъ книжнымъ, а для другихъ не довольно грамматическимъ. Въ послѣднемъ случаѣ я сошлюсь на Грибоѣдова, едва-ли не единственнаго, по моему мнѣнію, писателя, который постигъ тайну перевести на бумагу нашъ разговорный языкъ.

Засимъ, я прошу извиненія у моихъ читателей, если наскучилъ имъ, повѣряя ихъ доброму расположенію эти маленькія, въ полномъ смыслѣ слова домашнія, затрудненія, и показывая подставки, на которыхъ движутся романическія кулисы. Я поступаю въ этомъ случаѣ какъ директоръ одного бѣднаго провинціяльнаго театра. Приведенный въ отчаяніе нетерпѣніемъ зрителей, скучавшихъ долгимъ антрактомъ, онъ рѣшился поднять занавѣсъ, и показать имъ на дѣлѣ, какъ трудно превращать облака въ море, одѣяло въ царскій наметъ, ключницу въ принцессу, и арапа въ premier ingénu. Благосклонные зрители нашли этотъ спектакль любопытнѣе самой піесы. Я думаю тоже.

Конечно, родятся люди съ необыкновенными дарованіями, для которыхъ все готово, — и нравы, и ходъ романа, и языкъ и характеры: надобно ли имъ изобразить человѣка высшаго общества или, какъ они говорятъ, моднаго тона, — ничего не можетъ быть легче! Они непремѣнно пошлютъ его въ чужіе краи; для большей вѣрности въ ко-

стюмѣ, заставятъ его не служить, спать до двухъ часовъ по-полудни, ходить по кандитерскимъ и пить до обѣда, разумѣется, шампанское. Нужно имъ написать разговоръ въ порядочномъ обществѣ, — и того легче! Развернуть первый переводный романъ Г-жи Жанлисъ, прибавить въ необходимыхъ мѣстахъ слова mon cher, — ma chère, — bon jour, — comment vous portez vous, — и разговоръ готовъ! Но такую точность описанія, такой вѣрный проницательный взглядъ, Природа даетъ немногимъ геніямъ. Я былъ обиженъ ею въ этомъ отношеніи, и потому просто прошу читателя сердиться не на меня, если я въ нѣкоторыхъ изъ моихъ домашнихъ разговоровъ не умѣлъ вполнѣ сохранить свѣтскаго колорита; а дамамъ повторяю нашу убѣдительную просьбу, говорить по-Русски.

Не говоря по-Русски, онѣ лишаются множества выгодъ:

I. Онѣ не могутъ такъ хорошо понимать нашихъ сочиненій; но какъ съ этимъ, по большей части, ихъ можно поздравить, то мы пропустимъ это обстоятельство.

II. Если онѣ, несмотря на мои увѣщанія, все таки не будутъ говорить по-Русски, то я — я — впередъ не напишу для нихъ ни одной Повѣсти, пусть же читаютъ онѣ Гг. А, Б, В etc.

Увѣренный, что эта угроза сильнѣе всѣхъ доказательствъ подѣйствуетъ на моихъ читательницъ, я спокойно обращаюсь къ моему разсказу.

=

И такъ — дверь отворилась, и..... ввалился старый баронъ, ничего непонимавшій въ этомъ приключеніи. Онъ пріѣзжалъ за женою, и какъ онъ намѣревался сейчасъ же куда-то ѣхать съ нею по какому-то непредвидѣнному обстоятельству, то разсудилъ остаться въ каретѣ и не говорить о себѣ хозяйкѣ дома. Крикъ княжны Мими, которую онъ сначала принялъ было за жену, заставилъ его выйти.

Но таково было магнетическое дѣйствіе, приготовленное и городскими слухами и всѣмъ предшедшимъ, что всѣ смотрѣли на него и не вѣрили глазамъ своимъ: уже спустя нѣсколько времени, послѣ стакана воды, послѣ о-де-колоня, гофманскихъ капель и прочаго тому подобнаго, догадались, что въ такихъ случаяхъ надобно смѣяться. Я увѣренъ, что многіе изъ моихъ читателей замѣчали въ разныхъ случаяхъ жизни дѣйствіе этого магнетизма, производящаго въ толпѣ сильное убѣжденіе почти безъ всякой видимой причины: подвергшись сему дѣйствію, мы потомъ уже тщетно хотимъ уничтожить его разсудкомъ; слѣпое убѣжденіе такъ овладѣваетъ нашею волею, что въ насъ самъ разсудокъ невольно начинаетъ отыскивать обстоятельства, которыя бы могли подтвердить это убѣжденіе. Въ тѣ минуты, сказанное самое нелѣпое слово производитъ сильное вліяніе; иногда самое это слово забывается, но произведенное имъ впечатлѣніе остается въ душѣ и, незамѣтно для человѣка, порождаетъ въ немъ рядъ такихъ мыслей, которыя бы не пришли въ голову безъ того слова и которыя къ нему имѣютъ иногда самое отдаленное отношеніе. Этотъ магнетизмъ играетъ весьма важную роль какъ въ важныхъ, такъ и въ самыхъ мелочныхъ происшествіяхъ, и, можетъ-быть, для многихъ долженъ служить единственнымъ объясненіемъ. Такъ случилось и теперь: происшествіе съ княжною было очень просто и понятно, но предрасположеніе всѣхъ присутствующихъ къ другаго рода развязкѣ было такъ сильно, что у многихъ въ одно и то же мгновеніе родилась неясная мысль, какъ будто-бы баронъ тутъ явился въ родѣ *кума*. Какимъ образомъ могло это случиться, въ ту минуту никто не былъ въ состояніи объяснить себѣ; но впослѣдствіи эта мысль развилась, укрѣпилась, и разсудокъ вмѣстѣ съ памятью отыскали въ прошедшемъ множество под-

твержденій для того, что дѣйствительно было только одно слѣпое убѣжденіе.

Если бъ вы знали, какой шумъ поднялся въ городѣ послѣ этого происшествія! Во всѣхъ углахъ шопотомъ, вслухъ, за канвою, за книгою, въ театрѣ, передъ алтаремъ Божіимъ, собесѣдники и собесѣдницы говорили, толковали, объясняли, спорили, выходили изъ себя. Огнь небесный не произвелъ бы въ нихъ сильнѣйшаго впечатлѣнія! И все отъ того, что мужу вздумалось пріѣхать за женою. Наблюдая подобныя прискорбныя явленія, истинно приходишь въ изумленіе. Что привлекаетъ этихъ людей къ дѣламъ, которыя до нихъ не касаются? Какимъ образомъ эти люди, эти люди бездушные, ледяные при видѣ самаго благороднаго и самаго подлаго поступка, при видѣ самой высокой и самой пошлой мысли, при видѣ самаго изящнаго произведенія, и при нарушеніи всѣхъ законовъ Природы и человѣчества, — какимъ образомъ эти люди дѣлаются пламенными, глубокомысленными, проницательными, краснорѣчивыми, когда дѣло дойдетъ до креста, до чина, до свадьбы, до какой-нибудь домашней тайны или до того, что они выжали изъ своего сухаго мозга подъ именемъ приличія?

=

IV.

СПАСИТЕЛЬНЫЕ СОВѢТЫ.

Баринъ. Дуракъ! Тебѣ надобно было это сдѣлать стороною.

Слуга. Я и такъ, сударь, подошелъ къ нему со стороны.

У стараго барона былъ меньшой братъ, гораздо моложе его годами; офицеръ, вообще очень милый малой.

Описать его характеръ довольно трудно: надобно начать издалека.

Видите ли! отцовъ нашихъ добрые люди научили, что надобно во всемъ сомнѣваться, расчитывать свой каждый поступокъ, избѣгать всякихъ системъ, всего безполезнаго, а вездѣ искать существенной пользы или, какъ тогда говаривали, обирать вокругъ себя и вдаль не пускаться. Отцы наши послушались, оставили всторону всѣ безполезныя вещи, которыхъ я не назову, чтобы не прослыть педантомъ, и очень были рады, что вся мудрость человѣческая ограничилась обѣдомъ, ужиномъ, и прочими тому подобными полезными предметами. Между-тѣмъ у отцовъ нашихъ завелись дѣти; дошло дѣло до воспитанія; они благоразумно продолжали во всемъ сомнѣваться, смѣяться надъ системами, и заниматься одними полезными предметами. Между-тѣмъ ихъ дѣти росли, росли, и, наперекоръ добрымъ людямъ, сами составили для себя систему жизни, — однако систему не мечтательную, а въ которой помѣстились эпиграмма Вольтера, анекдотъ разсказанный бабушкою, стихъ изъ Парни, нравственно-ариѳметическая фраза Бентама, насмѣшливое воспоминаніе о примѣрѣ для прописи, газетная статья, кровавое слово Наполеона, законъ о карточной чести, и прочее тому подобное, чѣмъ до сихъ поръ пробавляются старые и молодые воспитанники XVIII столѣтія.

Молодой баронъ обладалъ этою системою въ совершенствѣ: влюбиться онъ не могъ, — въ этомъ чувствѣ было для него что-то смѣшное; онъ просто любилъ женщинъ, — всѣхъ, съ малыми исключеніями, — свою лягавую собаку, Ленажевы ружья и своихъ товарищей, когда они ему не надоѣдали; онъ вѣрилъ въ то, что дважды два четыре, въ то, что ему скоро откроется ваканція въ капитаны, въ то, что завтра

онъ долженъ танцовать 2, 5 и 6 нумера контрданса.....

Впрочемъ, будемъ справедливы: молодой человѣкъ имѣлъ благородную, пылкую и добрую душу; но чего не задавило преступное воспитаніе гнилаго и раздушенаго вѣка. Радуйтесь, люди расчета, сомнѣнія и существенной пользы! радуйтесь, защитники насмѣшливаго невѣрія во все святое! расплылись ваши мысли, все затопили, и просвѣщеніе и невѣжество. Гдѣ встанетъ солнце, которое должно высушить это болото и обратить его въ плодоносную почву?

Въ комнатѣ, обвѣшанной Парижскими литографіями и Азіятскими кинжалами; на вогнутыхъ креслахъ, затянутый въ узкомъ архалухѣ лежалъ молодой баронъ: то посматривая на часы, то перевертывая листки Французскаго водевиля.

Человѣкъ подалъ записку.

– Отъ кого?

– Отъ маркизы де Креки.

– Отъ тетушки!

Записка была слѣдующаго содержанія:

«Заѣзжай ко мнѣ сегодня послѣ обѣда, мой милый. Да не забудь, по обыкновенію; у меня до тебя есть дѣло, и очень важное.»

– Ну, ужъ вѣрно, проворчалъ про себя молодой человѣкъ, тетушка изобрѣла еще какую-нибую кузину, которую надобно выводить на паркетъ! Ужъ мнѣ эти кузины! И откуда онѣ берутся?.... Скажи тетушкѣ, сказалъ онъ громко, что очень хорошо, – буду. Одѣваться.

Когда молодой баронъ Даусерталь явился къ маркизѣ, она оставила свои большія вязальныя спицы, взяла его за руку, и съ таинственнымъ видомъ, че-

резъ рядъ комнатъ, отличавшихся характерическимъ безвкусіемъ, повела къ себѣ въ кабинетъ, и посадила на маленькой диванъ окруженный горшками съ геранiемъ, бальзаминомъ, мятою, и фамильными портретами. Воздухъ былъ напитанъ о-де-колонемъ и розовымъ масломъ.

– Скажите, тетушка, спросилъ ее молодой человѣкъ, что все это значитъ? Ужъ не женить ли вы меня хотите?

– Пока еще нѣтъ, моя душа! Но шутки въ сторону: я должна съ тобою говорить очень и очень серьозно. Скажи мнѣ, сдѣлай милость, что у тебя за другъ такой, – Границкiй, что ли онъ? какъ его?.....

– Да, Границкiй! Прекрасный молодой человѣкъ, хорошей фамиліи.....

– Я никогда ея не слыхала. Скажи мнѣ, отъ чего такая связь между вами?

– Въ одномъ мѣстечкѣ, въ Италіи, измученный, голодный, полубольной я не нашелъ комнаты въ трактирѣ: онъ подѣлился со мною своею; я занемогъ: онъ ухаживалъ за мной цѣлую недѣлю, ссудилъ меня деньгами; я взялъ съ него слово, пріѣзжая въ Петербургъ останавливаться у меня: вотъ начало нашего знакомства..... Но что значатъ всѣ ваши вопросы, тетушка?

– Послушай, мой милый! Все это хорошо; я очень понимаю, что какой нибудь Границкiй былъ радъ оказать услугу барону Дауертало.

– Тетушка, вы говорите о моемъ истинномъ пріятелѣ! прервалъ ее молодой человѣкъ съ неудовольствіемъ.

– Все это очень хорошо, мой милый! Я не осуждаю твоего истиннаго пріятеля, – его поступокъ съ тобою

дѣлаетъ ему много чести. Но позволь мнѣ тебѣ сказать откровенно: ты молодой человѣкъ, едва вступаешь въ свѣтъ: тебѣ надобно быть осторожнымъ въ выборѣ знакомства. Нынче молодые люди такъ развращены....

– Я думаю, тетушка, ни больше ни меньше какъ всегда.....

– Ничего не бывало! Тогда по-крайней-мѣрѣ было больше почтенія къ родственникамъ; родственныя связи, не какъ теперь, – онѣ были тѣснѣе.....

– И даже иногда слишкомъ тѣсны, любезная тетушка, не правда ли?

– Не правда! Да дѣло не о томъ. Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, что ты въ этомъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ, поступилъ очень вѣтрено: встрѣтился и связался съ человѣкомъ, котораго никто не знаетъ. Служитъ ли онъ по-крайней-мѣрѣ гдѣ-нибудь?

– Нѣтъ.

– Ну, скажи же самъ послѣ этого, что онъ за человѣкъ! Даже не служитъ! Ужъ вѣрно потому, что его не принимаютъ въ службу.

– Вы ошибаетесь, тетушка. Онъ не служитъ, потому что у него мать Италіянка, и все его имѣніе въ Италіи: онъ не можетъ ее оставить, именно по причинѣ родственныхъ связей.....

– Зачѣмъ же онъ здѣсь?

– По дѣламъ своего отца. Но скажите, Бога ради, къ чему ведутъ всѣ эти вопросы?

– Однимъ словомъ, мой милый, мнѣ очень непріятна твоя дружба съ этимъ человѣкомъ, и ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе, если..... если выживешь его изъ дома.

– Помилуйте, тетушка! Вы знаете, что я во всемъ вамъ безпрекословно повинуюсь; но войдите въ мое

положеніе: съ какой стати я вдругъ перемѣнюсь къ человѣку, которому столько обязанъ, и ни съ того, ни съ сего выгоню его изъ дому? Воля ваша, я не могу рѣшиться на такую неблагодарность.

– Все это вздоръ, мой милый! романическія идеи, больше ничего! Есть манера, и очень вѣжливая, показать ему, что онъ тебѣ въ тягость.

– Разумѣется, тетушка, что это очень легко сдѣлать; но я повторяю вамъ, что я не могу взять на мою совѣсть такую гнусную неблагодарность. Воля ваша, не могу, никакъ не могу...

– Послушай же! отвѣчала маркиза послѣ нѣкотораго молчанія: ты знаешь все, чѣмъ ты обязанъ твоему брату...

– Тетушка!

– Не перерывай меня. Ты знаешь, что по смерти твоего отца онъ могъ воспользоваться всѣмъ твоимъ имѣніемъ; онъ не сдѣлалъ этого, онъ взялъ тебя по третьему году на свои руки, воспиталъ тебя, привелъ всѣ запущенныя дѣла въ порядокъ; когда ты взросъ, записалъ тебя въ службу, честно подѣлился съ тобою имѣніемъ; словомъ, ты ему обязанъ всѣмъ, чѣмъ ты дышишь.....

– Тетушка, что вы хотите сказать?

– Слушай. Ты уже не ребенокъ и малый не глупый, но вынуждаешь меня сказать тебѣ то, чего бы я не хотѣла.

– Что такое, тетушка?

– Послушай! Дай мнѣ прежде слово не дѣлать ни какихъ глупостей, а поступить, какъ слѣдуетъ благоразумному человѣку.

– Бога ради, договорите, тетушка!

– Я въ тебѣ увѣрена, и потому спрашиваю тебя, не замѣтилъ ли ты чего-нибудь между баронессою и твоимъ Границкимъ.

– Баронессою! Что это значитъ?.....

– Твой Границкій обольстилъ ее.

– Границкій?..... Быть не можетъ!

– Я тебя не стану обманывать. Это вѣрно: твой братъ обезчещенъ, его сѣдые волосы поруганы.....

– Но надобны доказательства.....

– Какія тебѣ доказательства? Ко мнѣ ужъ объ этомъ пишутъ изъ Лифляндіи. Всѣ жалѣютъ о твоемъ братѣ, и удивляются, какъ ты можешь помогать его обманывать.

– Я? его обманывать? Это клевета, тетушка, сущая клевета. Кто осмѣлился къ вамъ написать это?

– Этого я тебѣ не скажу; но оставляю тебѣ только разсудить, можно ли Границкому оставаться у тебя въ домѣ. Твой долгъ тебя обязываетъ, пока эта связь не сдѣлалась еще слишкомъ гласною, стараться учтивымъ образомъ заставить его выѣхать изъ твоего дома, а если можно и изъ Россіи. Ты понимаешь, что это должно сдѣлать безъ шума; найти какой-нибудь предлогъ.

– Будьте увѣрены, что все будетъ исполнено, тетушка. Благодарю васъ за извѣстіе. Мой братъ старъ, слабъ; это мое дѣло, мой долгъ..... Прощайте!

– Постой, постой! не горячись! Тутъ не надобно ни какой горячности, а хладнокровіе: ты мнѣ обѣщаешь, что ты не сдѣлаешь ни какой глупости, а поступишь, какъ слѣдуетъ благоразумному человѣку, не мальчику?

– О, будьте спокойны, тетушка! Я все улажу какъ нельзя лучше. Прощайте.

– Не забудь, что тебѣ надобно поступить въ этомъ случаѣ очень осторожно! кричала ему въ слѣдъ маркиза. Говори съ Границкимъ тихо, не горячись. Заведи рѣчь стороною, обиняками... Понимаешь?

– Будьте спокойны, будьте спокойны, тетушка! отвѣчалъ баронъ, убѣгая.

Кровь била ключемъ въ головѣ молодаго человѣка.

=

V.

БУДУЩЕЕ.

.....l'avenir n'est à personne
Sire, l'avenir est à Dieu.

Victor Hugo.

Во время этой сцены происходила другая.

Во внутренности огромнаго дома, позади блестящаго магазина, находилась небольшая комната съ однимъ окошкомъ на дворъ, завѣшеннымъ сторою. По виду комнаты трудно было отгадать, кому она принадлежала; простыя штукатуренныя стѣны, низкій потолокъ, нѣсколько старыхъ стульевъ и огромное зеркало, въ альковѣ богатый диванъ со всѣми затѣями роскоши, низкія кресла съ выгнутою спинкою, – все это какъ-то спорило между собою. Одна дверь комнаты, черезъ глухой коридоръ, соединяла ее съ магазиномъ; другая выходила на противуположную улицу.

По комнатѣ ходилъ скорыми шагами молодой человѣкъ, и часто останавливался, то по серединѣ, то у дверей, и тщательно прислушивался. То былъ Границкій.

Вдругъ послышался шорохъ, дверь отворилась, и прекрасная женщина, прекрасно одѣтая, бросилась въ его объятія. То была графиня Лидія Рифейская.

– Знаешь ли, Габріель, сказала она ему поспѣшно, что здѣсь мы съ тобою видимся въ послѣдній разъ?

– Въ послѣдній разъ? вскричалъ молодой человѣкъ Но постой! что съ тобою? ты такъ блѣдна?

– Ничего! Я немножко озябла. Спѣша къ тебѣ, я забыла надѣть ботинки. Коридоръ такой холодный... Это ничего!

– Какъ ты неосторожна! Здоровьемъ пренебрегать не надо.....

Молодой человѣкъ подвинулъ кресла къ камину, посадилъ на нихъ прекрасную женщину, разулъ ее, и старался согрѣть прелестныя ножки своимъ дыханіемъ.

– О перестань, Габріель! Минуты дороги; я насилу могла вырваться изъ дома; я пришла къ тебѣ съ важною новостью. У моего мужа второй ударъ и,–страшно выговорить, – доктора мнѣ сказали, что онъ не переживетъ его: у него отнялся языкъ, лице перекосилось, онъ страшенъ! бѣдный, не можетъ выговорить ни слова!..... Едва поднимаетъ руку! Ты не можешь повѣрить, какъ онъ мнѣ жалокъ.

И графиня закрыла лице свое рукою. Между-тѣмъ Габріель цѣловалъ ея холодныя, какъ-будто изъ бѣлаго мрамора выточенныя, ножки, и прижималъ ихъ къ горячимъ щекамъ своимъ.

– Лидія! говорилъ онъ, Лидія! ты будешь свободна...

– Ахъ, говори мнѣ это чаще, Габріель! Это одна мысль, которая на минуту заставляетъ меня забывать мое положеніе; но и въ этой мысли есть что-то страшное. Чтобы быть счастливою въ твоихъ объятіяхъ, мнѣ надобно перешагнуть черезъ гробъ!.... Для моего счастія нужна смерть человѣка!.... Я должна желать этой смерти!.... Это ужасно, ужасно! Это переворачиваетъ сердце, это противно Природѣ.

– Но, Лидія, если кто-нибудь виноватъ въ этомъ, то вѣрно не ты. Ты невинна, какъ ангелъ. Ты жертва

приличій; тебя выдали замужъ по-неволѣ. Вспомни, сколько ты сопротивлялась волѣ твоихъ родителей; вспомни всѣ твои страданія, всѣ наши страданія....

– Ахъ, Габріель, я все это знаю; и когда я подумаю о прошедшемъ, тогда совѣсть моя покойна. Богъ видѣлъ, чего я не перенесла въ моей жизни! Но когда я взгляну на моего мужа, на его скосившееся лице, на его дрожащую руку; когда онъ манитъ меня къ себѣ, меня, въ которой онъ въ продолженіе шести лѣтъ производилъ одно чувство, – отвращеніе; когда я вспоминаю, что его всегда обманывала, что его теперь обманываю, тогда забываю, какая цѣпь страданій, нравственныхъ и физическихъ, довела меня до этого обмана. Я изнываю, между этими двумя мыслями, – и одна не уничтожаетъ другой!

Границкій молчалъ: тщетно бы сталъ онъ утѣшать Лидію въ эту минуту!

– Не сердись на меня, Габріель! сказала она наконецъ, обнимая его голову. Ты понимаешь меня; ты съ дѣтства привыкъ понимать меня. Я одному тебѣ могу повѣрить мои страданія....

И она пламенно прижала его къ груди своей.

– Но полно! Время бѣжитъ; я не могу здѣсь болѣе оставаться.... Вотъ тебѣ мой послѣдній поцѣлуй! Теперь слушай: я вѣрю, мы будемъ счастливы; я вѣрю; то, что у насъ отняло самовластіе общества, возвратитъ намъ Провидѣніе; но до того дня я вся принадлежу моему мужу. Съ сей поры я ежеминутною заботою, долгими ночами безъ сна у его постели, страданіемъ не видать тебя, должна выкупить нашу любовь, и вымолить у Бога наше счастіе. Не старайся меня видѣть, не пиши ко мнѣ; позволь мнѣ забыть тебя. Я тогда стану спокойнѣе, и совѣсть меньше меня будетъ мучить. Мнѣ легче будетъ вообразить себя совершенно чистою, невинною.... Прощай!... Еще два

слова: не перемѣняй ничего въ твоемъ образѣ жизни, продолжай выѣзжать, танцовать, волочиться, какъ-будто для тебя не приготовляется ни какой перемѣны.... Заѣзжай сегодня же навѣдаться о моемъ мужѣ, но я тебя не приму: ты не родня. И сегодня же поѣзжай и вездѣ равнодушно разсказывай объ его болѣзни. Прощай!

— Постой! Лидія! Еще одинъ поцѣлуй!... Сколько долгихъ дней пройдетъ....

— О, не напоминай мнѣ больше объ этомъ!... Прощай. Будь терпѣливѣе меня. Помни: будетъ время, и я не буду говорить тебѣ: «идутъ — отойди Габріель!»... О ужасно! ужасно!

Они разстались.

=

VI.
ЭТО МОЖНО БЫЛО ПРЕДВИДѢТЬ.

— Vous allez me rabacher je ne sais quels lieux communs de morale, que tous ont dans la bouche, qu'on fait sonner bien haut, pourvu que personne ne soit obligé de les pratiquer.

— Mais s'ils se jettent dans le crime?

— C'est de leur condition.

LE NEVEU DE RAMEAU.

Въ сильномъ волненіи молодой баронъ Дауерталь возвратился домой.

— Дома ли Границкій? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Сказать мнѣ, какъ скоро онъ пріѣдетъ.

Тутъ онъ вспомнилъ, что Границкій долженъ былъ вечеромъ ѣхать къ Б***.

Минуты этого ожиданія были ужасны для молодаго человѣка: онъ чувствовалъ, что въ первый разъ

въ жизни онъ призванъ на важное дѣло; что тутъ нельзя было отвертѣться ни эпиграммою, ни равнодушіемъ, ни улыбкою; что здѣсь надобно было сильно чувствовать, сильно думать, сосредоточить всѣ силы души; что, однимъ словомъ, надобно было дѣйствовать, и дѣйствовать самому, не требуя совѣтовъ, не ожидая подпоры. Но такое напряженіе было ему незнакомо; онъ не могъ себѣ отдать отчета въ своихъ мысляхъ. Лишь кровь его разгоралась, лишь сердце въ немъ билось чаще. Ему представлялись, какъ-будто во снѣ, городскіе толки; его братъ въ сѣдинахъ, оскорбленный и слабый; желаніе показать свою любовь и благодарность къ старику; товарищи, эполеты, сабли, ребяческая досада; охота показать, что онъ ужъ не ребенокъ; мысль, что смертоубійствомъ заглаживается всякое преступленіе. Всѣ эти грезы смѣнялись одна другою, но все было темно, неопредѣленно: онъ не умѣлъ спросить у того судилища, которое не зависитъ отъ временныхъ предразсудковъ и мнѣній, произноситъ всегда точно и вѣрно: воспитаніе забыло ему сказать объ этомъ судилищѣ, а жизнь не научила спрашивать. Языкъ судилища былъ неизвѣстенъ барону.

Наконецъ пробилъ часъ. Молодой человѣкъ бросился въ карету, поскакалъ, нашелъ Границкаго, взялъ его за руку, вывелъ изъ толпы въ отдаленную комнату, и не зналъ, что сказать ему: наконецъ вспомнилъ слова тетушки, и, стараясь принять видъ хладнокровный, проговорилъ:

– Ты ѣдешь въ Италію?

– Нѣтъ еще, отвѣчалъ Границкій, принявъ эти слова за вопросъ, и смотря на него съ удивленіемъ.

– Ты долженъ ѣхать въ Италію! Ты меня понимаешь?

– Ни сколько!

– Я хочу, чтобъ ты ѣхалъ въ Италію! сказалъ баронъ, возвысивъ голосъ. Теперь понимаешь?

– Скажи мнѣ, сдѣлай милость: что ты, съ ума сошелъ, что ли?

– Есть люди, которыхъ я не назову, для которыхъ всякое благородство – сумасшествіе....

– Баронъ, ты не знаешь, что говоришь! Твои слова пахнутъ порохомъ.

– Я привыкъ къ этому запаху.

– На маневрахъ?

– Это мы увидимъ.

Глаза барона заблистали: дѣло шло уже о личной обидѣ.

Они взяли слово съ людей, вошедшихъ въ комнату къ концу разговора, сохранить его въ тайнѣ, воротились снова въ залу, сдѣлали нѣсколько вальсовыхъ круговъ, и исчезли.

Чрезъ нѣсколько часовъ уже секунданты отмѣривали шаги и заряжали пистолеты.

Границкій подошелъ къ барону.

– Прежде нежели мы отправимъ другъ друга на тотъ свѣтъ, мнѣ очень любопытно узнать, за что мы стрѣляемся.

Баронъ отвелъ своего соперника въ сторону отъ секундантовъ.

– Вамъ это должно быть понятнѣе меня, сказалъ онъ.

– Ни сколько.

– Если я вамъ назову одну женщину....

– Женщину!... Но какую?

– Это уже слишкомъ! Жена моего брата, моего стараго, больнаго брата, моего благодѣтеля.... Понимаете?

– Теперь, ужъ совершенно ничего не понимаю!

– Это странно! Весь городъ говоритъ, что вы обезчестили моего брата; всѣ смѣются надъ нимъ....

– Баронъ! васъ безсовѣстно обманули. Прошу васъ назвать мнѣ обманщика.

– Это мнѣ сказала женщина.

– Баронъ! вы поступили очень опрометчиво. Если бъ вы прежде спросили меня, я бы вамъ разсказалъ мое положеніе; но теперь поздно, мы должны драться. Но я не хочу умереть, оставивъ васъ въ обманѣ: вотъ вамъ моя рука, что я и не думалъ о баронессѣ.

Молодой баронъ былъ въ сильномъ смущеніи въ продолженіе разговора: онъ любилъ Границкаго, зналъ его благородство, вѣрилъ, что онъ его не обманываетъ, и проклиналъ самого себя, тетушку, цѣлый свѣтъ.

Одинъ изъ секундантовъ, старинный дуэлистъ и очень строгій въ дѣлахъ этого рода, сказалъ:

– И, и, господа! У васъ, кажется, дѣло на ладъ идетъ? Тѣмъ лучше: миритесь, миритесь; право лучше.....

Эти слова были сказаны очень просто, но барону они показались насмѣшкою, – или въ самомъ дѣлѣ въ тонѣ голоса секунданта было что-то насмѣшливое. Кровь вспыхнула въ молодомъ человѣкѣ.

– О, нѣтъ! вскричалъ онъ, почти самъ не зная, что говоритъ. Нѣтъ, мы и не думаемъ мириться. У насъ есть важное объясненіе.....

Послѣднее слово снова напомнило молодому человѣку его преступную неосторожность: внѣ себя волнуемый необъяснимыми чувствами, онъ вторично отвелъ своего соперника въ сторону.

– Границкій! сказалъ онъ ему: я поступилъ какъ ребенокъ. Что намъ дѣлать?

– Не знаю, отвѣчалъ Границкій.

– Разсказать секундантамъ нашу странную ошибку?.....

– Это будетъ значить распространить слухи о женѣ твоего брата.

– Ты смѣялся надъ моею храбростію; секунданты знаютъ это.

– Ты мнѣ говорилъ такимъ тономъ.....

– Это не можетъ такъ остаться!

– Это не можетъ такъ остаться!

Скажутъ, что на нашемъ дуэлѣ пролилась не кровь, а шампанское.....

– Постараемся оцарапать другъ друга.

Они стали къ барьеру. Разъ, два, три! – пуля Границкаго оцарапала руку барона; Границкій упалъ мертвый.

=

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Существуютъ охотники защищать всѣхъ и все: они ни въ чемъ не хотятъ видѣть дурнаго. Эти люди очень вредны.....

Свѣтское сужденіе

Всякой читатель вѣроятно уже догадывается, что вышло изъ всей этой исторіи.

Пока о дуэлѣ знали одни мужчины, то приписывали его просто насмѣшкѣ Границкаго надъ храбростію молодаго барона; толки были различны. Но когда узнали объ этомъ происшествіи добродѣтельныя дамы, описанныя нами выше, тогда прекратились всѣ недоразумѣнія: истинная причина была тотчасъ отыскана, изслѣдована, обработана, дополнена примѣчаніями и распространена всѣми возможными способами.

Бѣдная баронесса не устояла противъ этого жестокаго преслѣдованія: ея честь, единственное чувство, которое было въ ней живо и свято, — ея честь которой она приносила въ жертву всѣ мысли ума, всѣ движенія юнаго сердца, — ея честь была поругана безъ вины и безъ возврата. Баронесса слегла въ постелю.

Молодой баронъ и двое секундантовъ были сосланы, — далеко отъ всѣхъ наслажденій свѣтской жизни, которая одна могла быть для нихъ счастіемъ.

Графина Рифейская осталась вдовою.

Есть поступки, которые преслѣдуются обществомъ: погибаютъ виновные, погибаютъ невинные. Есть люди, которые полными руками сѣютъ бѣдствіе, въ душахъ высокихъ и нѣжныхъ возбуждаютъ отвращеніе къ человѣчеству, словомъ торжественно подпиливаютъ основанія общества, и общество согрѣваетъ ихъ въ груди своей, какъ безсмысленное солнце, которое равнодушно всходитъ и надъ криками битвы, и надъ молитвою мудраго.

=

Для княжны Мими была составлена партія, — она уже отказалась отъ танцовъ. Молодой человѣкъ подошелъ къ зеленому столу.

— Сегодня поутру наконецъ кончились страданія баронессы Дауерталь! сказалъ онъ. Здѣшнія дамы могутъ похвалиться, что онѣ очень искусно ее убили до смерти.

— Какая дерзость! шепнулъ кто-то другому.

— Ничего не бывало! возразила княжна Мими, закрывая взятку. Убиваютъ не люди, а беззаконныя страсти.

— О, безъ сомнѣнія! замѣтили многія.

В. БЕЗГЛАСНЫЙ.

Ревель. 1834.

ТРИ ЖЕНИТЬБЫ

ВОПРЕКИ РАЗСУДКУ.

=

ЛИСТОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛѢТОПИСИ XIX ВѢКА.

=

Судьба, уже довольно поводившая меня по бѣлу свѣту, привела наконецъ въ Парижъ: я съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть великія произведенія многовѣчныхъ Искусствъ, насильно перетащенныя въ столицу революціи, уже порядочно прибранной къ рукамъ консуломъ Бонапарте. Заграничныя войны заставили наконецъ многихъ Парижанъ убѣдиться, что и за стѣнами ихъ города живутъ люди просвѣщенные, у которыхъ можно что-нибудь и Французамъ заимствовать, и я нашелъ въ обществѣ тогдашнихъ лучшихъ литераторовъ уже не одно самохвальство, но свѣдѣнія и о всемірной Словесности, въ скульптурѣ изученіе антиковъ, въ живописи новую школу. Въ театрѣ представляли Греческихъ и Римскихъ героевъ въ ихъ настоящихъ костюмахъ, и хотя Большая Опера, кромѣ Лапса, все ревѣла и прыгала по-прежнему, но балеты уже не пудрили, не фризурили и не фижмили Миѳологіи. Въ Федò уже не слышно было безпрестанныхъ насвистовъ флейты, козлопѣнія готъ-контровъ, высокогласія и трелей, которыми прежде Рамо и Гретри восхищали Парижскую публику. Приноровленіе Италіянской музыки къ Французской сценѣ, языку и стихотворству, дѣлало большую честь Мегюлю и Боельдьё, съ которыми, какъ и съ другими, лучшими того времени поэтами, композиторами и драматическими артистами, я скоро познакомился.

Молодой Боельдьё, одаренный пріятною наружностію и превосходнымъ талантомъ, мнѣ очень полюбился, и, сколько я могъ замѣтить, полюбилъ меня: онъ часто ходилъ ко мнѣ, и однажды, именно въ пятницу, пригласилъ къ себѣ на чай. Едва онъ успѣлъ отъ меня выйти, какъ явился Флоріо, режисеръ и ходячая газета театра Федо̀. Я сказалъ ему, что сбираюсь провести очень пріятный вечеръ у Боельдьё, вѣрно со всѣми лучшими въ Парижѣ композиторами. «Въ этомъ-то вы и ошибаетесь!» отвѣчалъ мнѣ режисеръ, и, не допуская до распросовъ, объяснилъ, что Боельдьё сынъ порядочныхъ родителей, получилъ хорошее воспитаніе, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, имѣлъ блестящіе успѣхи и въ оперѣ, и въ обществѣ, но сдѣлалъ глупость, которая его разстроила со всѣми, – именно, женился, не слушаясь никого, на бывшей красавицѣ, танцовщицѣ Клотильдѣ: она принесла ему въ приданое сороколѣтнія неувядаемыя прелести и небольшіе остатки Англійскихъ гиней, Испанскихъ дублоновъ, Голландскихъ червонныхъ, Германскихъ рейхсталеровъ и Русскихъ имперіаловъ, а сверхъ нѣжнаго имени супруга, онъ принужденъ былъ принять трогательное названіе папеньки отъ трехъ или четырехъ незнакомыхъ ему дѣтей; ему теперь только двадцать пять лѣтъ, и уже есть надежда, что, года черезъ три, старшая дочь произведетъ его въ дѣдушки. «Но я отвѣчаю моей головой,» прибавилъ Флоріо, «что нашъ Телемакъ, не дождавшись этого почтеннаго титла, бросится не въ море, а въ почтовую коляску отъ своей Калипсы!» Этотъ разсказъ, которому впрочемъ я не совсѣмъ вѣрилъ, возбудилъ во мнѣ бо̀льшее любопытство увидѣть Клотильду въ семейственномъ ея быту, и мое желаніе исполнилось въ девять часовъ вечера. Я нашелъ ее, у круглаго стола съ щегольскимъ чайнымъ приборомъ, стоящею точно такъ, какъ видѣлъ накапунѣ

въ роли Калипсы. Это невольно напомнило мнѣ предсказаніе Флоріо. Молодой супругъ, какъ-будто только вырвавшись изъ ея объятій, съ смущеннымъ видомъ торопился встрѣтить меня и представить своей обворожительницѣ. Признаюсь, я не удивился позднему дѣйствію ея прелестей: я видѣлъ ихъ вблизи, правда, при свѣтѣ кенкетъ, заслоненныхъ нѣсколько транспарантами или орумяненныхъ розовымъ стекляннымъ шаромъ, и она показалась мнѣ ровесницей лѣтами и красотой своему мужу. Легко можетъ статься, что и косметическій магазинъ способствовалъ очарованію, но я въ душѣ извинялъ шалость чувствительнаго музыканта, и не жалѣлъ о Русскихъ имперіалахъ моихъ соотечественниковъ. Красавица приняла меня съ удивительною ловкостью, и попросила садиться съ привлекательностью, противъ которой трудно было *устоять:* я чувствую, что воспоминаніе молодости и Парижской жизни невольно заставляетъ меня каламбурить, и вовсе на это не досадую, – даже буду очень радъ, если вспышки давнишней веселости оживятъ мой разсказъ и помогутъ перенести ваше воображеніе къ мраморному камину, гдѣ хозяйка усадила меня по правую сторону хозяина. Мы не имѣли нужды начинать разговоръ погодою и распросами о здоровьѣ, о которомъ никому не хотѣлось знать. Вчерашній балетъ и фельётонъ Жофруа, расхвалившаго мамзель Вольне́, были неисчерпаемыми источниками пріятной болтовни; языкъ танцовщицы, изощренный долговременнымъ употребленіемъ, мигомъ отбрилъ всѣхъ второклассныхъ красавицъ первыхъ двухъ театровъ, и только мы дошли до дебютовъ извѣстнаго Дюпора и мамзель-Жоржъ, какъ человѣкъ лѣтъ слишкомъ пятидесяти, въ темносѣромъ фракѣ, въ парикѣ à-la-Titus, но вовсе не похожій на вертляваго Француза, вошелъ тяжелою поступью въ комнату. Хозяйка вскрикнула съ привычной радостью.

«А, господинъ Симонъ? Мы уже отчаялись васъ видѣть.» Новый гость, не говоря ни слова, поцѣловалъ хозяйку въ лобъ, пожалъ руку хозяину, положилъ шляпу на каминъ, поставя палку подлѣ, и сѣлъ на мѣсто, уступленное счастливымъ супругомъ. «Чортъ знаетъ, гдѣ я сегодня не перебывалъ!» сказалъ гость. «Этимъ дамскимъ коммиссіямъ нѣтъ конца. Завтра мнѣ надобно возвратиться въ Брюссель, а сегодня оттуда мой другъ прислалъ мнѣ предлинный реестръ такихъ покупокъ, которыхъ я и названія не умѣю выговорить. Да нечего дѣлать: надобно ее утѣшить за мое счастіе; и если бъ не добрая невѣстка моя, то бы я съ ума сошелъ. Но спасибо ей; она вездѣ со мною ѣздила, все закупала; я не могу довольно нахвалиться ея угожденіями.» «А что вы,» сказала Клотильда со смѣхомъ, «прошлаго года объ ней говорили?» А!!... Ну что я говорилъ? – я говорилъ, что говорятъ обыкновенно разсерженные отцы о невѣсткахъ, которыхъ сыновья навязываютъ имъ на шею.» «А теперь говорите, что говорятъ счастливые мужья, которыхъ все восхищаетъ, все кажется въ розовомъ цвѣтѣ?» сказалъ Боельдьё, взглянувши страстно на свою супругу. Она отвѣчала ему посланнымъ по воздуху поцѣлуемъ, и словами «Ты по себѣ судишь.» – «Да развѣ я не правъ?» вскричалъ съ восторгомъ влюбленный мужъ: «развѣ я не правъ, г. Симонъ?» – «Правъ, очень правъ!» отвѣчалъ съ радостнымъ смѣхомъ Брюселецъ: «и я какъ въ зеркалѣ вижу мое счастіе въ вашемъ.» – «Неужели?» сказала, улыбнувшись, Клотильда: «поздравляю васъ отъ добраго сердца и желаю только, чтобъ зеркало не льстило вамъ.» «Полно, другъ мой!» прервалъ Боельдьё: «почему тебѣ кажется, что никто не можетъ такъ же чувствовать своего блаженства, какъ мы?» Но вдругъ опомнясь, что разговоръ его былъ для меня Арабскимъ языкомъ, и желая по вѣжливости дѣлать его общимъ, Боельдьё оборотился ко мнѣ.

«Позвольте мнѣ вамъ рекомендовать г. Симона, знатнаго Брюссельскаго каретнаго артиста. Прошу познакомиться съ Русскимъ путешественникомъ!» Тутъ онъ произнесъ мое, исковерканное на Французскій ладъ, имя, прибавивъ къ нему тотчасъ титулъ графа, которымъ во Франціи жалуютъ всѣхъ иностранцевъ, имѣющихъ свой ремизъ, то есть, помѣсячно нанятую карету. «Вы, сударь, Русскій!» вскричалъ Симонъ: «очень радъ представить себя къ вашимъ услугамъ. Вашъ Императоръ Павелъ I, когда еще былъ Наслѣднымъ Принцемъ, проѣзжая чрезъ Брюссель, удостоилъ посѣщенія мою фабрику; я имѣлъ честь работать на Него, и счастіе получить, изъ собственныхъ рукъ Его, перстень, который подарилъ, какъ самую драгоцѣнную для меня вещь, молодой супругѣ моей. Она, право, – спросите у нихъ, – достойна носить царскій подарокъ.» И радостное хохотанье изобразило душевное удовольствіе гордящагося своею женою супруга. «Да!» сказалъ Боельдьё: «я свидѣтель, и утверждаю, что г-жа Симонъ необыкновенная женщина, и что замужство ея еще необыкновеннѣе. Вотъ самоваръ принесенъ. Не угодно ли пересѣсть къ столу, и если мой другъ позволитъ, я разскажу вамъ его свадьбу.» – «Да съ чего,» отвѣчалъ Симонъ, «я стану тебѣ запрещать? И чортъ велитъ мнѣ таить то, что напечатано и перепечатано въ нашихъ и вашихъ газетахъ?» – «Очень радъ,» сказалъ хозяинъ, усаживая насъ къ чайному столу: «и если графъ захочетъ выслушать, то не раскается въ своемъ снисхожденіи.»– «Я за это ручаюсь!» прибавила Клотильда, начавшая хозяйничать полосканьемъ чайника. «Но чтобъ не прерывать интереснаго повѣствованія, позвольте прежде поподчивать васъ Русскимъ чаемъ, который я получила прямо изъ Петербурга: я увѣрена, что во всемъ Парижѣ нѣтъ лучшаго. Я безъ ума отъ всего Русскаго, и скоро получу кусокъ Русскаго сафьяна:

онъ у насъ запрещенъ, а вы знаете, что все запрещенное очень нравится женщинамъ. Прошу сдѣлать честь отвѣдать, и сказать мнѣ ваше мнѣніе о вашемъ соотечественникѣ.»—Проворство языка учтивой Француженки не мѣшало досужству ея рукъ: она въ одну минуту успѣла нацѣдить изъ самовара кипятку въ чайникъ, налить чашки, дернуть за рукавъ служанку, назвать ее три раза дурой, вырвать и сама поднести мнѣ задержанную неловкостью служанки корзину съ бисквитами и булочками, и я почелъ должностью моею увѣрить хозяйку, что лучшаго чаю не пивалъ и въ Москвѣ. — «А онъ у васъ тамъ родится?» спросила она. — «Нѣтъ; мы его получаемъ изъ Китая.»—«Ахъ, Боже мой! Слышишь ли, Боельдьё?» — «Да я это знаю, мой другъ!» — «Такъ отъ чего жь его зовутъ Русскимъ?» — «Отъ того, что онъ къ намъ присланъ изъ Россіи.» — «А! вотъ что! Мнѣ всегда очень хотѣлось побывать въ Россіи, но меня напугалъ Дегè: онъ ужъ получилъ контрактъ, да побоялся ѣхать, чрезъ эти, какъ бишь, Аравійскія степи....» — «Сдѣлай мнѣ одолженіе, не говори такой вздоръ,» прервалъ пристыженный мужъ: «Аравія въ Африкѣ; такъ какъ же Аравійскія степи могутъ быть въ Европѣ?» — «Все равно, Аравійскія или Европейскія степи: только я ни за что не поѣду по нихъ. Я до смерти боюсь медвѣдей и тигровъ, которые ѣдятъ людей, какъ ты эти бисквиты.» — Боельдьё, покраснѣвшій отъ невѣжества жены своей, сказалъ мнѣ: — «Извините нашихъ Парижанокъ: Географія не по ихъ части, и онѣ знаютъ только науку любить.» — «И плѣнять,» договорилъ я, прикинувшись Французскимъ любезникомъ. — «О, что до этого,» выговорилъ, проглотивъ разомъ цѣлый сухарь, нашъ толстый собесѣдникъ, «то спросите у насъ съ сыномъ! Мы это лучше всѣхъ знаемъ.» — А чтобъ и вы это узнали,» сказалъ хозяинъ, «то я сейчасъ начну повѣсть о г-жахъ Симонъ и ихъ дражайшихъ

супругахъ.» – Чай отпили, и мы, не отходя отъ стола, стали слушать повѣствованіе, которое постараюсь вамъ передать какъ можно вѣрнѣе.

– «Вы вѣрно слыхали,» спросилъ меня Боельдьё, «о первой молодой любовницѣ Французскаго Театра, дѣвицѣ Анжетъ, которая очень хорошо поддерживала свое имя, и можетъ-быть видали на фарфоровыхъ вазахъ, чашкахъ, табакеркахъ и гравюрахъ ея портреты; но ни одна копія не можетъ сравниться съ оригиналомъ.» – «Это ужъ можетъ быть и лишнее;» прервала хозяйка: «только голова ея была точно прекрасная; да къ сожалѣнію она слишкомъ потолстѣла.» – «Ахъ, милая!» возразилъ мужъ: «я не сталъ бы говорить объ ея таліи при тебѣ! И гдѣ жъ ты хочешь найти женщину, которая бы такъ сохранила свои прелести? Впрочемъ, г-жа Анжетъ всегда была гораздо тебя старѣе: она дебютировала... Ну, да не о дебютѣ дѣло! Въ самое то время, когда Анжетъ сводила съ ума всѣхъ зрителей Французскаго Театра, г-нъ Симонъ вздумалъ прислать сына своего въ Парижъ для окончанія наукъ.» – «Да!» прервалъ отецъ Симонъ: «я сдѣлалъ это дурачество; послушался умныхъ людей, и не подумалъ того, что чортъ ли велитъ молодому малому сидѣть за логогрифами въ такомъ городѣ, гдѣ, не учась, въ одинъ мѣсяцъ научишься тому, чего у насъ, въ Брюсселѣ, и въ цѣлый вѣкъ не узнаешь. И пойдетъ ли тамъ въ голову Математика, гдѣ передъ глазами вертится вѣчная ярмарка? Нѣтъ, тутъ и не у молодаго человѣка закружится голова!» – «Да, г. Симонъ это по себѣ знаетъ,» проговорила въ полголоса хозяйка, взглянувъ на меня съ улыбкой. «Но продолжай, Боельдьё; я замѣчаю, что графъ нетерпѣливо желаетъ слышать о нашихъ Парижскихъ дурачествахъ. Они рѣдкость для иностранцевъ.» – Нѣтъ! подумалъ я: къ несчастію, и по вашей милости, сдѣлались не-

рѣдкостью. Но Боельдьѐ продолжалъ. – «Молодой Симонъ увидѣлъ Анжетъ въ роли Агнесы, страстно въ нее влюбился....» – «И сдѣлалъ пребольшую глупость,» прервалъ отецъ. – «Да не прерывай меня, если хочешь, чтобъ я сегодня досказалъ.» – «Ну говори; я буду молчать.» – «И такъ, онъ влюбился....» – «И женился,» договорила жена за своего мужа. – «Да!» ворчалъ старикъ: «чортъ возьми, эта свадьба стоила мнѣ дорого.» – «Но вы, г. Симонъ,» возразила ему Клотильда, «забываете, что эта свадьба доставила вамъ ваше домашнее счастіе, а это всего въ свѣтѣ дороже.» – «Правда! Ну разсказывай; я не мѣшаю.» – «Наши газеты,» продолжалъ разскащикъ, «возвѣстили Европѣ невозвратную потерю Французскаго Театра, замужество прекраснѣйшей изъ его принцессъ. Публика загоревала, журналисты разгнѣвались, театральные стихотворцы снабдили ихъ плоскими эпиграмами, и все это скоро долетѣло до Брюсселя. Г. Симонъ, который, какъ вы видите, по сію пору не можетъ еще совсѣмъ проглотить свадебнаго пирожка своего сына, взбѣсился....» – «И было отъ чего!» вскричалъ неугомонный старикъ: «шалунъ сдѣлалъ меня посмѣшищемъ цѣлаго города. И могъ ли я ему простить?» – «А онъ не въ васъ! тотчасъ вамъ простилъ!» перехватила хозяйка. – «Но сдѣлайте милость, не мучьте нашего гостя! Я по себѣ знаю, каково ожидать и не дождаться конца.» – «Ну, такъ чтобы не мѣшать вашему разсказу, я буду читать вотъ этотъ листокъ журнала des Débats.» – Старикъ схватилъ газету, сѣлъ спиною къ Боельдьё, а тотъ принялся опять за разсказъ. –«Когда молодой Симонъ женился и взбѣсилъ отца, пріятели его старались какъ-нибудь поправить дѣло; писали къ старику, но онъ отвѣчалъ на ихъ уговоры бранью, грозилъ лишить сына наслѣдства, проклиналъ его, и что, всего хуже, не сталъ присылать ему денегъ и даже экипажей своей фабрики

въ Парижъ. Молодая г-жа Симонъ переносила крайнюю нужду, заложила свои бриллiанты, которыхъ, надобно отдать ей справедливость, она своимъ скромнымъ поведенiемъ не могла имѣть много. Мужъ принужденъ былъ продать послѣднюю кабрiолетку работы своего отца, и дѣла его шли всякой день хуже и хуже. Наконецъ, старикъ, не довольствуясь письменными ругательствами и исканiемъ развода, хотѣлъ присутствiемъ своимъ принудить сына расторгнуть бракъ, и прiѣхалъ въ Парижъ съ кучею золота, чтобъ заслѣпить правосудiе; но молодая г-жа Симонъ заинтересовала всю публику, а сынъ не казался ему на глаза. Нашлись тотчасъ прислужливые люди, которыми полонъ Парижъ; присовѣтовали старику, — разумѣется, за его деньги, — употребить хитрость, и черезъ прежнихъ товарищей его невѣстки, выкупить у нее мужа. Режисеры, суфлеры, актеры, весь кулисный народъ, обласкали его; не было ни одного кофейнаго дома, ни одной ресторацiи, гдѣ бы гнѣвный отецъ не угощалъ ихъ; наконецъ представили его г-жѣ Канделль, одной изъ важнѣйшихъ особъ и краснорѣчивѣйшихъ членовъ комическаго ареопага Французскаго Театра. Она его приняла, какъ огорченнаго родителя, со всею учтивостiю и состраданiемъ, котораго заслуживало его несчастiе. Мой другъ разчувствовался отъ ея чувствительности; тотчасъ дали, для него нарочно, драму ея сочиненiя - *Катерина, или Прекрасная арендаторша;* онъ расплакался отъ сочиненiя, и восхитился умомъ и дарованiями сочинительницы; сердце его, сжатое гнѣвомъ, растворилось для любви, и преслѣдователь г-жи Анжетъ, влюбился въ ея подругу.» — «Да, сударь!» вскричалъ отецъ Симонъ, перевернувши къ намъ свой стулъ, съ котораго чуть не свалился. «Да, сударь: я влюбился, и не знаю, почему это вамъ кажется удивительнѣе того, что вы влюбились въ вашу жену.

Положимъ, что оная жена подруга г-жи Анжетъ: да развѣ она то, что г-жа Анжетъ и всѣ актрисы въ цѣломъ свѣтѣ? Повѣрьте мнѣ, сударь, и всѣмъ, кто ее знаетъ, кто видалъ или читалъ ея сочиненія, что во всей Европѣ не найдешь такой женской головы. Семирамида была умна, очень умна; самъ Вольтеръ превозносилъ ее; я знаю, что Греки ею гордились, – но когда бы моя Катерина была на ея мѣстѣ, то, чортъ меня возьми, если бы они что-нибудь отъ того потеряли! Да, сударь: вамъ это кажется смѣшно; но пожалуйте ко мнѣ въ Брюссель, поговорите съ нею, и тогда мы увидимъ, улыбнетесь ли вы, и не скажете ли, что Карлъ Фридрихъ Симонъ, несмотря на всѣ толки, на всѣ насмѣшки, на всѣхъ газетчиковъ, журналистовъ и весь лай Парижской сволочи, умно, очень умно сдѣлалъ, что на ней женился..... И что мнѣ до всѣхъ пересудовъ, до всѣхъ предразсудковъ, когда я счастливъ!»–Но, сударь, спросилъ я: можетъ-быть и сынъ вашъ тоже счастливъ? – «Счастливъ теперь: да на долго ли? Онъ влюбился въ красоту; она влюбилась въ молодость и хорошій турнюръ, и оба поступили какъ дѣти. Но красота уже почти прошла, молодость проходитъ: что же остается за ними? Скука, и, чего Боже сохрани, раскаяніе! А я такъ влюбился не въ одно лице, которое точно прелестно, но въ умъ, въ душу, въ сердце. И чѣмъ я могъ ей понравиться? моей молодостью? моимъ турнюромъ? Вы сами видите, что Природа меня сработала не легкимъ моднымъ кабріолетомъ, а дѣдовскимъ берлиномъ. Вотъ, сударь, смотрите мои сѣдины (съ этимъ словомъ онъ схватилъ съ себя парикъ): я ихъ отъ нее не скрывалъ. Вы скажете, что она полюбила мое богатство. Извините! Я ей, будто за тайну открылъ, что мои дѣла разстроились, отъ того, что я, огорчась сыномъ, ввѣрилъ ихъ человѣку, который меня разорилъ. Могла ли она этому не повѣрить? И что же, сударь! несмотря на это, на-

ши добрыя сердца сошлись, она полюбила мою Фламандскую простоту, мое чистосердечіе.....» «Однако жъ, г. Симонъ,» сказала, улыбаясь, хозяйка, «вы ее обманывали?»—«Я ее обманывалъ, да не такъ какъ обманываютъ другихъ, выдавая себя за богача.» — «А кого этакъ обманывали, сударь?» спросила, видно обманутая нѣкогда, Клотильда. —«Почему я знаю кого! отвѣчалъ занятый одной своею мыслію Симонъ: «всѣхъ Парижскихъ актрисъ!» — «Но развѣ ваша супруга не актриса?» спросила съ явной досадой первая танцовщица. — «Она авторъ!» — «Поздравляю! И желаю, чтобъ этотъ авторъ не сочинилъ изъ кого-нибудь комедіи, въ родѣ Жоржа Дандина.» — Боельдьё, видя, что супруга его вспыхнула, вступилъ въ рѣчь и началъ мнѣ расхваливать г-жу Симонъ и превозносить блаженство супружеской жизни: онъ подошелъ къ своей супругѣ, вскочившей съ мѣста, и ставшей уже въ положеніи разгнѣванной Юноны, взялъ ея руку, прижалъ къ сердцу и сказалъ:—«Г. Симонъ счастливъ, очень счастливъ! Только я не завидую ни ему и ни кому въ свѣтѣ, когда моя Клотильда взглянетъ на меня ласково.» —Чувствительная танцовщица умилилась, и тотчасъ составила съ страстнымъ супругомъ группу Амура и Психеи, а поэтъ-музыкантъ прибавилъ: —«Я хотѣлъ бы знать, чье сердце можетъ теперь мнѣ не позавидовать?» — Признаюсь, что смотря на умильный взглядъ и прелестную руку Клотильды, обвившуюся около шеи ея мужа, я въ ту минуту не побожился бы и за мое сердце. Славный композиторъ, чтобы возстановить полную гармонію въ нашей бесѣдѣ, сѣлъ тотчасъ за фортепіано, и запѣлъ романсъ, положенный имъ на музыку. Голосъ, выраженіе и слова произвели сильное дѣйствіе въ слушателяхъ. Клотильда, къ которой относился нѣжный пѣвецъ, бросившись на полуантическую кушетку балетною Сафою, казалось, мысленно произносила стихи Лесбоской музы:

*

Въ восторгахъ сладостныхъ блуждающей души,
Я не могу найти ни языка ни гласа.....

Съ окончаніемъ мелодіи, замирающая отъ страсти голова ея упала на подушку, руки опустились, и она томнымъ взглядомъ, какъ-будто досказала послѣднее полустишіе Сафиной Оды: «Я млѣю!..... умираю!....» Нѣсколько вздоховъ, извлеченныхъ изъ моей груди восхитительнымъ пѣніемъ, полетѣли за Неву, а влюбленный старикъ, запрокинувшись на отлогую спину креселъ, утиралъ слезы. Когда трубадуръ замолкъ, онъ вскочилъ, обнялъ его, и упросилъ еще пропѣть положенные на музыку самимъ Боельдьё куплеты своей супруги, сочиненные, какъ онъ увѣрялъ, на счетъ его, Симона. Боельдьё исполнилъ его желаніе. Тогда Симонъ закричалъ:—«Пора домой! Какъ я ни люблю невѣстку и сына, а завтра же ихъ оставлю и непремѣнно ѣду къ моей Катюшѣ, къ моему поэту; черезъ два дня буду въ раю....»—«А я ужъ въ немъ,» отвѣчалъ пѣвецъ сладкозвучнымъ голосомъ, и громкій поцѣлуй новой Еввы раздался въ комнатѣ. Не совсѣмъ равнодушный свидѣтель брачныхъ восторговъ, которымъ однако не хотѣлъ мѣшать, я, отъ нечего-дѣлать, заговорилъ съ г. Симономъ. Старикъ бредилъ своей стихотворкой, и просилъ меня сдѣлать ему милость, возвращаясь въ Россію черезъ Брюссель, удостоить посѣщенія его домъ и полюбоваться на его счастіе, на прелесть, умъ и добродѣтель бывшей актрисы Французскаго театра, — «которыя совсѣмъ не то, что оперныя танцовщицы!» Разумѣется, что это было сказано шепотомъ и не безъ улыбки. Я не могъ ему дать слово, что буду имѣть честь познакомиться съ уважаемою уже мною сочинительницею, потому что намѣревался ѣхать черезъ Ліонъ въ Швейцарію; но со мной исполнилась Французская пословица — «человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.»

Сослуживецъ и пріятель мой, графъ П. А. Ш***, съ которымъ мы были въ Парижѣ почти неразлучно, и гдѣ онъ часто заставлялъ меня чувствовать болѣзнь по родинѣ играя на фортопіано – *Выйду ль я на рѣченьку*, – сговорился возвратиться вмѣстѣ со мною въ Россію, но непремѣнно захотѣлъ ѣхать черезъ Брюссель. Я принужденъ былъ уступить. Пріѣхавъ въ Брюссель, мы остановились въ Бель-вю, подлѣ бывшаго штатгалтерскаго дворца. Графъ только успѣлъ переодѣться, и убѣжалъ, сказавъ: – «Я надѣюсь, что ты настоящій Русской, и что это, въ случаѣ нужды, докажешь мнѣ на дѣлѣ.» – Развѣ ты въ томъ сомнѣвался? – «О, нѣтъ, я увѣренъ! Но прощай; къ вечеру возвращусь.» Не понимая смысла таинственныхъ словъ товарища, я провожалъ его глазами въ дворцовый паркъ, и вспомнилъ о каретникѣ Симонѣ. Я спросилъ трактирнаго лакея, гдѣ онъ живетъ. – «Въ нижнемъ городѣ, сударь, и, когда прикажете, я васъ провожу.» – Черезъ полчаса я уже былъ въ тѣсной улицѣ стараго города, воображая, какъ весело приметъ меня старый Симонъ, и какъ авторша будетъ со мною любезничать и придираться ко всему, чтобъ прочесть мнѣ кипу своихъ твореній, – что̀, признаюсь, меня немножко пугало. Вхожу въ домъ, не очень чистый съ наружи, но чрезвычайно опрятный внутри. Толстая Фламандка, Теньерова покроя, спрашиваетъ меня, кто я, кого мнѣ надобно, и, узнавъ, что по приглашенію Г. Симона я хочу ему засвидѣтельствовать мое почтеніе, отворяетъ одну дверь и указываетъ пальцемъ на другую. Я, продолжая путь одинъ, проникаю во вторую комнату и нахожу въ ней Симона въ большой задумчивости: онъ сидѣлъ въ старыхъ креслахъ съ вырѣзанною спинкою; передъ нимъ стояла серебряная кружка; потухшая бѣлая глиняная трубка была у него во рту. При стукѣ отворившейся двери, онъ поднялъ на меня тусклые глаза, въ которыхъ изображалось недоумѣніе. Чтобы

скорѣе прервать его, я произнесъ свою фамилію, припомнилъ ему, гдѣ и когда съ нимъ видѣлся, и тогда онъ сказалъ: – «А! очень радъ; благодарю за честь... Прошу садиться.» – Я сѣлъ. Вопросы о здоровьѣ, о дорогѣ, какъ-будто съ усиліемъ выходили изъ блѣдныхъ губъ его: я отвѣчалъ на нихъ, и наконецъ, замѣтивъ, что отвѣты мои не очень занимательны для хозяина, самъ спросилъ его о здоровьѣ его прелестной супруги. Онъ вытаращилъ на меня глаза, какъ-будто не понимая, что значатъ слова мои. Я почелъ должнымъ повторить мой вопросъ. – «Такъ вы ничего не знаете?» сказалъ мрачнымъ голосомъ хозяинъ. – Ничего, сударь! – «Слава Богу, есть еще хоть одинъ человѣкъ въ Брюсселѣ, который не знаетъ моего срама!» – Какъ срама? что это значитъ? – «Не больше не меньше какъ то, что въ самое то время, какъ я имѣлъ честь разсказывать вамъ о моемъ счастіи, о любви ко мнѣ моей Г-жи Кандель, она..... Какъ вы думаете, что она дѣлала? гдѣ была?» – «Она нетерпѣливо васъ дожидалась здѣсь.» – «Нѣтъ, сударь; она въ это время съ Англійскимъ лордомъ, жентельменомъ, денди, чортъ-знаетъ съ кѣмъ, скакала въ Дувръ въ новой каретѣ, которую я самъ сдѣлалъ для нашей свадьбы.» – Какъ? – «Да такъ, сударь мой, какъ скачутъ тѣ, которыя боятся погони..... Но я не погнался, нѣтъ; и радъ, что Богъ меня избавилъ отъ того, что чортъ на меня навязалъ.» – Эти слова чуть не принудили меня засмѣяться: я, сколько могъ, укрѣпился, но мое побужденіе не скрылось отъ зоркихъ глазъ старца, чувствующаго чего онъ достоинъ, и покинутый мужъ вскричалъ хриплымъ голосомъ: – «Не удерживайтесь, сударь; смѣйтесь, смѣйтесь: я заслужилъ, чтобы всѣ надо мной хохотали.» – Но хохотъ бѣднаго старика, совершенно остановилъ мою веселость: всѣ черты лица его выражали горькое отчаяніе, и онъ продолжалъ: – «Мнѣ

самому смѣшно, когда вспомню, что я, старый глупецъ, поскакалъ какъ сумасшедшій поднять небо и землю на моего бѣднаго сына, рвалъ волосы объ его дурачествѣ, проклиналъ его, — а самъ что сдѣлалъ?..... Вчетверо, вдесятеро, во сто разъ больше одурачился! А каково вамъ это кажется, что въ ту самую минуту, какъ мысленно смѣялся я надъ этимъ Боельдьё, женившимся на чортъ-знаетъ комъ, и хвасталъ передъ вами моей чортъ-знаетъ кѣмъ, она, неблагодарная, злодѣйка, змѣя, отравляла послѣднія минуты жизни моей, право ни чѣмъ кромѣ ея не посрамленной?... Но что объ этомъ говорить! Дай Богъ только, чтобъ мнѣ не долго еще срамиться.» — Соболѣзнуя душевно его убійственной горести, я старался, сколько могъ, убѣдить его не отчаяваться, и утѣшать себя Вѣрою. — «Вѣрою?» прервалъ онъ меня, почти съ изступленіемъ: Нѣтъ, сударь, злодѣйка и злодѣй выгнали ее изъ моего дома! Да; благодаря одному философу и моей философкѣ, я теперь ничему не вѣрю; она перевернула вверхъ дномъ мою голову.... И самъ не знаю, что я такое, — Христіанинъ, безбожникъ, матеріалистъ или отверженный демонъ? Все, чему вѣрили отцы, дѣды и прадѣды мои, исчезло для меня. Ахъ, я или очень поздно, или очень рано, какъ говорятъ новые мудрецы, родился на свѣтъ! Дѣды мои были счастливы по-своему; внуки мои, можетъ-быть, будутъ счастливы по-ихнему; а я несчастливъ всячески. Буду жить тогда, когда никто ни въ чемъ не увѣренъ, когда ничто не осталось на своемъ мѣстѣ! Не знаешь, что думать, что дѣлать, чему вѣрить, и дѣлаешь глупости, — да какія глупости! Ну, пришло ли бы когда-нибудь въ голову моему отцу влюбиться, жениться, — и на комъ? Да, сударь: мы живемъ въ дьявольскомъ вѣкѣ и пляшемъ по чертовской дудкѣ.» — Я не могъ доказать ему противнаго, пробылъ у него съ часъ, и воротился домой, чтобъ

услышать о другой проказѣ, къ которой духъ наглости, отличавшей писателей конца прошедшаго вѣка, былъ побудительною причиной.

Товарищъ мой открылъ мнѣ, что онъ затащилъ меня въ Брюссель, надѣясь, по слухамъ, отыскать въ немъ и наказать писателя Массона, оклеветавшаго наше отечество за гостепріимство, за ласки, даже за почести, имъ полученныя. Сбѣгавъ къ своему банкиру и повидавшись со всѣми своими знакомцами, онъ удостовѣрился, что клеветникъ уѣхалъ въ Литтихъ. Мы поскакали за нимъ туда, однако жъ не нашли его и тамъ, и поѣхали спокойно въ Берлинъ, гдѣ очень весело провели карнавалъ. Изъ Берлина мы возвратились Великимъ Постомъ въ Петербургъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я, въ вечеру, при лампѣ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, и читалъ въ Шекспировомъ Юліи Цесарѣ то самое мѣсто, какъ, по таинственномъ усыпленіи пѣвца и служителей Брутовыхъ, является ему тѣнь.... и вдругъ кто-то стукнулъ на Французской манеръ въ мою дверь. Я, признаюсь, такъ былъ увлеченъ въ волшебный міръ живописательнымъ даромъ великаго поэта, что вздрогнулъ и съ испугомъ спросилъ — Кто тамъ? — «Можно ли войти?» спросилъ кто-то по-Французски. — Войдите! — И съ этимъ словомъ явился передо мной.... Кто, вы думаете? Мой Парижскій угоститель, Боельдьё! Блѣдное, осунувшееся лице его показалось мнѣ точно лицемъ привидѣнія. Я глядѣлъ на него, какъ Симонъ на меня; онъ тоже. Произнесенная имъ фамилія тотчасъ разбудила мою память: я бросился обнимать его, но онъ, не допуская меня спрашивать о женѣ, сказалъ: — Вы видите во мнѣ бѣглеца отъ Фуріи, которая, слава Богу, не преслѣдуетъ меня какъ Ореста, и не мѣшаетъ мнѣ спать, когда мнѣ хочется. Да, и моя Пенелопа вѣр-

но не распускаетъ теперь ковра, чтобъ избавляться отъ жениховъ! – Какъ, Боельдьё! вы разошлись съ своей женою? – «Что вы называете – разошлись? Нѣтъ, я просто бѣжалъ отъ нее и отъ стыда изъ Парижа, и пріѣхалъ въ Петербургъ, не жить, а полюбоваться на прекраснѣйшій въ свѣтѣ городъ, и, если можно, работать для вашего театра, – въ чемъ, надѣюсь, вы мнѣ поможете.» – Съ радостію! сколько могу! Но, судя по вашему веселому разговору, я вижу, что вы не такъ отчаянны, какъ собесѣдникъ нашъ, Г. Симонъ, и могу спросить васъ, что жъ у васъ сдѣлалось? – «Спросите лучше, чего у насъ не сдѣлалось. Я могу вамъ побожиться только въ томъ, что перетерпѣвъ все, что можетъ перетерпѣть влюбленный человѣкъ отъ злой и избалованной женщины, еще не былъ битъ ни ею, ни моими намѣстниками.» – А что жъ молодой Симонъ? – «Онъ и жена только толстѣютъ: ихъ домашнее благополучіе доказываетъ, что нѣтъ правила безъ исключенія; но, къ несчастію, я попалъ въ общую массу.... Посмотрите, похожъ ли я на себя! Но ужъ теперь полно: ни одна танцующая Калипса не затащитъ меня въ свой островъ!» – И дѣйствительно, чтобы ни одна танцующая Калипса не могла затащить его, Боельдьё чрезъ нѣсколько лѣтъ женился на поющей Калипсѣ. Но, говорятъ, въ этотъ разъ онъ попалъ въ исключеніе изъ общаго правила.

КНЯЗЬ А. ШАХОВСКОЙ.

=

*** Уже большая часть этой статьи была отпечатана, когда Французскія газеты извѣстили о важной потерѣ для музыкальнаго свѣта. Боельдьё скончался въ Парижѣ 9 Октября. Прости насъ, духъ великаго гармоническаго таланта, въ которомъ столько разъ почерпали мы пріятнѣйшія свои ощущенія, что приключеніями твоей поэтической жизни мы невинно забавлялись въ то самое время, какъ твои земные останки лежали на смертномъ одрѣ!

=

ПОВѢСТИ.

=

ПОВѢСТЬ.

=

Долго ли еще будемъ мы писать повѣсти? Долго ли еще будемъ мотать умъ, способности, воображеніе, подаренныя намъ скупою Природою, и время, данное взаймы на самый короткій срокъ жадною и взыскательною ростовщицею, — долго ли еще будемъ мотать на разсказы, изъ которыхъ нельзя построить памятника даже на одинъ день славы? Долго ли.....? Боже, Боже, спаси землю твою отъ повѣстей! Мы погибаемъ подъ повѣстями! Мы заповѣствуемъ вконецъ себя и нашихъ современниковъ! О предшественникахъ и говорить нечего: мы превратили всѣхъ ихъ въ сказку, — скучную, мертвую, печальную; мы разрушили гробницы великаго кладбища подвиговъ, Исторію, изъ-за нѣсколькихъ страницъ пустаго разсказа, и прахомъ отцевъ нашихъ посыпали наши мгновенныя писанія. Что жъ намъ теперь остается? Повѣсть все исчерпала, истощила, осушила; все отъ нея поблекло и увяло; чего ни коснешься, все оставляетъ на рукѣ ржавыя пятна окисла, наведеннаго повѣстью, и съѣдающаго до тла бѣдный предметъ, достойный лучшей участи. Одни повѣствователи и повѣсти по-сю-пору были забыты сю; ихъ еще не выводила она на сцену. Если кто теперь хочетъ сказать что-нибудь новое, тому остается только сочинять повѣсти о повѣстяхъ или о повѣствователяхъ. О, сколько поразсказалъ бы я вамъ объ нихъ любопытнаго и удивительнаго, если бъ сталъ разсказывать! Да и въ са-

момъ дѣлѣ: кто жъ мнѣ запретитъ сочинять сказки объ тѣхъ, кто сочиняетъ сказки? Вотъ посмотрите! перваго сочинителя повѣстей, котораго вокругъ себя поймаю, – ну, сй-ей, возьму въ герои повѣсти! Увидимъ, какими молодцами смотрятъ въ ней тѣ, которые другимъ сообщаютъ разные дивные виды. Вотъ одинъ!..... Абдуръ-рахманъ Искендерани, одинъ изъ знаменитѣйшихъ повѣствователей въ мірѣ! Онъ Арабъ? Тѣмъ лучше! Всѣ сочинители сказокъ Арабы, или желали бъ быть ими.

Абдуръ-рахманъ Искендерани родился, – потому что повѣствователи родятся такъ же какъ герои повѣстей, – родился на бумагѣ, въ городѣ, котораго описывать вамъ не стану, по той причинѣ, что самъ его знаю и могъ бы не-хотя описать сходно съ настоящимъ видомъ, что̀ противно духу хорошей повѣсти. Однимъ словомъ, онъ родился въ Александріи. Отецъ его былъ порядочный купецъ, который нажилъ себѣ огромное состояніе, и умеръ, не подвергшись ни разу пыткѣ для удовлетворенія любопытства Александрійскаго бея, сколько именно онъ нажилъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ скрывать свое богатство, что прослылъ въ городѣ вторымъ Аристотелемъ, изобрѣтателемъ благоразумія и образцомъ всѣхъ безденежныхъ добродѣтелей. Сынъ его, не имѣвшій нужды трудиться въ лавкѣ, получилъ уже прекрасное образованіе въ главной тамошней *медресѐ*: старый купецъ желалъ непремѣнно, чтобъ его наслѣдникъ твердо зналъ Исторію, которая, лучше всѣхъ другихъ наукъ, удостовѣряетъ человѣка въ необходимости совершать подвиги на чужія деньги, и тщательно прятать свои собственныя. По-несчастію, въ этой *медресѐ* Исторію преподавали такъ, что молодой Абдуръ-рахманъ Искендерани ни коимъ образомъ не могъ отличить ея отъ сказки о томъ «Какъ Тулумбаджи-Мухаммедъ-эфенди поссорился съ Башмакчи-Ахмедъ-эфендіемъ»;

и какъ притомъ отецъ платилъ преподавателю особо за частные уроки, желая вывести сына въ отличные историки, во чтобы то ни стало, то изъ ученика Исторіи по-необходимости выпилъ отчаянный сочинитель историческихъ сказокъ, которыя первоначально изобрѣтены въ Александріи однимъ кривымъ переплетчикомъ, сшившимъ по ошибкѣ въ одну книжку второй томъ «Исторіи походовъ Саладина противъ крестоносцевъ» съ третьею частью «Новыхъ сказокъ для дѣтей.»

Видя, что онъ ужъ не нуженъ для дальнѣйшей повѣсти о сынѣ, отецъ поскорѣе умеръ самъ, изъ предосторожности, чтобы я, какъ искусный повѣствователь, не умертвилъ его неприличнымъ образомъ, для большей занимательности разсказа. Сынъ остался одинъ. Онъ былъ человѣкъ съ большими дарованіями къ повѣсти, только немножко близорукій, – такой близорукій, что, если бъ не могъ видѣть дальше двухъ шаговъ, я не сталъ бы писать объ немъ повѣсти изъ уваженія къ правдоподобію. Тогда у него было уже слишкомъ пятьдесятъ готовыхъ повѣстей въ различныхъ родахъ и обо всемъ возможномъ въ мірѣ, сочиненныхъ и переписанныхъ набѣло: онъ написалъ еще повѣсть о похоронахъ своего отца, и хотѣлъ издать все это въ четырехъ частяхъ. Александрійскій журналистъ, часто у него обѣдавшій, обѣщалъ напечатать объ нихъ прекрасную статейку: изъ этого вы видите, что дѣло случилось весьма недавно, уже по уничтоженіи въ Египтѣ нынѣшнимъ пашею свободной торговли, и по замѣненіи ея газетами и журналами, для пользы и потѣхи Египтянъ.

За всѣмъ тѣмъ, Абдуръ-рахманъ, по обыкновенной робости молодыхъ Арабовъ, трусилъ суда публики, и не смѣлъ предстать передъ него съ своими твореніями. Повѣсти его, въ отношеніи къ внутреннему ихъ достоинству, не уступали лучшимъ этого рода

произведеніямъ нашего вѣка, умнѣйшаго изъ вѣковъ, занимавшихся повѣстями; но онъ все-таки труснлъ. «Почему знать? думалъ онъ: повѣстей написано столько! Прежде онѣ всѣхъ восхищали, но теперь..... теперь онѣ могутъ быть похожи на старые тализманы, которые, потерявъ свое колдовство, иногда производятъ дѣйствіе, совсѣмъ противное первоначальному назначенію.» Абдуръ-рахманъ вздумалъ напередъ испытать частнымъ образомъ дѣйствіе повѣстей на умъ человѣческій въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Онъ взялъ свою тетрадь, собралъ всѣхъ слугъ, невольниковъ и невольницъ, приказалъ имъ сѣсть на землѣ въ серединѣ залы, и самъ занялъ мѣсто на софѣ, между двумя свѣчами.

– Слушайте со вниманіемъ! сказалъ онъ имъ: я буду читать вамъ повѣсти, а вы должны мнѣ говорить ваше объ нихъ мнѣніе. Кто не скажетъ по чистой совѣсти, какъ онѣ ему понравились, тому сто палокъ по пятамъ!

– Слушаемъ! отвѣчали они хоромъ.

Абдуръ-рахманъ сталъ читать первую повѣсть, съ разстановками, съ приличными измѣненіями голоса, съ чувствомъ, со всѣми повѣствовательными уловками. Онъ умѣлъ читать превосходно: сверхъ того и повѣсть была прекрасная. Окончивъ ее, онъ отодвинулъ свѣчи, и спросилъ:

– Ну, что? Каково вамъ кажется?

– Хороша! отвѣчали они.

– Сто палокъ, кто не скажетъ по совѣсти того, что думаетъ!

– Чудо, сударь! Чудо! прелесть! безподобно! съ восторгомъ вскричали они всѣ въ одинъ голосъ.

– Ну, такъ и говорите! Я люблю слышать правду. Конечно, она довольно хороша; но вотъ эта вторая еще занимательнѣе. Сидите смирно, и слушайте.

Абдуръ-рахманъ принялся за вторую повѣсть. По окончаніи ея, посыпались тѣ же восклицанія, но уже нѣсколько измѣненнымъ, сиповатымъ голосомъ. Авторъ приписалъ это вліянію поздняго вечерняго воздуха, потому что всѣ окна были отворены для избѣжанія духоты въ комнатѣ, и велѣлъ имъ слушать третью повѣсть.

Эта третья повѣсть была лучшее произведеніе Абдуръ-рахмана Искендерани: она довольно длинна, но должно сказать по совѣсти, что знаменитый повѣствователь, сочинившій въ жизнь свою слишкомъ четыреста повѣстей, превзошелъ въ ней самого себя. Чтеніе продолжалось около часу. Абдуръ-рахманъ былъ уже во второй половинѣ пьесы, въ самомъ трогательномъ мѣстѣ разсказа, — когда герой съѣдаетъ сердце своей любовницы; между слушателями царствовала глубочайшая тишина; только звонкій голосъ автора, взволнованный чувствомъ, и дрожащій подобно металлической струнѣ, царствовалъ въ воздухѣ обширной комнаты, какъ вдругъ послышались сильные удары молотомъ въ двери. Проникнутый своимъ предметомъ, повѣствователь не обратилъ на нихъ вниманія: онъ продолжалъ чтеніе, и радъ былъ, что никто изъ слушателей не трогался съ мѣста, — такъ всѣ казались углублены въ содержаніе повѣсти. Новые и сильнѣйшіе удары, отъ которыхъ потряслось все строеніе, наконецъ остановили чтеца. Онъ поставилъ свѣчи въ сторону, и закричалъ — «Кто тамъ?» — Никто не отвѣчаетъ. — «Кто тамъ?» Опять молчаніе. Между-тѣмъ удары сыплются по всей наружной стѣнѣ дома, рамы трещатъ, стекла лопаютъ и падаютъ на полъ въ смежной комнатѣ, выходящей на улицу. Испуганный Абдуръ-рахманъ вскочилъ съ софы. — «Кто тамъ?» — Нѣтъ отвѣта. Онъ схватилъ свѣчу, и выбѣжалъ на середину залы. О ужасъ! Всѣ слушатели его прелестной повѣсти спали какъ уби-

тые..... Онъ этого и не замѣтилъ, – потому что былъ близорукъ!

– Ахъ, вы, негодяи! мерзавцы! скоты!.... Вставайте!.... Что это значитъ?.... Бѣгите!.... Откуда этотъ стукъ на улицѣ?.... Слышите, колотятъ во весь домъ молотами!.... Скорѣе!

Крикъ, толчки ногою въ бокъ, брань хозяина, поминутныя потрясенія стѣнъ страшными ударами, – все было безполезно. Слушатели казались обхваченными невыпутною сѣтью сна летаргическаго, какъ послѣ пріема опіума. Они шевелились, приподнимались, и снова падали на полъ. Потерявъ терпѣніе, Абдуръ-рахманъ, со свѣчею въ рукѣ, побѣжалъ самъ въ наружныя комнаты дома. Всѣ окна были темны, кромѣ одного, около котораго нѣсколько человѣкъ работали снаружи, постепенно закрывая его досками. Онъ бросился къ этому окну, и, высунувъ голову въ промежутокъ, остававшійся между приставленными уже досками, закричалъ отчаяннымъ голосомъ:

– «Кто вы такіе? Что это? Что вы тутъ дѣлаете?....

Одинъ изъ работниковъ ударилъ его по лбу доскою, и закрылъ ею промежутокъ. Абдуръ-рахманъ силою вытолкалъ доску, и опять выставилъ голову.

– Что это за разбой? Какъ смѣете вы, мошенники.....?

– Кого ты называешь мошенниками, несій сынъ? отвѣчалъ ему голосъ съ улицы. Знай, что здѣсь самъ наибъ-эфенди. Пошелъ прочь!

– А! это вы? примолвилъ другой голосъ съ важностію. Миръ съ вами, о хозяинъ! Подите, ложитесь спать; завтра, *иншаллахъ*, «если Аллахъ помилуетъ», мы раздѣлаемся съ вами. Двери и окна велѣлъ заколотить я, – слышите ли? Что это за безпорядокъ? У васъ, о полуночи, всѣ двери настежь; въ сѣняхъ, въ передней, ни одной живой души, словно какъ въ пу-

стопорожнемъ домѣ! Ты забылъ, бездѣльникъ, что отъ имени Его Благополучія, господина нашего, паши, приказано подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія запирать домы спустя два часа по закатѣ солнца? Приготовь къ завтрашнему дню свои пяты!.... Мы всю ночь ловимъ мошенниковъ, бѣгаемъ за проклятымъ Гасаномъ эль-Хàреми, начальникомъ ихъ шайки, а вы отпираете имъ двери въ дома свои! Хорошо, дружечекъ! Ложись спать, а завтра, если Аллахъ помилуетъ, мы съ тобой повидаемся.

Нужно ли описывать остолбенѣніе и ужасъ, поразившіе пылкаго сочинителя повѣстей, когда выслушалъ онъ краснорѣчивое обращеніе къ себѣ Турецкаго полицмейстера? Нужно ли еще изображать мученія безконечной ночи, страхъ слишкомъ скоро наступающаго утра, безсонницу, печаль, отчаяніе, которые терзали его юную, поэтическую (техническій терминъ) душу!..... Нѣтъ, этого не нужно! Все это описано, изображено, переизображено въ тысячѣ повѣстей: возьмите первую изъ нихъ, и она вамъ скажетъ наперечетъ всѣ его страданія, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста для дѣйствія, надобно описывать однѣ чувства, а подобныя описанія всегда представляютъ ту же пѣсню, несмотря на разность словъ и оборотовъ. Коротко сказать вамъ, Абдуръ-рахманъ, ожидая палочной бани, чувствовалъ въ сердцѣ совершенно то же, что чувствовала Юлія Г. Бальзака, что чувствуетъ всякая Юлія во всякой повѣсти, ожидая невѣрнаго любовника, который не приходитъ въ условленное время. Это тѣмъ достовѣрнѣе, что въ самомъ дѣлѣ наибъ, подобно реченному любовнику, измѣнилъ Абдуръ-рахману: онъ не пришелъ поутру для палочной расправы, какъ ни ждалъ его сочинитель. Наибъ, знаете, былъ не дуракъ: онъ разсчиталъ, что, отколотивъ повѣствователя по пятамъ, повѣсть тѣмъ бы и кончилась, и предпо-

челъ обождать до вечера, пока заключенный у себя авторъ порядкомъ проголодается. Выйти изъ дома за живностью никто не можетъ; разнощики, видя заколоченныя двери и окна, не поднесутъ припасовъ, да и поднести несмѣютъ: слѣдственно сюжетъ въ состояніи еще принять новый оборотъ и сдѣлаться весьма занимательнымъ. Повѣсть, которую Турецкій полицмейстеръ задумалъ сыграть съ повѣствователемъ, явно клонилась къ духу и красотамъ юной Словесности: представьте только всѣ ужасы голода посреди богатаго торговаго города и въ виду кораблей, грузящихъ съѣстные припасы въ Старой гавани! сочинителя повѣстей, пожирающаго своихъ слушателей! слушателя, огрызающаго ножку сочинителя повѣстей! Да это сцена изъ романа Евгенія Сю, о которомъ нанбъ читалъ вчера удивительныя похвалы въ Александрійской газетѣ, печатаемой въ два столбца по-Арабски и по-Французски! Нанбъ рѣшился посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ.

Къ вечеру, прошелся онъ изъ любопытства мимо Абдуръ-рахманова дома, и какъ-бы отъ нечего-дѣлать сталъ разбирать находившіяся на немъ благочестивыя надписи, которыми часто набожные мусульмане, — а ненабожные еще чаще, — украшаютъ стѣны, двери, окна и всѣ углы своихъ жилищъ. Это очень хорошее обыкновеніе, тѣмъ болѣе, что каждая изъ этихъ надписей, смотря по словамъ, изъ которыхъ она составлена, имѣетъ испытанное свойство отвращать какую-нибудь бѣду отъ дома. Прочитавъ всѣ надписи внизу, — ихъ было очень не много, и все самыя обыкновенныя, — онъ небрежно окинулъ взоромъ окна верхняго яруса. На стеклѣ одного изъ нихъ виднѣлась четвертка желтой бумаги съ надписью большими красивыми литерами: *Аллахъ великъ, милосердъ 1000 разъ!* Нанбъ, извѣстный въ цѣлой Александріи по строгости своихъ мусульманскихъ правилъ,

нашелъ ее не довольно набожною, покачалъ головою, и пошелъ далѣе.

На другой день, около обѣденнаго времени, онъ снова направилъ свою прогулку по той же улицѣ. На стеклѣ, вмѣсто прежней надписи, была уже другая: *Нѣтъ божества кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ Аллаха! 2000!* Наибъ только пожалъ плечами, при мысли, какъ теперь упало вѣрованіе, когда люди употребляютъ на своихъ окнахъ такія простыя, обветшалыя надписи, вмѣсто тѣхъ пламенныхъ выраженій, которыми нѣкогда красовались домы правовѣрныхъ и сыны пророка побѣждали нечистивыхъ гяуровъ!

Въ тотъ же день, около заката солнца, наибъ нечаянно вспомнилъ, что ему нужно ѣхать въ одинъ базаръ, лежащій поблизости того же мѣста. Онъ велѣлъ подать коня. Минуя домъ бѣднаго повѣствователя, увидѣлъ онъ въ окнѣ новую надпись: *Нѣтъ силы, ни крѣпости, кромѣ какъ у Аллаха! Мы отъ Аллаха и всѣ къ нему возвратимся. 5000.* Онъ оборотился къ одному изъ своихъ чиновниковъ, и сказалъ:

— Ага! что ты думаешь о нынѣшнихъ людяхъ? Эти нововведенія, къ которымъ нашъ паша такъ пристрастенъ, право никуда не годятся. Мусульмане молятся такъ слабо, что не стоитъ смотрѣть на ихъ молитвы. Я увѣренъ, что всѣ нынѣшніе будутъ въ аду, — не правда ли?

Между-тѣмъ они ужъ были далеко. На третій день, наибу случилось раза три ѣхать по той же улицѣ. Поутру, надпись въ окнѣ была слѣдующая: *Аллахъ, Аллахъ! ты кормитель! ты не даешь погибнуть безъ пищи мельчайшей изъ тварей твоихъ! 10,000.* Ему было недосугъ читать такія надписи. Во второй проѣздъ его, около полудня, явились слова: *Аллахъ великій, могущественный, милосердый! сколько ни есть любви въ нашихъ сердцахъ, мы отдаемъ всю тебѣ одному. 15,000.* Улыбка мелькнула на полномъ, лоснящемся лицѣ на-

иба, но онъ не остановился: онъ спѣшилъ по дѣламъ службы. Наконецъ вечерняя надпись – *Аллахъ! мы погибаемъ подъ тяжестью грѣховъ нашихъ! 25,000* – эта простая, но трогательная надпись обезоружила его строгость. Онъ погладилъ себѣ бороду, и приказалъ оторвать доски отъ дверей дома. Бѣдный Абдуръ-рахманъ, сухой какъ Арабъ и желтый какъ повѣствователь, который три дня не обѣдалъ, чуть не откусилъ зубами красной и жирной Турецкой щеки полицмейстера, когда тотъ вошелъ въ сѣни съ толпою своихъ чиновниковъ. Наибъ, по силѣ надписей изъ корана, взялъ двадцать пять тысячъ піастровъ въ карманъ; по силѣ закона, далъ нѣсколькимъ служителямъ по десяти палокъ за небрежность въ ночное время, когда господинъ ихъ почивалъ въ своей спальнѣ, «какъ сіе видно изъ произведеннаго на мѣстѣ слѣдствія,» и, по врожденной учтивости, сказалъ голоднымъ: «Да накормитъ васъ Аллахъ милосердый своею благодатью! Желаю вамъ покойной ночи!»

Первая попытка съ повѣстями была довольно неудачна и обошлась автору очень дорого. Но онъ скоро придумалъ себѣ утѣшеніе. «Какъ мнѣ пришло въ голову, сказалъ онъ, наблюдать дѣйствіе литературнаго изящнаго надъ грубою челядью? Невольники и скоты одно и то же: это говоритъ Арабская пословица, – я начинаю вѣрить пословицамъ. Надо поискать слушателей пообразованнѣе, не выходя однако жъ изъ семейнаго круга.» Абдуръ-рахманъ пригласилъ къ себѣ, на вечеръ, всѣхъ своихъ родственниковъ и родственницъ. Послѣ нѣкотораго разговора, онъ весьма тонко замѣтилъ, что вечера становятся длинны, и что, встарину, лучшимъ препровожденіемъ времени въ такую пору почиталось слушаніе разскащиковъ. Родственники съ нимъ согласились, что это лучшее препровожденіе времени. Но откуда взять разскащиковъ? Съ тѣхъ поръ, какъ наша началъ просвѣщать Еги-

петъ, число веселыхъ и забавныхъ людей значительно уменьшилось; всѣхъ сказочниковъ похватали на улицѣ, превратили въ тамбуръ-мажоровъ и отправили въ Грецію, подвизаться за честь Оттоманской имперіи. Не сдобровать Египту безъ сказокъ!....

— Знаете, что? воскликнулъ хозяинъ. У меня есть повѣсти, которыя оставилъ мнѣ одинъ пріятель для прочтенія. Хотите ли ихъ послушать? Удивительныя повѣсти!

— Ахъ, сдѣлай милость! вскричали всѣ родственники. Мы безъ ума отъ повѣстей! Садись вотъ здѣсь, между нами, и читай.

Абдуръ-рахманъ принесъ свою тетрадь, и прочиталъ имъ первую повѣсть. Всѣ были въ восхищеніи, и просили читать вторую, которая тоже увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Онъ приступилъ къ третьей, самой лучшей въ цѣломъ собраніи. Слушатели напрягли все вниманіе, которое одушевило сочинителя еще большею ревностью; но въ половинѣ разсказа онъ послышалъ подлѣ себя громкое храпѣніе. Его двоюродный братъ, Шаттаръ-Агà, записной весельчакъ и очень добрый малой, спалъ почти на его плечѣ! Сочинитель толкнулъ его локтемъ въ бокъ. Слушатель не просыпался. Обиженный равнодушіемъ братца къ изящному, и негодуя на производимый имъ шумъ, который мѣшалъ удовольствію другихъ, Абдуръ-рахманъ повторилъ толчекъ, и такъ сильно, что въ этотъ разъ Шаттаръ-Агà внезапно вскочилъ на ноги, и съ просонья началъ драть его кулаками по головѣ, по лицу и по шеѣ. Авторъ не стерпѣлъ такой наглости. Не догадываясь, что это было слѣпое дѣйствіе гнѣва, вспыхнувшаго во время сна, и что братецъ самъ не помнитъ того, что дѣлаетъ и кого бьетъ, онъ бросилъ повѣсти, схватилъ его за маленькую клинообразную бороду, и принялся отдѣлывать по-Египетски. Чалмы ихъ упали на полъ. Съ возрастающею

яростью, пыхтя, пѣнясь, визжа, они долго возились передъ софою, колотили, ругали другъ друга, пока обоюдное изнеможеніе не заставило ихъ прибѣгнуть къ короткому отдыху, во время котораго держали они себя за шивороты и грозно смотрѣли въ глаза одинъ другому.

— Ты, негодяй, измѣнникъ! сзываешь къ себѣ родню, вопилъ Шаттаръ-Ага, усыпляешь рабовъ Божіихъ какими-то дряными повѣстями, да потомъ налагаешь на нихъ руку!....

— Какъ ты смѣешь, оселъ, сынъ ослиный, называть ихъ дряными?... Вотъ я тебѣ докажу!!...

— Тронь только, такъ я, по милости Пророка, мигомъ тебя уничтожу!.... Дряныя, говорятъ тебѣ! мерзкія, негодныя, какъ самый ихъ авторъ.....

— Знаешь ли, о комъ ты говоришь? Это мои повѣсти!....

— А, такъ это твои? Знай же, что онѣ еще глупѣе тебя..... Посмотри кругомъ: не меня одного, ты усыпилъ всѣхъ своимъ нечестивымъ вздоромъ!

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ спали, — всѣ до единаго. Авторъ остолбенѣлъ при этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ, и зажалъ критику ротъ оплеухой; критикъ въ ту же минуту напечаталъ свое мнѣніе на щекѣ автора, и они опять принялись драться. Таково еще плачевное положеніе Критики въ Египтѣ! Ихъ полемика разбудила всѣхъ спящихъ, и тѣхъ даже, которыхъ еще не потоптали они ногами или не придушили, валясь оба вмѣстѣ на землю. Поднялся страшный шумъ. Шаттаръ-Ага кричалъ, что Абдуръ-рахманъ разбойникъ; что, не могши поддать яду, онъ нарочно сочинилъ такія усыпительныя повѣсти, чтобъ всѣхъ родныхъ повергнуть въ летаргію, и перерѣзать, а потомъ овладѣть ихъ наслѣдствомъ; что онъ долженъ быть колдунъ, и не иначе сообщилъ своему безбожному творенію это ужасное дѣйствіе на при-

сутствующихъ, какъ посредствомъ чернокнижія. Какая простота понятій! Но въ Арабской повѣствовательной Словесности то былъ первый примѣръ подобнаго дѣйствія. Родственники и родственницы приняли сторону обиженнаго слушателя противъ автора: всѣ на него навалились; всѣ стали ругать его и его сочиненіе; всѣ поносили его за то, что онъ пустился въ сочинители, имѣя, слава Аллаху, средства быть порядочнымъ и уважаемымъ въ людяхъ человѣкомъ. Таково еще состояніе общественнаго мнѣнія въ Египтѣ, несмотря на двѣ Александрійскія газеты, Французскую и Арабскую! По-счастію, когда злополучный Абдуръ-рахманъ почти уже испускалъ духъ подъ тяжестью огромной родни, взгромоздившейся на него съ руками и ногами, нѣкоторые изъ преслѣдователей вступились за угнетеннаго, боясь смертоубійства, и битва переселилась въ ряды наступающихъ. Родственники передрались между собою. Освобожденный хозяинъ успѣлъ прогнать ихъ, съ помощію слугъ, на улицу. Но дѣло тѣмъ не кончилось. У Шаттаръ-Аги былъ съ отцемъ Абдуръ-рахмана старинный процессъ о значительной суммѣ, который предалъ онъ забвенію, какъ добрый малой и пріятель съ дѣтства своему двоюродному брату. Теперь, озлобясь на него въ рукопашномъ разборѣ достоинства повѣстей, онъ возобновилъ тяжбу; всѣ родственники, — тетушки, дядюшки, кузены, кузины, — всѣ міромъ пособили ему прижать появившагося въ семействѣ сочинителя; Абдуръ-рахманъ проигралъ процессъ и лишился третьей части всего имѣнія.

Но для человѣка, который все превращаетъ въ повѣсть, эта бѣда еще не велика. Онъ написалъ повѣсть на двоюроднаго брата, повѣсть на тетушекъ, повѣсть на дядей, три повѣсти на кузинъ и двѣ на кадія, велѣлъ переписать ихъ, присоединилъ къ собранію, и опять былъ счастливъ. Родственники всегда первые враги

тому, кто въ ихъ семействѣ вздумаетъ быть авторомъ: поэтому, неудивительно, что они уснули при слушаніи его повѣстей, думалъ про себя Абдуръ-рахманъ. Всего лучше составить себѣ кругъ изъ умныхъ и образованныхъ пріятелей: тѣ постигнутъ красоты его твореній и оцѣнятъ ихъ надлежащимъ образомъ! Абдуръ-рахманъ съ радостью повиновался внушенію этой мысли. Онъ позвалъ къ себѣ человѣкъ тридцать друзей, и угостилъ ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Въ числѣ гостей находился и Александрійскій полицмейстеръ, – тотъ самый наибъ, любитель благочестивыхъ надписей, который получилъ съ него двадцать пять тысячъ піастровъ по силѣ таинственнаго смысла словъ – «Аллахъ! мы погибаемъ подъ тяжестью грѣховъ нашихъ.» Ничто не соединяетъ людей такъ тѣсно, какъ порядочная взятка. Съ тѣхъ поръ наибъ занималъ первое мѣсто въ спискѣ дражайшихъ и почтеннѣйшихъ пріятелей молодаго хозяина, который даже былъ чрезвычайно радъ присутствію его въ этомъ собраніи: если что и случится, то, по-крайней-мѣрѣ при начальникѣ благочинія, друзья не осмѣлятся поступить съ нимъ такъ, какъ поступили неблагодарные родственники.

Чтобы пріятнѣе занять друзей, – притомъ же большая часть ихъ могла ускользнуть тотчасъ послѣ обѣда, – Абдуръ-рахманъ предложилъ, что онъ будетъ читать имъ свои повѣсти, тогда какъ они будутъ кушать и пить въ его присутствіи. Арабскіе друзья готовы на все за обѣдомъ, и планъ засѣданія былъ одобренъ единогласно. Авторъ былъ человѣкъ скромный и мнительный; третья его повѣсть уже дважды произвела одинаковое дѣйствіе на слушателей, и онъ сталъ наконецъ подозрѣвать, что въ ней таится какая-то усыпительная сила, могущественнѣе всѣхъ красотъ, которыми изобилуетъ разсказъ. Не длина ли ея этому причиною? Въ самомъ дѣлѣ, она длинно-

вата! Абдуръ-рахманъ рѣшился испытать на обѣдающихъ друзьяхъ три первыя свои повѣсти въ обратномъ порядкѣ, – сперва усыпительную, потомъ вторую, и наконецъ первую, которая уже дважды восхитила слушателей. Къ его удивленію, къ его радости и торжеству, эта опасная повѣсть прошла съ необыкновеннымъ успѣхомъ: гости забыли о яствахъ и о питьѣ, только глотали слезы, да восклицали – «Аллахъ, Аллахъ!» Наибъ объявилъ, что ежели только Его Благополучіе, паша, прочитаетъ эту повѣсть, то навѣрное велитъ набить автору ротъ червонцами. «О, если бъ Его Благополучіе умѣлъ читать!» подумалъ со вздохомъ авторъ.

Вторая повѣсть была принята съ тѣмъ же одобреніемъ, хотя развитіе застольныхъ ощущеній сердца нѣсколько подавляло впечатлѣнія изящнаго. Разговоры завязывались въ разныхъ точкахъ круга, и чтеніе неоднократно прерывалось личною веселостью пирующихъ. Но при началѣ этой повѣсти опять водворилось молчаніе, вниманіе усугубилось, интерессъ живо отразился на всѣхъ лицахъ, и хозяинъ, въ торжественной тишинѣ общаго благоговѣнія передъ его талантомъ, не только не смущаемой нескромными замѣчаніями, но еще усиливавшейся по мѣрѣ развитія предмета, продолжалъ чтеніе до послѣдней строки съ удовольствованнымъ самолюбіемъ автора и съ чувствительною благодарностью друга къ судьямъ, умѣющимъ отдать ему справедливость.

Окончивъ повѣсть, онъ нѣсколько секундъ ждалъ грома хвалебныхъ возгласовъ, града «Аллахъ, Аллахъ!», бури удивленія, – но торжественная тишина продолжала свое безмятежное царствованіе. Смертельный толчекъ разыгравшемуся самолюбію! Абдуръ-рахманъ отставилъ свѣчи, прищурилъ глаза и устремилъ всѣ лучи слабаго своего зрѣнія на общество. «Аллахъ, Аллахъ! вѣдь они спятъ! Что за нечистая си-

ла?..... Такая занимательная повѣсть!....» Абдуръ-рахманъ протеръ глаза, и опять сталъ всматриваться. «Да! Они спятъ!....» Одни спали тутъ же, облокотясь на низкій столъ, за которымъ обѣдали; другіе свалились съ мѣстъ и спали, растянувшись на коврахъ въ различныхъ видахъ. Служители, принимавшіе также большое участіе въ чтеніи хозяина и застигнутые сномъ въ то же время, какъ и господа, представляли еще забавнѣйшее зрѣлище: они лежали купами въ разныхъ мѣстахъ залы, нѣкоторые съ блюдами въ рукахъ, другіе носами въ блюдахъ. Абдуръ-рахманъ былъ огорченъ до крайности. Онъ вспомнилъ слова своего двоюроднаго брата, Шаттаръ-Аги, и почти сталъ вѣрить, что кто-нибудь заколдовалъ его повѣсти. «Теперь столько Европейскихъ бродягъ съ каждымъ вѣтромъ пріѣзжаетъ въ Александрію! Шейтанъ же знаетъ! можетъ-статься, они и чернокнижники? можетъ-быть въ Европѣ выдумали такой талисманъ, который стоитъ только всунуть между повѣстей, и тотчасъ усыпишь ими народъ? Но если бъ тутъ было колдовство, то всѣ предстоящіе должны бъ ему подвергнуться, а этого я здѣсь не вижу. Кажется, вонъ тамъ, въ концѣ стола, нѣсколько человѣкъ гостей сидятъ прямо и покушиваютъ съ большимъ апетитомъ?....»

И дѣйствительно: въ концѣ стола четверо человѣкъ еще составляли лестное исключеніе изъ общаго правила. Абдуръ-рахманъ чрезвычайно обрадовался своему открытію. Одинъ изъ нихъ, казалось, былъ мужчина исполинскаго роста съ выбритою бородою и съ длинными горизонтальными усами; не совсѣмъ знакомая его наружность нѣсколько поразила хозяина, но онъ скоро убѣдился, что его бѣдные глаза, утомленные рукописью, его и внутреннее смущеніе, невинно превратили одного изъ его гостей и лучшихъ цѣнителей изящ-го въ безобразный призракъ безъ бороды и съ усами.

Сомнѣніе его уничтожилось, какъ скоро гость заговорилъ голосомъ, похожимъ на голосъ одного изъ друзей, находившагося въ собраніи.

— Ну, вотъ видите! сказалъ гость смѣясь: видите, какъ эти господа понимаютъ красоты вашего прелестнаго творенія! Всѣ уснули! Мы одни слушали до конца со вниманіемъ, и наслаждались.

— Такъ, эта маленькая повѣсть вамъ нравится?

— Чрезвычайно!

— Такъ, вы говорите, что она....?

— Чудо!.... Ну, чудо!!! Однако, знаете ли, почтенный Абдуръ-рахманъ: вы требуете отъ насъ искренняго мнѣнія; я вамъ льстить не стану, и скажу откровенно, что какъ это повѣсть историческая, то въ ней слѣдовало бъ быть болѣе точности въ собственыхъ именахъ. Вѣдь все различіе исторической повѣсти съ другими повѣстями, все ея достоинство въ томъ, что имена дѣйствующихъ лицъ выписаны изъ Исторіи. Замѣните ихъ вымышленными названіями, и весь родъ сочиненія уничтожится: остальное то же, что и всякая другая сказка. Такъ зачѣмъ же называете вы знаменитую любовницу Гаруна аль-Рашида *Махбубою*, когда Исторія зоветъ ее *Махбибою*....?

— Позвольте вамъ сказать.....

— Нѣтъ! ужъ позвольте вамъ сказать, что мы, всѣ четверо, не сообщаясь, сдѣлали это замѣчаніе.

— Помилуйте! Масъуди, Димешки, Биладери, всѣ, всѣ историки и географы называютъ ее *Махбубою*.

— Мы то же читали Масъудія и Димешкія, и всегда находили *Махбибу*.

— Быть не можетъ! Вы ошибаетесь.....

Они начали спорить. Наконецъ гость прервалъ хозяина, и предложилъ ему кратчайшее и самое простое средство рѣшить прѣніе.

— У васъ есть Масъуди? Сдѣлайте милость, подите, принесите его! Если тамъ стоитъ *Махбуба*, такъ вы

правы, виноваты мы, — мы невѣжды, и дѣло съ концемъ.

Абдуръ-рахманъ побѣжалъ со свѣчею въ библіотеку за Масъудіемъ. Онъ нашелъ его мигомъ, и, въ пылу самолюбія, не выходя изъ библіотеки, отъискалъ мѣсто, гдѣ историкъ упоминаетъ объ этой прославленной красавицѣ: тамъ было сказано, что ее звали *Махбубою*. Какая радость для сочинителя историческихъ сказокъ! Повѣсть его спасена! Она останется историческою, тогда какъ судьба благороднаго ея рода уже зависѣла отъ одной буквы! Онъ пошелъ обратно въ залу. Лице его сіяло побѣдоносною улыбкою, и, дорогою, онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать про себя вслухъ: «Какой чудакъ! Съ чего онъ взялъ спорить, что она *Махбиба*? Да это даже не Арабское слово! Въ цѣломъ языкѣ нѣтъ такой формы. *Махбиба*!!....

Съ этимъ словомъ перешагнулъ онъ черезъ порогъ залы, гдѣ постыдное низложеніе ожидало задорнаго спорщика..... Что это? Темно? Всѣ свѣчи погашены! На столѣ....? на столѣ не осталось даже одной ложки! Вся его великолѣпная посуда, его прелестныя золотыя тарелочки, огромныя серебряныя блюда и подносы, бокалы и чашки, украшенные финифтью и каменьями, подсвѣчники, янтари, трубки, — все убрано до чиста! Ай Аллахъ! и наибъ безъ чалмы! У полицмейстера сняли съ головы прекрасную шаль, которую подарилъ ему самъ благополучнѣйшій паша!.... «Воры! воры!» закричалъ авторъ въ крайнемъ отчаяніи. Онъ бѣгалъ по залѣ, толкалъ слугъ, будилъ гостей, кричалъ всякому въ ухо—«Воры! воры!», обливался холоднымъ потомъ, почти приходилъ въ бѣшенство. Умерщвленные повѣстями начали воскресать одинъ за другимъ, спрашивая:—«Гдѣ воры? Что такое случилось?....» Наибъ тщетно ищетъ около себя чалмы; тѣ добиваются дорогихъ кинжаловъ, которые были за

поясами; иные шумятъ, что у нихъ вытащили часы или деньги; суматоха становится всеобщею.... Несчастный авторъ толковалъ каждому споръ свой о *Махбубѣ* и *Махбибѣ*, но никто его не понималъ, и никто не хотѣлъ слушать. Наконецъ принесли побольше свѣчей.

Въ самомъ дѣлѣ, комната ограблена, утащено все, что только въ ней было получше! Турецкій полицмейстеръ, блѣдный, полусонный, съ большими глупыми глазами, съ пальцемъ во рту въ знакъ удивленія, съ выбритою головою и безъ турбана, во всякое другое время составилъ бы для зрителей предметъ живѣйшей потѣхи, но теперь имъ было не до смѣха. Хозяинъ хотѣлъ описать своему покровителю, гдѣ и какъ сидѣлъ тотъ, который послалъ его въ библіотеку искать Масъудія: онъ привелъ наиба за руку къ тому мѣсту, и первая вещь которая бросилась имъ въ глаза, былъ лежавшій на концѣ стола лоскутокъ бумаги, съ нѣсколькими строками, начертанными карандашемъ. Они пожелали прочитать его: всѣ столпились вокругъ нихъ съ величайшимъ любопытствомъ, и услышали слѣдующія слова:

«Любезный, достопочтеннѣйшій другъ нашъ, Абдуръ-рахманъ-Ага! Благодаримъ васъ за отличное угощеніе: вы доказали намъ свою дружбу, такъ исправно усыпивъ этихъ господъ своими повѣстями, и подавъ намъ возможность обобрать ихъ, какъ слѣдуетъ. Да ниспошлетъ вамъ Аллахъ многія лѣта!»

«Гасанъ эль-Хареми».

Гости остолбенѣли при имени этого ужаснаго атамана мошеннической шайки, долго ругавшейся надъ бдительностью нашинской полиціи. Наибъ отступилъ шага три, и страшно посмотрѣлъ въ глаза трепещущему хозяину.

— Э! пріятель!.... Такъ ты въ дружбѣ съ этимъ разбойникомъ? Такъ ты по согласію съ нимъ сзываешь къ

себѣ гостей, усыпляешь ихъ своими сказками, и помогаешь ему грабить, чтобъ потомъ дѣлиться добычею! Ступай за мною, мошенникъ!

Всѣ оправданія автора повѣстей, всѣ просьбы собесѣдниковъ и свидѣтельства слугъ были напрасны. Наибъ слишкомъ былъ мастеръ своего дѣла, чтобъ упустить изъ рукъ подобный случай къ поживѣ. Абдуръ-рахмана бросили въ ту же ночь въ темницу, гдѣ томился онъ три недѣли, каждый день проклиная свои повѣсти. Чтобъ избѣгнуть пытки при допросѣ, онъ заплатилъ семьдесятъ тысячъ піастровъ, и считалъ себя счастливымъ, что его выпустили живаго.

Онъ произнесъ торжественный обѣтъ передъ Алкораномъ, не издавать своихъ повѣстей и не читать ихъ никому изъ постороннихъ. Онъ наслаждался ими одинъ, въ тишинѣ своего дома. Но что это за наслажденіе! Можно ли быть совершенно счастливымъ безъ свидѣтелей вашего себялюбія? Себялюбіе есть воровство чужихъ удовольствій въ пользу своего кармана. Счастіе есть толстый, глупый ребенокъ, котораго носитъ и катаетъ на рукахъ своихъ тщеславіе. Такъ по-крайней-мѣрѣ думаютъ Арабы, которые должны понимать его лучше насъ, потому что никогда объ немъ не писали и въ своемъ языкѣ имѣютъ даже слова для выраженія нашего счастія..... Свѣтлая мысль вспыхнула въ умѣ Абдуръ-рахмана. Онъ воскликнулъ: «Я женюсь! Да; я женюсь. Жена будетъ съ восхищеніемъ слушать мои повѣсти. Она должна быть довольна моими твореніями,—столько же, сколько я самъ, потому что супружество то же себялюбіе, только себялюбіе вдвоемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошая идея!.... Только, что пользы, когда одна жена да я будемъ составлять весь кругъ домашней авторской славы?.... По благословенію господина нашего, пророка Магомета Избраннаго (да привѣтствуетъ его Аллахъ!), я женюсь на четырехъ женахъ. Четыре

жены! вѣдь это супружеская публика.» Абдуръ-рахманъ до тѣхъ поръ не былъ спокоенъ, пока не женился на четырехъ женахъ, молодыхъ, прекрасныхъ, отлично воспитанныхъ и изъ хорошихъ фамилій.

Составивъ полный комплектъ супругъ, онъ посадилъ ихъ въ рядъ, на коврѣ, въ спальнѣ, и принялся читать имъ свои сочиненія, — тѣ, которыхъ еще никому не читывалъ. При третьей повѣсти, жены тоже заснули. Онъ, по обыкновенію, не примѣчалъ этого, продолжалъ чтеніе съ жаромъ, и не прежде остановился, какъ уже вся комната была въ огнѣ. Одна изъ женъ, засыпая, опрокинула свѣчу подъ кровать, которая мигомъ загорѣлась. Пламя быстро распространилось по пологамъ, коврамъ и занавѣсамъ. Не тушить, а спасать надобно было многочисленную супружескую публику, погруженную въ глубокій сонъ. Пока онъ ихъ вытащилъ, пожаръ проникъ въ покои, и ни какія усилія не могли уже остановить дѣйствія разрушительной стихіи. По милости повѣстей, Абдуръ-рахманъ лишился и своего великолѣпнаго дома.

Онъ перешелъ въ другой домъ, оставленный ему родителемъ, но уже не столь обширный и даже бѣдной наружности. Состояніе его было уже разстроено повѣстями, а прихоти и требованія четырехъ супругъ ни сколько не уменьшались. Жизнь повѣствователя день-ото-дня становилась несноснѣе. Но, по-крайней-мѣрѣ въ этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, его сочиненія начали приносить ему какую-нибудь пользу: лишь только жены попросятъ у него денегъ, онъ тотчасъ станетъ читать имъ свои историческія повѣсти, и онѣ уснутъ благополучно на цѣлыя сутки!

Но и это не могло быть продолжительно. Жены наконецъ не стали слушать его чтеній, и ему надоѣла жизнь, исполненная ссорами, бѣдой, заботами. Долго бы не рѣшился онъ ни на какую мѣру, когда бъ въ одно

утро не пришлось такъ къ слову, что онъ ужасно побранился со второй своей женою. Будучи сестрою эмира, человѣка въ зеленой чалмѣ, то есть, одного изъ пяти сотъ восьмидесяти пяти тысячъ девятисотъ двадцати семи потомковъ въ прямой линіи Пророка, у котораго всего была только одна дочка, разъяренная супруга побѣжала жаловаться брату, и въ доносѣ на мужа упомянула, что онъ пишетъ повѣсти даже на эмировъ, на людей въ зеленой чалмѣ, на благородное сословіе внуковъ Магомета Избраннаго,—повѣсти, въ которыхъ жестоко осмѣиваетъ ихъ спѣсь, и называетъ ихъ нищими и дураками. Для эмира этого было достаточно: онъ полетѣлъ стрѣлою къ дерзкому сочинителю, который позволяетъ себѣ подшучивать надъ людьми въ зеленой чалмѣ, будь они даже нищіе и дураки; сорвалъ съ него турбанъ, и кинжаломъ отрѣзалъ ему ухо, прежде нежели тотъ спохватился. Знай нашихъ! Онъ швырнулъ ему въ лице собственнымъ же его ухомъ, и удалился, оставивъ его въ крови и недоумѣніи. Не понимая, что это значитъ, Абдуръ-рахманъ подобралъ ухо свое съ земли, и понесъ его на тарелкѣ къ кадію. По справкѣ оказалось, что оно было отрѣзано за непристойныя насмѣшки надъ сословіемъ эмировъ. «Справедливо!» сказалъ кадій: «очень справедливо!» И какъ самъ онъ, не извѣстно почему, носилъ съ нѣкотораго времени зеленую простыню на головѣ, то велѣлъ еще высѣчь автора по пятамъ, и въ добавокъ взыскалъ съ него значительную пеню для своего кармана, чтобъ внушить наблюдателю нравовъ болѣе уваженія къ добродѣтелямъ людей въ зеленой чалмѣ.

Возвратясь домой, Абдуръ-рахманъ послалъ въ аптеку за пластыремъ для своихъ подошвъ, и, пока принесли кусокъ мази, развелся съ боли со всѣми четырьмя женами. Ихъ уже не было и въ домѣ, когда человѣкъ воротился изъ аптеки.

Прикладывая пластырь къ израненнымъ подошвамъ, онъ имѣлъ все нужное время разсудить хладнокровно, какую сдѣлалъ глупость, женясь для того, чтобъ пріобрѣсти благосклонныхъ слушательницъ для своихъ повѣстей. Къ чему брать четырехъ женъ, четырехъ госпожъ, когда можно было взять четырехъ невольницъ, у которыхъ тоже есть восемь ушей? У невольницъ, по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ братьевъ въ эмирахъ. Ихъ можно выбрать по своему вкусу, такъ, чтобъ онѣ были и хороши собою, и умны, и образованы. Слава Аллаху, въ Каирскомъ базарѣ, за деньги, есть всѣ сорты качествъ, добродѣтелей и дарованій! И не однѣхъ невольницъ, онъ могъ бы даже купить тамъ ученыхъ рабовъ, и образовать у себя дома, изъ людской и изъ дѣвичьей, отборную, просвѣщенную публику. Во-первыхъ, онъ купилъ бы тамъ себѣ невольника поэта. Что можетъ, примѣрно, стоитъ хорошій поэтъ, въ нынѣшнее время? Двѣ, три тысячи піастровъ? Не большія деньги! Во-вторыхъ, онъ купилъ бы себѣ славнаго историка. Эти люди подороже: положимъ пять тысячъ! Абдуръ-рахманъ еще въ состояніи пожертвовать пятью тысячами Египетскихъ піастровъ, чтобъ имѣть въ своей дворнѣ историка, способнаго судить объ его историческихъ повѣстяхъ, и доставлять ему хорошія истины для передѣлыванія ихъ въ сказки. Говорятъ, будто въ Европѣ многіе такъ пишутъ историческіе романы? Не худо бы было также пріобрѣсти невольника грамматика. Грамматиковъ никто не покупаетъ: слѣдственно они должны продаваться дешево. Да теперь, какъ въ Египтѣ завелись газеты, то вѣроятно на базарѣ можно достать и критиковъ.....

Лишь только Абдуръ-рахманъ увидѣлъ себя въ состояніи свободно приступать на подошвахъ, онъ продалъ домъ, оставилъ неблагодарную Александрію. и переѣхалъ на жительство въ Каиръ. Въ Каирѣ другой свѣтъ, другіе люди: по-крайней-мѣрѣ это столица!

Напередъ онъ купилъ домъ; потомъ пошелъ на базаръ, и купилъ себѣ четырехъ красивыхъ, умныхъ и образованныхъ невольницъ, да четырехъ ученыхъ рабовъ, — цѣлый причетъ безпристрастныхъ обоего пола судей изящнаго. Въ Египтѣ все продаютъ на деньги, — даже безпристрастіе; славу, тоже.

Такъ случилось, что поэтъ былъ вмѣстѣ и хорошій поваръ: двойная польза! Историкъ нѣсколько обучался портному дѣлу, и поутрамъ могъ дѣлать заплатки въ старомъ платьѣ. Грамматикъ зналъ грамотѣ, и превосходно чистилъ трубки. Критикъ ничего не зналъ. Абдуръ-рахманъ почти сожалѣлъ, что заплатилъ за него деньги: продавецъ надулъ, увѣривъ, что онъ очень полезенъ, — что Европейцы жадно покупаютъ такихъ слугъ, — что одинъ Англійскій лордъ, шатающійся теперь по Египту съ явнымъ намѣреніемъ наврать что-нибудь на бумагѣ о правахъ этого края, хотѣлъ купить его для своей книги, и предлагалъ за него большую сумму!.... Нѣтъ ничего карикатурнѣе понятій, возникающихъ изъ смѣси двухъ противоположныхъ порядковъ вещей въ минуту разлива новыхъ идей по поверхности старой образованности и ея привычекъ. Поѣзжайте въ Египетъ: право, занимательное зрѣлище!

Поутру Абдуръ-рахманъ занимался пріятною бесѣдою съ четырьмя невольницами; послѣ обѣда онъ приказалъ поэту вымыть руки и явиться въ залу съ тремя рабами, историкомъ, грамматикомъ и критикомъ. Невольницы пришли также. Онъ посадилъ всѣхъ ихъ въ рядъ, на коврѣ, передъ софою, самъ усѣлся на софѣ, и внушилъ имъ, тонко ощущать красоты новыхъ его повѣстей, — каждый по своей части.

Началось чтеніе.

Въ началѣ третьей повѣсти они уснули. Абдуръ-рахманъ не велѣлъ давать имъ въ тотъ день ужинать.

Проученный безпрестанными неудачами, авторъ,

на другой вечеръ, принялъ нужныя мѣры предосторожности: онъ поставилъ передъ слушателями часы и блюдо Испанскаго нюхательнаго табаку; приказалъ имъ всякія пять минутъ принимать по щепоткѣ крѣпкаго летучаго порошку, и, читая въ тетради, самъ присматривалъ за ними, чтобы они не спали. Тщетныя усилія! Они опять заснули, и Испанскій табакъ принесъ только ту пользу, что они заснули при четвертой, а не при третьей повѣсти.

— Ахъ, вы, бездѣльники! съ гнѣвомъ вскричалъ Абдуръ-рахманъ, срываясь съ софы. Постойте жъ!.....

И каждому члену своей публики онъ вколотилъ въ носъ по горсти табаку съ блюда. Они проснулись въ одно мгновеніе ока; схватились за ноздри; думали, что у нихъ взорветъ носы на воздухъ, или что въ нихъ поселились скорпіоны, какъ вдругъ раздалось громовое чиханіе, похожее на бѣглый огонь изъ двухъ сотъ ружей. Они плакали, стонали, ревѣли и болѣе часу катались по полу, чихая. Никогда еще повѣсти не производили столь сильнаго ощущенія!

Когда всѣ вычихались и снова сѣли передъ софою, Абдуръ-рахманъ обратился къ поэту:

— Ты спалъ, оселъ!

— Нѣтъ-съ! я пилъ кувшиномъ мозга моего прохладную росу мыслей съ цвѣтовъ повѣстей вашихъ, и носомъ наслажденія обонялъ душистый запахъ розы.....

— *Скотъ!* закричалъ ему Абдуръ-рахманъ.

«Скотъ» значитъ по-Арабски — «молчи!» Это повелительное.

— Въ вашихъ повѣстяхъ, сударь, въ одинъ голосъ присовокупили всѣ прочіе, есть что-то неопреодолимое, невольно клонящее ко.....

— *Скоты!* (Арабское множественное число), — закричалъ онъ всѣмъ прочимъ.

— Не подсыпалъ ли кто опіума въ ваши чернила? спросила одна изъ невольницъ.

– *Скотъ!* закричалъ онъ ей. Вы дураки, чурбаны. Я за васъ заплатилъ большія деньги, а вы ни къ чему не способны. Вы не умѣете даже слушать повѣстей со вниманіемъ. Неужели это такое трудное дѣло?..... Вотъ я вамъ покажу, какъ надо слушать. На, ты, историкъ, возьми мою тетрадь, и читай вотъ эти повѣсти! Онѣ чрезвычайно интересны. А вы, всѣ, смотрите на меня и учитесь!

Рабъ по части Исторіи взялъ рукопись, и началъ читать. Абдуръ-рахманъ, изъ чтеца сдѣлавшись слушателемъ, поминутно восклицалъ: «Видите, какъ это занимательно!» Онъ слушалъ свои повѣсти бодро, со вниманіемъ, и не постигалъ, отъ чего другіе при нихъ засыпали, – какъ, въ половинѣ второй повѣсти, самъ захрапѣлъ на всю залу.

Нѣтъ! ужъ тутъ очевидно были чары!

Абдуръ-рахманъ проснулся по-полуночи. Въ залѣ было темно, въ прочихъ комнатахъ темно; но на другой половинѣ дома, въ гаремѣ, мерцало яркое освѣщеніе, слышались звуки гитаръ и восхитительные голоса поющихъ. Абдуръ-рахманъ не могъ постигнуть, что бы это значило; кто бы такой пировалъ въ его домѣ, когда всѣ спятъ. Чары, и только! Неужто ему продали заколдованный домъ? Впрочемъ, въ Каирѣ такіе домы не рѣдкость!..... Онъ потихоньку пробрался въ гаремъ; взошелъ по лѣстницѣ съ предосторожностями, какія только внушаются и любопытствомъ и страхомъ сверхъестественнаго; входитъ..... Аллахъ, Аллахъ! нѣтъ силы, ни могущества, кромѣ какъ у Аллаха! Ахъ, разбойники!..... Представьте только: пируютъ его покупные слушатели, его ученые рабы, съ его же благовоспитанными рабынями! Историкъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ одну, грамматикъ другую; третья поетъ и танцуетъ съ поэтомъ; четвертая обвила рукою грязную шею критика, который между-тѣмъ льетъ себѣ въ горло лучшее вино сочинителя.

Два мѣшка хозяйскихъ піастровъ лежатъ на коврѣ къ раздѣлу..... Абдуръ-рахманъ, внѣ себя отъ гнѣва, бросается на нихъ съ первою попавшеюся ему палкою; но дерзкіе рабы, которымъ послѣ этого оставалось только испустить духъ на колу, рѣшились на отчаянное сопротивленіе, и отражаютъ удары ударами. Драка, шумъ, гвалъ. Весь домъ гремитъ визгомъ сочинителя съ рогами, и крикомъ развратной дворовой публики. Тогда какъ критикъ съ грамматикомъ и поэтомъ вязали Абдуръ-рахмана, историкъ успѣлъ ускользнуть на улицу, и привести полицію, уже предваренную имъ, что ихъ господинъ сошелъ съ ума отъ повѣстей, и повергается въ опасныя припадки бѣшенства.

Я видѣлъ несчастнаго Абдуръ-рахмана Искендерани въ Каирскомъ домѣ сумасшедшихъ, за желѣзною рѣшеткою. Его показывали, какъ дикаго звѣря!....

Шейхъ эль-Могди, бывшій секретаремъ правительственнаго Дивана въ Каирѣ во время занятія Египта Французами подъ предводительствомъ генерала Бонапарте, собралъ его повѣсти и хотѣлъ ихъ напечатать. Я читалъ нѣкоторыя изъ нихъ: онѣ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно занимательны, и я не придумаю, отъ чего въ нихъ происходило это страшное усыпительное дѣйствіе. Его можно объяснить лишь тѣмъ, что повѣсти были многочисленны и слѣдовали безпрерывною цѣпью. Во всякой повѣсти есть немножко морфическаго, снотворнаго начала, какъ во всякомъ цинковомъ кружкѣ есть немножко силы, раздражающей нервы. Если положить извѣстное число повѣстей одну на другую, то онѣ по-видимому дѣйствуютъ наподобіе Вольтова столба, котораго сила увеличивается по мѣрѣ умноженія кружковъ. Но это только догадка.

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОЛЬРИДЖЪ.

Въ то самое мгновеніе, какъ мы принимаемся за перо, угасаетъ послѣднее свѣтило великой эпохи Англійской Словесности. Передъ нами лежатъ три тома стихотвореній, собранныхъ впервые, и газета съ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ знаменитаго ихъ автора и издателя. Кольриджа ужъ нѣтъ; но, уходя въ лучшій міръ, онъ еще озаботился подарить насъ сокровищемъ высокихъ своихъ вдохновеній. Изданныя въ первый разъ вполнѣ, они побуждаютъ насъ изложить нѣсколько мыслей о геніи этого необыкновеннаго человѣка, тѣмъ болѣе, что великая, но не шумная его слава и невѣрно понятый духъ его поэзіи почти требуютъ такого объясненія. Сверхъ того, говоря о Кольриджѣ, нельзя не говорить о Шиллерѣ и о Гёте, съ геніями которыхъ связанъ его геній и образуетъ съ ними одно яркое созвѣздіе во всемірной Словесности. Имѣя многихъ обожателей, еще больше несправедливыхъ критиковъ пѣвецъ «Кристабели» и «Стариннаго Моряка» мало извѣстенъ въ томъ литературномъ мірѣ, который, не обладая преимуществомъ надѣлять славой въ потомствѣ, раздастъ ее въ Европѣ хоть на короткое время. Въ этомъ мірѣ онъ слыветъ только за человѣка съ дарованіемъ, который написалъ много прекрасныхъ стиховъ, но котораго прежнія

способности давно уже были утрачены или сбиты съ пути метафизическими грезами, овладѣвшими на старости лѣтъ его сильною головою. Быть-можетъ, самъ онъ причиною этому неблагодарному объ немъ мнѣнію, потому что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ литераторовъ едва-ли кто такъ небрегъ авторскою знаменитостью, едва-ли кто былъ такъ щедръ и неразборчивъ на показъ своихъ умственныхъ богатствъ передъ всякимъ недостойнымъ, едва-ли кто такъ мало заботился о томъ, для кого растетъ жатва, которую онъ обильно посѣялъ. «Богъ свидѣтель, говорилъ онъ однажды о своей неизданной системѣ Христіанской Философіи: Богъ свидѣтель, что авторское тщеславіе тутъ ни сколько не участвуетъ! Я былъ бы сердечно радъ, если бъ кто-нибудь другой сдѣлалъ это прежде меня.» Разсказываютъ гдѣ-то про Виргилія, что онъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ стихи Варія и Горація, чѣмъ свои собственные. За это мы не поручимся; однако жъ эта сказка всегда приходила намъ въ голову, когда мы видали, какъ Кольриджъ поправлялъ и обдѣлывалъ сочиненіе одного современнаго писателя съ большимъ радушіемъ, съ гораздо большею ревностью, чѣмъ произведенія своего собственнаго пера.

Вордсвортъ часто говаривалъ, что многіе люди нашего вѣка дѣлали удивительныя вещи, напримѣръ Деви, Скоттъ, Кювье и прочіе; но что онъ зналъ одного только удивительнаго человѣка, — Кольриджа. Разумѣется, и здѣсь, какъ вездѣ въ антитезахъ, надо уступить нѣсколько истины для большей красоты фигуры, но мы дѣйствительно думаемъ, что всякъ кто бывалъ у Кольриджа, по большей части оставлялъ его съ чувствомъ, довольно близкимъ къ сужденію Вордсворта. Ему удивлялись болѣе, чѣмъ его твореніямъ, или забывали творенія въ поглощающемъ впечатлѣніи, которое производилъ самъ авторъ. И не мудрено. Кто помнитъ его въ лучшей поръ, мо-

жетъ засвидѣтельствовать особенность и непреодолимую силу его разговорнаго краснорѣчія. Нигдѣ нельзя было услышать что-нибудь подобное: тутъ все было въ другомъ родѣ, въ другомъ размѣрѣ, въ другомъ видѣ. Огромный запасъ учености, блистательность и тонкая разборчивость выраженій, глубокое, всегда готовое сужденіе, чудная и безпредѣльная начитанность, — этого мало: драматическая живость разсказа, умныя шутки, остроты, неподдѣльная веселость, скромная, почти священническая одежда, густые серебристые волосы, свѣжерумяныя щеки, невыразимый ротъ и губы, быстрые, но проницательные зеленовато-сѣрые глаза, медленная и ровная рѣчь и вѣчнопоющая музыка звуковъ, обвороживали зрителя и слушателя. Даже и въ старости, разговоръ его отличался всѣми чертами этого превосходства: та же самобытность, та же неожиданность, та же многообъятность; казалось, для него ничто не было высоко, ничто не низко; онъ перелеталъ съ земли на небо, съ неба на землю такъ быстро, такъ свѣтло, съ такой легкостью и силою, какъ-будто вдохновенный свыше. Однако жъ его всеобъемлемость была совсѣмъ не такова, какою отличаются обыкновенные витіи, расточающіе критику и знанія на первый предметъ, который попадется. Нѣтъ; въ этомъ-то и состояло главное отличіе Кольриджевой бесѣды, что она истекала изъ глубины души, и сіяла ея лучами. Вотъ почему, въ отношеніи къ свойству и слогу бесѣды, знаменитый Джемсъ Мекинтошъ былъ совершенно противоположенъ Кольриджу. Въ цѣлой Англіи не было собесѣдника плавнѣе, блестящѣе и пріятнѣе; его никогда не заставали въ расплохъ. Но какъ бы то ни было, а всѣ рѣзкія и блистательныя вещи, которыя говорилъ Мекинтошъ, выливались, такъ сказать, каждая изъ особой скляночки, заранѣе приготовленной и снабженной для порядка ярлычкомъ. Умъ его былъ точно какъ

богатый, хорошо расположенный травникъ, гдѣ найдете вы всякое драгоцѣнное растеніе, только срѣзанное нарочно и высушенное для показа. Рѣдко Природа дѣйствовала въ немъ въ тотъ же мигъ. Совсѣмъ другое было въ Кольриджѣ. Онъ могъ быть медленнѣе, околичнѣе, могъ меньше поражать краснорѣчіемъ въ первую минуту; зато, все, что онъ ни скажетъ, казалось какъ-бы сейчасъ вычеканеннымъ; цвѣты его какъ-бы только-что сорванными, еще окропленными росою, и вы почти видѣли сами, гдѣ и какъ росли они въ душѣ его. Тутъ все открыто, и колдовство у васъ передъ глазами. Слушать Мекинтоша значило вдыхать благовонія, – пріятныя, но не упоительныя. Провели вы часъ съ Кольриджемъ, онъ вѣрно заставилъ васъ призадуматься; слова его цѣлую недѣлю не давали вамъ покою: это чары, лучи новаго свѣта, откровенія. Словомъ, между ними было столько же разницы, сколько между талантомъ и геніемъ.

Весьма опытному скорописцу поручено было записывать Кольриджевы лекціи о Шекспирѣ; но у него вышло что-то непонятное. Между-тѣмъ, Кольриджъ читалъ, по обыкновенію, медленно и мѣрно. Скорописецъ отзывался о своемъ затрудненіи слѣдующимъ образомъ: за всякимъ другимъ ораторомъ, какъ бы онъ скоръ и сбивчивъ ни былъ, можно успѣвать потому, что, при долговременномъ навыкѣ, всегда угадаешь форму послѣдней части періода по началу; но каждое Кольриджево заключеніе было нечаянностью; надлежало выслушивать его до послѣдняго слова. Необычайность мыслей или образовъ никогда не позволяла предугадать окончанія.

Умственная дѣятельность Кольриджа такъ часто проявлялась въ изустныхъ сообщеніяхъ, что нельзя говорить о немъ, не обративъ вниманія на достоинства его въ этомъ отношеніи. Со временъ Джонсона, ни одинъ Англійскій литераторъ не пользовался уваже-

ніемъ и преданностью такого множества учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже сдѣлались, другіе вѣроятно сдѣлаются, новыми и независимыми источниками свѣта и нравственности, основанной на началахъ общаго ихъ наставника. Половина этихъ учениковъ слушала уроки Философіи изъ устъ его. Полнота, глубокость, конечная цѣль его ученій никогда не были обнародованы, и если иногда открывались, то единственно въ бесѣдѣ, когда случай, расположеніе духа и самъ слушатель подавали къ тому достаточный поводъ. Кольриджъ часто говаривалъ, что съ перомъ въ рукѣ встрѣчаетъ онъ тысячу трудностей въ выраженіи своей мысли, но не находитъ ни малѣйшаго препятствія въ изустномъ объясненіи самыхъ тонкихъ умствованій. Отвлеченнѣйшія его мысли становились риѳмическими и ясными, когда онъ перелагалъ ихъ на свойственный имъ напѣвъ. Теперь обратимся къ его стихотвореніямъ.

Замѣчательно, что хотя признаки болѣе умственныхъ качествъ великаго поэта въ молодости часто бываютъ весьма слабы, какъ напримѣръ у Байрона, однако жъ превосходство стихосложенія, само по себѣ, вообще обнаруживается заранѣе. Какъ ухо для музыки, чувство мелодіи размѣровъ дается отъ Природы; и то и другое очевидно связаны съ физическимъ строеніемъ органовъ, и не могутъ быть пріобрѣтены ни какими усиліями искусства. Не то, чтобъ обладаніе ими непремѣнно вело къ достиженію совершенной гармоніи въ музыкѣ или въ стихахъ; но этой гармоніи никогда не бывало тамъ, гдѣ природный даръ не обнаруживался гораздо прежде.

Лучшія Кольриджевы стихотворенія отличаются удивительнымъ совершенствомъ риѳма и метрическаго расположенія. Вѣрно, это стоило ему не малаго труда: звукъ и мѣра словъ его кажутся взвѣшены на

золотыхъ вѣсахъ небесной гармоніи. Самыя мелочи стихотворнаго механизма считалъ онъ достойными изученія. Мы конечно не думаемъ, чтобъ этого рода правила были у него передъ глазами, когда онъ сочинялъ, точно такъ же какъ опытный диспутантъ вѣрно не думаетъ о подраздѣленіяхъ силлогизма во время преній; но видно, что, почти съ самаго начала своей поэтической жизни, Кольриджъ почиталъ стихосложеніе гораздо важнѣйшею вѣтвію искусства, чѣмъ полагала большая часть великихъ его современниковъ. И это тщательное изученіе ремесла обнаруживается въ немъ не техническими странностями, не фантастическими выходками, противъ которыхъ вопіетъ духъ языка; но точнѣйшимъ приноровленіемъ хода рѣчи къ чувству, и изящнѣйшимъ выборомъ словъ, самыхъ приличныхъ по смыслу и по звуку. Оттого стихи его какъ-будто играются для уха на какомъ-то невидимомъ инструментѣ. Чтеніе его отличалось тѣми же совершенствами: оно было не риторское, а музыкальное,—такъ близко къ речитативу, что во всякомъ другомъ показалось бы смѣшнымъ; но онъ тутъ же чудесно умѣлъ выказать каждую частицу смысла, не опуская ни малѣйшаго оттѣнка въ изложеніи. Глава изъ Исаіи Пророка, имъ прочитанная, воспламеняла душу набожностью. Мы упомянули объ этомъ, только чтобъ показать, до какой степени этотъ человѣкъ былъ сама музыка; между-тѣмъ, въ тѣсномъ смыслѣ, ухо его было не музыкальное. Превосходствуя въ умственной гармоніи, онъ ничего не могъ пропѣть; однако всегда любилъ музыку, и безошибочно умѣлъ отличать хорошее отъ дурнаго. Однажды, бѣдный Нальди сказалъ ему въ концертѣ: «Кажется, васъ не очень заняла пьеса Россини, которую теперь играли?» — It sounded to me like nonsense verses, «Она звучала въ моихъ ушахъ точно какъ глупые стихи,» отвѣчалъ Кольриджъ. Это словцо чрезвычайно удачно.

Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, хоть мы и не беремся объяснить его, что въ поэзіи глубина мыслей измѣряется метрическою гармоніей. Петрарка, Спенсеръ, Шекспиръ и Мильтонъ лучшія тому доказательства: Гёте и Кольриджъ то же. Въ стихахъ, въ прозѣ, въ разговорѣ, умъ Кольриджа вездѣ отличается могуществомъ: онъ всегда дѣятеленъ, всегда разсуждаетъ. Онъ не заботится о чемъ-нибудь только потому, что оно было или есть, а требуетъ, чтобъ это относилось или могло быть отнесено къ какому-нибудь закону или началу. Въ сужденіи онъ всегда опирается на нѣчто внутреннее, и это-то внутреннее начало, этотъ законъ старается онъ выяснить. Если онъ успѣлъ убѣдить или убѣдиться à priori въ какомъ-нибудь началѣ, онъ не гонится за фактами. Онъ вводитъ васъ въ рабочія Искусства и Природы, какъ проводникъ, показывающій пещеру, одѣтую желѣзнымъ колчеданомъ и сталактитами: въ ней все холодно, сыро и неподвижно до тѣхъ поръ, пока онъ подниметъ свой факелъ; но какъ скоро онъ его поднялъ, вдругъ видите вы стѣны и своды всѣ въ горящихъ кристаллахъ и звѣздахъ изъ вѣчнаго алмаза.

Кольриджъ не принадлежитъ къ тому великому разряду поэтовъ, который соотвѣтствуетъ живописи и живописцамъ, и котораго главы суть Пиндаръ и Данте. Эти люди родились съ счастливымъ даромъ все видѣть и все изображать въ полнотѣ дѣйствительной предметности. Къ нимъ примыкаетъ еще другой рядъ поэтовъ, хоть не богатыхъ картинами, за то расточительныхъ на живопись: сюда можно отнести Спенсера и Соути. Ни къ которому изъ нихъ не принадлежитъ Кольриджъ: въ его Кристабели есть конечно нѣсколько отдѣльныхъ картинъ высокой красоты, но, какъ поэтъ, онъ явно входитъ въ другой разрядъ, соотвѣтствующій музыкѣ и музыкантамъ. Здѣсь вы находите великолѣпный строй словъ, перевитый и уни-

занный чертами личности самого поэта. Вотъ разрядъ, къ которому тоже принадлежитъ Мильтонъ; и Кольриджъ говорилъ объ немъ, что замѣтилъ въ его твореніяхъ только двѣ настоящія картины: одна—Адамъ, наклонившійся къ спящей Еввѣ, въ началѣ пятой книги Потеряннаго Рая, другая — Далида, приближающаяся къ Сампсону, въ концѣ Агонистовъ.

Поэзія Кольриджа ясна и точна въ своихъ образахъ, которые рѣдко или даже никогда не выставляются для одного описанія, рѣдко или никогда не бываютъ исключительно предметны, то есть, предназначены только для зрѣлища, для картины, на которой умственный взоръ остановится, да тѣмъ и кончитъ. Можете, если вы близоруки или съ холоднымъ воображеніемъ, оставаться при однихъ образахъ; но поэту хотѣлось бы, чтобъ вы чувствовали и воображали гораздо болѣе того, что видите. Цѣль его та, чтобъ настроить васъ на то же расположеніе духа, на тотъ же тонъ фантазіи, изъ которыхъ вылились думы, оживляющія его картины. Вы должны раздѣлять его мысли, его чувства; должны разстаться съ своимъ прежнимъ мнѣніемъ или вѣрою, и возвратиться къ чистому сознанію. Отъ раннихъ поръ до самой его смерти, поэзія Кольриджа была вѣрнымъ зеркаломъ, отражавшимъ картину ума его. Оттого онъ такъ оригиналенъ и самобытенъ. Никто изъ почитателей Кольриджевой Философіи не пойметъ ея вполнѣ безъ объяснительныхъ картинъ его Поэзіи. И признаться, довольно странно слышать, что иной называетъ невразумительными философскія начала, проникающія каждую страницу тѣхъ самыхъ стихотвореній, которыми онъ со всѣми удивляется.

Ни одинъ писатель не выразилъ такъ живо, какъ Кольриджъ той великой истины, что человѣкъ творитъ себѣ міръ, или что воображеніе пересоздаетъ и перекрашиваетъ все его окружающее. Этой умствен-

ной созерцательности приписываемъ мы то, что Кольриджъ никогда не предпринималъ большой героической поэмы. Объемъ дѣйствія такой поэмы требуетъ свободнаго и плавнаго теченія повѣствовательныхъ стиховъ; описанія, чисто предметныя, должны занимать въ ней много мѣста, и успѣхъ ея зависитъ отъ быстроты, или, по-крайней-мѣрѣ, отъ живости движенія, которая едва ли совмѣстна съ тѣмъ, что Баконъ называлъ внутренностью мысли, inwardness of meaning. Оно не способно долго поддержать вниманіе читателя: путь его далекъ, — надо, чтобъ дорога была гладка и незатруднительна. Сосредоточенная страсть Оды въ героической поэмѣ неумѣстна. Мало кто станетъ оспаривать, чтобъ Иліада и Одиссея не были пріятнѣйшія изъ Эпопей: пусть онѣ не имѣютъ выспренности Потеряннаго Рая, живописности Божественной Комедіи, эѳирной блистательности Орланда; но мертвыя по языку, по метру, по ударенію, обветшалыя по вѣрѣ, по нравамъ, по обычаямъ, по мѣстности, онѣ и теперь еще нравятся тѣмъ, кто можетъ читать ихъ, больше всѣхъ другихъ поэмъ этого рода. Въ нихъ есть самородная соль, навсегда предохраняющая ихъ отъ порчи. Онѣ самые общезнаемые изо всѣхъ остатковъ древняго генія, и на одномъ Англійскомъ языкѣ существуетъ ихъ до двадцати переводовъ. Съ начала до конца, эти дивныя произведенія исключительно предметны; въ нихъ все есть, кромѣ самого поэта. Не на Вико и не на Вольфа ссылаемся мы, когда говоримъ, что Гомеръ — «голосъ и больше ничего», — такъ же очаровательный какъ соловей, такъ же и невидимый.

Если какой-либо эпическій предметъ соотвѣтствовалъ разнообразнымъ Кольриджевымъ способностямъ и особенному настроенію его ума, такъ конечно тотъ, которымъ онъ однажды занимался, и къ которому сдѣлалъ даже нѣсколько приготовленій: это «Паденіе

Іерусалима». Но трудности такого предпріятія изумляютъ и многочисленностью и особенностью, тѣмъ болѣе, что они часто соединены съ тѣми самыми обстоятельствами и отношеніями, которыя составляютъ здѣсь главную красоту. Объ этомъ дважды слышали мы мнѣніе самого Кольриджа.

«Разореніе Іерусалима, говорилъ онъ, единственный предметъ, который остается теперь для эпопеи,— предметъ, который, подобно Мильтонову Грѣхопаденію человѣка, интересовалъ бы еще все Христіанство, точно такъ, какъ Гомерова Троянская война интересовала всю Грецію. Тутъ встрѣтились бы трудности, какъ и во всѣхъ другихъ предметахъ; ихъ можно было бы посмягчить и поставить въ тѣни, какъ сдѣлалъ Мильтонъ съ безчисленными затрудненіями Потеряннаго Рая. Но величія и блеска было бъ тутъ больше, нежели въ какомъ-нибудь другомъ предметѣ. Что касается до древней миѳологіи, — incredulus odi: чему не вѣрю, того и не терплю; однако въ эпопеѣ должна же быть миѳологія, не то сверхъестественное, согласное съ нашимъ убѣжденіемъ. Здѣсь было бы исполненіе пророчествъ; разрушеніе первой откровенной религіи свирѣпымъ нападеніемъ язычества, предвѣстникомъ и условіемъ распространенія истинной Вѣры по всему міру; потомъ, увидѣли бъ вы характеръ Римлянина и Еврея, во всемъ величіе, полноту и справедливость. Я предначерталъ это на двадцать пятомъ году, — но, увы, по сю-пору ничего не сдѣлалъ!»

Въ другой разъ Кольриджъ говорилъ гораздо безотважнѣе.

«Этотъ предметъ, при всѣхъ великихъ его достоинствахъ, имѣетъ тотъ главный недостатокъ, что, какъ всякая эпопея, онъ долженствовалъ бы оживляться личнымъ участіемъ, а въ Паденіи Іерусалима ни какой геній, ни какое искусство не въ силахъ поддержать

участіе къ герою, которое непремѣнно будетъ поглощено участіемъ къ событію. Дѣло въ томъ, что это событіе слишкомъ выспренно: оно подавляетъ все своимъ величіемъ.»

Критика дѣльная и справедливая; однако нельзя не пожалѣть, что поэтъ не испыталъ могущества пера своего на великолѣпной мысли, родившейся у него въ первые годы мужества. Передаемъ ее тѣмъ, въ кого захочетъ воплотиться геній Гомера или Мильтона. Кольриджъ сказалъ великую истину: эпопея нынѣ возможна только о предметѣ общемъ всему Христіанству.

Правда, что, въ поэмѣ такого размѣра, — развѣ она была бы въ чисто нравственномъ или философическомъ родѣ, — Кольриджъ встрѣтилъ бы преграду къ господствующей и отличительной его склонности, къ думамъ и размышленію. Эта склонность, по-видимому, и заставила его отказаться отъ величественнаго изобрѣтенія; она внушила ему для перевода выборъ Шиллерова Валленштейна; она же источникъ красотъ и недостатковъ «Угрызеній Совѣсти» и «Заполіи». За исключеніемъ Поповой Иліады и Драйденовой Энеиды, нѣтъ можетъ-быть перевода, такъ тѣсно связаннаго съ поэтическою славою переводчика, какъ Англійскій «Валленштейнъ». Намъ онъ кажется однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній Кольриджева пера, и вѣрно всякій читатель найдетъ въ немъ очаровательность оригинальнаго созданія. Дѣло въ томъ, что многія прекраснѣйшія мѣста перевода исключительно принадлежатъ Англійскому поэту, который переводилъ съ Нѣмецкой рукописи, до изданія ея авторомъ, и, — что очень любопытно, — Шиллеръ усвоилъ потомъ не одно вдохновеніе своего переводчика, и самъ перевелъ для подлинника вставки перевода.

Должно замѣтить, что геній Шекспира сообщилъ Англійской драматической поэзіи совсѣмъ особенный

тонъ и цвѣтъ, которые едва-ли постижимы для иностранца: ихъ можетъ чувствовать только соотечественникъ великаго поэта, и не всегда ясно выразить онъ ихъ словами. Однако даже намъ, Англичанамъ, кажется, что у Шиллера есть что-то ближе подходящее къ всеобщности Шекспира, чѣмъ у другихъ Германскихъ поэтовъ. Въ глубокомысліи, въ роскоши фантазіи, въ силѣ творчества, ихъ нечего и сравнивать; но у Шиллера, какъ и у Шекспира, было то общее человѣческое чувство, — не низкое и не высокое, — тотъ общій родовой инстинктъ, который внушилъ ему создать для своихъ соотечественниковъ превосходную, національно интересную драму — Валленштейнъ. Это великое произведеніе будетъ наконецъ почитаться и въ Германіи главной опорою Шиллеровой славы.

Кольриджа приглашали перевести Фауста. Гёте, подобно ему, былъ большой мастеръ на гармонію слова, и потому непремѣнно долженъ много терять въ переводахъ, предпринимаемыхъ людьми, лишенными Природою гармоническаго дара Гётева или Кольриджева. Только Кольриджъ былъ въ состояніи переводить Гёте; только Гёте могъ бы передать иностранному уху магическій голосъ Кольриджа. Въ слогѣ Нѣмецкаго писателя, одежда прильнула къ тѣлу; нельзя снять ее, не сдирая кожи. Удивленіе къ этому слогу и личная неумѣстная скромность, при другихъ важнѣйшихъ соображеніяхъ, побудили Кольриджа отказаться отъ перевода. Литературный міръ потерялъ въ этомъ отказѣ драгоцѣнный оттискъ геніяльнаго плода на массѣ сроднаго генія. Какія жъ обстоятельства, важнѣе удивленія къ мелодіи Гётева слова и личной скромности, воспрепятствовали переводчику Валленштейна принять на себя это прекрасное занятіе? Кольриджъ думалъ, — и быть-можетъ, одинъ онъ былъ вправѣ такъ думать безъ дерзости, — что Фаустъ — неудачное произведеніе, то есть,

что мысль, или то, что долженствовало бъ быть мыслію этого созданія, выполнено весьма недостаточно и неискусно. Онъ полагаетъ, что цѣль автора была изобразить слѣдствія мизологіи, ненависти къ ученью, происшедшей отъ сильнаго стремленія къ знанію, обманутаго въ своихъ надеждахъ. Но любовь къ наукамъ, для нихъ самихъ и съ чистымъ намѣреніемъ, никогда не породитъ такой ненависти, а развѣ любовь низкая и для цѣлей недостойныхъ. Въ Фаустѣ нѣтъ ни винословности, ни постепенности; онъ ужъ колдунъ съ самаго начала, и, incredulus odi, «чему не вѣрю, того ненавижу,» ощутительно съ первой строчки. Сластолюбіе отнюдь не вяжется съ жаждою познаній. Мефистофель и Маргарита превосходны, но Фаустъ глупъ и безъ значенія. Сцена въ Ауэрбаховомъ погребѣ одна изъ лучшихъ, – быть-можетъ, самая лучшая; сцена на Брокенѣ также прекрасна, и пѣсни вообще безподобны. Но въ поэмѣ нѣтъ ничего цѣлаго; сцены точно картинки магическаго фонаря, и большая часть сочиненія изрядно плосковата. Вотъ въ сущности мнѣніе, слышанное нами отъ Кольриджа объ этой знаменитой пьесѣ: Критики его теперь разбирать мы не станемъ, но боимся, чтобъ она не была благовременнымъ эхомъ голоса потомства, и лучшимъ изъ двухъ сотъ пятидесяти пяти длинныхъ разборовъ Фауста, изданныхъ по сіе время. Нельзя также не упомянуть при этомъ случаѣ, что задолго до появленія Фауста въ полномъ видѣ, – а это случилось, кажется, въ 1807 году, прежде чѣмъ Кольриджъ увидѣлъ первую часть этого творенія, – онъ предначерталъ было Драму, основанную на той же самой мысли. Этотъ планъ, какъ и многіе другіе, теперь въ лунѣ съ Аріостомъ; но общія черты его заслуживаютъ памяти, какъ рѣдкій примѣръ случайной встрѣчи между двумя великими умами, имѣвшими много общаго. Кольриджевъ мизологъ, Кольриджевъ Фаустъ дол-

женъ былъ называться Михаиломъ Скоттомъ. Михаилъ Скоттъ занимаетъ такое же мѣсто въ суевѣрныхъ преданіяхъ Британніи, какое Фаустъ занимаетъ въ Германскихъ повѣрьяхъ, какое Твардовскій въ Польскихъ: они всѣ трое — одно и то же лице, одна и та же мечта своего вѣка. Онъ является среди преданныхъ ему учениковъ, кипя восторгомъ, проливая вокругъ себя свѣтлые намеки открытій, довершенныхъ въ позднѣйшія времена, и внушая всѣмъ, что изученіе Природы и тайнъ ея — вѣрный путь къ достиженію власти. Онъ любитъ знаніе не для него собственно, а для того, чтобъ сдѣлаться сильнымъ. Этотъ ядовитый зародышъ гнѣздился въ умѣ его съ самаго начала. Фанатизмъ ханжей подозрѣваетъ его, устерегаетъ и обвиняетъ: онъ приговоренъ и брошенъ въ уединенное заточеніе. Это прологъ Драмы. Черезъ пять, шесть лѣтъ, Михаилъ уходитъ изъ темницы озлобленнымъ, мрачнымъ, несчастнымъ человѣкомъ. Онъ не хочетъ, не можетъ учиться: къ чему послужили ему всѣ познанія? Охранятъ ли они его отъ жестокости сильныхъ преслѣдователей? Можетъ ли онъ обрушить громы и молніи на тѣхъ, кого ненавидитъ, презираетъ, и однако жъ боится? Прочь науки! прочь ученье! на вѣтеръ всѣ пустыя притязанія! Мы ничего не знаемъ; мы дураки, скоты, и больше ничего. Тутъ поэтъ начинаетъ искушать его. Онъ заставляетъ его грезить, даетъ ему вина, проводитъ передъ нимъ самыхъ миленькихъ женщинъ; но Михаилъ не можетъ достать ихъ. Нѣтъ ли такой науки, чтобъ располагать всѣми этими удовольствіями? А чародѣйство! — и ему-то предается онъ всей душою. Часто встрѣчаетъ онъ неудачи, но иногда и успѣхъ: онъ научается составлять возбудительныя средства и взрывной порохъ; узнаетъ нѣкоторыя свойства преломленія и отраженія свѣта. Это подстрекаетъ и чувственныя его наклонности, и любопытство; прежняя жажда силы и умственнаго

господства надъ другими снова томитъ его. Наконецъ, Михаилъ пытается вызвать дьявола, и дьяволъ приходитъ. Этотъ чортъ всемірный юмористъ; онъ обличаетъ ничтожество вещей, безпрестанно сводя великое съ малымъ въ присутствіи безконечнаго. Онъ дѣлаетъ тму проказъ для Михаиловой забавы. Однакожъ Михаилъ несчастенъ, онъ имѣетъ силу, но лишенъ покоя; онъ чувствуетъ, что съ каждымъ днемъ окружаетъ его зловластіе ада. Напрасно кажется ему, что самъ онъ полный господинъ надъ дьяволомъ, потому что даетъ ему самыя сумасбродныя порученія: для чорта все равно, что ни дѣлать! «Что жъ еще, Михаилъ?» повторяется каждый день таинственный голосъ съ наглѣйшимъ раболѣпіемъ. Михаилъ томится духомъ; власть его — проклятіе: онъ требуетъ женщинъ и вина, но женщины какія-то вымышленныя, чертовскія, а вино не опьяняетъ. Онъ начинаетъ ненавидѣть дьявола, и хочетъ обмануть его. Опять принимается за науку, и въ мрачныхъ глубинахъ чернокнижія ищетъ средствъ провести адъ, — но все тщетно. Иногда перстъ дьявола перевертываетъ ему листъ, указываетъ на заклинаніе, и Михаилъ слышитъ шепотъ: — «Испытай это, дружокъ!» Ужасъ его возрастаетъ, и онъ чувствуетъ, что онъ рабъ, преступникъ, приговоренный къ казни. Потерявъ надежду, онъ предается всѣмъ чувственнымъ неистовствамъ: вдругъ встрѣчаетъ Агату, и тотчасъ хочетъ обольстить ее. Агата его любитъ, и дьяволъ улаживаетъ ихъ свиданія; но она сопротивляется Михаилу, и умоляетъ его не терять въ глазахъ ея всякаго уваженія. Здѣсь наступаютъ продолжительныя боренія страсти, и оканчиваются тѣмъ, что любовь торжествуетъ въ Михаилѣ надъ чувственностью, и мысль объ искупленіи утраченной воли свѣтаетъ въ умѣ его. Дьяволъ сейчасъ это замѣтилъ и въ первый разъ изъ юмориста сдѣлался взыскательнымъ и грознымъ. Странныя

встрѣчи у Михаила съ дьяволомъ; Агата хочетъ пособить бѣдѣ, и терпитъ. Наконецъ, подвергнувъ своего героя всѣмъ вообразимымъ и невообразимымъ ужасамъ, поэтъ даетъ ему восторжествовать на облакахъ, и изливаетъ въ душу его миръ тѣмъ убѣжденіемъ, что милость Божія спасаетъ грѣшниковъ. Объ этомъ очеркѣ скажемъ мы только то, что вѣроятно допустятъ и самые ревностные почитатели Фауста: Гёте могъ бы заимствовать изъ него кое-что хорошее. И мы опять боимся, чтобъ даже самая идея Кольриджева Фауста не была лучшею Критикою идеи Гёте. Теперь этотъ планъ только литературная достопримѣчательность, и мы сообщаемъ ее въ этомъ видѣ.

Въ «Угрызеніяхъ Совѣсти» и «Заполіи» разительно обнаруживаются созерцательность и глубокомысліе Кольриджева ума. Первая изъ этихъ прекрасныхъ драмъ была играна съ успѣхомъ, но конечно ее лучше изучать, нежели видѣть на сценѣ: характеръ ея существенно романическій и пасторальный, и даже во второстепенныхъ лицахъ столько поэзіи, что этого не возможно удержать въ представленіи.

Заполія, по собственному сознанію автора, — подражаніе «Зимней Повѣсти», и сочинена отнюдь не для сцены. Однако въ ней есть нѣсколько драматическихъ положеній, не уступающихъ лучшимъ мѣстамъ Угрызеній Совѣсти. Случаи новы и неожиданны; разговоръ вездѣ отличается живостью и силою. Господствующій характеръ также смѣсь пасторальнаго съ романическимъ, но гораздо явнѣе и исключительнѣй, нежели въ Угрызеніяхъ Совѣсти. Заполія никогда не была достойно оцѣнена, а это самое *миловидное* изъ стихотвореній Кольриджа; мягкость тона и нѣжность колорита придаютъ ему особенную прелесть, которою щедро вознаграждается недостатокъ силы въ рисункѣ.

Послѣ этого, нельзя, кажется, не согласиться, что Кольриджъ обладалъ высокимъ и оригинальнымъ драматическимъ дарованіемъ. Главное достоинство его въ разговорѣ; главный недостатокъ въ соображеніи, или, по-крайней-мѣрѣ, въ исполненіи завязки. Какъ нельзя довольно наговориться въ похвалу первому, то почти лучше молчать о послѣднемъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, двѣ его піесы напоминаютъ больше Бьюмонта и Флетчера, нежели Шекспира.

Старинный Морякъ, Кристабель, Оды на Франціо и на Старый Годъ, Любовныя стихотворенія, – все это извѣстно даже тѣмъ, которые не знаютъ ни какихъ другихъ стихотвореній Кольриджа. Старинный Морякъ есть и всегда будетъ однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній фантастической поэзіи, не только въ Англіи, но въ Литературѣ всей Европы. Здѣсь самымъ блестящимъ образомъ проявляется искусство автора въ дикомъ, сверхъестественномъ родѣ, котораго еще удивительнѣйшій образецъ представляетъ намъ «Кристабель». Чувствуешь весь тотъ ужасъ и ту тоску, которые Кристабель тщетно силится выразить; ощущаешь тѣ чары, которыми обморочены глаза ея. Кто и что такое Геральдина? Откуда она, куда, зачѣмъ? Что думалъ сдѣлать изъ нея поэтъ? Что могъ бы онъ сдѣлать? Могъ ли бы итти дальше, не прибѣгнувъ къ обычнымъ сноровкамъ волшебныхъ сказокъ? Точно ли она дочь Роланда Во, и сойдутся ли друзья когда-нибудь опять, чтобъ обняться!

Мы не изъ числа тѣхъ, которые сожалѣютъ, что «Кристабель» не кончена. Ея нельзя было кончить. Поэтъ сдѣлалъ все, что могъ, безъ натяжки. Утонченная красота предмета не способна къ дальнѣйшему распространенію, и Кристабель лучше такъ какъ есть, – недоконченная Повѣсть, но совершеннѣйшее созданіе фантазіи.

Перейдемъ теперь къ любовнымъ стихотвореніямъ. У Кольриджа есть что-то особенное въ изображеніи сладчайшей изъ страстей. Любовь его не мрачна какъ у Байрона, не весела подобно Муровой, и не умственна какъ у Вордсворта. Это свѣтлая безоблачная страсть, слитая изъ уваженія, рыцарской нѣжности и вѣжливости; чистая, но пламенная; нетерпѣливая, но созерцательная. Это Петрарка и Шекспиръ вмѣстѣ. Это лѣтній свѣтъ луны въ любовной поэзіи.

Говоря о стихотвореніяхъ Кольриджа, нельзя не обратить особеннаго вниманія на его Оды. Сказываютъ, что Шелли считалъ «Францію» лучшею изъ новѣйшихъ Англійскихъ одъ. Она точно превосходитъ ихъ полнотой и изяществомъ отдѣлки своей въ цѣломъ; что касается до воображенія, до глубины, до фантазіи, то мы отнюдь не согласимся, чтобъ она равнялась съ «Старымъ Годомъ» или съ «Уныніемъ», хотя послѣднія не такъ совершенны въ своемъ составѣ. Въ ней больше страсти, чѣмъ воображенія, больше краснорѣчія, чѣмъ фантазіи. Изъ двухъ послѣднихъ Одъ, первая разнообразнѣе и блистательнѣе, вторая тоньше и отвлеченнѣе, и намъ кажется, что она выше первой, потому что ни строкой не впадаетъ въ декламацію, чего, въ строгомъ смыслѣ, нельзя сказать о двухъ другихъ Одахъ: это именно поэзія въ противоположности къ витійству.

Мы не знаемъ, кого изъ новѣйшихъ писателей не было бъ легче изобразить на одной страницѣ, чѣмъ Кольриджа на двухъ. Вордсвортъ, Скоттъ, Муръ, Байронъ, Соути, несравненно однообразнѣе; но Кольриджъ представляется вамъ по-крайней-мѣрѣ въ шести совершенно различныхъ видахъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ когда-нибудь написалъ что обыкновенно называется *большимъ* стихотвореніемъ; но онъ великъ въ нѣсколькихъ строкахъ, и соединеніе такихъ способностей составляетъ необходимое условіе справед-

ливой оцѣнки его генія. Романическое чародѣйство Кристабели и Старинпаго Моряка, утонченная страсть пѣсней любви, лирическое великолѣпіе трехъ большихъ Одъ, достоинство, глубокомысліе и нѣжность поэмъ, писанныхъ бѣлыми стихами, какъ напримѣръ, Рѣшительность любовника, Полуночный Морозъ, и возвышенное, увлекательное Посланіе къ Вордсворту; потомъ Драмы, Сатиры, Эпиграммы, – всѣ эти сочиненія такъ отдѣльны, такъ цѣлы сами по себѣ, что ихъ можно было бъ почесть трудами разныхъ писателей, если бъ одна и та же творческая сила воображенія не проглядывала болѣе или менѣе во всѣхъ. Преобладаніе этой силы полагаетъ существенную разность между Кольриджемъ и великими его современниками. Изъ всѣхъ Англійскихъ поэтовъ, послѣ Мильтона, онъ самый богатый воображеніемъ.

Но Кольриджъ не только поэтъ воображенія, онъ поэтъ думъ и словесной гармоніи. Должно признаться, что мысли его иногда мудрены, порой даже темны. Въ эту темноту впадаютъ всѣ тонкіе мыслители, или пытаясь выразить ускользающія ощущенія, для которыхъ языкъ человѣческій недостаточенъ, или дѣйствительно выражая мысли и тонкости, къ которымъ не всякой имѣлъ случай привыкнуть.

Можемъ ли положить перо, не сказавъ, что стихотворецъ Кольриджъ есть только половина всего Кольриджа? Но здѣсь не мѣсто и не время подробно разсматривать его какъ психолога, моралиста и вообще философа. Вѣроятно, его система, «Философія Христіанскаго человѣка,» предстанетъ на судъ публики, и даже скоро. Между-тѣмъ, многіе спрашиваютъ – Какая цѣль метафизическихъ трудовъ Кольриджа? Онъ однажды отвѣчалъ на это самъ, и слова его, оставшіяся незабвенными для тѣхъ, кто ихъ слышалъ, конечно

выражаютъ полнѣйшую идею системы Философіи изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ.

«Система моя, говорилъ онъ, если осмѣлюсь назвать ее этимъ прекраснымъ именемъ, есть, сколько мнѣ извѣстно, единственный опытъ, который когда-либо былъ сдѣланъ, привести къ согласію всякое знаніе. Она не противорѣчитъ ни какой другой системѣ, а только показываетъ, что истинно въ каждой, и какимъ образомъ то, что было истинно въ частности, сдѣлалось заблужденіемъ потому, что это полуистина. Я старался совокупить отдѣльныя части истины, и составить изъ нихъ цѣльное зеркало. Я доказываю каждой системѣ, что вполнѣ понимаю и справедливо цѣню ея значеніе; но потомъ возвожу ее на высшую точку зрѣнія, съ которой она сама можетъ видѣть первоначальное свое положеніе, въ которомъ она дѣйствительно была, но совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ и при другихъ отношеніяхъ, такъ, что отрывокъ истины не только признается, но и объясняется этимъ переходомъ. Такъ, древніе астрономы открыли и утверждали много истиннаго; но, смотря не съ надлежащей точки зрѣнія, никогда не открывали и не могли открыть полной истины. Какъ скоро они оставили ложный центръ свой, Землю, и перенеслись на Солнце, они тотчасъ увидѣли цѣлую систему въ настоящемъ ея свѣтѣ, и прежняя ихъ точка не утратилась, только служила ужъ для частнаго обзора — не болѣе. Коротко сказать, мнѣ хочется соединить нравственною связью Естественную Исторію съ Политическою, или, другими словами, сдѣлать Исторію наукообразною и Науку историческою; у Исторіи отнять ея случайность, у Науки фатализмъ.»

Е. К.

Quarterly Review

ОМНИБУСЫ,

или

ОТЪ ВСЕГО БЛИЗКО.

=

Мой почтенный другъ, отставной капитанъ, говорилъ мнѣ однажды:

— Вашего Гумбольдта слишкомъ хвалятъ: у него мало своего, и притомъ онъ не знаетъ Географіи.

— Какъ! этотъ знаменитый путешественникъ не знаетъ Географіи?

— Не больше вотъ моего пуделя. Я встрѣтился какъ-то съ этимъ знаменитымъ путешественникомъ у Русскаго посла, и поэкзаминовалъ его. Покуда дѣло шло объ Андахъ, Кордильерахъ, вообще о мѣстахъ, которыхъ никто не видалъ, онъ говорилъ какъ-нельзя лучше, онъ былъ на своемъ конькѣ, — а сталъ въ тупикъ, какъ скоро я предложилъ ему вопросъ, на который у насъ всякой школьникъ отвѣчалъ бы не запинаясь. «Послушайте, баронъ, сказалъ я ему незапно; знаете-ли вы, гдѣ лежитъ Торнгамъ-Гринъ?...» Онъ попался, любезный! онъ такъ же знаетъ Торнгамъ-Гринъ, какъ я «Іерихонъ!»

Для назиданія барона Гумбольдта и для пользы людей, не слишкомъ знающихъ въ Географіи, мы скажемъ, что Торнгамъ-Гринъ есть деревня въ семи верстахъ отъ Лондона, на Западной дорогѣ, въ двухъ верстахъ отъ привольнаго и хорошо вымощеннаго города Брентфорда. Тамъ въ особенности запи-

маются воспитаніемъ молодыхъ дѣвицъ: торговля эта находится тамъ въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря многочисленности воспитательныхъ мануфактуръ, которыя называются семинаріями, институтами, заведеніями, элизеями, и прочая, и прочая, а во времена непросвѣщенныя звались попросту пенсіонами. Народонаселеніе простирается..... Но что значатъ сотни и тысячи народа? Съ тѣхъ поръ, какъ Ваддсы оттуда выѣхали, остальные жители Торигамъ-Гринскіе не стоятъ того, чтобы ихъ вносить въ вѣдомость народонаселенія. Всѣ тѣ, которымъ случалось ѣздить изъ гигантской столицы Британіи въ городъ, любимый хирургами, телѣжниками, кузнецами и слесарями, въ несравненный Брентфордъ, конечно замѣтили влѣво отъ дороги, на концѣ знаменитой деревни, красивый домъ, котораго видъ показываетъ и богатство хозяина и *комфортъ*, «отраду», которою онъ окружалъ себя. Этотъ домъ стоитъ отдѣльно отъ другихъ, – доказательство независимости; онъ не высокъ, только въ два этажа и квадратный какъ шашечная доска, – доказательство «отрады». Кругомъ цвѣты, клумбы, дорожки, скамейки, бесѣдки, садъ, вода, службы, чистота, изящность, удобство въ высочайшей степени: всѣ, проѣзжающіе мимо, глядя на этотъ домъ, говорили объ немъ: Very comfortable! «Очень отрадный!» Что касается до богатства хозяина, то оно ясно написано на зеркальныхъ стеклахъ, которыми замѣнилъ онъ у себя неблагородныя оконныя стекла. По этой утонченности вы догадывались, что хозяинъ человѣкъ, который хочетъ видѣть свѣтъ ясно и вещи, такъ какъ онѣ есть; человѣкъ разсудительный, который знаетъ, что грубый стекляный матеріалъ, обыкновенно употребляемый для оконъ, годенъ развѣ для того только, чтобы не пропускать вѣтра, дождя и комаровъ, и никогда не доведетъ его до ясности въ понятіяхъ.

Да и кого не возмущаютъ искаженные образы, представляемые намъ оконными стеклами? Кто согласится пробыть четверть часа въ комнатѣ, гдѣ, для проходящаго улицей философа, который любитъ поглядѣть въ чужія окна, всѣ столы и кресла стоятъ вкривь и вкось, какъ неловкіе танцоры въ кадрили; гдѣ люстра виситъ внѣ центра своей тяжести и небрежно падаетъ вершковъ на шесть вправо или влѣво; гдѣ украшенія камина любовно обнимаются, гдѣ, наконецъ, картины, кажется, развѣшены безо всякаго уваженія къ горизонтальнымъ и вертикальнымъ линіямъ? За этими стеклами теряешь всю пріятность прогулки по тротуару. По-крайней-мѣрѣ я, когда заглядываю въ окна для наблюденія нравовъ, — я не могу переносить безъ головокруженія подобнаго зрѣлища! Для меня, лучше ужъ танцовать сарабанду на поперечной полосѣ креста соборной церкви Св. Павла. Не знаю какъ для хозяевъ, которые въ то самое время сидятъ въ комнатѣ, и смотрятъ на меня и на другихъ прохожихъ? Но что жъ вы думаете! я знаю людей, впрочемъ достойныхъ всякаго уваженія, которые преспокойно живутъ за этими стеклами, которые съ удивительнымъ хладнокровіемъ всякой день кушаютъ подлѣ нихъ свой кофе, и всякой день искажаютъ всѣ внѣшніе предметы, служащіе украшеніемъ городу; изрѣзываютъ зигзагами противоположные домы, отсѣкаютъ вершины величественныхъ деревъ на аршинъ вправо или влѣво отъ ствола, и безъ милосердія рубятъ надвое меня, щеголей, щеголихъ и всѣхъ несчастныхъ, которымъ случается проходить подъ окнами. О когда же эти лживыя оконныя стекла будутъ повсюду замѣнены правдивыми стеклами зеркальными? Когда люди начнутъ видѣть вещи сего свѣта въ ихъ настоящемъ видѣ? Повѣрьте, что революціи, перевороты, замѣшательства нашей несчастной Европы происходятъ первоначально отъ дурныхъ окошеч-

ныхъ стеколъ. Привыкши видѣть сквозь нихъ всѣ предметы криво, въ ложномъ и неправильномъ видѣ, мы и разсуждаемъ и дѣйствуемъ криво, не имѣемъ понятія объ естественной гармоніи, дѣлаемъ все вкось зигзагомъ, превратно. Посмотрите на Восточныхъ: у нихъ нѣтъ стеколъ въ окнахъ, — нѣтъ и революцій! Но страсть къ Философіи увлекла меня слишкомъ далеко. Я забылъ, что хочу говорить объ омнибусахъ и о томъ, что у людей называется — *отъ всего близко.*

Хотя домъ, подавшій поводъ къ этому отступленію, образецъ совершенства, но критикъ съ чистымъ вкусомъ, могъ бы охуждать его за два украшенія, — за маленькій глиняный бюстъ герцога Веллингтона съ колоссальнымъ носомъ, стоящій въ нишѣ надъ главнымъ входомъ, и за свинцоваго Купидона, который, лежа на тюльпанахъ, показываетъ проходящимъ пухлую свою рожу, и за невозможностію низвергать, только испускаетъ ртомъ тоненькую струю воды, совершенно недостойную усилій, дѣлаемыхъ этимъ богомъ для того, чтобы ее изъ себя выжать. Къ чему этотъ бюстъ? Хозяинъ хотѣлъ показать, что онъ богатъ и считаетъ себя въ правѣ принадлежать къ партіи Торіевъ! Я не люблю вывѣсокъ партій надъ порогомъ дома. Къ чему этотъ Купидонъ? Это разливаетъ затхлый запахъ классицизма на всю дорогу: зачѣмъ ругаться надъ мнѣніями проѣзжихъ романтиковъ, которые ѣдутъ пить пуншъ въ Брендфордъ, и вамъ ни какого зла не дѣлаютъ? Несмотря на эти двѣ важныя ошибки, я всякой разъ, проходя мимо этого дома, дышащаго благополучіемъ, «отрадою», удивлялся генію, распоряжавшему его постройкою, и завидовалъ смертному, окруженному такою пышностію. «Г. Руфусъ Ваддсъ, думалъ я не разъ, долженъ быть счастливѣй-

шій человѣкъ во всѣхъ трехъ Соединенныхъ Королевствахъ.» И какъ я ошибался!

Послѣдній разъ, какъ я проходилъ по мѣстамъ, бывшимъ свидѣтелями моего удивленія этому великолѣпному жилищу, – оно уже не существовало! его сломали!.... Гидравлическій Купидонъ его служилъ украшеніемъ лавки какого-то Гаммерсмитскаго торгаша; носъ герцога, нѣкогда господствовавшій надъ входомъ, лежалъ у воротъ. Отъ прежняго великолѣпія оставались только развалины и посрединѣ столбъ съ надписью: *сіе мѣсто отдается въ наемъ и продается.* Поразительный примѣръ непостоянства кирпичей и известки!

Дворникъ вышелъ на улицу, съ унылымъ видомъ и съ коротенькою трубкою въ зубахъ, когда я читалъ надпись.

– *Сіе* мѣсто продается? спросилъ я.

– Да! отвѣчалъ онъ беззаботно: *это* мѣсто продается.

– Я хочу купить *сіе* мѣсто.

– Вы можете купить *это* мѣсто, если вамъ угодно.

Я непремѣнно хотѣлъ купить *сіе* мѣсто; онъ все продавалъ мнѣ *это* мѣсто. Мы не могли понять другъ друга, и разошлись. Такъ всегда на свѣтѣ: объявляютъ одно, а продаютъ вамъ другое; пишутъ о *семъ*, а про себя думаютъ объ *этомъ*. Разительный примѣръ несогласія сердца и языка человѣческаго!

Уже до этого, то есть, еще до срытія дома, я однажды торговалъ его: разъ, какъ-то, къ величайшему удивленію, замѣтилъ я, что двери и ставни Ваддсова дома затворены; въ нишѣ нѣтъ уже глинянаго герцога, и ротъ запыленнаго Купидона, какъ-будто въ насмѣшку надъ его предполагаемою жаждою, наполненъ

не водою, а сухими листьями. Вообще, всюду была мерзость запустѣнія. «Неужели Ваддсъ умеръ?» вскричалъ я. Но объявленіе, приклеенное къ воротамъ, котораго я сначала не замѣтилъ, вывело меня изъ недоумѣнія. На немъ было написано:

«*За отъѣздомъ въ чужіе краи*, отдается въ наймы и про-«дается, съ мебелью или безъ оныхъ, на выгодныхъ усло-«віяхъ. О цѣнѣ спросить у Г. Гика, маклера, живущаго въ Бондъ-стритѣ, подъ No 281.»

Это объявленіе, какъ вы изволите видѣть, было исполнено чувства глубокой меланхоліи: оно возвѣщало отъѣздъ безъ надежды возвращенія. Владѣлецъ дома, казалось, разставался не только съ нимъ, но и съ сожалѣніемъ о томъ, что покидаетъ любимое жилище, даже съ желаніемъ когда нибудь его снова увидѣть. Не мудрено было угадать, что намѣреніе его непоколебимо: въ объявленіи былъ отвѣтъ на всѣ вопросы, было разрѣшеніе всѣхъ возможныхъ сомнѣній. Купите домъ или наймите его, — Ваддсу все равно! Возьмите мебели или оставьте ихъ, — ему до этого и нужды нѣтъ! Онъ, кажется, мало заботился и объ условіяхъ продажи: ему хотѣлось только избавиться отъ своего дома, во что бы то ни стало! Какая же важная причина заставила почтеннаго Г. Ваддса рѣшиться на эту жертву? Я не зналъ его, никогда не видывалъ, и между-тѣмъ мнѣ непремѣнно хотѣлось узнать причину добровольнаго его изгнанія изъ этого новаго Эдема. Какъ я имѣю обыкновеніе уступать самымъ первымъ движеніямъ страстей моихъ, чтобъ не дать имъ времени усилиться и не быть въ необходимости потомъ преодолѣвать ихъ, то я тотчасъ отправился къ Г. Гику, маклеру, живущему въ Бондъ-стритѣ, подъ № 281, которому поручена была продажа дома, и между нами зашелъ слѣдующій разговоръ.

– Г. Ваддсъ не хочетъ болѣе жить въ своемъ домѣ?

– Да, сударь. Домъ просторный, покойный, очень «отрадный». Состоитъ изъ.....

Тутъ страница маклерскаго краснорѣчія.

– Однако жъ должны же быть какія-нибудь неудобства, что онъ не хочетъ болѣе въ немъ жить. Иначе зачѣмъ бы хозяину такъ торопиться выѣзжать изъ прекраснаго дома?

Г. Гикъ помолчалъ съ минуту; потомъ прибавилъ:

– Конечно, не безъ того, чтобъ не было кой-какого неудобства. Домъ отличный, – одно то, что отъ всего близко!

– Тѣмъ лучше!

– Конечно! Другаго такого дома вы не найдете въ цѣломъ околоткѣ, – одно то, что такъ близко къ городу!

– И больше ничего?

– Я буду говорить съ вами откровенно: столовая великолѣпная! Осьмнадцать человѣкъ могутъ въ ней обѣдать очень «отрадно».....

– Такъ что жъ? Это выгода, а не удобство; и если другаго нѣтъ.....

– Правду вамъ сказать, сударь, омнибусы принудили Г. Ваддса продать свой домъ и покинуть отечество, потому что, между нами, онъ уже уѣхалъ изъ Англіи: бѣднякъ, не могъ больше выдержать!

Какое соотношеніе между добровольнымъ изгнаніемъ и Торнгамъ-Гринскимъ омнибусомъ? Я принужденъ былъ просить Г. Гика объяснить мнѣ эту тайну. Онъ охотно согласился, и я узналъ слѣдующее:

Г. Руфусъ Ваддсъ былъ долгое время членомъ или, лучше сказать, начальникомъ торговаго дома Вад-

совъ братьевъ, – Ваддсъ и Комп.: въ этихъ четырехъ буквахъ, *Комп.*, заключались цѣлая тма Ваддсовъ, родныхъ и двоюродныхъ, малыхъ и большихъ, блѣдныхъ и красныхъ. Контора ихъ была на углу Темсъ-стрита. Тутъ, съ незапамятныхъ временъ, плодились Ваддсы; тутъ родился и герой нашей повѣсти, мистеръ Руфусъ Ваддсъ; тутъ, по древнему фамильному обычаю, намѣревался онъ жить до тѣхъ поръ, пока пріобрѣтетъ прочное состояніе, которое позволитъ ему распрощаться съ заботами и хлопотами торговыми. Я говорю *прочное* состояніе, чтобы означить разность его съ *огромнымъ* состояніемъ, подъ которымъ часто разумѣютъ значительный доходъ, доставляемый какими нибудь спекуляціями по горнымъ заводамъ или въ публичныхъ фондахъ, – доходъ, которому весьма неприлично было выраженіе *прочный*. Желанія и надежды Г. Ваддса не простирались далѣе 1000 фунтовъ стерл. (25,000 р.) дохода; но покуда онъ не пріобрѣлъ послѣдняго шиллинга капитала, долженствующаго давать этотъ процентъ, до тѣхъ поръ ни просьбы жены, ни слезы дочери, ни тайная страсть къ сельской жизни не могли заставить его покинуть свой коммерческій *домъ*, – онъ всегда придавалъ этому слову особенную важность, произнося его съ нѣкоторою торжественностію. Исполненіе предначертанной себѣ обязанности было тѣмъ тягостнѣе для него, что онъ съ самой юности всегда пылалъ желаніемъ наслаждаться чистыми красотами Природы, – жить помѣщикомъ, имѣть свинцоваго Купидона на дворѣ для воды, и выставить бюстъ какого-нибудь славнаго вельможи подъ входомъ для показанія всѣмъ, что онъ принадлежитъ къ его партіи. Но онъ однажды предписалъ себѣ эту обязанность, и Природа должна была обождать, пока ея любовникъ не исполнилъ священнаго долга, совѣсти.

И какъ это странно случилось, что купецъ Руфусъ Ваддсъ влюбился въ Природу! Огромное дерево, съ виду очень походившее на тополь, хотя темный цвѣтъ его листьевъ и могъ бы возбудить не одно сомнѣніе въ умѣ естествоиспытателя, возвышалось передъ окнами старинпаго гнѣзда Ваддсовъ, на углу Темсъ-стрита, посреди большаго, обнесеннаго стѣною мѣста, которое походило болѣе на кладбище, чѣмъ на садъ. Пока работалъ въ этомъ фамильномъ муравейникѣ, Руфусъ Ваддсъ, часто по цѣлымъ часамъ, остававшимся отъ его ариѳметической дѣятельности, смотрѣлъ на это почтенное дерево, держа въ рукѣ одно изъ многочисленныхъ изданій Томпсоновой Поэмы, «Четыре времени года». Эта книга,—въ которой, какъ извѣстно, есть четыре пѣсни очень неудобныя для пѣнія, — и двѣ полки большихъ счетныхъ книгъ съ заглавіями на переплетѣ — Réscontro — Bills, составляли всю его библіотеку, и онъ разнообразилъ свое чтеніе только тѣмъ, что, закрывъ счетную книгу, читалъ каждую пѣснь Томпсона въ соотвѣтствующее ей время года. Напримѣръ, онъ никогда не читалъ пѣсни *Весна*, ежели дерево его покрыто было снѣгомъ, ни пѣсни *Зима*, когда вся Природа была въ цвѣту. Одной этой привычкѣ надобно приписывать развившуюся въ душѣ закоренѣлаго купца непреодолимую страсть подышать наконецъ чистымъ воздухомъ внѣ стѣнъ шумной столицы. Онъ предоставилъ другимъ восхожденіе на Монъ-Бланъ, переѣздъ черезъ Альпы, видъ развалинъ древняго Рима, прекрасное небо Неаполя, Парижъ и Женеву. Мистеръ Руфусъ за этимъ не гонялся: удаляясь изъ Темсъ-стрита, онъ не хотѣлъ ни покинуть его навсегда, ни жить отшельникомъ или медвѣдемъ, что все одно и то же. Онъ зналъ, что отстать отъ своихъ старинныхъ привычекъ не такъ легко, какъ бросить вышедшее изъ моды платье. Горравѐ, биржа и контора были знакомы ему такъ

давно, что распрощаться съ ними значило бъ для него распрощаться съ жизнію. Для этого ему нуженъ былъ загородный домъ, который былъ бы *отъ всего близко.* Въ одинъ изъ своихъ несчастныхъ дней, онъ прочелъ объявленіе, что подлѣ Лондона продается прекрасный домъ, мимо котораго омнибусы проходятъ восемь разъ въ день. Какъ это отъ всего близко! Бѣднякъ не устоялъ противъ искушенія. Онъ уже имѣлъ тысячу фунтовъ дохода. Руфусъ поселился въ Торигамъ-Гринѣ.

Руфусъ Ваддсъ никогда не любилъ общества,—подъ именемъ общества разумѣю я праздныхъ посѣтителей. Эти люди всю жизнь прерывали его счеты! Покуда занимался дѣлами, онъ прятался отъ нихъ всячески; когда, запершн контору, хотѣлъ онъ читать за Томпсона, они мѣшали ему думать о Природѣ и захватывали вечера его. Неразъ цѣломудренныя его забавы съ Музами, — я забылъ вамъ сказать, что иногда, между акцептаціею векселя и покупкою хмѣля на срокъ, ему случалось писать куплеты Доринѣ,—бывали вдругъ остановлены нечаяннымъ появленіемъ какого-нибудь пріятеля, который, какъ выражался Г. Ваддсъ, приходилъ «занять» у него часа два времени. Мнѣ бы не хотѣлось, однако же, чтобы, по моему описанію, Руфуса Ваддса стали считать мизантропомъ. Напротивъ! Однажды въ мѣсяцъ онъ созывалъ своихъ друзей на семейный обѣдъ, въ замѣнъ чего тѣ, которые въ общемъ видѣ ѣли за его столомъ, приглашали его въ частномъ къ своему столу. Въ деревнѣ, дома, по его расчетамъ, онъ былъ бы въ безопасности отъ нашествія пріятелей, отъ которыхъ былъ бы отдѣленъ, какъ Англія отъ Франціи, проливомъ дальняго разстоянія. Меня, можетъ-быть, спросятъ, какъ же новый деревенскій житель намѣревался проводить время и какимъ образомъ надѣялся онъ, съ помощію толь-

ко жены и дочери, проживать свои доходы? Что касается до доходовъ, то онъ не почиталъ себя обязаннымъ проживать ихъ безъ остатка: онъ хотѣлъ употреблять сбереженныя деньги на какія-нибудь спекуляціи, которыя могли бы увеличить капиталъ его хоть нѣсколькими шиллингами. А о времени онъ не заботился: онъ уже изобрѣлъ-было нѣсколько способовъ убивать его. Утромъ онъ сталъ бы считать ягоды смородины, нужныя для насущнаго пуддинга, — первая экономія, потому что садовники большіе плуты; потомъ сходилъ бы къ ближнему москотильнику, чтобы какъ можно дешевле закупать все нужное для домашняго обихода; — вторая экономія, потому что у служанокъ рука въ счетахъ тяжела; потомъ, если останется время, онъ повѣрилъ бы итоги въ книжкахъ прачки, булочника, молочницы, и прочая, гдѣ ошибки всегда бываютъ на одной сторонѣ, безъ всякаго баланса. Вечера намѣревался онъ посвящать удовольствіямъ: выучилъ бы наизусть Томпсоновы Времена Года, и занимался бы пріисканіемъ второй риѳмы къ стиху, который написалъ онъ за годъ предъ тѣмъ, и который нравился ему чрезвычайно; во всякомъ случаѣ онъ могъ бы при свѣчахъ вторично просматривать свои счеты, чтобъ точнѣе удостовѣриться въ ихъ безошибочности. Все-таки лучше спится, когда совѣсть спокойна, что васъ не обманули! Однажды въ годъ, въ день рожденія своей дочери, которое, къ счастію, приходилось въ Іюлѣ, онъ давалъ бы родственникамъ и пріятелямъ своимъ великолѣпный праздникъ, — завтракъ на чистомъ воздухѣ. Это не такъ пошло какъ обѣдъ, не такъ хлопотно, и особенно не такъ дорого обходится, — тѣмъ болѣе, что деревья гнутся тогда подъ тяжестью плодовъ, а городскіе жители отъ нихъ съ ума сходятъ. «И это будетъ очень кстати, говорилъ онъ, потому что иначе мы принуждены были бы кормить ими скотъ.»

Но подъ этимъ проектомъ таилась глубокая политическая идея, которую могъ породить одинъ только умъ Ваддса, — идея чудная, сложная, двуострая: первое, этимъ праздникомъ онъ будетъ платить оптомъ за всѣ обѣды, на которые приглашенъ былъ въ розницу при поѣздкахъ своихъ въ городъ; второе, говоря пріятелямъ при разставаньѣ — «Не забудьте, что мы ждемъ васъ къ себѣ 27 Іюля,» — онъ деликатнымъ образомъ увернется отъ посѣщеній ихъ до этого времени.

Увы, эти такъ хорошо обдуманные планы никогда не должны были исполниться!

Пятаго Августа Ваддсы переѣхали въ свое новое жилище; шестаго, въ Пятницу, когда часы пробили пять, и почтенное семейство сбиралось сѣсть за столъ, омнибусъ остановился у дверей, и слуга доложилъ о прибытіи Г. Роберта Ваддса съ супругою. Мистеръ Руфусъ онѣмѣлъ отъ ужаса!

— Ей Богу, это прелестно, любезный Руфусъ! вскричалъ Робертъ: вы отъ всего близко! Вечеръ сегодня прекрасный, дѣлать было нечего; въ половинѣ четвертаго Бетси и мнѣ вздумалось пуститься къ вамъ. Сказано, сдѣлано.... Какая превосходная телятина!.... Вы ее покупаете здѣсь? Мы взяли съ собою нашего маленькаго Тома..... Томъ, не шали, не трогай пирожнаго, тебѣ сейчасъ дадутъ его.... Мы засѣли въ омнибусъ, проходящій черезъ Торнгамъ-Гринъ, и вотъ мы здѣсь, какъ разъ въ самую пору.

Этого исправить было уже не чѣмъ. Мистеръ Руфусъ рѣшился терпѣть; но онъ зналъ, что гости его любятъ почку, и чтобы отмстить имъ, съѣлъ ее всю.

Вашъ портвейнъ удивительно хорошъ, Руфусъ! Я тебѣ говорилъ, Бетси, что это прелестный домъ: все можно достать, отъ всего близко; успѣешь пріѣ-

хать, пообѣдать не торопясь, выпить..... Да гдѣ жъ этотъ Томъ? А, вонъ онъ тамъ забился въ малину! Хорошо; а то я боялся, чтобы онъ не напроказничалъ.

Сердце Руфуса жестоко щемило.

— Сегодня я не могу оставить Тома у васъ, любезный другъ; но я привезу его на будущей недѣлѣ, и онъ погоститъ у васъ съ мѣсяцъ. Надобно пользоваться хорошею погодой. Я говорилъ тебѣ, Бетси, мы успѣемъ пообѣдать, выпить стаканъ портвейну и чашку кофе, покуда дилижансъ опять пріѣдетъ. Въ восемь часовъ онъ остановится у дверей, а въ десять мы будемъ дома. Не правда ли, это прекрасно, Бетси?

Въ восемь часовъ дѣйствительно, Робертъ съ женою уѣхали. «Это не всегда же такъ будетъ!» думалъ мистеръ Руфусъ. Въ слѣдующую ночь онъ не спалъ.

На другой день, въ Субботу, онъ строго наказалъ людямъ, чтобы они говорили — дома нѣтъ, если кто пріѣдетъ обѣдать. Эта мѣра оказалась ненужною: никто не пріѣзжалъ, и Ваддсъ развеселился. Вечеромъ неизбѣжный омнибусъ опять останавливается у дверей, изъ него вылѣзаетъ человѣкъ кругленькій, жирненькій, красненькій, съ узломъ платья въ рукѣ.

— Это..... кто?..... Чортъ возьми! сказалъ хозяинъ, заикаясь отъ страха.

То былъ мистеръ Воббль, членъ Страховаго Общества, самый веселый изъ всѣхъ Лондонскихъ купцовъ, человѣкъ, съ которымъ Г. Ваддсъ очень любилъ проводить время — въ чужомъ домѣ.

— А, Ваддсъ! любезный другъ! какъ поживаешь? Мое почтеніе, сударыня! Здравствуйте, миссъ Джемима! Прелестный домъ у тебя, Ваддсъ! Его, право, не напрасно хвалятъ. Отъ городу не слишкомъ близ-

ко, не слишкомъ далеко. И омнибусъ останавливается у самыхъ дверей; что можетъ быть лучше!.... Но что это за шумъ у тебя? Любезный другъ, на ночь вели собаку привязать. Я никакъ не могу спать въ домѣ, гдѣ лаетъ собака.

– Спать! повторилъ Руфусъ, который могъ только служить эхомъ: спать!..... Но ты не можешь спать здѣсь.

– Какъ же? А развѣ ты думаешь, что я эту ночь не буду спать? Нѣтъ, любезный другъ, не на такого напалъ. Ха, ха, ха! я, братъ, человѣкъ предусмотрительный. Я забрался заранѣе. Завтра воскресенье; у тебя весь домъ будетъ полонъ, и бѣдному Вобблю не было бы и мѣста. Но не безпокойтесь; я человѣкъ не прихотливый, сплю гдѣ случится, – хоть въ чуланѣ или на чердакѣ; мнѣ бы только постель была хороша да побольше подушекъ. Я ужъ на васъ надѣюсь, мистрисъ Ваддсъ! Только не забудьте, ради Бога, что у меня шея коротка, и что мнѣ надобно, чтобы постель была покатa, а то я пожалуй и ножки протяну. слуга покорный!.... Да притомъ похороны въ новомъ жильѣ не хорошо. Вы ужъ отобѣдали? И я тоже. Я знаю, что въ деревнѣ ужинаютъ, и потому пообѣдалъ пораньше. Теперь пойду погуляю по вашему прекрасному саду. Не безпокойтесь. Я у васъ какъ дома, какъ-будто вѣкъ здѣсь жилъ. Прелестный домъ! отъ всего близко!

– Гдѣ жъ мы его положимъ? спросила мистрисъ Ваддсъ. Теперь ужъ его не выживешь.

– Дай ему синюю кровать, отвѣчалъ мужъ: въ этой комнатѣ и стѣны и матрасы сыры; онъ ихъ высушитъ.

Слѣдующій день, какъ весьма справедливо замѣтилъ Г. Вобблъ, былъ воскресенье, день отдохнове-

нія, нѣкогда любезный Руфусу, а теперь сдѣлавшійся для него днемъ труда и безпокойства. Въ одномъ изъ омнибусовъ, проходящихъ чрезъ Торигамъ-Гринъ въ полдень, пріѣхали Г. Вилльямъ Ваддсъ съ супругою. Они извинялись, что раньше не поспѣли. «Непростительно, говорили они, терять такое прекрасное утро, особенно когда деревня такъ близко!» Въ часъ, изъ другаго проѣзжаго омнибуса, вылѣзли чиновникъ министерства финансовъ, Г. Перкинсъ, съ сыномъ: они пріѣхали прямо къ завтраку.

– Это право, прекрасно! сказалъ Г. Перкинсъ: сюда пріѣзжаешь въ какое время хочешь, и, что всего лучше, омнибусъ подвозитъ васъ къ самымъ дверямъ!

«Я сожгу этотъ домъ!» подумалъ Руфусъ. Въ слѣдующей каретѣ пріѣхалъ Г. Петеръ Ваддсъ.

– Мнѣ очень жаль, что супруга ваша не пожаловала къ намъ, сказалъ хозяинъ съ ироническимъ видомъ и душевно радуясь, что по-крайней-мѣрѣ тотъ пріѣхалъ одинъ.

– Вы знаете, Руфусъ! женщины никогда не поспѣютъ во время! Я ихъ оставилъ покуда дома; но онѣ пріѣдутъ въ слѣдующемъ омнибусѣ.

– Онѣ!!! вскричалъ Руфусъ. Да кто жъ онѣ?

– Обѣ Миссъ Петеръ: онѣ гостятъ у насъ. Я думалъ, что неучтиво было бы не привезти ихъ къ вамъ; притомъ, какъ я говорилъ Джемсу, гдѣ двое сыты, тамъ будутъ сыты и трое. Да впрочемъ здѣсь такъ хорошо, что всегда можно достать съѣстное! здѣсь отъ всего близко!

Эти два или три дня были обращикомъ всѣхъ слѣдующихъ. Всѣ планы Ваддса разрушились, надежда его пожить въ уединеніи съ Природою уничтожи-

лась. Онъ рѣдко бывалъ одинъ, — развѣ только, когда отъ души желалъ гостей, то есть, когда шелъ дождь и онъ принужденъ былъ сидѣть дома и отъ скуки барабанить пальцами по стекламъ или считать кружки, которые падающія съ крыши капли дѣлали въ водѣ передъ Купидономъ.

Характеръ его, терпѣнье, здоровье, а можетъ-быть и доходы, не устояли бы противъ ежедневныхъ привозовъ посѣтителей, доставляемыхъ ему проклятыми Торнгамъ-Гринскими двѣнадцати-мѣстными омнибусами, и онъ рѣшился удалиться на нѣсколько миль отъ большой дороги.

Однажды утромъ, когда онъ завтракалъ, читая Morning-Post, его супруга, мистрисъ Ваддсъ, и дочь, миссъ Джемима, были испуганы глухимъ стономъ, вырвавшимся у несчастнаго Руфуса. Газета выпала изъ рукъ его; сухарь остановился у него въ горлѣ. Попеченія жены и дочери возвратили его къ жизни. Онъ не говорилъ ни слова; но только указалъ пальцемъ на то мѣсто газеты, которое такъ его поразило. Тутъ было сказано: «Съ удовольствіемъ извѣщаемъ нашихъ читателей, что между городомъ и деревнею Торнгамъ-Гриномъ будутъ ходить еще четыре омнибуса по шестнадцати мѣстъ въ каждомъ.»

На другой день объявленіе о продажѣ дома, который такъ отъ всего близко, было уже прибито къ воротамъ. Говорятъ, что, не видя нигдѣ въ Европѣ мѣста совершенно безопаснаго отъ омнибусовъ, мистеръ Руфусъ Ваддсъ уѣхалъ съ своимъ семействомъ за море, въ новую колонію на Лебяжьей Рѣкѣ, гдѣ они еще не извѣстны.

Blackwood's Magazine.

ОЧЕРКИ

ИТАЛІИ, ПОРТУГАЛІИ И ИСПАНІИ.

=

Мы уже нѣсколько разъ говорили объ авторѣ Романа «Ватекъ,» безъ сомнѣнія извѣстнаго большей части нашихъ читателей. Г. Бекфордъ человѣкъ удивительный! До двадцати-лѣтняго возраста издалъ онъ два сочиненія, обратившія на него всеобщее вниманіе, —«Біографическія записки» о необыкновенныхъ живописцахъ и прелестную Повѣсть о халифѣ Ватекѣ, и, подавъ о себѣ самыя блистательныя надежды, вдругъ замолкъ, и молчалъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Носились слухи, что еще въ молодости написалъ онъ что-то о странствованіяхъ своихъ по бѣлу свѣту, но до сихъ поръ все ограничивалось слухами. Теперь только онъ издалъ свои «Очерки,» которые восхищаютъ отечественную его публику, и переводятся уже на языки Французскій и Нѣмецкій. Г. Бекфордъ ничего не дѣлаетъ какъ другіе люди. Мало того, что онъ продержалъ сорокъ лѣтъ въ своей портфели сочиненіе, которое сдѣлало бы честь геніяльнымъ временамъ Словесности его края, и не было бы помрачено даже славою Байроновъ, Вальтеръ-Скоттовъ и Соутеевъ, — онъ еще присоединилъ къ нему предисловіе, разрушающее всю теорію вступленій и предувѣдомленій. Извѣстно, что по принятымъ правиламъ, въ началѣ творенія должно всегда говорить, что авторъ, чувствуя слабость своихъ дарованій, издаетъ книгу единственно *изъ уваженія* къ благосклонному объ ней мнѣнію

друзей его, и чтобъ удовлетворить ихъ настойчивости. Г. Бекфордъ утверждаетъ напротивъ, что онъ рѣшился издать ее *на зло* благосклонному объ ней мнѣнію его почтенныхъ пріятелей; что его твореніе было уже читано ими неоднократно частнымъ образомъ, и что многіе изъ нихъ, полагаясь на его добродушіе, стали выдавать его мысли, картины и выраженія за свои собственныя: не было другаго средства отмѣнить лестный образъ мыслей друзей автора на счетъ достоинства его труда, какъ напечатать сочиненіе отъ своего имени! Мы находимъ это дивное предисловіе очень замысловатымъ, и рекомендуемъ его нашимъ сочинителямъ, какъ превосходный образецъ для подражанія. По-крайней-мѣрѣ это еще ново.

Г. Бекфордъ, подобно Чайльдъ-Гарольду, проѣзжаетъ разныя земли, не справляясь съ дорожникомъ, и представляетъ читателю рядъ отдѣльныхъ или едва связанныхъ очерковъ всего, что оставило въ немъ глубокое впечатлѣніе. Онъ поэтъ, и даже великій, хоть отроду не писывалъ стиховъ. Восторгъ его передъ чудесными видами горъ, лѣсовъ и потоковъ обличаетъ въ немъ душу любимицу Природы, и изливается простымъ, но сильнымъ, живописнымъ языкомъ.

Особенную прелесть придаетъ книгѣ его то, что она писана слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, и явилась только теперь. Настоящаго у насъ досыта: избавьте насъ отъ настоящаго! уфъ, какъ оно всѣмъ надоѣло!... Право, некуда его дѣвать. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ, нашъ современникъ, человѣкъ дышащій нашимъ мутнымъ воздухомъ, свидѣтель нашихъ глупостей, предстаетъ передъ насъ чуждымъ всего нынѣшняго; онъ описываетъ намъ прошлое, и описываетъ какъ-бы вчера только былъ очевидцемъ. Вспомните, что была

Западная Европа въ 1780 году: Венеція еще государство; въ Испаніи, въ Португаліи, даже во Франціи все спокойно, чинно и весело: какъ это все теперь для насъ ново, неожиданно, любопытно! Да это почти поэтическій вымыселъ! Приступимъ скорѣе къ выпискамъ.

На пути въ Италію, авторъ проѣзжаетъ Тирольскими лѣсами.

«Казалось, нѣтъ конца этому лѣсу; только изрѣдка перемежался онъ небольшими полянами, на которыхъ пасся скотъ. Взобравшись на высоту, мы все видѣли передъ собою тотъ же черный боръ, пересѣкаемый зелеными лужайками и блестящими ручьями. Бѣлая кашка и множество благовонныхъ цвѣтовъ пестрятъ берега ихъ; надъ ними качаются горные ясени, а далѣе высятся холмы, утесы и горы, поросшія елью доверху. Быть-можетъ, одни Норвежскіе лѣса равняются этимъ въ величіи и обширности. Тѣ, которыми одѣты высоты Швейцаріи, рѣдко раждаютъ въ васъ подобныя мысли. Тамъ лѣсъ доходитъ только до полугоры, остальная часть ея покрыта снѣгомъ; здѣсь нѣтъ предѣла прозябенію, и горы съ низу до самой вершины представляютъ взору богатыя, безпрерывныя чащи.

«Пока мы любовались этимъ видомъ, черная громовая туча омрачила небосклонъ, и лошади безпрестанно пугались блеска молніи; фырканье и топотъ ихъ раздавались по лѣсу. Отъ нависшей грозы, ели почернѣли пуще прежняго, и нѣсколько миль ѣхали мы почти въ совершенной темнотѣ. Вдругъ облака начали разступаться, и проглянулъ было блѣдный лучъ, но тотчасъ же опять стемнилось, и хлынулъ такой дождь, что едва можно было переѣзжать ручьи, бѣжавшіе съ ужасной силою. Въ сумерки перебрались мы черезъ самый быстрый, и взошедъ на гору, гдѣ сосны и березы страшно шумѣли съ вихремъ, мы увидѣли внизу маленькое озеро. Синій туманъ заслонялъ восточный его берегъ, по южному стлались легкіе пары, а надъ за-

падной оконечностью висѣло немного прозрачныхъ облаковъ; лучи померкавшаго заката струились на поверхности озера и обливали зеленѣющій мысъ его нѣжнымъ румянцемъ. Я не могъ не простоять здѣсь до тѣхъ поръ, пока исчезло это очаровательное явленіе.»

Перенесемся теперь въ Венецію. Авторъ сидитъ на балконѣ, висящемъ надъ Большимъ Каналомъ, и украшенномъ перевитыми вѣтвями двухъ померанцевыхъ деревъ.

«Съ наступленіемъ ночи замелькало множество огней сквозь маркизы оконъ. Каждая лодка здѣсь съ фонаремъ, и быстрыя гондолы влекутъ за собой огненный слѣдъ, скользящій и сверкающій въ сумракѣ. Я любовался этими рѣзвыми свѣточами, какъ вдругъ звуки музыки понеслись надъ каналомъ. Вотъ они все слышнѣе и слышнѣе, — и освѣщенная барка, полная музыкантами, выплыла изъ-подъ Ріальто, и остановившись подъ однимъ прекраснымъ домомъ, начала серенаду: клики гребцовъ, говоръ на галереяхъ и въ портикахъ, все затихло, пока она медленно ушла изъ виду и звуки замерли въ отдаленіи. Гондольщики, поймавъ голосъ музыки, начали повторять ея размѣры, другіе отвѣчали имъ издали, и эти голоса, отражаемые сводомъ моста, пріобрѣтали какую-то жалобную выразительность. Я легъ въ постель, полный звуковъ, и давно ужъ заснулъ, а мелодія какъ-будто все отдавалась въ ушахъ моихъ.

«Не было еще пяти часовъ, когда шумный говоръ и плескъ воды подъ самымъ моимъ балкономъ разбудилъ меня. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что Большой Каналъ весь покрытъ плодами и зеленью, разложенными на баркахъ и на плотахъ. Грузы винограду, персиковъ и дынь подходили и исчезали въ одну секунду; все было въ движеніи: толпы покупщиковъ, торопившіяся съ лодки на лодку, представляли самую живую картину. Между ими я замѣтилъ многихъ, которые, по платью и по осанкѣ, принадлежали не къ простолюдинамъ. Послѣ я узналъ, что

это благородные Венеціяне, которые, изъ своихъ казино, идутъ прямо сюда освѣжиться передъ утреннимъ сномъ плодами.

«Солнце начинало золотить балюстрады домовъ. Чистый, отрадный воздухъ утра выманилъ меня изъ комнаты; я достигъ гондолу, взялъ съ собой запасъ хлѣба и винограду, и проплывъ подъ Ріальто, спустился внизъ по Большому Каналу до мраморныхъ ступеней церкви Заступницы Божіей Матери, S. Maria della Salute, построенной Сенатомъ во имя Св. Дѣвы по обѣту, данному ей за укрощеніе сильной заразы въ 1630 году. Огромныя бронзовыя двери отворились; я увидѣлъ внутренность купола, и осмотрѣлъ все одинъ, потому что тамъ не было никого, кромѣ стараго священника, который поправлялъ лампады, и тихо читалъ молитвы передъ главнымъ алтаремъ, еще погруженнымъ въ сумракъ. Солнце проглянуло въ оконницы купола, когда я вышелъ изъ церкви, и поплылъ къ просторной платъ-формѣ насупротивъ С. Джіорджіо Маддиіоре, одного изъ славнѣйшихъ произведеній Палладія.

«Когда первый восторгъ мой поукротился, и когда вглядѣвшись въ миловидность каждаго украшенія отдѣльно, я совокупилъ въ умѣ своемъ всю соразмѣрность, весь чудный эффектъ цѣлаго, тогда только, изъ подъ зонтика, утвержденнаго мною въ пескѣ, началъ я разсматривать безконечный рядъ дворцевъ, портиковъ, башень, который тянулся передо мной на необозримое пространство. Дворецъ Дожа и огромныя колонны у входа на площадь Св. Марка, вмѣстѣ съ аркадами публичной библіотеки, высокою кампанилою и главами придворной церкви, — это разительнѣйшая группа зданій, какою только можетъ похвалиться Искусство.»

Послѣ этой утренней картины, вотъ вечерняя:

«Я вышелъ на большую площадь, тускло освѣщенную лампами окружныхъ казино и домовъ, которыя только начинали зажигаться. Бездна людей гуляли по площади; иные искали удобства тёмныхъ портиковъ, другіе занимались

дѣльнымъ разговоромъ, и наполняли хохотомъ и шутками ярко освѣщенныя комнаты, куда заходили пить кофе и шербетъ. Вездѣ царствовалъ какой-то беззаботный восторгъ, о принужденности не было и помину, и какъ ни важничалъ днемъ какой-нибудь гражданскій сановникъ или сенаторъ, а къ вечеру укладывалъ онъ парикъ, мантію и важность въ одинъ ящикъ, садился въ гондолу, отправлялся на волокитство, и объ-руку съ временною царицей души своей разгуливалъ по городу, гдѣ, съ наступленіемъ сумерекъ, веселье часъ отъ часу возрастаетъ.

«У многихъ благородныхъ Венеціянъ есть неподалеку отъ большой площади такія комнатки, о которыхъ супруги ихъ ничего не вѣдаютъ. Сюда-то забѣгаютъ они вечеркомъ, когда вздумаютъ повеселиться на просторѣ. Сама ревность не можетъ открыть тайныхъ, излучистыхъ переходовъ и чудесно улаженныхъ дверей, которыя ведутъ къ этимъ убѣжищамъ. Сколько разъ несчастный любовникъ напрасно искалъ своей милой, скрывшейся съ предпочтеннымъ ему соперникомъ. Сами гондольеры, хоть и главные пособники всѣхъ такихъ продѣлокъ, часто незнакомы съ внутреннимъ расположеніемъ этихъ тайниковъ. Волокита подъѣзжаетъ къ площади, приказываетъ баркѣ ожидать себя, встрѣчаетъ въ толпѣ свою богиню и мигомъ исчезаетъ съ нею отъ нескромныхъ взоровъ. Въ Венеціи было бъ на что посмотрѣть хромоногому бѣсу. Чего бы не открылъ онъ здѣсь однимъ ударомъ своего костыля!

«Пока высшія сословія забавлялись въ своихъ казино, чернь толпилась около штукарей и шарлатановъ, которые пѣли и дурачились среди площади. Въ толпѣ замѣтилъ я множество Восточныхъ; Турецкій и Арабскій языкъ слышался со всѣхъ сторонъ. Тамъ говорили по-Славянски, а тамъ какимъ-то ломанымъ Греческимъ нарѣчіемъ, котораго ни нельзя было понять. Будь церковь Св. Марка столмъ Вавилонскимъ, а площадь — мѣстомъ, окружавшимъ тотъ столпъ, и тутъ едва-ли было бъ такое смѣшенье языковъ, какое я здѣсь слышалъ.

«Я только было разговорился съ какими-то Русскими князьями, которые глядѣли во всѣ стороны подобно мнѣ, какъ явилась Г-жа Розенбергъ, которой я былъ рекомендованъ. Она представила меня знатнѣйшимъ Венеціянскимъ фамиліямъ, въ ихъ большомъ казино, который выходилъ на площадь, и состоялъ изъ пяти или шести комнатъ, убранныхъ ярко и щепетильно, но не богато и безъ вкуса. Тутъ было множество свѣчей и множество небрежно одѣтыхъ женщинъ, съ распущенными волосами и съ множествомъ приключеній во взорахъ. Мужчины развалились на диванахъ или шатались по комнатамъ. Все общество казалось въ зѣвотномъ расположеніи, какъ вдругъ стали подавать кофе. Это чудесное питье разлило мгновенную живость, и минуты двѣ, три бесѣда шла довольно пріятно, хоть и странно; однако жъ скоро прошло вдохновеніе, остались однѣ карты да безсмыслица.»

Авторъ посѣтилъ Флоренцію, и превосходно описалъ этотъ городъ, богатый сокровищами Искусства; но, опасаясь слишкомъ распространить статью нашу, мы послѣдуемъ за нимъ прямо къ Риму.

«День разсвѣталъ надъ Лаго ди Вико, и восходящее солнце бросало первые лучи свои на его темноголубыя воды и на зелень окружнаго лѣса. Напрасно, спускаясь съ горъ, около Витербо, хотѣлъ я высмотрѣть куполъ Св. Петра. Кромѣ цѣлаго моря паровъ ничего не было видно.

«Наконецъ они разступились и мало-по-малу обнажили тѣ пространныя равнины, гдѣ воинственнѣйшій изъ народовъ основалъ столицу своего могущества. Далеко влѣвѣ подымался бугристый хребетъ Апеннинновъ, а съ другой стороны блестящая лента океана опоясывала небосклонъ....

«Дорога, которой не поправляли, кажется, со временъ Цезарей, не дозволяла намъ ѣхать очень скоро. «Какъ взъѣдемъ вонъ на этотъ холмъ, вы увидите Римъ,» говорилъ мнѣ одинъ изъ почтальоновъ: взъѣхали, и городъ не показывался. «Вонъ съ того, что подальше,» кричалъ другой

почтальонъ, и опять я ничего не увидѣлъ. При каждомъ возвышеніи пробуждали они мои надежды. Я думалъ, Римъ бѣжитъ отъ насъ, такъ хотѣлось мнѣ его видѣть; наконецъ замѣтили мы кучку холмовъ, увѣнчанныхъ зеленью, окруженныхъ рощами, и осѣненныхъ цвѣтущимъ падубомъ. Тамъ и сямъ мелькалъ бѣлый домъ, построенный въ древнемъ вкусѣ съ открытыми портиками, на которыхъ отражался лучъ вечерняго солнца, только что выглянувшаго изъ-за облаковъ, и разлившаго по лугу свои розовыя тѣни. Вотъ показались куполы и башни въ долинѣ, вотъ и церковь Св. Петра растетъ надъ великолѣпными верхами Ватикана. Видъ съ каждымъ шагомъ становился обширнѣе, а когда мы обогнули холмъ, тогда вдругъ весь Римъ представился нашимъ взорамъ.

«Никогда не забуду, что я чувствовалъ, тихо спускаясь съ холмовъ, и ѣдучи черезъ мостъ на Тибрѣ! Когда я увидѣлъ перспективу виллъ съ ихъ террасами и красивыми воротами, которая ведетъ къ Porta del Popolo, когда я увидѣлъ площадь, куполы, обелискъ, длинный рядъ улицъ и дворцовъ, открывавшійся съ обѣихъ сторонъ въ отдаленіи, когда я увидѣлъ все это, объятое живымъ, румянымъ пламенемъ заката, можете представить, какъ насладился я любимымъ моимъ свѣтомъ, любимымъ часомъ дня, окруженный такими предметами. Можете вообразить, какъ я всходилъ на Монте Кавалло, опираясь на подножіе Буцефала, какъ, не смотря ни на позднюю пору, ни на разстояніе, спѣшилъ я по обѣту въ церковь Св. Петра.

«Я видѣлъ Св. Отца во всемъ благолѣпіи, когда, при звукѣ трубъ, онъ возвращался отъ вечерни, и отрядъ гвардіи стоялъ на мосту Св. Ангела. Бросивъ почтительный взглядъ на молы Адріана, я шелъ до тѣхъ поръ безъ остановки, пока не развернулась предо мной колоннада Св. Петра во всей полнотѣ ея. Зданіе такъ свѣжо, такъ ново, какъ будто сейчасъ кончено. Я едва могъ оторваться отъ прекрасной соразмѣрности его фасада, такъ дивно противоположнаго неправильнымъ, но великолѣпнымъ чертогамъ Ватикана, которые высятся надъ колоннадою: солнце зашло

за куполъ, когда я взбѣжалъ по ступенямъ и вошелъ въ большія двери, которыя ужъ хотѣли-было запирать.

«Я не зналъ, гдѣ я, что̀ я вижу: священный сумракъ скрывалъ оконечности зданія; я не могъ различить ничего въ особенности, но наслаждался впечатлѣніемъ цѣлаго. Запахъ ладана не совсѣмъ еще разсѣялся. Не было ни души человѣческой. Я слышалъ, что дверь затворилась съ громовымъ шумомъ; мнѣ чудился какой-то тихій шепотъ; откуда онъ былъ — не знаю. Нѣсколько сотъ лампадъ мерцало около алтаря, терявшагося въ неизмѣримости зданія. Ни какой другой свѣтъ не развлекалъ думъ моихъ, кромѣ умирающей зари, еще видимой въ западныя окна. Подумайте, что чувствовалъ я одинъ и такъ поздно въ этомъ обширномъ храмѣ. Скажите, уже ли я разстался съ нимъ безъ всякаго откровенія?

«Было почти восемь часовъ, когда я вышелъ на паперть, и нѣсколько минутъ стоялъ подъ портиками, прислушиваясь къ шуму водометовъ. Потомъ, чуть не черезъ весь городъ, пришелъ въ виллу Медичи, гдѣ мы остановились; легъ въ постель и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ, который конечно заслужилъ своимъ усердіемъ и ходьбою.»

Вотъ еще прекрасная картина, которою насладился авторъ при посѣщеніи Картезіанскаго монастыря, извѣстнаго подъ именемъ Grande Chartreuse, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гренобля.

«Только что мы отужинали, монастырскія ворота были заперты, и это озадачило меня довольно непріятнымъ образомъ, потому что полный мѣсяцъ, глядѣвшій въ оконницы, и звѣзды, сверкавшія надъ сосновой рощею, манили меня подъ открытое небо, чтобъ вполнѣ насладиться ихъ зрѣлищемъ. Коадъюторъ, замѣтивъ, что я часто выглядываю въ окно, угадалъ мое желаніе, и позвавъ привратника, велѣлъ ему отпереть ворота, и дожидаться моего возвращенія. Я скоро воспользовался его снисходительностью, и, вырвавшись изъ монастырскихъ затворовъ, гдѣ царствовала

мертвая тишина, взошелъ на зеленый холмъ, осѣненный черными тѣнями древнихъ сосенъ: прислонившись къ одной изъ нихъ, я поднялъ глаза на величественный предѣлъ окрестныхъ горъ, рисовавшійся въ зыбкомъ, серебряномъ сіяніи мѣсяца, которое прямо лилось на лѣса, роскошно опушавшіе ихъ покатости. Поляны, рощи, стремнины, пропасти, потоки, — все это лежало внизу, смягчаемое въ своихъ рѣзкихъ переходахъ блѣдно-голубымъ туманомъ, отъ котораго еще усиливалась мрачность утесовъ, торчащихъ въ вышинѣ, и одѣтыхъ мглою. Небо было самой темной лазури; безчисленныя звѣзды казались необыкновенно ясны съ этого возвышенія, и многія мелькали изъ-за черныхъ сосенъ, которыми поросли утесы. Бѣлыя, сѣрыя и черноватыя облака подходили къ мѣсяцу, который такъ и обливалъ свѣтомъ купу скалъ, возвышавшуюся надъ всѣми другими. Хриплый ропотъ потока, стремившагося изъ отдаленныхъ дебрей въ темную долину, мѣшался съ шумомъ горнаго вѣтра. Онъ усилился; зашумѣли лѣса, черныя облака поднялись съ сѣвера, — летятъ — летятъ и вдругъ поглотили сіяніе мѣсяца. Наступила мгновенная темнота, вѣтеръ взвылъ и повѣялъ дрожью, потомъ пріутихъ; стало чище на небѣ, и мѣсяцъ опять взглянулъ на землю; все явилось въ новомъ, торжественнѣйшемъ величіи. Вѣтерокъ навѣвалъ вдохновеніе.

«Не прежде полуночи воротился я въ монастырь, прямо въ отведенную мнѣ комнату; но воображеніе мое было такъ встревожено, душа моя такъ возбуждена, что долго не могъ я успокоиться, и едва только заснулъ, какъ страшный порывъ вѣтра отворилъ настежь оконницу, и разбудилъ меня своимъ воемъ. Въ промежутки бури, когда вѣтеръ стихалъ на одинъ мигъ, слабые звуки поющаго хора достигали ушей моихъ; но потомъ опять покрывались ревомъ бури и гуломъ низвергающихся водъ.»

Перейдемъ въ Лиссабонъ. Легко замѣтить, что очерки этой столицы писаны уже въ другомъ духѣ; — и это быть-можетъ потому, что они пятью годами моложе прежнихъ.

«Нигдѣ не видывалъ я такихъ проклятыхъ подъемовъ и спусковъ, уступовъ и скачковъ, какіе встрѣчаешь на каждомъ шагу въ Лиссабонѣ. Сто разъ ужъ почиталъ я себя опрокинутымъ въ Тагъ или въ какой-нибудь песчаный ровъ, наполненный гнилыми банмаками, дохлыми кошками и старыми арабками, которыя прячутся въ этихъ логовищахъ, чтобъ ворожить и продавать талисманы отъ лихорадки.

«Инквизиція часто раздѣлывается по-свойски съ несчастными сивиллами, и я самъ видѣлъ, какъ одну изъ нихъ вытаскивали изъ-подъ развалинъ дома, обрушеннаго землетрясеніемъ. Не знаю навѣрное, въ чьи она попалась когти, къ клеврету ли Инквизиціи, или къ кому-нибудь обманутому ея ворожбою; только я былъ радехонекъ, что убѣжалъ отъ этой чучелы, которой кривлянья и визгъ поистинѣ наводили ужасъ.

«Чѣмъ болѣе знакомишься съ Лиссабономъ, тѣмъ несоотвѣтственнѣе находишь его ожиданіямъ, которыя возбуждаетъ видъ этого города съ рѣки. Если бъ можно было вдругъ перенести сюда неприготовленнаго и непредубѣжденнаго путешественника, то вѣрно бы онъ подумалъ, что видитъ передъ собой нѣсколько плохо соединенныхъ деревушекъ, подавляемыхъ громадными монастырями.

«Безчисленное множество нищихъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и паршивыхъ, преслѣдовало меня чуть не въ самую воду. Въ мірѣ нѣтъ попрошаекъ, которые равнялись бы съ Португальскими, крѣпостью груди, роскошью болячекъ, обиліемъ всякихъ гадинъ, разнообразіемъ и подборомъ лохмотьевъ, и пуще всего безотвязною настойчивостью.»

Однако жъ не всегда Лиссабонъ производитъ такое непріятное впечатлѣніе. Вечеромъ, при свѣтѣ мѣсяца, авторъ нашелъ въ немъ много живописнаго.

«Ясная, пріятная ночь выманила насъ на Большую Площадь, куда достигалъ только слабый свѣтъ изъ оконъ дворца, отворенныхъ для освѣженія комнатъ. На одномъ изъ

балконовъ виднѣлось доброе лице Архіепископа. У окна, прямо надъ лоснящеюся маковкою этой почтенной особы, мы замѣтили двухъ пригожихъ сестрицъ, фрейлинъ Королевы, которыя манили насъ очень привѣтливо. Этого было довольно, чтобъ заставить насъ взбѣжать къ нимъ въ комнату черезъ безчисленное множество ступенекъ. Тутъ мы нашли кучу племянниковъ, племянницъ и двоюродныхъ, столпившихся около двухъ премиленькихъ дамъ, которыя напѣвали съ своимъ учителемъ, квадратнымъ, сѣроглазымъ монахомъ, Бразильскія *моденьи*.

«Кто не слыхалъ этого совсѣмъ особеннаго рода музыки, тотъ не знаетъ очаровательнѣйшихъ мелодій, какія только существовали со временъ Сибаритовъ. Онѣ состоятъ изъ томныхъ, прерывистыхъ размѣровъ, точно какъ-бы духъ занимался отъ восторга и душа рвалась къ родной душѣ любимаго человѣка. Съ дѣтскою неумышленностью вкрадываются онѣ въ сердце, которое не успѣетъ и остеречься отъ обаятельнаго ихъ дѣйствія: кажется, вы глотаете свѣжее, пріятное молоко, анъ это ядъ сладострастія, проникающій въ сокровеннѣйшіе тайники вашего существованія. По-крайней-мѣрѣ, такъ бываетъ съ тѣми, кто чувствуетъ могущество гармоническихъ звуковъ; за крѣпкоухую флегму сѣвера я не ручаюсь.»

Путешественникъ пріѣхалъ въ Мадритъ зимою 1787 года, и вскорѣ познакомился тамъ довольно страннымъ образомъ съ представителемъ Султана.

«Рохасъ, которому нетерпѣливо хотѣлось вступить въ должность чичероне, безпрестанно вертѣлся у окна, и наконецъ замѣтилъ, что еще часа два будетъ свѣтло, и что мы успѣемъ пройтись ко дворцу и къ садамъ Буэнъ-Ретиро. Вошедъ во дворъ, окруженный низкими строеніями, которыхъ штукатурка была очень повреждена вѣтромъ и непогодами, я увидѣлъ, что нѣсколько почтенныхъ фигуръ, въ кафтанахъ и въ чалмахъ, стоятъ у дверей, прислонившись къ притолкамъ. Отъ этого зрѣлища, искры моего оріентализма какъ разъ вспыхнули яркимъ пламенемъ. «Что это

за живописныя твари?» спросилъ я проводника: «можно на нихъ посмотрѣть?» «Сколько угодно,» отвѣчалъ Рохасъ: «это люди Турецкаго Посла, который, со всѣмъ причтомъ, живетъ въ Буэнъ-Ретиро.... Хотите? мы зайдемъ осмотрѣть весь этотъ звѣринецъ.»

«Сказано, сдѣлано. Я разомъ прыгнулъ черезъ четыре ступени, къ великому удовольствію пажей и прислуги его превосходительства, и вошелъ въ залу, устланную богатѣйшими коврами, и благоухающую куревомъ изъ алоеваго дерева. Въ углу этой великолѣпной комнаты сидѣлъ посланникъ, Ахметъ Вазп Эффенди, окутанный драгоцѣнной собольею шубою; онъ игралъ легкою тросточкой, которая была у него въ рукѣ, и порой совалъ ее подъ носъ рослымъ и красивымъ невольникамъ, которые стояли передъ нимъ навытяжку. Эти фигуры, неподвижныя какъ истуканы, и по-видимому такъ же безчувственныя, ни разу даже не мигнули. Когда я подошелъ отдать мой *салемъ* представителю Султанскаго Величества, который принялъ меня съ самымъ милостивымъ кивкомъ головы, переводчикъ объявилъ, къ какому я принадлежу народу, и какъ нелицемѣрно чту Высокую Порту.

«Только я усѣлся въ тяжелыя креела, обитыя узорчатымъ бархатомъ, какъ подали намъ кофе въ чашкахъ, отличнѣйшаго фарфора, съ золочеными блюдечками. Несмотря на пристрастіе мое къ Востоку и его обычаямъ, я едва могъ проглотить это питье, такъ оно было густо и горько. Пока я морщился вслѣдствіе этой уважительной причины, изъ-за занавѣса, отдѣлявшаго насъ отъ другой комнаты, послышался тихій, ропотный звукъ, будто отъ флейтъ и тимпановъ, сопровождаемыхъ тамбуриномъ. Въ этой мелодіи была какая-то заунывная дикость и какое-то безпрерывное повтореніе однихъ и тѣхъ же созвучій, которыя растрогали мою душу.

«Посланникъ глядѣлъ на меня во всѣ глаза, и казался чрезвычайно доволенъ тѣмъ дѣйствіемъ, которое, видно, и въ лицѣ моемъ, произвела его музыка.

«Мои усердные распросы о Багдадѣ, о гробницѣ Зобеиды, объ остаткахъ Даръ-эль-Калифата, или дворца Абассидовъ, кажется, пробуждали въ немъ тысячу пріятныхъ воспоминаній; а когда я прибавилъ еще нѣсколько ссылокъ на любимыхъ его писателей, и особенно на Месиги, онъ сдѣлался такъ разговорчивъ, что ловкій и проворный Грекъ, который былъ довѣреннымъ его переводчикомъ, насилу успѣвалъ за нимъ. Не наступи часъ молитвы, бесѣда наша продлилась бы до полуночи. Привставъ съ большою сановитостью, онъ протянулъ мнѣ руки на прощанье, и отправился съ двумя пригожими пажами изъ Грузинъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ секретари его, драгоманъ и прислуга стояли всѣ на коврикахъ, какъ въ мечети, и признаюсь, трогательно было видѣть торжественную внимательность, съ какою совершалось моленіе.»

Вотъ поѣздка въ Эскуріалъ, и ею заключимъ мы наши выписки.

«Терпѣть не могу, вставать при огнѣ въ холодное зимнее утро; но такъ какъ я назначилъ этотъ день для посѣщенія Эскуріала, и разставилъ по дорогѣ лошадей, чтобъ скорѣй доѣхать, то считалъ себя въ непремѣнной обязанности выполнить свое намѣреніе. Погода была холодна и ненадежна; небо красно и темновато. Рохасъ долженъ былъ ѣхать съ нами вмѣстѣ, и потому мы завернули за нимъ къ брату его, Маркизу Виллануэвѣ. Онъ одно изъ самыхъ добродушныхъ, самыхъ дружелюбныхъ созданій въ мірѣ, и я ни за что на свѣтѣ не поѣхалъ бы безъ него, хотя вообще не терплю колесить по городу за кѣмъ бы то ни было, даже будь онъ семи пядей во лбу, — мнѣ все равно.

«Ужъ пробило восемь, когда мы выѣхали изъ Мадрита, и скакали во весь опоръ, берегомъ Мансанареса, по дорогѣ, которая привела насъ къ Каса дель Камно, одному изъ королевскихъ дворцовъ, окруженному рощицами и чащами. Мили двѣ ѣхали мы вдоль ограды, и миновавъ Ла Сарсуэлу, другой загородный домъ королевской фамиліи, который справа заслоняютъ бугры, поросшіе кустарникомъ, мы

увидѣли передъ собой мили на три или на четыре дикое, обнаженное поле. Потомъ, когда взобрались на нѣсколько значительныхъ возвышеній, надъ нами проглянуло солнце, облака начали рѣдѣть, и вдали открылись бѣлыя зданія знаменитаго монастыря съ его куполомъ и башнями, которыя выникали изъ величественнаго грунта, образуемаго высокою, неправильною горою.

«Мы были отъ него около мили, и окрестность казалась здѣсь лучше, чѣмъ близъ Мадрита. По обѣимъ сторонамъ широкой и прекрасно устроенной дороги тянулись обширные зеленые луга, усѣянные обломками скалъ и тиями дубовъ и ясеней. Олени стояли многочисленными стадами, какъ вкопанные съ поднятыми вверхъ ноздрями, и вперяли въ насъ свои прекрасные глаза безъ всякаго опасенія, потому что здѣсь строжайше запрещено стрѣлять.

«Хотя надъ Эскуріаломъ насупились горы, однако жъ онъ и самъ стоитъ на значительномъ возвышеніи, и мы карабкались туда цѣлые полчаса, оттого что послѣдними дождями совсѣмъ размыло дорогу. Есть что-то грозно-поразительное въ фасадѣ этого царскаго монастыря, который, подобно дворцу въ Персеполѣ, осѣненъ близлежащими горами. Проходя на церковный дворъ подъ сводомъ ограды, который такъ крѣпокъ, какъ будто бъ былъ изсѣченъ въ горной скалѣ, я почувствовалъ невольное содроганіе, частію конечно и оттого, что живо припомнилъ себѣ черные, кровью ознаменованные дни страшнаго Филиппа. Солнце опять покрылось облаками, и наперть, окруженная угрюмыми статуями, казалась такъ мрачна и пещеровидна, что я воображалъ себя у входа въ подземный храмъ, устроенный для какого-нибудь таинственнаго и страшнаго богослуженія; но когда я увидѣлъ главный алтарь во всемъ его величіи, съ янимовыми ступенями, съ рядами колоннъ, которыя возвышаются однѣ надъ другими, съ живописью, наполняющею всѣ промежутки, — я исчезъ въ благоговѣніи.

«По сторонамъ придѣла, въ которомъ онъ помѣщенъ, возвышаются часовни, почти всѣ занятыя катафалками изъ зо-

лоченой бронзы. Здѣсь съ коронами и скипитрами, поверженными у ногъ, и съ обнаженной головою, стоятъ на колѣняхъ изображенія во весь ростъ Императора Карла V и властолюбиваго сына его, Филиппа II, съ злополучными ихъ женами и дѣтьми. Чувства ужаса еще увеличились во мнѣ оттого, что я увидѣлъ себя наединѣ съ этимъ обществомъ. Рохасъ пошелъ къ настоятелю съ письмами, которыя долженствовали открыть намъ всѣ тайны этого страшнаго зданія, — и храма, и дворца, и монастыря, и гробницы вмѣстѣ.

«Тутъ воротился мой пріятель, и за нимъ шелъ старый, рослый монахъ съ непривѣтнымъ лицемъ, пепельнаго цвѣта, и съ выпученными глазами, которыхъ выраженіе было вовсе не умильно. То былъ мистагогъ здѣшнихъ мѣстъ, настоятель самъ своею особою, представитель Св. Іеронима, по-крайней-мѣрѣ во всемъ, что касается этого монастыря и его владѣній, человѣкъ, знаменитый строгостію своей жизни. Онъ началъ осматривать меня съ головы до ногъ, и послѣ этого довольно страннаго обзора, спросилъ по-Испански, что я особенно желалъ видѣть; потомъ, обернувшись къ Рохасу, сказалъ такъ громко, что я могъ это слышать: «Онъ очень молодъ, — понимаетъ ли онъ, что я ему говорю? Впрочемъ мнѣ такъ строго повелѣно показать ему монастырь, что, я думаю, прійдется это сдѣлать, сколько я ни привыченъ къ объясненію нашихъ достопримѣчательностей. Безъ чего нельзя, такъ нельзя; начнемъ-те, мѣшкать нечего. Вы знаете, что времени у меня не много, а дѣла довольно и въ церкви, и въ монастырѣ.»

«Послѣ этого не слишкомъ заманчиваго приступа, мы отправились. Сперва, посѣтили нѣсколько комнатъ со сводами, расписанными арабескомъ въ лучшемъ вкусѣ шестнадцатаго вѣка; потомъ обширную залу, гдѣ совершалось богослуженіе, пока строилась большая церковь, и гдѣ я увидѣлъ Перлу во всей ея чистотѣ, — нѣжнѣйшее по отдѣлкѣ произведеніе Рафаэля, — и Песце съ ея божественнымъ ангеломъ, прелестнымъ младенцемъ и полнымъ вѣры юнымъ Товитомъ, дышащимъ непритворною набожною простотою. Послѣ этого вниманіе мое привлекла одна глубоко-трога-

тельная картина — Іаковъ, плачущій надъ окровавленною одеждой любимаго сына, — возвышеннѣйшее, живое доказательство дивныхъ способностей Веласкеса на благородномъ поприщѣ Искусства.

«Эти три картины такъ поглотили мое вниманіе, что у меня едва осталось его для прекрасныхъ созданій Тиціана и другихъ великихъ художниковъ, которыя покрываютъ эти простыя, толстыя стѣны цѣлымъ раемъ живописи. Я шелъ почти такъ скоро, какъ только могъ желать мой ворчащій чичероне, и слѣдовалъ за нимъ по разнымъ лѣстницамъ и многому множеству переходовъ и предсѣній, въ самомъ мрачномъ Дорическомъ вкусѣ, на хоры, устроенные надъ большимъ западнымъ входомъ, прямо противъ главнаго алтаря и торжественныхъ его принадлежностей, но болѣе, чѣмъ въ двухъ стахъ футахъ разстояніемъ: сколько я ни видалъ царскихъ покоевъ, ни одинъ не сравнится въ гармоническомъ величіи съ этой частью храма, болѣе похожею на часть дворца.

«Рядъ лавокъ, обрисованный въ такомъ строгомъ вкусѣ, который даже необычаенъ для шестнадцатаго вѣка, сдѣланъ изъ драгоцѣннѣйшихъ деревъ обѣихъ Индій. Въ концѣ этой чудной перспективы ониксоваго цвѣта мѣстъ, колоннъ и балдахиновъ, является на черномъ бархатномъ покровѣ тотъ дивный ликъ распятаго Спасителя, который Челлини изваялъ изъ чистѣйшей слоновой кости въ минуты набожныхъ восторговъ и вдохновеній. Это созданіе далеко превосходитъ всѣ другія творенія того же художника: его Персей во Флоренціи какъ-то связанъ и перемудренъ.

«Въ длинномъ узкомъ корридорѣ, который тянется за лавками, показывали мнѣ серебряный ящикъ съ богатою рѣзьбою, гдѣ хранятся прекрасные маленькіе органы, бывшіе съ Карломъ V въ Африканскомъ походѣ, и часто доставлявшіе ему пріятное развлеченіе отъ заботъ государственныхъ: говорятъ, онъ игралъ на нихъ каждый вечеръ. Но и теперь еще стоитъ играть на этомъ инструментѣ; никогда не слыхивалъ я такихъ очаровательно сладкихъ зву-

ковъ, и таки тронулъ рукоятку, несмотря на то, что строгій проводникъ мой, краснолицый настоятель, поглядѣлъ еще вдвое непривѣтнѣе.

«Если мѣста, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, не такъ обременены здѣсь украшеніями, какъ видѣнныя мною въ Павіи и во многихъ другихъ монастыряхъ, зато пространство надъ ними, или потолокъ прекрасныхъ хоровъ, составляетъ чудеснѣйшее зрѣлище: это небо со всѣми его силами. Едва можно постигнуть воображеніемъ всю полноту и роскошь кисти, съ какою Лука Джіордано умѣлъ выполнить свое дѣло, и оживить каждый уголокъ обширнаго пространства прелестными формами, которыхъ округлости, точно какъ въ самомъ дѣлѣ, выпикаютъ изъ свѣтлыхъ, летучихъ облаковъ неба. «Каково?» сказалъ мнѣ монахъ: «у васъ не можетъ быть ничего подобнаго.»

Е. К.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ДВОЙНЫЯ и ТРОЙНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

СТАТЬЯ Г. АРАГО.

Въ огромномъ пространствѣ мірозданія, на этомъ богатомъ днѣ вселенной, усыпанномъ алмазными огнями, съ которыми любитъ играть мысль поэта, и гдѣ сердце смертнаго съ благоговѣніемъ ищетъ обители Божества, глазъ, вооруженный стекломъ, открылъ такія свѣтила, которыя своей необычайностью долго еще будутъ превосходить силу соображенія людей, непосвященныхъ въ тайны Науки. Еще недавно, когда Парижская Академія присудила значительную награду сыну знаменитаго Гершеля, уже почти столько же знаменитому личными заслугами, за новѣйшее его сочиненіе о двойныхъ звѣздахъ, въ публикѣ образованныхъ народовъ спрашивали съ изумленіемъ, — зачто Англійскій астрономъ получилъ эту премію? что такое двойныя звѣзды? неужто есть звѣзды двойныя, тройныя и четверныя? отчего сдѣлались онѣ вдругъ предметомъ такихъ тщательныхъ изысканій на обсерваторіяхъ обоихъ полушарій? и какихъ результатовъ ищутъ и ожидаютъ астрономы отъ ихъ наблюденія? Хотя нынѣ читатели всѣхъ сословій привыкли слышать о двойныхъ и тройныхъ небесныхъ тѣлахъ, и названіе «составныхъ звѣздъ» не поражаетъ ихъ

удивленіемъ, тѣмъ не менѣе существо этихъ свѣтилъ все-еще покрыто для постороннихъ темною завѣсою загадки. Оно однако въ полной мѣрѣ заслуживаетъ ихъ любопытство, которому сверхъ того въ состояніи доставить удовольствія почти романической занимательности. И если когда-либо стоило труда короче познакомиться съ ними, то именно теперь, когда составныя звѣзды стали моднымъ предметомъ въ Астрономіи; когда для нихъ воздвигаются нарочныя обсерваторіи; когда со всѣхъ сторонъ пишутъ объ нихъ диссертаціи; когда, наконецъ, черезъ пріобрѣтеніе могущественнаго телескопа Фрауэнгоферова, Россія сама сдѣлалась столицею важнѣйшихъ въ нихъ открытій, и огнивомъ, изъ котораго бьютъ блистательнѣйшіе лучи свѣта на науку. Въ такомъ положеніи предмета мы не можемъ занять пріятнѣе вниманія и просвѣщеннаго любопытства нашихъ читателей, какъ представляя имъ превосходное разсужденіе Г-на Араго, котораго неподражаемый талантъ излагать самые отвлеченные вопросы яснымъ и доступнымъ для всѣхъ понятій образомъ уже могли они оцѣнить изъ статьи о теплотѣ Земнаго Шара.

Попытаемся, говоритъ знаменитый астрономъ, объяснить дѣло какъ-можно проще, освободивъ его отъ грознаго математическаго наряда и отъ вычисленій, за которыми нельзя было бъ слѣдовать незнакомымъ съ формулами Сферической Тригонометріи и эллиптическаго движенія планетъ.

Астрономы называютъ двойными, тройными, четверными, и такъ далѣе, звѣздами группы изъ двухъ, трехъ, четырехъ звѣздъ, кажущихся чрезвычайно близкими одна къ другой, а для простаго глаза слитыхъ въ одно маленькое свѣтило, отдѣльно мерцающее на небесной тверди.

Наблюдая небо въ телескопъ, находимъ, что даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ звѣзды наимногочисленнѣе, какъ напримѣръ въ Млечномъ Пути, онѣ на всемъ видимомъ пространствѣ расположены довольно однообразно. Раздѣляющіе ихъ промежутки почти равны, и всегда очень велики. Чѣмъ общѣе было это правило, тѣмъ разительнѣе показались астрономамъ исключенія. Какъ не замѣтить, напримѣръ, звѣзды Касторъ или α Близнецовъ, которыя простой глазъ принимаетъ за единичныя, которыя Греческіе и Арабскіе наблюдатели считали за простыя свѣтила, и которыя, съ помощью достаточно увеличивающей зрительной трубы, найдены составленными изъ двухъ звѣздъ третьей и четвертой величины!

Между извѣстными нынѣ двойными звѣздами есть такія, которыхъ составныя части сближены чрезвычайно. Для различенія ихъ потребны лучшія зрительныя орудія, сильнѣйшія увеличивающія стекла, прозрачность воздуха, весьма рѣдкая въ нашихъ климатахъ. Изъ числа ихъ назовемъ звѣзду ε Овна, звѣзду γ Вѣнца, π Геркулеса, и прочая.

Здѣсь не безполезно объяснить употребленіе буквъ и цифръ, которыми астрономы означаютъ звѣзды.

Байеръ, издавая въ 1605 году свои небесныя ландкарты, выставилъ по буквѣ у каждой звѣзды нарисованныхъ имъ созвѣздій. Первая буква Греческаго алфавита, α, означала у него самую блестящую звѣзду въ цѣломъ созвѣздіи; вторая буква, β, первую послѣ той, и такъ далѣе до ω. Когда Греческій алфавитъ истощился, начали употреблять въ томъ же порядкѣ Латинскій; а когда посредствомъ телескопическихъ наблюденій число звѣздъ чрезвычайно умножилось, тогда стали означать ихъ по порядку нумерами. Кромѣ нѣкоторыхъ оговоренныхъ случаевъ, мы будемъ упо-

треблять нумерацію стараго Флемстидова каталога, который извѣстенъ подъ именемъ Британскаго.

Гершель, отецъ, первый занимался двойными звѣздами съ постояннымъ вниманіемъ, и раздѣлилъ ихъ на четыре порядка не по яркости ихъ свѣта, а по степени видимаго разстоянія двухъ составительныхъ звѣздочекъ. Первый порядокъ заключаетъ всѣ тѣ группы, въ которыхъ средоточія двухъ звѣздъ по-крайней-мѣрѣ на 4 секунды небеснаго градуса одно отъ другаго. Во второмъ порядкѣ, разстоянія простираются отъ 4 до 8 секундъ градуса; въ третьемъ отъ 8 до 16; наконецъ четвертый заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ группы, которыя не содержатся въ предъидущихъ разрядахъ, и въ которыхъ разстояніе двухъ звѣздъ не превышаетъ 32 секундъ.

Первые каталоги Гершеля содержали въ себѣ:

97	двойныхъ звѣздъ	перваго порядка.
102		втораго.
114		третьяго.
132		четвертаго.
всего 445	звѣздъ.	

Незадолго передъ кончиною, Гершель увеличилъ это число за 500 слишкомъ. Послѣ того, оно значительно умножилось. Сдѣлавъ всеобщій обзоръ небесъ помощью огромнаго Фрауэнгоферова телескопа, распространивъ свои изслѣдованія на всѣ звѣзды восьми первыхъ величинъ и на блистательнѣйшія девятой, заключающіяся между сѣвернымъ полюсомъ и 15 градусомъ небесной широты къ югу отъ экватора, Русскій астрономъ, Г. Струве, разсмотрѣлъ и внесъ въ каталоги (вмѣстѣ съ Гершелевыми):

987	двойныхъ звѣздъ	перваго порядка.
675		втораго.
659		третьяго.
736		четвертаго.
всего 3057	двойныхъ звѣздъ.	

Это количество выведено изъ наблюденія 120,000 разныхъ звѣздъ, такъ что, среднимъ числомъ, приходится по одной двойной звѣздѣ на сорокъ простыхъ. Впрочемъ, какъ замѣтилъ Г. Струве, содержаніе это измѣняется, смотря по яркости звѣздъ.

Наблюдатели, которымъ мѣстопребываніе ихъ дозволяетъ изучать южное небо, астрономы на Мысѣ Доброй-Надежды или въ Портъ-Джаксонѣ, также начали заниматься составными звѣздами. Все заставляетъ думать, что въ скоромъ времени число этихъ свѣтилъ, которое можно будетъ наблюдать съ большихъ обсерваторій, возрастетъ до пяти или шести тысячъ.

Предложенное Гершелемъ, и принятое его послѣдователями раздѣленіе двойныхъ звѣздъ на четыре порядка, кромѣ того, что оно произвольно, имѣетъ еще другой недостатокъ, который принудитъ оставить его систему. Дѣйствительно, читатель въ послѣдствіи увидитъ, что, смотря по году наблюденія, пришлось бы иногда относить одну и ту же группу то къ первому, то ко второму, то къ третьему порядку.

Тройныхъ и четверныхъ звѣздъ, по-видимому, весьма немного. Каталогъ Г. Струве содержитъ только 52 тройныя звѣзды въ предѣлахъ разстояній, по которымъ Гершель раздѣлилъ двойныя звѣзды на четыре порядка. Изъ числа ихъ назовемъ звѣзду ζ Рака и звѣзду ξ Вѣсовъ, гдѣ составительныя звѣздочки всѣ три довольно блестящи.

Свѣтила, изъ которыхъ состоятъ двойныя звѣзды, вообще не одинаковой яркости. Часто одно отъ другаго примѣтно отличается цвѣтомъ. Нерѣдко бываетъ, что то, которое посвѣтлѣе, красновато или желтовато; еще чаще замѣчается во второмъ сильный зеленоватый или голубоватый оттѣнокъ.

Отчего жъ сдѣлались онѣ вдругъ предметомъ тщательныхъ наблюденій?

Сей часъ говорили мы, что свѣтила, изъ которыхъ состоятъ двойныя звѣзды, вообще весьма различной яркости. Если бъ эти примѣтныя неравенства въ блескѣ зависѣли отъ значительныхъ разностей въ разстояніи двухъ свѣтилъ одной и той же группы, тогда каждая изъ нихъ доставляла бъ намъ весьма простое средство судить, посредствомъ законовъ перспективы, о разстояніи самой блестящей звѣзды въ группѣ отъ Земли. Этотъ способъ предлагалъ ужъ и Галилей. Докторъ Лонгъ привелъ его въ исполненіе, а черезъ нѣсколько времени онъ приложенъ былъ Гершелемъ къ двойничнымъ группамъ, извѣстнымъ въ то время, и обѣщавшимъ самый полный успѣхъ въ этомъ отношеніи; но, какъ со всякимъ бываетъ, – хоть не всякой чистосердечно въ томъ признается, – знаменитый Англійскій астрономъ, доискиваясь одного, нашелъ другое. Онъ открылъ, что звѣзды неравной величины, составляющія группы, не независимы одна отъ другой и, кажется, сближены не случайно, какъ прежде полагали; что соединеніе ихъ въ весьма тѣсномъ пространствѣ происходитъ отнюдь не отъ проекціи, или отъ перспективы; что эти звѣзды между собою связаны, что онѣ образуютъ настоящія системы, что относительныя ихъ положенія безпрестанно измѣняются; наконецъ, *что малыя звѣзды обращаются около большихъ*, точно такъ, какъ планеты Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ и прочія, обращаются около Солнца.

Вслѣдствіе этихъ вращательныхъ движеній, меньшая звѣзда бываетъ то прямо на востокъ, то прямо на западъ отъ большой. Иногда эта подвижная звѣзда находится къ сѣверу отъ той, которая болѣе ея блестяща, и которая кажется центромъ ея движенія; иногда мы видимъ ее на югѣ.

Чтобъ удостовѣриться въ относительной перемѣнѣ положенія двухъ звѣздъ, достаточно было этихъ простыхъ замѣчаній; но, усмотрѣвъ движеніе, захотѣли узнать, по какому закону оно совершается. Для этого надлежало сдѣлать множество наблюденій и придать имъ извѣстную точность посредствомъ слѣдующаго способа, о которомъ мы постараемся сообщить какое-нибудь понятіе.

Протянемъ въ фокусѣ зрительной трубы двѣ весьма тонкія нити. Одна пройдетъ черезъ центръ круговаго пространства, называемаго полемъ зрѣнія, и будетъ неподвижна, то есть, прикрѣплена къ трубѣ такъ, чтобъ положеніе ея не могло измѣняться. Другую можно будетъ обращать около того же центра, и, если захотимъ, она сойдется съ неподвижною нитью или составитъ съ нею вправо или влѣво, сверху или снизу, всѣ возможные углы. Эти углы измѣряются кругомъ, раздѣленнымъ на градусы, и придѣланнымъ внутри или снаружи.

При наблюденіи, блестящую звѣзду приводятъ какъ можно вѣрнѣе на точку пересѣченія двухъ нитей. Потомъ обращаютъ подвижную нить до тѣхъ поръ, пока она пройдетъ черезъ центръ другой звѣзды. Посмотрѣвъ, на какомъ градусѣ она остановилась, узнаешь, какой уголъ образуетъ линія зрѣнія, проведенная изъ центра большой звѣзды въ центръ малой, съ направленіемъ неподвижной нити.

Смотря по тому, какъ поставлена труба, и сверхъ того по особенному направленію, какое дано неподвижной нити, въ которомъ часу ни возьмешь уголъ, всегда найдешь одно и то же число. Если труба обращена къ звѣздѣ въ то время, когда она совершаетъ самую возвышенную часть своего ночнаго теченія, то есть, когда она дойдетъ до меридіана, неподвижная нить будетъ въ горизонтальномъ положеніи.

Слѣдственно, въ моментъ прохожденія черезъ меридіанъ, инструментъ даетъ уголъ, который прямая линія, соединяющая малую звѣзду съ большою, образуетъ съ горизонтальною, идущею изъ большой звѣзды. Это называется угломъ положенія.

По этому способу, наблюденія, сдѣланныя разными астрономами въ разные дни и годы, могутъ быть сравниваемы между собою. Изъ послѣдовательныхъ величинъ угла положенія съ перваго взгляда видно, отъ запада ли къ востоку, или отъ востока къ западу, малая звѣзда обращается около большой; однообразно ли ея движеніе или нѣтъ; гдѣ точки наибольшей и наименьшей его скорости.

Другой механизмъ, состоящій изъ двухъ нитей, одной неподвижной, и другой, движущейся параллельно къ первой, называется микрометромъ, и служитъ для того, чтобъ узнавать, измѣняется ли или не измѣняется видимое разстояніе звѣздъ въ группѣ, и если измѣняется, то до какой степени.

Вотъ все, что получаемъ мы отъ наблюденія. Но этихъ данныхъ весьма достаточно для опредѣленія, помощію вычисленій, кривой линіи, описываемой каждою звѣздою: посредствомъ ихъ можно узнать – кругъ ли эта кривая линія или эллипсисъ, то есть, овалъ; и если эллипсисъ, то каковъ его эксцентрицитетъ, то есть, какова его форма, какъ велика разность между самою большою и самою малою его осью.

Четыре величины угла положенія и видимыхъ микрометрическихъ разстояній, соотвѣтствующія каждая извѣстному времени, вообще необходимы для того, чтобъ опредѣлить видъ и положеніе ровнаго или продолговатаго круга, который малая звѣзда описываетъ около большой.

Если, случайнымъ образомъ, плоскость этого круга, продолженная мысленно въ нашу сторону, проходитъ черезъ Землю, тогда кажется, будто движеніе обращающейся звѣзды совершается по прямой линіи: тутъ ужъ нельзя измѣрять послѣдовательныхъ угловъ положенія; все ограничивается микрометрическими наблюденіями разстояній, и потребно пять такихъ наблюденій для полученія тѣхъ самыхъ результатовъ, къ которымъ по первому предположенію приводятъ четыре.

Наконецъ, если, за неимѣніемъ микрометра, наблюдатель успѣлъ замѣтить одни мѣстопзмѣненія (déplacemens), тогда, для вычисленія вида орбиты, или круга описываемаго малою звѣздою, необходимо имѣть шесть угловъ положенія, соотвѣтствующихъ каждый извѣстному времени.

Цѣль этого разсужденія не дозволяетъ мнѣ давать читателю понятіе объ алгебраическихъ вычисленіяхъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются задачи вида и положенія орбитъ двойныхъ звѣздъ. Удовольствуюсь изложеніемъ однихъ результатовъ. Первымъ выводомъ по этой части были основныя части орбиты спутника звѣзды ξ въ Большой Медвѣдицѣ, вычисленныя Г-мъ Савари по собственнымъ его способамъ. Другими обязаны мы Гг. Бесселю, Энке и Гершелю, сыну.

Названія двойныхъ звѣздъ.	*Время полнаго оборота малой звѣзды около большой.*	*Половина большой оси орбиты, видимая перпендикулярно отъ Земли.*	*Эксцентрицитетъ орбиты, то есть, разница между двумя ея осями.*
η Короны.....	43 года.	.....	.....
ξ Большой Медвѣдицы	58	3", 8	0, 42
70 Офіухуса.....	88	4", 4	0, 47
Касторъ.....	253	8", 1	0, 76
σ Короны..... ...	287	3", 7	0, 61
61 Лебедя.....	452	15", 4	.....
ν Дѣвы..... ...	629	12", 1	0, 83
ν Льва	1200	.....	.....

Одна изъ этихъ звѣздъ, именно спутница η Короны, прошла всю свою орбиту съ тѣхъ поръ, какъ Гершель опредѣлилъ въ первый разъ уголъ ея положенія. Она совершила даже значительную часть втораго оборота. Самыя раннія наблюденія звѣзды ξ Большой Медвѣдицы относятся къ 1782 году. Такъ какъ періодъ ея продолжается 58 лѣтъ, то меньшее свѣтило этой звѣзды совершитъ полный оборотъ свой около большей передъ нашими глазами, – въ 1840 году.

Мы сейчасъ говорили, что, если бъ, случайнымъ образомъ, продолженіе плоскости орбиты малой звѣзды проходило черезъ Землю, то есть, если бъ эта орбита пришлась къ намъ лезвеемъ, сопутствующая звѣзда казалась бы намъ движущеюся то въ ту, то въ противную сторону, все по прямой линіи, пересѣкающей большую звѣзду. Этотъ случай уже былъ замѣченъ астрономами.

По словамъ Гершеля, отца, звѣзда t въ Змієносцѣ двойная. Въ то время, когда этотъ великій наблюдатель сочинялъ первую роспись составнымъ звѣздамъ, два различныя свѣтила, изъ которыхъ состоитъ t, были примѣтно отдѣлены одно отъ другаго. Нынче они такъ соединились, что самъ Струве, въ огромный Фрауэнгоферовъ телескопъ, не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда двойственности. Что сказали бы Брадли, Лакаль, Майеръ, если бъ въ ихъ время кто-нибудь отважился утверждать, что въ этой тверди, которую они такъ прилежно изучали, существуютъ звѣзды, затмѣвающія одна другую!

Звѣзда ζ Оріона представляетъ совсѣмъ противоположное явленіе. Нынѣ это весьма удоборазличимая двойная звѣзда, а Гершель, отецъ, внесъ ее въ свою роспись рѣшительно за единичную.

Въ звѣздѣ γ Дѣвы плоскость орбиты такъ наклонена къ лучу зрѣнія, идущему отъ Земли, что разстояніе сопутствующей звѣзды отъ центральной, равнявшееся въ 1756 году 6″, 5, къ 1829 году убыло до 1″, 8. Съ тѣхъ поръ это разстояніе опять значительно увеличилось.

Вѣтвь Астрономіи, излагающая движенія звѣздной системы, новорожденный младенецъ. Поэтому, не должно удивляться, что мы еще не много знаемъ о движеніяхъ тройныхъ звѣздъ. Однако, наблюденія уже показали, что въ звѣздѣ ζ Рака двѣ слабѣйшія звѣздочки обращаются около главной. Что касается до свѣтила ψ въ Кассіопеѣ, состоящаго изъ одной довольно ясной звѣзды и изъ двухъ маленькихъ, чрезвычайно сближенныхъ между собою, то мы вѣроятно увидимъ, что двѣ послѣднія обращаются одна около другой, и обѣ вмѣстѣ около блестящей.

Алгебраическія формулы, помощію которыхъ выяснили любопытныя обстоятельства эллиптическаго движенія двойныхъ звѣздъ, совершенно основываются на томъ положеніи, что большая и малая звѣзды притягиваются въ обратномъ содержаніи квадратныхъ чиселъ ихъ разстояній, то, есть, что, по мѣрѣ удаленія меньшаго небеснаго тѣла отъ бо̀льшего, сила послѣдняго, притягающая къ нему первое, на разстояніи 2 линѣйныхъ мѣръ дѣйствуетъ слабѣе въ 4 раза, на разстояніи 3 мѣръ слабѣе въ 9 разъ, на разстояніи 4, 5, 6 мѣръ слабѣе въ 16, 25, 36, и т. д. Для опредѣленія орбиты каждой звѣзды потребны только четыре, пять или, въ крайнемъ случаѣ, шесть величинъ угла положенія и видимыхъ разстояній. Что касается до наблюденій, которыя не употребляются въ этихъ первыхъ вычисленіяхъ, то они, по-крайней-мѣрѣ, служатъ средствами къ точной и рѣшительной повѣркѣ основнаго предположенія: стоитъ лишь испы-

тать, согласуются ли они съ орбитою, которая не можетъ быть истинною, если форма ея выведена изъ ошибочной гипотезы. Много было дѣлано сравненій между положеніями звѣздныхъ спутниковъ, дѣйствительно наблюденными, и тѣми, которыя были получены заранѣе изъ вычисленныхъ эллипсисовъ. Разности не превзошли маленькихъ недоразумѣній, безъ которыхъ нельзя обойтись въ этихъ трудныхъ измѣреніяхъ.

Такъ, предположивъ, что до послѣднихъ предѣловъ видимаго міра существуетъ притягательная сила, дѣйствующая въ обратномъ содержаніи квадратныхъ чиселъ разстояній, вычислители орбитъ двойныхъ звѣздъ были совершенно правы: стало-быть, звѣзды управляются тою же самою силою, которая и въ солнечной системѣ господствуетъ во всѣхъ движеніяхъ планетъ и спутниковъ; стало-быть, это знаменитое Ньютоновское притяженіе, котораго всемірность доказана была только въ предѣлахъ пространства, объемлемаго отдаленнѣйшею отъ Солнца планетою, Ураномъ, сдѣлалось всемірнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова!

Не должно думать, чтобы астрономы могли дать Ньютонову открытію этотъ безконечный объемъ не обинуясь. Существованіе притягательной силы во всѣхъ частяхъ системы, состоящей изъ Солнца и окружающихъ его планетъ, было важнѣйшимъ фактомъ, котораго законы открыты, и слѣдствія изучены съ удивительнымъ успѣхомъ; изъ этого однако жъ не слѣдовало, чтобъ притяженіе было необходимымъ свойствомъ вещества, чтобъ въ другихъ краяхъ, въ другихъ системахъ, не могло существовать большихъ тѣлъ, которыя бы взаимно не притягивались. Тѣмъ менѣе позволительно было утверждать всеобщность закона квадратовъ разстояній. Теперь, благодаря на-

блюденіямъ надъ двойными звѣздами, эти сомнѣнія совершенно разсѣяны. Не довольно ли этого для оправданія живаго участія, возбужденнаго въ астрономахъ относительными движеніями двойныхъ звѣздъ? Но мы увидимъ далѣе, что обѣщаетъ намъ эта новая вѣтвь науки въ будущемъ.

Изъ всѣхъ результатовъ, которыми прославилась Астрономія въ послѣднее время, ни одинъ такъ сильно не поражаетъ воображенія, незнакомаго съ законами Небесной Механики, какъ опредѣленіе толщи планетъ. Когда бъ профессоръ, толкуя чудеса тверди свѣтскимъ людямъ, вздумалъ, въ самомъ началѣ курса, привести числовыя величины планетныхъ массъ; когда бъ онъ сказалъ, напримѣръ, — если вы положите Солнце въ одну чашку вѣсовъ, то въ другую слѣдуетъ взгромоздить, для равновѣсія, 337,000 шаровъ, подобныхъ земному, — чувство недовѣрчивости овладѣло бъ слушателями. Но къ этому самому вопросу неизбѣжно приводитъ меня естественный порядокъ мыслей. Мнѣ кажется, что не прибѣгая ни къ одной алгебраической формулѣ, я могу имѣть удовольствіе дать довольно вѣрное понятіе о способахъ, которыми дошли до того, чтобъ *свѣсить* планеты. Онъ такъ простъ, что, хотя мнѣ должно пройти для этого весь рядъ основныхъ началъ теоріи притяженія, я не столько боюсь быть непонятнымъ, сколько услышать отъ тѣхъ, кто будетъ имѣть терпѣніе выслушать меня до конца: Какъ? неужто въ этомъ все и дѣло!

Тѣло, предоставленное самому себѣ, падаетъ наземь; но тѣло косное, то есть, лишенное произвола, не могло бъ двигаться, не могло бъ падать, не могло бъ сойти сверху внизъ, не вынуждаясь къ тому силою. Стихіи этой силы имѣютъ свое пребываніе въ вещественныхъ частицахъ, изъ которыхъ состоитъ наша Земля. Ихъ совокупность, ихъ итогъ, есть то,

что называется притяженіемъ, тяготѣніемъ, тяжестью. Степень силы, дѣйствующей на извѣстную притягиваемую частицу масы, есть сумма дѣйствій всѣхъ вещественныхъ частицъ притягивающаго тѣла, и потому, относительно къ степени своего напряженія, эта сила соразмѣрна съ числомъ вещественныхъ частицъ. Предположите, что, безъ перемѣны въ размѣрахъ, Земля сдѣлалась бы сотой долею плотнѣе; что въ томъ же самомъ объемѣ заключала бъ она въ себѣ сотою долей больше вещества: притягательная сила ея вразсужденіи тѣлъ, находящихся поблизости ея поверхности, возрасла бъ на одну сотую долю противъ прежняго.

Кто не пойметъ теперь настоящаго смысла этого часто употребляемаго выраженія – притяженіе соразмѣрно толщѣ!

Чѣмъ же обнаружилась бы перемѣна въ толщѣ, или, что все равно, въ притягательной силѣ Земнаго Шара? Соотвѣтственною перемѣною въ скорости падающихъ тѣлъ. Эта скорость дѣйствительно должна быть соразмѣрна порождающей ее силѣ, а сила содержится какъ толща, – стало-быть скорость соразмѣрна толщѣ. Нынѣ тяжелое тѣло, въ первую секунду своего паденія, пробѣгаетъ въ Парижѣ 6 аршинъ 14 $^1/_4$ вершка; но если бъ толща Земли увеличилась сотою долей, то на столько же увеличилось бы и пространство, пробѣгаемое въ первую секунду: вмѣсто 6 аршинъ 14 $^1/_4$ вершковъ получится 6 аршинъ 15 $^{141}/_{400}$ вершка. Не становится ли ясно, какимъ образомъ скорости поведутъ къ вычисленію толщей? Но будемъ продолжать.

Пространство, на какое падаетъ привлекаемое Землею тѣло въ теченіе секунды, уменьшается по мѣрѣ возвышенія надъ ея поверхностью. На вершинѣ высокой горы, оно уже ощутительно менѣе, чѣмъ на

равнинѣ, соотвѣтствующей поверхности моря. И такъ, сила, пораждающая эту скорость, то есть, притягательная сила, свойственная частицамъ вещества, убываетъ, когда разстояніе увеличивается. Надлежало отыскать, по какому закону совершается убыль. Ньютонъ сдѣлалъ это важное открытіе: онъ доказалъ, что на разстояніи 2 притягательная сила тѣлъ равна 2 умноженнымъ на 2, или что она вчетверо меньше, чѣмъ на разстояніи 1; что на разстояніи 3 она равна 3 умноженнымъ на 3, или вдевятеро меньше, чѣмъ на разстояніи 1; что на разстояніи 10 величина ея во 100 разъ (10 умн. 10) меньше той, которую имѣетъ она на единицѣ разстоянія. Какъ произведеніе числа, умноженнаго само на себя, называется въ Ариѳметикѣ квадратомъ того числа, то всѣ эти частные выводы выражаемъ мы слѣдующей общей формулой: «Притягательная сила тѣлъ уменьшается соразмѣрно квадрату разстояній.»

Мы сейчасъ видѣли, что измѣренія скоростей могутъ вести къ опредѣленію толщей; но скорость узнается пройденнымъ разстояніемъ, и потому нужно всегда брать въ разсчетъ разстояніе, на какомъ сдѣланъ будетъ опытъ надъ скоростью.

Возвратимся на минуту прежнимъ слѣдомъ, чтобъ устранить затрудненіе, которое могло представиться уму насчетъ способа узнавать разстоянія въ тѣхъ случаяхъ, когда притягивающія тѣла имѣютъ значительные объемы.

Если поднять, напримѣръ, маленькое земное тѣло на десять аршинъ въ вышину, и потомъ пустить его, — оно, разумѣется, упадетъ, и мы согласились приписывать это удѣльному дѣйствію всѣхъ и каждой изъ вещественныхъ частицъ, составляющихъ Землю. Но эти частицы не въ одинаковомъ разстояніи отъ падающаго тѣла. Частицы поверхности, которымъ оно

вертикально соотвѣтствуетъ, только въ 10 аршинахъ отъ него, а частицы центра Земли удалены отъ него на 5,485 верстъ и еще на 10 аршинъ, частицы же антипода на столько же еще. Точно кажется невозможнымъ вывести какое-нибудь простое слѣдствіе изъ столькихъ билліоновъ частицъ, такъ различно расположенныхъ! И задача, дѣйствительно, неразрѣшима, когда бъ притягивающее тѣло было неправильнаго вида. Но если, напротивъ того, этотъ видъ — сферическій, шарообразный, тогда вычисленіе чрезвычайно просто. Ньютонъ доказалъ, что вещественныя частицы, расположенныя однообразно въ объемѣ круга, дѣйствуютъ совокупно на какой-нибудь внѣшній предметъ точно такъ, какъ бы всѣ онѣ соединены были въ центрѣ.

Слѣдственно, пока дѣло идетъ о тѣлахъ совершенно или почти сферическихъ, круглыхъ, намъ нечего заботиться о большихъ, меньшихъ и малыхъ разстояніяхъ между привлекающими частицами и привлекаемымъ предметомъ. Тутъ все происходитъ точно такъ, какъ если бъ совокупность этихъ частицъ была въ самомъ центрѣ шара: въ полной мѣрѣ достаточно принимать въ разсчетъ одно только разстояніе, между центромъ круглаго притягивающаго тѣла и притягиваемымъ предметомъ.

Прежде чѣмъ пускаться въ дальнѣйшее изслѣдованіе, должно разсмотрѣть, какъ дѣйствуетъ притягательная сила Земли не на покоящееся тѣло, а на движущееся.

Положимъ, что пушка, поставленная на извѣстномъ возвышеніи, наведена въ совершенно горизонтальномъ направленіи. Ядро пойдетъ изъ нея горизонтально же; но всякой знаетъ, что оно скоро оставляетъ это направленіе, спускается, и наконецъ падаетъ наземь. Никто не усомнится, чтобъ этотъ постепен-

ный спускъ ядра не былъ дѣйствіемъ притягательной силы Земнаго Шара: если бъ Земля не притягивала, ядро летѣло бъ безконечно, оно не ощущало бъ въ себѣ тяжести, то есть, невольнаго влеченія къ Землѣ. Не столько, можетъ-быть, извѣстно, имѣетъ ли какое-нибудь вліяніе скорость ядра на дѣйствіе этой притягательной силы. Чтобъ узнать это, достаточно весьма простаго опыта.

Положимъ, что противъ пушки находится отвѣсная стѣна, въ такомъ разстояніи, которое ядро пролетаетъ ровно въ секунду. Замѣтимъ какъ-можно лучше точку, на которую наведено орудіе, — цѣль, въ которую попало бъ ядро, если бъ всегда летѣло по прямой линіи, не бывъ притягиваемо Землею. Выстрѣливъ, мы находимъ, что ядро ударилось гораздо ниже этой цѣли. Отвѣсное разстояніе между этою точкою, въ которое дѣйствительно попадаетъ ядро, и настоящею цѣлью, въ которую мы мѣтили, есть мѣра дѣйствія, произведеннаго притяженіемъ въ теченіе секунды на тѣло, движущееся съ величайшею горизонтальною скоростью. Опытъ даетъ для этого разстоянія 6 аршинъ 14 $^1/_4$ вершковъ, то есть, именно то самое пространство, на какое поднятое вверхъ и пущенное внизъ тѣло падаетъ отвѣсно въ продолженіе того же времени.

Отставимъ, если угодно, стѣну эту подалѣе. Положимъ, что ядро долетитъ къ ней только въ двѣ секунды. Точка, въ которую оно попадетъ, будетъ еще ниже цѣли; но разстояніе между этими двумя точками будетъ уже квадратное (6 ар. 14$^1/_4$ вер. умноженные на 6 ар. 14$^1/_4$ вер.) и совершенно равное отвѣсному спуску тѣла, предоставленнаго самому себѣ въ теченіе двухъ секундъ, и пробѣгающаго пространство сверху внизъ дѣйствіемъ тяжести или притяженія.

Вообще, притягательная сила Земли производитъ одинаковое дѣйствіе надъ покоящимся и надъ движу-

щимся тѣломъ, если измѣрять это дѣйствіе въ одномъ и томъ же направленіи, то есть, по отвѣсной линіи къ притягающему тѣлу.

Луна доставитъ намъ новое средство повѣрить какъ этотъ послѣдній законъ, такъ и тотъ, по которому притягательная сила ослабѣваетъ въ прямомъ содержаніи квадратныхъ чиселъ разстояній. Дѣйствительно, въ глазахъ астронома и геометра, Луна не что иное какъ тѣло, брошенное, въ началѣ вещей, съ такою силою, что можетъ безконечно вращаться около Земли, какъ вращалось бы ядро, пущенное горизонтально съ достаточною скоростью, но пущенное въ такой высотѣ, гдѣ дѣйствіе притягательной силы Земли уже было бы такъ слабо, что не могло бъ преодолѣть ядра и привлечь его на свою поверхность, хотя еще не позволяло бъ ему удалиться отъ нея въ безконечное пространство.

Въ самомъ дѣлѣ, ядро, вылетѣвшее изъ жерла пушки, совершенно объясняетъ тайну вѣчнаго вращанія Луны около Земли. Мы знаемъ, что это ядро въ одну секунду понижается къ Землѣ, дѣйствіемъ притягательной ея силы, на 6 аршинъ $14^4/_4$ вершковъ: положимъ, на 7 аршинъ, для круглости чиселъ. Само собою разумѣется, что это пониженіе происходитъ постепенно, и что ядро чертитъ при этомъ кривую линію, дугу, отрывокъ круга. Если жерло пушки, наведенной горизонтально, находится въ 7 аршинахъ отъ Земли; то очевидно, что въ концѣ первой же секунды ядро, опускающееся дугою, ударится о поверхность Земли. Но если бъ вдругъ отнять изъ подъ него поверхность Земли, если бъ всю Землю со всею ея притягательною силою сжать въ одну точку подъ самою пушкою, тогда ядро, не находя себѣ сопротивленія въ концѣ первой секунды, продолжало бы летѣть дугою, и въ концѣ второй секунды упало бы опять на 7 ар-

шинъ, въ концѣ третьей еще на 7, и т. д. Падая такимъ образомъ безпрестанно по 7 аршинъ въ секунду, и всегда постепенно за округляющеюся дугою, очевидно, что наконецъ оно возвратилось бы къ первой точкѣ своего 7-аршиннаго пониженія, описавъ болѣе или менѣе правильный кругъ около Земли, сжатой въ комокъ подъ пушкою. Возвратясь на первую точку, оно опять начало бъ падать въ томъ же содержаніи и описывать второй кругъ; потомъ третій, четвертый, десятый, сотый, и до безконечности. Такъ точно и Луна: она первоначально получила горизонтальное движеніе на такой высотѣ отъ Земли, гдѣ притягательная сила послѣдней еще дѣйствуетъ и влечетъ къ ней всѣ тѣла, но гдѣ уже поверхность ея слишкомъ мала въ сравненіи съ разстояніемъ, и не можетъ подставиться подъ падающее огромною дугою тѣло; въ концѣ первой секунды, Луна, отъ горизонтальной линіи, понизилась дугою на 7 извѣстныхъ мѣръ, вслѣдствіе притягательной силы Земли; во вторую секунду опять на 7, въ третью на столько же, и такъ далѣе, доколѣ не возвратилась она къ первой точкѣ, чтобъ снова падать въ томъ же содержаніи, то есть, чтобъ описывать кругъ, орбиту, около притягающаго ее тѣла.

Понять все это, — а понять, кажется, не трудно, — значитъ сдѣлать слѣдующія наблюденія и вычисленія:

Посредствомъ прямаго производства съ астрономическими инструментами опредѣляется, въ градусахъ, дуга, описываемая Луною въ данное время. Возьмемъ это время, напримѣръ между девятымъ и одиннадцатымъ часами вечера. Разстояніе Луны отъ Земли извѣстно въ верстахъ и аршинахъ. Слѣдственно, линія, протянутая въ девять часовъ отъ Луны къ центру Земли, извѣстна въ верстахъ и аршинахъ; вто-

рая линія, протянутая въ одиннадцать часовъ отъ Луны къ тому жъ центру Земли, то же извѣстна, — она равна первой; уголъ, образуемый этими двумя линіями, извѣстенъ въ градусахъ посредствомъ наблюденія дуги, пройденной Луною въ два часа времени: послѣ того, что жъ мудренаго исчислить, сколько она прошла въ одну секунду, то есть, на какую долю аршина отъ горизонтальной линіи упала къ Землѣ въ одну секунду?

Пространство, пробѣгаемое внизъ, въ секунду, тѣломъ, пущеннымъ на поверхности Земли, или, другими словами, находящимся въ 1,485 верстахъ отъ центра, — это пространство равняется почти 7 аршинамъ, именно 6 арш. $14^1/_4$ вершкамъ. Чтобъ узнать, на сколько оно упало бы, если бъ удалить его отъ этого центра въ предѣлы Луны, стоитъ только уменьшать помянутое число соразмѣрно квадратамъ разстояній. Само собою разумѣется, что она упадетъ тамъ на столько разъ менѣе шести аршинъ четырнадцати съ четвертью вершковъ, во сколько разъ отстояніе Луны отъ Земли больше шести аршинъ четырнадцати съ четвертью вершковъ.

Въ результатѣ этого простаго вычисленія получается съ удивительною точностью числовая величина секундного пониженія Луны отъ горизонтальной линіи, совершенно сходная съ скоростью этого свѣтила, опредѣленною вѣковыми наблюденіями, и съ объемомъ его орбиты. И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что та же сила, которой дѣйствія ежедневно замѣчаемъ мы на земной поверхности, и отъ которой зависитъ паденіе тѣлъ, пущенныхъ горизонтально или отвѣсно, — что эта самая сила держитъ нашего спутника на круговой линіи, описываемой имъ около Земли: только сравнительно она является тамъ слабѣе въ прямомъ содержаніи къ квадрату разстоянія, нежели какъ здѣсь,

въ нашей атмосферѣ; причемъ, — повторимъ это, — нѣтъ ни какой надобности брать въ расчетъ того обстоятельства, что Луна движется.

Съ этими предварительными понятіями мы можемъ приступить къ вопросу объ опредѣленіи толщей небесныхъ тѣлъ.

Положимъ, что требуется найти, во сколько разъ Солнце имѣетъ больше толщи, сколько содержитъ оно вещества больше, нежели Шаръ нашъ. Возьмемъ количество 6 аршинъ 14 $^1/_4$ вершковъ, которымъ измѣряется паденіе тѣла на поверхности Земли въ одну секунду; сократимъ его соразмѣрно съ квадратомъ разстояній, чтобъ узнать, на сколько будетъ падать то же самое тѣло, когда оно очутится въ одинаковомъ разстояніи съ Солнцемъ. Результатъ этого немудренаго вычисленія будетъ соразмѣренъ съ толщею Земли. Свѣтило, которое, въ томъ же разстояніи, произведетъ двойное, тройное, сотерное паденіе къ своему центру, очевидно должно имѣть толщу вдвое, втрое, веотеро больше земной. Слѣдственно вопросъ приводится къ слѣдующему: на сколько, въ одну секунду, Солнце заставляетъ падать къ своему центру тѣло, удаленное отъ него наравнѣ съ Землею? Этотъ вопросъ, съ перваго взгляда кажущійся неприступнымъ, потому что мы не можемъ перенестись на поверхность Солнца для произведенія опытовъ надъ паденіемъ тяжестей, находитъ свое прямое, непосредственное рѣшеніе въ обстоятельствахъ годичнаго движенія Земли.

Въ силу этого движенія, Шаръ нашъ, въ 365 $^1/_4$ дней описываетъ около Солнца почти кругообразную кривую линію, которой радіусъ составляетъ 133,892,000 верстъ. Раздѣлимъ 360 градусовъ, заключающихся въ этой окружности, на число секундъ, составляющихъ 365 $^1/_4$ дней. Въ частномъ выйдетъ крошечная

доля градуса, которую Земля пробѣгаетъ по своей орбитѣ въ секунду времени. Вспомнимъ теперь, что сказали мы объ ударенiи ядра въ стѣну ниже цѣли, и какъ измѣрили секундное пониженiе Луны отъ горизонтальной линiи движенiя: Земля въ отношенiи къ Солнцу совершенно то же, что Луна въ отношенiи къ Землѣ, — поэтому легко вычислить въ доляхъ верстъ или аршинахъ отвѣсное количество, на какое Солнце, своею притягательною силою, заставляетъ падать Землю въ одну секунду, то есть, уклоняться внизъ отъ горизонтальной линiи теченiя, и приближаться къ кругообразному пути, къ орбитѣ. Сейчасъ опредѣлили мы это количество для нашего Шара. Мы видѣли, на сколько бы онъ заставилъ упасть въ секунду тѣло, равномѣрно удаленное отъ него на 133,892,000 верстъ. Такъ какъ разстоянiя въ обоихъ случаяхъ одинаковы, то паденiя должны быть соразмѣрны съ толщами. Отыскавъ простымъ дѣленiемъ, сколько разъ мѣра скорости паденiя къ Землѣ содержится въ мѣрѣ скорости паденiя къ Солнцу, мы узнаемъ, сколько потребно Шаровъ Земныхъ для составленiя толщи, которая бы равнялась солнечной, и имѣла ту же сумму частицъ вещества, одаренныхъ притягательною силою. Такимъ образомъ найдено число 337,000, приведенное нами выше.

Какiе употребили мы данныя для полученiя этого вывода? Дугу движенiя Земли около Солнца въ секунду времени и величину, въ верстахъ, радiуса земной орбиты, — не болѣе. Непосредственное наблюденiе двойныхъ звѣздъ при пособiи инструментовъ, даетъ дугу движенiя малой звѣзды около большой и его скорость: будь у насъ радiусъ орбиты, описываемой этою малой звѣздою, мы легко отыскали бъ въ доляхъ версты или аршинахъ количество ея паденiя къ центральной звѣздѣ въ секунду времени. Это количество, сравненное съ паденiемъ тѣла къ Землѣ

или къ Солнцу, дало бы отношеніе толщи большой звѣзды къ толщѣ Земли или Солнца. Къ несчастію, касательно радіусовъ орбитъ звѣздныхъ спутниковъ извѣстны только углы, которые образуютъ они, когда смотришь на нихъ съ Земнаго Шара. Для превращенія этихъ угловъ въ мѣры длины, мили или версты, требуется величина разстояній, которыя отдѣляютъ насъ отъ звѣздъ. Когда эти разстоянія будутъ опредѣлены, изъ нихъ выведутся радіусы орбитъ въ верстахъ, – а остальное вычислить не трудно.

Наука, обогатившись познаніемъ движеній двойныхъ звѣздъ, сдѣлала неизмѣримый шагъ къ рѣшенію задачи, казавшейся свыше человѣческаго разумѣнія. Въ тотъ день, когда опредѣлятъ разстояніе двойной звѣзды, въ тотъ самый день ее свѣсятъ; узнаютъ, во сколько милліоновъ разъ она обильнѣе веществомъ, нежели Шаръ нашъ; проникнутъ такимъ образомъ въ ея внутреннее строеніе, хотя она болѣе чѣмъ на 400 билліоновъ верстъ отъ Земли, хотя въ сильнѣйшіе телескопы она представляется только лучезарною точкою безконечно малыхъ размѣровъ.

Теперь попытаемся сообщить понятіе о способахъ, употребленныхъ астрономами для опредѣленія разстояній звѣздъ отъ Земли. Такимъ образомъ лучше можно будетъ показать выгоды того изъ нихъ, который основывается на наблюденіи составныхъ звѣздъ.

Чтобъ избѣгнуть геометрическихъ фигуръ, къ которымъ многіе чувствуютъ непреодолимое отвращеніе, мы употребимъ самое простое сравненіе. Представьте себѣ два дерева, стоящія одно за другимъ, и одно выше, а другое, ближайшее къ вамъ, гораздо ниже. Станьте на линіи этихъ двухъ деревъ, такъ, чтобы они закрывали другъ друга: я буду васъ передвигать взадъ и впередъ по той же линіи. Напередъ ставлю васъ въ такомъ пунктѣ, чтобы

верхушка нижайшаго дерева упадала въ точности на верхушку высшаго, отдаленнѣйшаго: тогда обѣ верхушки будутъ находиться на одной линіи съ вашимъ глазомъ. Эта линія составитъ съ линіею горизонтальною, по которой вы движетесь, уголъ, который назовемъ, напримѣръ, угломъ высоты: впрочемъ, такъ называется онъ и технически. Означимъ это мѣсто, съ котораго обѣ верхушки виднѣются на одной линіи, чѣмъ-нибудь, хоть коломъ, – ! Ежели отъ этого кола переведу васъ ближе къ деревьямъ, то линія верхушекъ непремѣнно разстроится : верхушка низшаго, ближайшаго, будетъ казаться выше, верхушка высшаго, дальнѣйшаго, ниже; но какъ вы теперь ближе къ обоимъ деревамъ, то углы высоты того и другаго будутъ гораздо больше прежняго угла. Здѣсь положимъ, для знака, камень – О. Затѣмъ отъ камня возвращаю васъ на прежнее мѣсто къ колу, !, и оттуда переношу уже не ближе къ деревьямъ, а подальше отъ нихъ, на извѣстное разстояніе. Съ этой новой точки зрѣнія, что такое видите вы въ отношеніи къ верхушкамъ? Совершенно противоположное: ближайшая верхушка теперь стоитъ ниже той, которая подальше ея, и углы перспективной высоты ихъ стали оба меньше того угла, подъ которымъ видѣли вы ихъ съ первоначальнаго мѣста, гдѣ вбитъ колъ, – ! Для памяти и для различія, въ этомъ новомъ мѣстѣ вколотимъ два кола, – ! ! Какъ вы знаете разстояніе отъ ! до О, и разстояніе отъ ! до ! !, потому что сами ихъ проходили, и какъ вамъ извѣстны углы высотъ во всѣхъ трехъ положеніяхъ, потому что можете измѣрить углы эти инструментомъ, то при самомъ поверхностномъ знаніи Тригонометріи вы легко исчислите разстояніе между вашимъ глазомъ и обѣими верхушками.

Здѣсь долженъ я сдѣлать одно примѣчаніе, въ которое прошу читателя вникнуть съ особеннымъ внима-

ніемъ, потому что на немъ основывается важный пунктъ дальнѣйшаго разсужденія. Я отнюдь не сказалъ, какое именно было разстояніе между мѣстами ! и !! Если оно было шаговъ тридцать, пятьдесятъ или болѣе, то вы чувствуете сами, что верхушки разошлись весьма значительно, и уголъ высоты, взятый съ мѣста !, очень различествуетъ съ углами, которыми образовались вамъ на точкѣ – !! Но если вы отъ мѣста ! отступили только на одинъ шагъ, на полшага и тутъ забили свои два кола, !!, тогда верхушки или совсѣмъ не раздвинулись для вашего глаза, или раздвинулись весьма неощутительнымъ образомъ; углы высоты измѣнились или на одну секунду градуса, или такъ мало, что нельзя даже измѣрить разницы; обѣ верхушки, кажется, не тронулись съ мѣста; словомъ вы не имѣете нужныхъ данныхъ для вычисленія отстоянія дерёвъ отъ вашего глаза. Чтобъ сдѣлать точное измѣреніе, надобно непремѣнно, чтобы разница между углами высоты была ощутительна, а для этого нужно, чтобъ разстояніе между точками зрѣнія, ! и !!, было довольно велико, то есть, чтобъ оно составляло ощутительную долю разстоянія между верхушками и вашимъ глазомъ.

Все это можете вы повѣрить на первыхъ двухъ предметахъ неравной высоты, которые попадутся вамъ на глаза въ комнатѣ, на дворѣ, въ полѣ; не то, нарисуйте себѣ на бумагѣ двѣ башни, одну высокую, а другую пониже, и проведите линіи черезъ ихъ верхи съ разныхъ точекъ разстоянія.

Представьте жъ себѣ теперь, что эти верхушки – не верхушки, а два небесныя тѣла, повѣшенныя въ пространствѣ вселенной одно за другимъ. Прежде чѣмъ я успѣю развить сравненіе, вы уже мнѣ скажете: «Да такимъ образомъ нѣтъ ничего легче, какъ измѣрить разстояніе ихъ отъ нашего глаза! – дайте только

средство перенестись съ одного пункта вселенной въ другой, на довольно значительное, извѣстное намъ пространство, и взять съ обоихъ пунктовъ перспективные углы высоты этихъ свѣтилъ.» Конечно, что это не хитрое дѣло: вся сила въ томъ, чтобъ съ одного пункта вселенной какъ-нибудь перескочить на другой, довольно отдаленный. И, подумавъ хорошенько, это даже не трудно сдѣлать. Сегодня мы здѣсь, въ одной точкѣ пространства вселенной, – заткнемте жъ поскорѣе въ этомъ мѣстѣ колъ – !, для знака, и возмемте углы высоты двухъ какихъ-нибудь свѣтилъ небесной тверди. Ровно черезъ полгода очутимся мы, вмѣстѣ съ нашей Землею, по ту сторону Солнца, почти за 69 милліоновъ верстъ отъ кола !, – что составляетъ поперечникъ годичной орбиты нашего Шара. Здѣсь уже поставимъ мы два кола – ! !, какъ передъ деревьями. Перспективное положеніе обоихъ свѣтилъ должно необходимо измѣниться для нашего глаза послѣ этого путешествія; углы ихъ высоты тоже. Такъ, ставъ на пунктѣ ! !, коль скоро возмемъ эти углы, и дѣло съ концемъ: имѣя въ рукахъ извѣстную линію, да притомъ еще два извѣстные угла, каждый ученикъ исчислитъ разстояніе любаго тѣла отъ его глаза.

И дѣйствительно, астрономы исчислили такимъ образомъ разстояніе отъ Земли всѣхъ ближайшихъ къ ней небесныхъ тѣлъ, какъ-то, Солнца, Меркурія, Венеры, Марса и другихъ планетъ солнечной системы. Этотъ знаменитый способъ измѣренія называется у нихъ способомъ параллаксовъ.

Кажется, нѣтъ ни какого препятствія измѣрить по тому же способу и разстояніе всѣхъ звѣздъ отъ Земли. Но вотъ въ чемъ бѣда: пространство, пройденное нами въ полгода, отъ ! до !!, – пространство почти 69 милліоновъ верстъ, которое изумляетъ насъ своею ве-

личиною, — это пространство, довольно значительное въ сравненіи съ разстояніями Солнца и его планетъ отъ нашего глаза, и потому доставившее намъ очень хорошіе углы ихъ высоты, ровно ничего не значитъ относительно къ разстоянію отъ насъ самой ближайшей звѣзды. Будучи въ пунктѣ!, мы взяли ея уголъ: съ тѣхъ поръ, шесть мѣсяцевъ сряду неслись мы съ быстротою почти 40 верстъ на секунду, описали огромную дугу, очутились въ пунктѣ !!, за 69 милліоновъ верстъ отъ прежняго мѣста, и за всѣмъ тѣмъ, сдѣлали не болѣе одного шагу въ исполинскомъ пространствѣ мірозданія, — быть-можетъ сдѣлали только полшага, — или еще менѣе. Звѣзда не сдвинулась даже съ мѣста, ни сколько не перемѣнила своего перспективнаго положенія относительно къ сосѣднимъ звѣздамъ: она тамъ же, гдѣ видѣли мы ее, находясь въ точкѣ !; мы словно не трогались съ мѣста; подобно тому, какъ верхушки деревъ не разлучились и не дали намъ замѣтной разницы въ углахъ высоты, когда отступили мы только на одинъ шагъ назадъ отъ перваго мѣста наблюденія, такъ и здѣсь, несмотря на этотъ страшный переходъ, уголъ высоты звѣзды почти не измѣнился. Лучи зрѣнія, проведенные къ этому свѣтилу изъ двухъ точекъ, ! и !!, удаленныхъ на 69 милліоновъ верстъ, не пересѣкаются; тамъ и здѣсь они образуютъ *почти* прямые углы съ поперечникомъ земной орбиты, съ линіею, соединяющею точки ! и !! Умъ смущается при мысли о такихъ разстояніяхъ!....

Мы говоримъ —*почти*, потому что рѣдко случается, чтобъ между углами высоты звѣзды, вымѣренными на оконечностяхъ поперечника земной орбиты, не было какихъ-нибудь разностей, часто неправильныхъ, но простирающихся до одной, двухъ и даже трехъ секундъ градуса. Эти количества безъ-сомнѣнія очень малы; едва превосходятъ неизбѣжныя погрѣшности наблюденій и микроскопическія неисправности инструментовъ:

при всемъ томъ, они чрезвычайно важны. Если бъ, напримѣръ, можно было удостовѣриться, что уголъ высоты звѣзды, находящейся недалеко отъ линіи зрѣнія, перпендикулярной къ поперечнику земной орбиты, на одной оконечности этого поперечника дѣйствительно превосходитъ 3 секундами уголъ высоты, взятый на другой его оконечности, то вычисленіе дало бы уже для разстоянія этой звѣзды отъ Земнаго Шара 17 билліоновъ верстъ.

Если бъ разность двухъ угловъ была только въ 2 секунды, то вышло бъ разстояніе четвертью больше предъидущаго.

Если бъ, наконецъ, можно было удостовѣриться, что два угла высоты дѣйствительно разнятся только на *одну* секунду, то звѣзда была бы въ 55 билліонахъ верстъ отъ Земли!

Люди, слышавшіе о точности новѣйшихъ наблюденій, вѣрно удивятся, что мы допускаемъ двухъ или трехъ-секундныя погрѣшности въ разностяхъ измѣреній угловъ высоты одного и того же свѣтила. Соглашаемся, что, съ отличными орудіями и съ навыкомъ, можно избѣжать подобныхъ ошибокъ въ многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ опредѣленіяхъ планетныхъ поперечниковъ; но наблюденія параллакса совсѣмъ другое дѣло.

Во-первыхъ, эти наблюденія требуютъ инструментовъ значительнаго размѣра: безъ того секунды градуса, то есть $^1/_{3600}$ его части, и не видать будетъ на градусникѣ. Во-вторыхъ, Землѣ надо шесть мѣсяцевъ для перехода отъ одной точки ея орбиты къ другой, прямо противоположной, такъ что, если уголъ высоты звѣзды вымѣренъ въ первый разъ зимою, вторичное измѣреніе можно предпринять только лѣтомъ, и если весь инструментъ не сохранился точно въ одинакомъ положеніи цѣлые полгода, то наблюденій

нельзя и сравнивать между собою. Еще труднѣе въ огромномъ и многосложномъ орудіи, избѣгнуть небольшихъ погибовъ и видоизмѣненій, причиняемыхъ въ эти двѣ поры совершенно различными обстоятельствами тепла, холода, и прочая. При всемъ томъ, благодаря искусству художниковъ и терпѣливому прилежанію астрономовъ, дошли мы до того, что можемъ отвѣчать за точность наблюденной черезъ полгода разности угловъ высоты, не полагая больше двухъ или трехъ секундъ для погрѣшности. И этого ужъ много!

Эта величина, въ фокусѣ нашихъ зрительныхъ трубъ, является тоньше паутинки. Удивительно ли послѣ того, что обыкновенными способами отчаяваются перейти за этотъ предѣлъ, и уменьшить трехъсекундный итогъ неточности!

Однако, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, на которыя мы укажемъ, можно бъ было измѣрять измѣненія угловъ высоты двойныхъ звѣздъ, не погрѣшая даже на десятую часть секунды, – что̀ въ тридцать разъ точнѣе прежняго.

Для этого, возвратимся къ замѣчанію, сдѣланному нами впереди объ относительной перемѣнѣ положенія двухъ неравной высоты и различно удаленныхъ предметовъ, – двухъ верхушекъ деревъ или чего другаго.

Эта перемѣна совершенно зависитъ отъ одного изъ предметовъ, именно отъ ближайшаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда другой предметъ находится въ такомъ отдаленіи, что промежутокъ между точками ! и !!, который проходитъ наблюдатель, весьма незначителенъ въ сравненіи съ разстояніемъ, и что измѣненія угловъ высоты почти неощутительны, перемѣна эта менѣе поражаетъ глазъ, но она можетъ быть важна въ другомъ отношеніи. Всмотрѣвшись внимательно, хотя предметы раздвинулись очень мало, почти непри-

мѣтно, они однако жъ уже тронулись съ прежней точки своего соединенія; ближайшій началъ уже скользить около отдаленнѣйшаго, и тогда этотъ другой предметъ служитъ какъ-бы центромъ движенію перваго, дѣлается точнѣйшею примѣтою, къ которой можно относить первый, для узнанія и измѣренія, тонкими орудіями, перемѣнъ его высоты: тутъ не нужно ни большаго инструмента, остающагося математически-неизмѣннымъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, ни уровня, ни отвѣса; тутъ все у наблюдателя передъ глазами, въ полѣ зрѣнія телескопа, и чтобъ узнать, не послѣдовало ли хоть малѣйшей перемѣны въ положеніи, стоитъ лишь взглянуть на предметы, когда они почти соприкасаются: въ двойныхъ звѣздахъ, скользящихъ одна около другой, величина подобной почти непримѣтной перемѣны очень хорошо измѣряется маленькимъ инструментомъ, извѣстнымъ подъ именемъ микрометра, маломѣра, который, помѣщаясь въ трубѣ, состоитъ просто изъ двухъ натянутыхъ нитей, одной неподвижной, другой движущейся посредствомъ винтика.

Предположивъ, какъ и весьма естественно, что разность въ яркости звѣздъ вообще зависитъ отъ разности отдаленія ихъ отъ Земли, и что звѣзды седьмой, восьмой, девятой величины, гораздо далѣе звѣздъ первой, второй, третьей, мы найдемъ въ небѣ множество двойничныхъ звѣздныхъ соединеній, которыя удовлетворятъ условіямъ нашего замѣчанія. Такъ, каждый любитель, съ помощію сильной зрительной трубы, можетъ трудиться надъ опредѣленіемъ разстоянія звѣздъ отъ Земли съ такою же вѣроятностью успѣха, какъ и записной астрономъ.

Способомъ параллаксовъ опредѣлена до сихъ поръ только та граница, *ближе* которой нѣтъ звѣздъ. Такъ углы высоты звѣзды 61 Лебедя показываютъ, что

два свѣтила, составляющія эту двойную, отстоятъ отъ насъ *по-крайней-мѣрѣ* въ 412 милліоновъ кратъ далѣе Солнца. Ближе этого имъ быть невозможно; но сколько они далѣе, что̀ еще слѣдовало бы прибавить къ этой нижней границѣ для полученія дѣйствительнаго разстоянія, остается совершенно неизвѣстнымъ. Если бъ кто-нибудь вздумалъ утверждать, что истинное разстояніе звѣзды 61 Лебедя во сто милліоновъ разъ больше этого *минимумъ*, этого ближайшаго предѣла, выведеннаго изъ способа параллаксовъ, ему нельзя было бъ противорѣчить. Въ такомъ положеніи Науки, желательно было бы найти средство къ отысканію также верхняго предѣла дальности, къ опредѣленію *максимумъ* разстоянія, то есть, послѣдней меты, далѣе которой звѣздѣ этой тоже быть невозможно. Рано или поздо, это средство получится, какъ увидимъ изъ явленій двойныхъ звѣздъ.

Круглое или овальное зеркало, вертящееся на двухъ петляхъ, придѣланныхъ по бокамъ обода, можетъ на этотъ разъ послужить намъ удобнымъ средствомъ объясненія. Деревянный его ободъ хорошо изображаетъ орбиту, а стекло – мысленно предполагаемую площадь орбиты. Въ центрѣ стекла представимъ себѣ неподвижный шаръ, величиною съ крупное яблоко: это будетъ центральная звѣзда, или большее изъ двухъ свѣтило. Когда орбита, – предположимъ ее совершенно круглою, – которую малое свѣтило двойничной купы описываетъ около большаго, видна намъ прямо, то есть, когда плоскость орбиты совсѣмъ отвѣсно обращена къ Землѣ, какъ зеркало къ нашему лицу, тогда звѣзда-спутница, во все время своего оборота около центральной звѣзды, находится въ одинаковомъ разстояніи отъ нашей планеты. Этотъ спутникъ, въ силу собственнаго его движенія, перебываетъ во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ на ободѣ мелкаго своего круга; но всякому извѣстно, что всѣ

точки обода, видимаго совершенно прямо, лицемъ къ намъ, равно удалены отъ глаза наблюдателя.

Поперегъ этой орбиты, или отъ одной петли обода къ другой, проведемъ горизонтальный поперечникъ, который раздѣлитъ орбиту на двѣ равныя части, верхнюю и нижнюю, и пройдетъ черезъ шаръ, воображаемый нами въ ея центрѣ. На этомъ поперечникѣ, какъ бы на оси, повернемъ плоскость орбиты, напримѣръ такъ, чтобъ нижняя часть окружности подалась впередъ, то есть, къ наблюдателю, а верхняя назадъ, подобно ободу круглаго зеркала, когда наставляемъ его косвенно къ лицу. Видимая отвѣсно, орбита малой звѣзды была круглая. Въ новомъ косвенномъ ея положеніи она будетъ казаться продолговатою, овальною; но особенно должно замѣтить, что различныя части этой орбиты будутъ уже не въ одинаковомъ разстояніи отъ наблюдателя. Въ полукругѣ, который выдался впередъ, одна точка, именно нижайшая, необходимо прійдется всѣхъ ближе къ Землѣ. Другая, высочайшая, прямо ей противоположная, будетъ всѣхъ дальше. Идучи отъ первой точки ко второй, то есть, отъ нижайшей къ высочайшей, звѣзда-спутница постепенно удаляется отъ наблюдателя; возвращаясь отъ второй къ первой, она приближается. Это двойное обстоятельство, при извѣстной и хорошо опредѣленной скорости лучеваго свѣта, можетъ причинить ощутительную разность между итогомъ времени, употребленнаго звѣздою-спутницею на *дѣйствительное* обтеченіе восходящей и нисходящей половинъ ея орбиты, и итогомъ времени, издержаннаго ею на *кажущееся намъ* совершеніе того же пути. Разсмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ осязаемъ мы зрѣніемъ свѣтило, одаренное собственнымъ движеніемъ.

Возьмемъ его въ какомъ-нибудь опредѣленномъ положеніи. Въ этомъ положеніи, оно пускаетъ во всѣ

стороны частицы свѣта, которыя бѣгутъ по прямымъ линіямъ и образуютъ лучи. Одна изъ этихъ частицъ, добѣгая по прямой линіи до нашего глаза, гдѣ бы мы ни находились и когда бы ни наблюдали, своимъ направленіемъ указываютъ намъ на мѣсто, которое занимало свѣтило въ минуту исхожденія этой частицы, въ минуту рожденія луча.

Одинъ изъ этихъ лучей достигъ Земли и нашего глаза. Онъ употребилъ довольно времени, — положимъ, мѣсяцъ, — для перехода: лучъ свѣта, какъ извѣстно, пробѣгаетъ въ секунду 275,000 верстъ. Въ это время, свѣтило не оставалось же неподвижнымъ: оно теперь ужъ не на прежнемъ мѣстѣ, не тамъ, гдѣ мы, кажется, его видимъ, а ушло далѣе, и лучъ оттуда, гдѣ оно дѣйствительно теперь находится, дойдетъ до насъ только черезъ мѣсяцъ.

Положимъ теперь, что, удаляясь отъ Земли, по своей наклонной орбитѣ, свѣтило описало дугу извѣстной величины.

Мы видѣли это свѣтило на ближайшей къ намъ оконечности дуги черезъ тридцать дней послѣ того, какъ оно оставило эту точку. Какъ оно удаляется, то уже надобно будетъ *больше* тридцати дней, чтобъ свѣтъ дошелъ къ намъ съ другой дальнѣйшей оконечности дуги. Стало-быть, свѣтило и посѣтитъ эту оконечность и оставитъ ее *слишкомъ* за тридцать дней до того времени, какъ мы увидимъ его на ней съ Земли. Когда отъ времени появленія намъ звѣзднаго луча, которое *слишкомъ* тридцатью днями позже дѣйствительнаго прибытія звѣзды на другую оконечность дуги, мы отнимемъ время перваго появленія, котораго разница съ дѣйствительностью составляла, по положенію, *ровно* тридцать дней, то разность, выражающая періодъ теченія, выйдетъ больше той, ко-

торую бы мы получили изъ сравненія настоящихъ временъ перехода свѣтила черезъ эти точки, если бъ настоящія времена были намъ извѣстны.

Когда бъ, вмѣсто того, чтобъ вести подвижное свѣтило отъ ближайшей точки къ отдаленнѣйшей, мы повели его обратно, и когда бъ точка перваго наблюденія была далѣе точки втораго, то очевидно, что разность наблюденныхъ прохожденій будетъ тогда не больше, а меньше разности настоящихъ прохожденій.

Вообще, если какое-нибудь свѣтило, въ своемъ теченіи, постепенно удаляется отъ Земли, то свѣтовые лучи, имъ выпускаемые, все позже и позже даютъ намъ знать объ его перемѣщеніяхъ. Намъ тогда кажется, что для перехода съ мѣста на мѣсто, оно употребляетъ болѣе времени. Все это происходитъ наоборотъ, когда свѣтило приближается къ нашей планетѣ. Это именно случается со звѣздою-спутницею, которая течетъ по орбитѣ, поставленной относительно къ намъ въ наклонномъ положеніи, и выдающейся нижнею частью круга въ нашу сторону. И такъ, говоря математически, звѣздный спутникъ, видимый съ нашей планеты, употребитъ болѣе времени для прошествія восходящей половины своей орбиты, когда онъ постоянно отъ насъ удаляется, нежели для прошествія другой половины, по которой онъ идетъ въ нашу сторону. Теперь покажемъ, какимъ образомъ разстояніе этого звѣзднаго спутника отъ Земли можно будетъ вывести изъ разницы, замѣченной между продолженіями полуоборотовъ восходящаго и нисходящаго, коль скоро эта разница будетъ опредѣлена съ точностью.

Вникнувъ въ дѣло, читатель самъ тотчасъ увидитъ, что кажущееся продолженіе восходящаго полуоборота спутника превосходитъ дѣйствительное его продолженіе именно числомъ лишнихъ дней и часовъ, кото-

рые свѣтъ долженъ употреблять на пройденіе прибавившагося разстоянія этого свѣтила отъ Земли. Не менѣе очевидно, что кажущееся продолженіе нисходящаго полуоборота тѣмъ самымъ числомъ дней и часовъ короче дѣйствительнаго продолженія того же полуоборота, потому что, въ обратномъ своемъ теченіи, спутникъ приближается къ намъ на столько же, на сколько прежде удалялся, и свѣтъ требуетъ столько же времени менѣе, чтобъ достигнуть до насъ, сколько прежде требовалъ болѣе. Наконецъ, ясно и то, что два наблюденные полуоборота разнятся между собою *двойнымъ* количествомъ времени, употребляемаго свѣтомъ для прохожденія того разстоянія, на какое спутникъ въ одномъ своемъ крайнемъ положеніи былъ дальше отъ Земли, чѣмъ въ другомъ.

Такъ, вычтемъ же, одно изъ другаго, продолженія обоихъ наблюденныхъ полуоборотовъ; возьмемъ половину разности; превратимъ ее въ секунды, полагая по 86400 секундъ на сутки; помножимъ число секундъ этой найденной половины разности на 273,000 то есть, на число верстъ, пробѣгаемыхъ свѣтомъ въ одну секунду, и произведеніе будетъ величина разстоянія въ верстахъ, на какую звѣздный спутникъ удаляется отъ Земли, переходя отъ ближайшей точки своей орбиты къ точкѣ прямо противоположной, то есть, величина поперечника его орбиты.

Положеніе и величина орбиты звѣзднаго спутника по-необходимости связаны съ разстояніемъ, на какое онъ удаляется и приближается относительно къ Землѣ въ продолженіе каждаго изъ своихъ оборотовъ. Когда объемъ орбиты извѣстенъ, то легко вычислить, сколько прибавляется къ настоящему разстоянію отъ Земли, и сколько убавляется отъ того жъ разстоянія, черезъ переходъ свѣтила съ одной главной точки въ другую, туда и обратно. Наоборотъ, отъ величины этихъ

прибавленій и убавленій разстоянія восходится къ объему орбиты. Мы показали, какимъ образомъ астрономъ можетъ иногда опредѣлить наблюденіемъ и выразить въ верстахъ измѣненія въ разстояніяхъ звѣзднаго спутника отъ Земли. Послѣ этого онъ безъ затрудненія выразитъ въ верстахъ и большую ось эксцентрической орбиты, которую описываетъ, по-видимому, звѣзда. Наклоненіе, подъ которымъ эта ось представляется нашимъ взорамъ, выводится изъ положенія орбитной плоскости: впрочемъ кажущуюся величину его получаемъ мы и посредствомъ микрометра. Всякой землемѣръ умѣетъ опредѣлить, на сколько онъ верстъ и саженъ отъ извѣстнаго основанія, когда ему дано наклоненіе его къ лучу зрѣнія, его длина, и уголъ, подъ которымъ оно видно. Астроному надо будетъ дѣлать тѣ же самыя вычисленія, когда времена прохожденій звѣздныхъ спутниковъ черезъ главныя точки орбитъ будутъ обозначены надлежащимъ образомъ. Только ему прійдется работать надъ гораздо большими числами. Основаніемъ у него будетъ поперечникъ орбиты, описываемой звѣздою: за то онъ и найдетъ не безделицу, – разстояніе звѣзды отъ Земнаго Шара!

Теперь каждому понятно, какія открытія, какія блестящія открытія ожидаютъ того, кто усовершитъ способы наблюденія двойныхъ звѣздъ, нынѣ извѣстные, и вычислитъ съ новою точностью продолженіе восходящихъ и нисходящихъ полуоборотовъ звѣздныхъ спутниковъ. Опредѣленіе разстоянія звѣздъ отъ Земли и слѣдственно ихъ толщей будетъ цѣною подобнаго усовершенія.

Перейдемъ теперь къ цвѣту и къ практическимъ пользамъ этихъ составныхъ свѣтилъ.

Встрѣчая въ каталогахъ двойныхъ звѣздъ такое множество соединеній краснаго съ зеленовато-голубымъ

и голубаго съ желтымъ, мы было подумали, что голубой и зеленый оттѣнки малыхъ звѣздъ не имѣютъ дѣйствительнаго существованія, а что это просто оптическій обманъ, дѣйствіе противоположности. Можно было бы подкрѣпить это мнѣніе ссылками на всѣ оптическіе трактаты, гдѣ говорится о цвѣтахъ случайныхъ: извѣстно, что слабый бѣлый свѣтъ кажется зеленымъ, когда приблизишь его къ сильному красному свѣту, и переходитъ въ голубой, когда окружающій его яркій свѣтъ будетъ желтоватъ. Эти соединенія такъ часто попадались въ блестящей и слабой частяхъ двойныхъ звѣздъ, что сближеніе обоихъ феноменовъ казалось совершенно правильнымъ. Однако жъ много было исключеній, и мы думали, что пренебрегать ихъ отнюдь не должно. Маленькая голубая звѣзда часто сопровождала блестящую бѣлую, какъ напримѣръ въ звѣздѣ 38 Близнецовъ, въ α Льва, и прочая. Здѣсь нѣтъ краснаго цвѣта, нѣтъ и феномена противоположности. Голубаго оттѣнка малой звѣзды уже нельзя было почитать обманомъ. Стало-быть есть дѣйствительно звѣзды голубаго цвѣта. Это слѣдствіе точно такъ же вытекало изъ наблюденія звѣзды δ Змѣя, потому что, въ этой купѣ, и большая и малая звѣзда, обѣ голубыя. Вотъ почему физическое понятіе о противоположности цвѣтовъ примѣняемъ мы къ вопросу о двойныхъ звѣздахъ съ большою осторожностію.

Правда, что противоположность бываетъ иногда причиною зеленаго или голубаго оттѣнка въ малой звѣздѣ двойничной куны, гдѣ блестящая звѣзда краснаго или желтаго цвѣта; но достаточно самаго простаго опыта для различенія такихъ случаевъ отъ другихъ: стоитъ лишь закрыть главную звѣзду въ трубѣ ниткою или заслоночкой. Если, во время закрытія большой звѣзды, малая теряетъ свой цвѣтъ, бѣлѣетъ, то зе-

леный или голубой цвѣтъ, которымъ она казалась покрыта, бывъ наблюдаема вмѣстѣ съ большою, былъ не иное что, какъ оптическій обманъ. Въ противномъ случаѣ нельзя не почесть этихъ оттѣнковъ настоящими. Но закрытіе большой звѣзды обезцвѣчиваетъ другую только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Гораздо чаще оно отнюдь на нее не дѣйствуетъ или по-крайней-мѣрѣ не причиняетъ въ ней ни какихъ ощутительныхъ измѣненій.

Существованіе такого множества голубыхъ или зеленыхъ звѣздъ въ двойничныхъ купахъ есть фактъ, тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что между 60 или 80 тысячами одинокихъ звѣздъ, которыхъ положенія извѣстны по астрономическимъ каталогамъ, нѣтъ, кажется, ни одной, означенной другими цвѣтовыми примѣтами, кромѣ бѣлаго, краснаго и желтаго. Физическія условія голубаго или зеленаго цвѣта встрѣчаются, по-видимому, только въ составныхъ звѣздахъ.

Это явленіе замѣчено еще такъ недавно, что теперь нельзя и ожидать правдоподобнаго объясненія. Время и точнѣйшія наблюденія покажутъ, — эти зеленыя и голубыя звѣздочки не суть ли убывающія солнца, — не обличаютъ ли разные ихъ оттѣнки различныхъ степеней сгоранія, — не зависитъ ли часто примѣчаемый въ малой звѣздѣ избытокъ преломленія отъ поглощательнаго свойства атмосферы, развиваемой дѣйствіемъ той, обыкновенно блистательнѣйшей звѣзды, которую сопровождаетъ малая, и т. д. Въ изученіи феноменовъ, гдѣ, безъ-сомнѣнія, пришлось бы разсматривать взаимное дѣйствіе двухъ неравно свѣтлыхъ солнцевъ, одаренныхъ неизвѣстными намъ физическими свойствами, мы совершенно теряемъ Аріаднину нить аналогіи. По-этому легко быть можетъ, что вразсужденіи вопроса о цвѣтѣ звѣздъ роль наблюдателей

долго еще будетъ ограничиваться однимъ собираніемъ фактовъ. Удовольствіе подчинить его законамъ Физики кажется предоставлено нашимъ праправнукамъ. Но не есть ли это новый поводъ къ усугубленію стараній и ревности? Въ астрономическихъ феноменахъ точность наблюденій часто скрадывала время. Да если бъ послѣ тяжкихъ трудовъ и не осуществилась надежда отыскать что-нибудь общее, такъ можно утѣшиться воспоминаніемъ, что открытіе одного факта, хорошо высмотрѣннаго, описаннаго, оцѣненнаго, безспорно уже шагъ впередъ для Науки, между-тѣмъ какъ остроумныя, увлекательныя, съ общимъ восторгомъ принимаемыя умозрѣнія часто не что иное, какъ шаги назадъ.

Фонтенель, Гёйгенсъ, Грегори и другіе описываютъ видъ и движенія всѣхъ свѣтилъ небесныхъ, какъ-бы наблюдаемыхъ съ поверхности Солнца, съ Луны, съ Юпитера и четырехъ его спутниковъ, съ Сатурна, окруженнаго дивнымъ кольцомъ, съ кометъ, описывающихъ самыя продолговатыя орбиты. Люди, находящіе удовольствіе въ умозрѣніяхъ такого рода, пусть только перенесутся мыслію на планеты, которыми вѣрно окружены составныя звѣзды, такъ совокупныя дѣйствія двухъ, трехъ солнцевъ, катящихся по эксцентрическимъ эллипсисамъ, поведутъ ихъ къ безднѣ занимательныхъ умозаключеній. Дорожа временемъ, мы только укажемъ имъ на двойничныя и тройничныя купы цвѣтныхъ звѣздъ; на совокупное или послѣдовательное присутствіе этихъ солнцевъ на горизонтахъ планетъ ихъ; на разнообразныя смѣшенія дней бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ; на тысячи любопытныхъ оптическихъ явленій, которыя должны быть слѣдствіемъ этихъ смѣшеній. Тутъ надолго будетъ пищи самому дѣятельному воображенію!

Распознаваніе двойныхъ звѣздъ служитъ астрономамъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для испытанія качествъ телескоповъ, или большихъ зрительныхъ трубъ. Выгоды этого средства будутъ очевидны, когда припомнимъ основное начало всякой трубы.

Зрительная труба состоитъ изъ двухъ стеколъ. Одно, большое и обращенное къ предмету, называется предметнымъ; другое, маленькое и приставляемое къ глазу, называется глазнымъ. Первое образуетъ въ извѣстномъ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ своей поверхности, которое именуется фокусомъ, призракъ, или подобіе всѣхъ видимыхъ предметовъ. Этотъ-то призракъ, это подобіе увеличивается посредствомъ глазнаго стекла какъ блоха подъ микроскопомъ.

Когда фокусный призракъ чистъ, когда лучи, вышедшіе изъ одной точки предмета соединяются въ образѣ его также въ одну точку, тогда наблюденіе, сдѣланное сквозь глазное стекло дастъ весьма удовлетворительныя слѣдствія. Если, напротивъ, лучи, вышедшіе изъ одной точки, не соединяются въ фокусѣ въ одну же точку, если они составляютъ въ немъ маленькій кружекъ, образы двухъ смежныхъ точекъ необходимо захватятъ другъ друга, и лучи ихъ смѣшаются: этого смѣшенія глазное стекло исправить не можетъ; оно только увеличиваетъ, и увеличиваетъ все, то есть, и самыя погрѣшности. Слѣдственно, труба, или оба стекла соединенныя вмѣстѣ, не могутъ въ такомъ случаѣ передавать предметовъ ясно и чисто.

Этотъ недостатокъ ясности существуетъ болѣе или менѣе во всякой зрительной трубѣ, смотря по тому, до какой степени художникъ умѣлъ дать обѣимъ сто-

ронамъ предметнаго стекла тотъ правильный изгибъ, который признанъ теоріею за удобнѣйшій, котораго оптикъ безпрестанно домогается, и который всегда остается недостижимымъ. Часто довольно одного взгляда на что бы то ни было, для узнанія, что предметное стекло не хорошо сдѣлано; однако жъ не всегда это бываетъ такъ легко: иногда и самые опытные астрономы затрудняются, которой изъ двухъ трубъ отдать предпочтеніе, если они наблюдали въ нихъ одни большія тѣла, какъ напримѣръ Венеру, Юпитера, Сатурна, Марса. Въ этихъ-то случаяхъ двойныя звѣзды тотчасъ выводятъ изъ недоумѣнія.

Доказано, что звѣзды не имѣютъ примѣтныхъ поперечниковъ: мы видимъ только сильнѣйшій или слабѣйшій блескъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ шаръ звѣзды, но самаго шара, за отдаленностью, уже не видимъ, — онъ далеко исчезъ изъ виду, и не представляетъ намъ ни какого диска, ни поперечника. Открываемые въ звѣздахъ наблюдателями поперечники должно приписывать во-первыхъ несовершенству инструментовъ, во-вторыхъ нѣкоторымъ погрѣшностямъ и заблужденіямъ нашего глаза. Чѣмъ менѣе кажется звѣзда при равенствѣ предметныхъ стеколъ, при одинаковости употребляемаго увеличенія и блеска наблюдаемаго свѣтила, тѣмъ труба совершеннѣе. Чтобъ узнать, представляются ли точки въ фокусѣ простыми жъ точками, лучшее средство — наводить трубу на самыя сближенныя звѣзды и примѣчать, смѣшиваются ли ихъ образы, захватываютъ ли они одинъ другаго, или представляются чисто раздѣльными. Вотъ, изъ числа извѣстныхъ намъ двойныхъ звѣздъ, нѣсколько такихъ, которыя отдѣляются только лучшими зрительными трубами, при весьма сильныхъ увеличеніяхъ.

Звѣзда 36 Андромеды: разстояніе между двумя центрами равнялось въ 1831 году 0", 7.

——— η Короны: разстояніе между двумя центрами 0", 8, въ 1830.

——— σ Короны: разстояніе между центрами 1", 8, въ 1830

——— ν Короны: она изъ числа тѣхъ, которыя раздвоить весьма трудно, какъ по чрезвычайной близости двухъ звѣздъ, такъ и по великой разности въ ихъ блескѣ.

ε Овна: ихъ весьма трудно раздѣлить.

η Геркулеса: тоже.

τ Змѣеносца: даже и Дерптскій телескопъ не раздѣляетъ ихъ нынѣ. Прежнія наблюденія показали, что это двойная звѣзда.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ объ участіи, какое имѣлъ Разсчетъ Вѣроятностей въ рѣшеніи вопроса о составныхъ звѣздахъ.

Разсчетъ Вѣроятностей обогатилъ Астрономію множествомъ замѣчательныхъ результатовъ. При всемъ томъ, они до-сихъ-поръ не получили заслуженнаго ими мѣста въ учебныхъ руководствахъ. Кажется, боялись повредить истинамъ Науки, которой доказательства основаны на непосредственномъ соображеніи прямыхъ наблюденій, если смѣшаютъ ихъ съ такими заключеніями, которыя, не имѣя равной достовѣрности, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ быть приняты въ уваженіе. Вопросъ о составныхъ звѣздахъ считаемъ мы самымъ удобнымъ для убѣжденія наблюдателей, что они поступили бъ весьма дурно, если пренебрегли указаніями Разсчета Вѣроятностей.

Еще въ 1767 году, извѣстный Ученый, Джонъ Мичель, пораженный неравнымъ распредѣленіемъ звѣздъ на небѣ, изслѣдовалъ, можно ли полагать, что бы это распредѣленіе было случайно. Онъ взялъ для примѣра созвѣздіе Плеядъ.

Эта купа свѣтилъ состоитъ изъ шести главныхъ звѣздъ, и въ цѣломъ небѣ не болѣе, 1500 такихъ, которыя могли бы сравниться съ ними въ блескѣ. Стало-быть, надлежало рѣшить слѣдующую задачу: 1500 звѣздъ брошены какъ ни попало въ небесное пространство, — какая вѣроятность, чтобъ шесть изъ нихъ соединились такъ тѣсно, какъ въ созвѣздіи Плеядъ? Мичель получилъ для этой вѣроятности $^1/_{500\,000}$ долю: то есть, можно держать 500,000 противъ *одного*, что сильнаго сближенія шести звѣздъ не случится. Но какъ это сближеніе существуетъ, несмотря на рѣдкость удачи, то должно полагать, что въ основаніяхъ разсчета была какая-нибудь невѣрность. По ближайшемъ разсмотрѣніи мы находимъ въ немъ одну только ипотезу, именно ту, что звѣзды разсѣяны въ небѣ какъ ни попало. Предположеніе, котораго вѣроятныя слѣдствія такъ несогласны съ фактами, само дѣлается невѣроятнымъ. Слѣдственно противоположная ипотеза должна заслуживать наше одобреніе. И такъ 6 звѣздъ не случайно соединены въ Плеядахъ; на это была какая-нибудь физическая причина, и стало-быть всѣ онѣ въ обоюдной зависимости. Но не то же ли самое слѣдствіе выведено гораздо позже изъ многотрудныхъ наблюденій надъ двойными звѣздами? Здѣсь, какъ видите, теорія Вѣроятностей опередила наблюденія.

Хотя она день ото дня болѣе распространяется, и даже прилагается практически; хотя, съ другой стороны, тѣсная связь, обоюдная зависимость составныхъ частей многихъ двойничныхъ звѣздъ выходитъ изъ прямыхъ, неопровержимыхъ наблюденій, мы не можемъ однако жъ не замѣтить съ Г-мъ Струве, что эта связь, эта зависимость, бывшія плодомъ такихъ тщательныхъ изслѣдованій, для навыкшихъ глазъ открылись бы при простомъ обзорѣ таблицы, гдѣ означены двойныя звѣзды всѣхъ порядковъ.

Надо помнить, что четыре Гершелевы порядка не имѣютъ ни какого сношенія съ блескомъ звѣздъ, а касаются только ихъ разстояній. Первый состоитъ изъ всѣхъ двойничныхъ купъ, въ которыхъ между обѣими частями менѣе 4 секундъ разстоянія. Второй заключаетъ промежутки свыше 4 и ниже 8 секундъ. Третій начинается съ 8, и оканчивается 16 секундами. Наконецъ четвертый простирается до 32 секундъ. Теперь, каждому понятно, что отыскивая, какова вѣроятность, чтобъ звѣзды, разсѣянныя въ небѣ безъ всякаго порядка представились по двѣ вмѣстѣ, мы найдемъ ее тѣмъ меньшею, что двойничныя купы занимаютъ наименѣе пространства. Это точно то же, какъ если бъ вычислять вѣроятность, упадутъ ли брошенныя на шашечницу зерна по два въ клѣтку: очевидно, что чаяніе удачи должно уменьшиться вмѣстѣ съ размѣромъ клѣтокъ. Въ предложенной задачѣ мѣсто зеренъ заступаютъ звѣзды, мѣсто шашечницы небо, а мѣсто клѣтокъ промежутки Гершелевыхъ порядковъ, отъ 4 до 32 секундъ въ поперечникѣ. Если предположить, что всѣ тѣла небесныя совершенно независимы одно отъ другаго, то первому порядку надлежало бъ быть меньше втораго, третьяго и тѣмъ паче четвертаго. Но это совсѣмъ наоборотъ. Стало-быть, простымъ соображеніемъ вѣроятностей, мы опять приведены къ заключенію, что сближенныя между собою звѣзды не только кажутся такими какъ-бы вслѣдствіе оптическаго или перспективнаго обмана, но что онѣ дѣйствительно образуютъ системы.

Е. К.

Annuaire du Bureau des longitudes.

БУРЯТЫ.

=

Буряты, подданные Россіи съ начала XVII вѣка, происходятъ отъ поколѣнія Монголовъ. Поселеніе ихъ въ странѣ, нынѣ обитаемой ими, было причиною разсѣянія Тунгусовъ, первыхъ ея обладателей. Буряты, вышедши изъ нѣдръ Монголіи, основали жилища свои въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, по границѣ Китайской и на берегахъ главныхъ рѣкъ Байкала и самаго озера. Нижнія части горъ, отдѣляющихъ насъ отъ Монголіи, и начинающихся почти отъ рѣки Енисея, берега Ангары и Тунгуски, вершина Лены, южный берегъ Байкала, рѣки Селенга, Аргунь и впадающія въ нихъ, суть мѣста нынѣшняго ихъ пребыванія. Большая часть Бурятъ хлѣбопашцевъ живутъ между Русскими; тѣ, которые занимаются только охотою и скотоводствомъ, обитаютъ въ горахъ, которыхъ почва не удобна къ воздѣлыванію.

Буряты раздѣляются на племена, а каждое племя на роды. Десять или двѣнадцать фамилій составляютъ *хотонъ*, или деревеньку, которой начальникъ именуется *зассулъ*, нѣсколько хотоновъ вмѣстѣ, отъ четырехъ до шести, управляются *шуленгою*, избираемымъ самими Бурятами: онъ утверждается Россійскимъ Правительствомъ, также какъ и другіе высшіе начальники, *тайши*, имѣющіе во власти нѣсколько шуленгъ. Всякій тайши есть судія подвластнаго ему рода: онъ наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, употребительныхъ между Бурятами, за исполненіемъ приказаній и правилъ, предписываемыхъ Правительствомъ; наконецъ собираетъ для казны подати. Правительство, для приданія большей важности званію тайши и дру-

гихъ начальниковъ, установило для нихъ въ 1766 году особенный знакъ чести, *кортикъ*, то есть, кинжалъ съ Монгольскою надписью: *Знакъ достоинства шуленги*, (или *тайши*) *рода N.*, *данный въ 1766 году*. Впослѣдствіи пожалованы нѣкоторымъ изъ нихъ офицерскіе чины.

Число Бурятъ простирается до 152,000 душъ, — 72,000 мужчинъ и 80,000 женщинъ и дѣтей.

Буряты исповѣдывали прежде вѣру шаманскую, которой еще и теперь держатся многіе изъ обитающихъ по-сю-сторону Байкала, по Ангарѣ и Ленѣ; но большая часть ихъ слѣдуютъ закону Будды, Шеккямуни, или Тибетскому, и въ наше время, у разныхъ родовъ, считается до ста пятидесяти Далай-ламскихъ храмовъ, воздвигнутыхъ съ дозволенія Правительства. У Коринскаго рода, въ которомъ эта вѣра болѣе укоренилась, публично предаютъ проклятію шаманское ученіе, тогда какъ у другихъ можно еще видѣть смѣсь мнѣній шаманскихъ съ шеккямуніанскими, какъ то почти всегда бываетъ у народовъ, не утвердившихся въ правилахъ новаго вѣрованія.

Система вѣры Будды, или Шеккямуни, которой глава Далай-лама, пребывающій Хлассѣ, столицѣ Тибета, замысловатѣе нежели многіе у насъ полагаютъ. Она съ нѣкотораго времени обратила на себя вниманіе оріенталистовъ, и отъ ихъ трудовъ должно ожидать чрезвычайно любопытныхъ открытій для исторіи Восточной Философіи. Въ особенности изысканія Г. академика Шмидта заслуживаютъ обратить на себя вниманіе тѣхъ, которые любятъ слѣдовать за движеніемъ человѣческаго ума въ разныхъ вѣкахъ и странахъ. Какъ ни смѣшна миѳологія Буддизма, но это ученіе весьма примѣчательно между язычниками, и неоспоримо дѣйствуетъ такъ же сильно на смягченіе нра-

вовъ дикарей, на поселеніе въ нихъ кротости и человѣколюбія, какъ вѣра Магомета на ожесточеніе самаго кроткаго племени и на расположеніе характера къ кровожадности. Бурятамъ, и другимъ Монгольскимъ поколѣніямъ, существо Буддаизма почти неизвѣстно: они знаютъ только его суевѣрные обряды и нелѣпыя легенды. Не будучи оріенталистами, мы не смѣемъ пускаться въ изложеніе его многосложной теоріи, безконечныхъ отвлеченностей, странныхъ догматовъ, еще страннѣйшихъ обрядовъ, и перейдемъ къ доступнѣйшему для насъ предмету, — шаманству.

Буряты, исповѣдующіе шаманскую вѣру, поклоняются солнцу, лунѣ, огню, водѣ, горамъ, животнымъ или ихъ изображеніямъ, — словомъ боготворятъ все, что можетъ вредить или препятствовать ихъ намѣреніямъ, думая умилостивить тѣмъ божества, которыхъ вліянія они страшатся. Они не имѣютъ храмовъ, и совершаютъ свои жертвоприношенія и обряды въ юртахъ: поводомъ къ нимъ обыкновенно бываютъ рожденіе, свадьба, болѣзнь или другое подобное происшествіе.

Жрецы этой секты называются шаманами: мужчины и женщины безъ различія, пріобрѣтаютъ это званіе по своей волѣ. Чтобъ сдѣлаться шаманомъ, достаточно объявить, что такой-то недавно умершій шаманъ, явился вамъ во снѣ, и назначаетъ васъ своимъ преемникомъ. Желающій быть шаманомъ, притворяется нѣсколько времени изступленнымъ, бросается въ воду и огонь, и т. п. Какъ скоро замѣтятъ его бѣшенство, начинаютъ за нимъ присматривать. Скоро бѣшеный объявляетъ, что дьяволъ назначилъ его въ жрецы вѣры: тогда приводятъ стараго шамана, и новый адептъ совершаетъ съ нимъ въ продолженіе трехъ слѣдующихъ вечеровъ множество обрядовъ, со-

провождаемыхъ кривляньями. Старый шаманъ показываетъ ему въ это время жилище демоновъ и божествъ воздушныхъ. Послѣ этого новый адептъ почитается уже посвященнымъ. Онъ не получаетъ ни какихъ наставленій: доказано опытомъ, что воспитанникъ, при воззваніи къ духамъ, не употребляетъ ни словъ, ни обрядовъ своего учителя. Чѣмъ болѣе шаманъ производитъ шума, тѣмъ онъ почтеннѣе, и тѣмъ способнѣйшимъ считаютъ его къ сношенію съ дьяволомъ. Многіе изъ нихъ знаютъ разныя хитрости и фиглярства, и приводятъ въ удивленіе суевѣрныхъ соплеменниковъ: напримѣръ, они дѣлаютъ себѣ раны, перерѣзываютъ горло, вонзаютъ ножъ въ брюхо, или глотаютъ его, и ножъ пропадаетъ; потомъ находятъ его въ рукавѣ или въ обуви, какъ-будто бы онъ вышелъ черезъ руку или ногу; раны, дѣлаемыя себѣ, они на мгновеніе закрываютъ ладонью, и раны исцѣляются. Всѣ эти фиглярства и много другихъ приписываются зрителями сверхъ-естественному могуществу духовъ.

Когда Бурятъ сдѣлается боленъ, онъ призываетъ шамана. Первый обрядъ при этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что жрецъ привязываетъ къ пруту пукъ конскихъ волосъ, и дѣлаетъ съ нимъ множество кривляній надъ больнымъ; потомъ цѣлуетъ его для того, чтобы злый духъ, обитающій въ тѣлѣ паціента, перешелъ въ лекаря; потомъ духи объявляютъ черезъ него, какого они рода, зачѣмъ посланы къ больному, и за что причиняютъ ему болѣзнь; немного спустя, они смягчаются молитвами его и родственниковъ; наконецъ соглашаются принять, вмѣсто человѣка, жертву, животное опредѣленнаго цвѣта. Ежели больной или его родственники не имѣютъ скотины такой шерсти, они отыскиваютъ ее въ другомъ улусѣ, представляютъ хозяину другое животное въ замѣнъ, и тотъ обязанъ взять его безъ всякаго прибавочнаго вознагражденія.

Когда жертва приведена, шаманъ надѣваетъ церемоніяльную одежду, начинаетъ свои кривлянья, и, поцѣловавъ больнаго еще разъ, обращается къ животному: если оно опять не такое, какого онъ желалъ, то требуетъ третьяго, и ему обязаны перемѣнять жертву до того, пока не представятъ совершенно согласной съ его предписаніемъ. Тутъ онъ хватается за животное, кричитъ и цѣлуетъ его, чтобы тѣмъ перевести демоновъ отъ себя въ его тѣло. Шаманы, кажется, знаютъ тайну, какъ поступать съ животными, потому что жертва сопротивляется до того только времени, пока онъ къ ней не приблизится, — а тамъ вдругъ становится покойною, какъ-бы пораженная сверхъестественнымъ могуществомъ. На другой день ее приводятъ на мѣсто, назначенное для жертвоприношенія, которое совершается на подмосткахъ, нарочно для того устроенныхъ; животное убиваютъ и вѣшаютъ кожу на деревѣ, головою къ той сторонѣ, въ которой предполагается жилище демоновъ; мясо тутъ же съѣдаютъ, не позволяя уносить въ домы, а кости тщательно связываютъ вмѣстѣ и вѣшаютъ на томъ же деревѣ, гдѣ кожа, но какъ-можно выше ея. Всѣ, вкушавшіе мясо жертвы, увѣряютъ, что оно отвратительно: можетъ-быть, это обстоятельство существуетъ только въ воображеніи суевѣрныхъ Бурятъ, не то шаманы безъ-сомнѣнія даютъ животному какого нибудь состава, который производитъ въ немъ судороги, уныніе и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ причиною непріятнаго вкуса. По окончаніи жертвоприношенія, шаманъ дѣлаетъ другой обрядъ, имѣющій цѣлію обратить духъ жертвы въ демона, которому онъ принадлежитъ: это продолжается каждый день до выздоровленія больнаго, который нерѣдко умираетъ. Если больной выздоровѣетъ, шаманъ получаетъ плату, которая никогда не бываетъ менѣе пяти рублей; въ противномъ случаѣ ему не даютъ ничего.

Но не однѣ настоящія болѣзни подаютъ поводъ къ жертвоприношеніямъ: если шаманъ только предскажетъ болѣзнь или несчастіе, то и этого достаточно къ принятію предварительной мѣры для умилостивленія демоновъ; передъ охотою, она даже необходима. Жертвы приносятся не однимъ демонамъ, но и душамъ умершихъ шамановъ или шаманокъ, пріобрѣтшихъ демонское могущество. Для этого случая избираются не одни животныя, но и другіе предметы пищи; также мѣха, которые остаются въ юртѣ дѣлающаго жертвоприношеніе неприкосновенными до его смерти, и выносятся только для похороненія вмѣстѣ съ нимъ.

Вотъ обрядъ призыванія духовъ, котораго самъ я былъ свидѣтелемъ.

Шаманъ, сѣвши въ юртѣ наземь, началъ импровизировать заклинаніе, сопровождая его ударами въ свой бубенъ, сначала рѣдкими, потомъ скорѣйшими и сильнѣйшими, по мѣрѣ того, какъ самъ онъ одушевлялся; — это производило страшное дѣйствіе на зрителей: казалось, онъ былъ такъ проникнутъ духомъ, котораго призывалъ, что нужно было силою извлечь его изъ этого состоянія. Онъ поворачивалъ голову въ разныя стороны, наклоняя ее къ землѣ, какъ-бы для совѣщанія съ духами, и движенія его, истинно удивительныя, показывали безпокойство и ужасъ въ высшей степени. Наконецъ онъ всталъ, бросилъ свой бубенъ и началъ испускать пронзительные стоны, ударяя въ низъ брюха обручемъ бубна; кричалъ присутствующимъ, что всѣ подземные духи вошли въ него, что они сожигаютъ, пожираютъ его, и съ ревомъ требовалъ огня, чтобъ ихъ удовольствовать, умилостивить. Присутствующіе торопливо принесли ему пукъ зажженныхъ спичекъ, которыя онъ положилъ въ ротъ.

Онъ продолжалъ кривлянья и крики, силясь упасть наземь, тогда какъ присутствующіе старались удержать его отъ этого за желѣзныя кольца, привѣшенныя къ его платью: по мнѣнію ихъ, допустить его упасть было бы дурнымъ предзнаменованіемъ, и они употребляли всѣ средства, чтобъ поставить его на ноги. Немного успокоившись, шаманъ началъ ходить кругомъ по комнатѣ отъ лѣвой стороны къ правой, пророчествовалъ, и, по обыкновенію, пришелъ въ себя. Для доказанія своего могущества, онъ дѣлаетъ тогда фиглярства, которыхъ успѣху способствуетъ самая темнота юрты: тотъ, котораго я видѣлъ, казалось, мучимъ былъ сильною тошнотою, и изрыгнулъ изо рта медвѣжью лапу. Наконецъ ему подаютъ трубку, и ежели она курится скоро и хорошо, это предзнаменованіе почитается счастливымъ, и церемонія оканчивается еще нѣсколькими импровизаціями.

Въ счисленіи времени Буряты слѣдуютъ календарю Китайско-Монгольскому, основанному на двѣнадцати-лѣтнихъ циклахъ, или періодахъ, и тринадцати лунныхъ мѣсяцахъ. Каждый годъ этого цикла носитъ, какъ извѣстно, названіе одного изъ животныхъ. Но у нихъ вовсе нѣтъ недѣль. Тринадцати своимъ мѣсяцамъ они даютъ названія, довольно хорошо соотвѣтствующія свойству времени года: такъ напримѣръ, первый мѣсяцъ года, начинающагося послѣ осенняго равноденствія, называется *бѣлымъ мѣсяцемъ*, по причинѣ выпадающаго тогда перваго снѣга; Іюнь *мѣсяцемъ травъ*, потому что только въ это время трава достигаетъ той величины, что можетъ служить для пищи скоту; наконецъ Августъ *молочною луною*: это эпоха, въ которую они доятъ коровъ и кобылицъ для приготовленія кумыса.

Буряты вообще не большіе ариѳметисты: они ведутъ счетъ только до десяти, а далѣе прибавляютъ де-

сятки и единицы. Такъ, число 135 выражается у нихъ — десять десятковъ, и три десятка, и пять.

Хотя, по своей многочисленности и степени образованности, они могли бы быть помѣщены въ число главныхъ народовъ Сибири; но еще очень немногіе изъ нихъ ведутъ осѣдлую жизнь, и нельзя надѣяться, чтобъ они скоро оставили свои кочевья. Причины, заставляющія ихъ вести бродячую жизнь, не легко могутъ быть уничтожены.

Въ самомъ дѣлѣ, Буряты, какъ всѣ кочевые народы, чувствуютъ нужду удовлетворенія только первыхъ потребностей жизни; а для этого они будутъ пользоваться предстоящими средствами до того времени, пока необходимость не принудитъ ихъ прибѣгнуть къ другимъ.

Пока земля будетъ общею собственностію, пока обширные лѣса будутъ доставлять изобильную охоту, пока стада будутъ находить достаточную пищу, до тѣхъ поръ они, вмѣсто домовъ, будутъ имѣть войлочныя юрты, чтобъ переносить ихъ туда, гдѣ имъ привольнѣе, гдѣ мѣсто удобнѣе для прокормленія стадъ или для охоты. Но когда имущество ихъ умножится, когда стада сдѣлаются слишкомъ многочисленны для равнинъ, которыя ихъ питаютъ; тогда бѣднѣйшіе станутъ искать новыхъ средствъ къ существованію, земледѣліе перемѣнитъ ихъ юрты на домы, и, Буряты, сдѣлавшись осѣдлыми, не будутъ различаться отъ Русскихъ крестьянъ ни чертами лица, ни вѣрою. До того времени ничто не заставитъ ихъ принять Христіанство.

Правительство водворило уже земледѣліе у нѣкоторыхъ племенъ Бурятскихъ, особенно по ту сторону

Байкала. Тамъ Буряты строятъ уже деревянныя юрты, въ которыхъ живутъ зимою и лѣтомъ, и которыя не могутъ быть переносимы какъ войлочныя. Онѣ безъ оконъ, только съ отверзтіемъ на крышѣ, служащимъ вмѣстѣ и трубою.

Избирая мѣста для своего обитанія, Бурятскія племена обращаютъ вниманіе единственно на удобства ихъ для охоты или для пастбищъ. Рыбною ловлею они занимаются только по необходимости, то есть, когда уже нѣтъ другихъ средствъ къ существованію.

Буряты совершенные пастухи, и обладаютъ многочисленными стадами лошадей, верблюдовъ и рогатаго скота всякаго рода. У живущихъ по сю сторону Байкала считается достаточнымъ тотъ, кто имѣетъ въ своемъ владѣніи сто скотинъ, а кто можетъ представить ихъ пятьсотъ, тотъ уже очень богатъ; но у за-Байкальскихъ есть хозяева, имѣющіе не сотни, а тысячи скотинъ; у нѣкоторыхъ бываетъ до тысячи верблюдовъ, до четырехъ тысячъ лошадей, отъ двухъ до трехъ тысячъ быковъ, отъ восьми до девяти тысячъ овецъ и нѣсколько сотъ козъ. Однако жъ богачи не знаютъ настоящаго количества своихъ стадъ, сколько потому, что стада почти каждый день умножаются лѣтомъ и уменьшаются зимою, столько и потому, что предразсудокъ, будто-бы счетъ скоту приноситъ ему несчастіе, запрещаетъ Бурятамъ приводить его въ извѣстность.

Brebis comptées, le loup les mange, говоритъ Французская пословица. Для нѣкоторыхъ этнографовъ и историковъ это удивительное сходство въ мнѣніяхъ могло бъ служить явнымъ доказательствомъ, что Французы вышли изъ Бурятскихъ степей, по крайней мѣ-

рѣ около того времени, какъ Нѣмцы вышли изъ Индіи.

Буряты, какъ и другіе Сибирскіе народы, не запасаютъ на зиму сѣна: стада принуждены отыскивать пищу подъ снѣгомъ, что часто дѣлается для нихъ пагубнымъ въ концѣ зимы, когда, послѣ нѣсколькихъ дней оттепели, наступятъ довольно сильные морозы и снѣгъ покроется льдомъ.

Главныя черты характера Бурятъ – кротость и послушаніе: изъ всѣхъ народовъ Сибири ими наилегче управлять.

Отъ природы лѣнивые и потому неопрятные, они очень склонны къ удовольствіямъ любви. Ихъ умственныя способности слабы. Хотя склонные къ воровству, они однако жъ легко покоряются убѣжденію, и признаются въ своихъ поступкахъ, сколько по ограниченности ума и робости, столько можетъ-быть и по причинѣ правоты сердца, замѣчательной и въ другихъ обстоятельствахъ: напримѣръ, ежели вамъ удастся заставить Бурята понять или думать, что такое-то дѣйствіе есть обязанность, онъ, не избѣгая этой обязанности, истинной или только вымышленной, будетъ исполнять ее ревностно. Эта черта характера Бурятъ замѣчается и въ городахъ, гдѣ многіе изъ нихъ служатъ кучерами или работниками: всѣ тѣ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, не только точны въ выполненіи своихъ должностей, но и гораздо вѣрнѣе другихъ служителей.

Буряты очень снисходительны и, если не сдѣлаешь имъ зла, они никогда не начнутъ ссоры первые. Въ ссорахъ, возникающихъ между ними, они легко со-

знаются въ винѣ, и, вообще, лучше любятъ уступить, нежели спорить.

Послѣ этого, почти не нужно присовокуплять, что они весьма почтительны къ начальникамъ, и услужливы гостямъ и друзьямъ. Любопытство – ихъ характеристическая слабость: они жадны до новостей, и всякой разъ, какъ встрѣчаютъ путешественника, дѣлаютъ ему много вопросовъ; если услышатъ отъ него что-нибудь занимательное, то новость съ невѣроятною скоростію достигаетъ до самыхъ отдаленныхъ улусовъ.

Они имѣютъ въ своемъ характерѣ еще одну замѣчательную черту, общую почти всѣмъ Азіятскимъ народамъ, – это трудность перенять что-нибудь новое, и медленность въ подражаніи чужимъ обычаямъ; но ежели они примутъ что однажды, ежели предпочтутъ какое обыкновеніе своему, или примутъ новую вѣтвь промышлености, то ни какое другое племя не придерживается этого нововведенія такъ постоянно и такъ точно, какъ Буряты. Они питаютъ чрезвычайное почтеніе къ Русскому Государю, и всѣ Его велѣнія исполняютъ вѣрно.

Буряты могутъ имѣть столько женъ, сколько въ состояніи прокормить. До смерти мужа, между женами нѣтъ ни какого различія; но по его кончинѣ тѣ, которыя родили отъ него дѣтей, управляютъ его семействомъ и другими вдовами. Однако жъ многоженство у Бурятъ очень рѣдко, можетъ-быть по легкости разводовъ, или потому, что они очень чувствительны въ любви, которая не терпитъ подраздѣленій. Вотъ обряды ихъ сговоровъ и свадебъ.

Когда Бурятъ найдетъ приличную для себя дѣвушку, онъ обращается съ требованіемъ къ отцу ея, ко-

торый назначаетъ *калымъ*, то есть, цѣну, которую молодой человѣкъ долженъ заплатить за свою невѣсту. Какъ скоро калымъ заплаченъ, отецъ приготовляетъ своей дочери приданое, равняющееся по крайней мѣрѣ половинѣ калыма; потомъ съ той и другой стороны дѣлаются подарки, почти одинаковой цѣны.

Въ день, назначенный для свадьбы, невѣсту приводятъ подъ покрываломъ въ юрту отца жениха ея; она кланяется ему и другимъ будущимъ родственникамъ, по старшинству ихъ; потомъ проводятъ ее въ новую нарочно приготовленную юрту, куда мужъ приходитъ, раскланявшись уже съ свадебными гостями. При свадьбѣ не бываетъ ни какихъ религіозныхъ обрядовъ; однако жъ надобно замѣтить, что молодые не спятъ вмѣстѣ до рѣшительнаго дня ихъ соединенія, и что это почитается у Бурятъ постыднымъ, тогда какъ у другихъ Сибирскихъ племенъ въ обыкновеніи. Богатые празднуютъ свои свадьбы нѣсколько дней.

Одна изъ причинъ частыхъ разводовъ у Бурятъ — неравенство лѣтъ между супругами. Въ самомъ дѣлѣ, богатые Буряты и тѣ, кои хотятъ ознаменовать свою дружбу, часто женятъ дѣтей въ юномъ возрастѣ; случается даже, что одинъ изъ супруговъ еще не рожденъ, какъ уже его обручили; мальчиковъ восьми и десяти лѣтъ соединяютъ бракомъ съ дѣвицами отъ двадцати до тридцати лѣтъ, и жена дѣлается старухою, когда мужъ едва выходитъ изъ юношескаго возраста: тутъ онъ по необходимости женится на другой, разведясь съ первою. Но если Буряты имѣютъ отъ первой жены дѣтей, то очень рѣдко ищутъ другой; иногда берутъ другую жену, не отпуская первой, безплодной и старой, только для того, чтобы запастись дѣтьми, и въ такомъ случаѣ уже не умно-

жаютъ числа своихъ сожительницъ. Обыкновеніе женить малютокъ происходитъ отъ страннаго самолюбія отцевъ, которые тѣмъ хотятъ доказать, что въ состояніи женить всѣхъ дѣтей своихъ и дать имъ приличное приданое. Они стараются дѣлать это какъ-можно скорѣе, чтобъ не умереть, не исполнивши предначертанной себѣ обязанности.

Если жена подала причину къ разводу, мужъ оставляетъ приданое у себя, и отсылаетъ ее къ родственникамъ съ лошадью и сѣдломъ, которыя ей служили въ дни свадьбы; если же, напротивъ, она не подала ни какой вины, то, отпуская жену, онъ долженъ отослать и приданое.

Свадебные праздники сопровождаются играми и танцами. Любимая игра мужчинъ – бѣгъ на лошадяхъ, – упражненіе, къ которому они побуждаются употребленіемъ кумыса и особенно водки, называемой *тарасунъ*, и перегоняемой изъ квашенаго кобыльяго молока.

Рожденіе дѣтей не представляетъ ничего особеннаго и не даетъ повода ни къ какому обряду.

Они вообще, и особенно тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ шаманскую вѣру, весьма боятся мертвыхъ, и никогда не смѣютъ провести при нихъ ночь, воображая что мертвый окруженъ злыми духами. Они стараются похоронить его какъ-можно скорѣе, положивъ въ гробъ его лучшее платье, домашнюю посуду и оружіе, необходимое, по ихъ мнѣнію, въ другомъ мірѣ. Друзья умершаго приносятъ на могилѣ его въ жертву лучшую лошадь покойнаго, и хоронятъ ее вмѣстѣ съ нимъ. Приверженные къ шаманству кладутъ покойниковъ просто на землю, и

покрываютъ камнями и пескомъ; послѣдователи вѣры Будды роютъ для нихъ ямы.

Буряты подвержены весьма немногимъ болѣзнямъ, однако желчныя горячки не разъ дѣлали между ними страшныя опустошенія; ихъ чрезмѣрная неопрятность, – они никогда не моются, сообщаетъ имъ иногда проказу; любострастныя болѣзни вѣроятно извѣстны имъ только со времени сношенія ихъ съ Европейцами. Жрецы въ то же время и врачи Бурятъ, съ тою только разницею, что шаманы при леченіи не употребляютъ ничего, кромѣ кривлянья и суевѣрныхъ обрядовъ, тогда какъ ламы, священники Шеккямуніанской секты имѣютъ существенныя познанія въ Медицинѣ, и ежели иногда присовокупляютъ къ нимъ богослужебные обряды, то для того только, чтобы придать болѣе цѣны своему могуществу, и вѣрнѣе дѣйствовать на нравъ больнаго, когда лекарства уменьшаютъ его тѣлесныя силы.

Многочисленныя стада, охота и самая рыбная ловля, доставляютъ имъ разнообразную и изобильную пищу; рыбу употребляютъ они только по необходимости, и предпочитаютъ ей мясо четвероногихъ и разныхъ птицъ, кромѣ хищныхъ; любятъ также медвѣдину и особенно мозгъ животныхъ, который ѣдятъ сырой и еще теплый; запасаютъ говядину сухую и копченую; но не умѣютъ ничѣмъ приправлять ее, жарятъ безъ масла и соли, или варятъ въ одной чистой водѣ и пьютъ бульонъ деревянными чашками. Пряные коренья приготовляютъ они различнымъ образомъ, въ бульонѣ, или въ хлѣбныхъ лепешкахъ, но всегда безъ соли, которой употребленіе знаютъ развѣ одни живущіе около городовъ; нѣкоторые, вмѣсто кореньевъ, лакомятся растеніями, отнятыми въ норахъ у звѣрьковъ, которыхъ множество въ Сибири.

Кромѣ кумыса и перегоняемой изъ него водки *тарасунъ*, у Бурятъ въ большомъ употребленіи кирпичный чай, самый худой родъ чаю, приготовляемый посредствомъ пресса въ видѣ кирпичей, которые нерѣдко замѣняютъ монету. При недостаткѣ настоящаго чаю, другія ароматическія травы и листья нѣкоторыхъ кустарниковъ заступаютъ его мѣсто. Чай варятъ они въ горшкѣ или котлѣ непокрытомъ, и прибавляютъ къ нему одну или двѣ горсти сѣрно-кислой воды, которая почти вездѣ есть въ Сибири, молока, масла, иногда муки, жареной въ маслѣ, отъ чего напитокъ дѣлается гуще и питательнѣе, и называется тогда *затуранъ*: это во многихъ случаяхъ единственная ихъ пища, даже въ лѣтнее время. Хлѣба они не любятъ и не употребляютъ; за то, очень пристрастны къ табаку и курятъ его изъ маленькихъ трубокъ какъ Китайцы, примѣшивая къ листьямъ растенія древесную кору: женщины и даже дѣти забавляются трубкою; многіе уже начинаютъ нюхать.

Мужчины, имѣютъ обыкновеніе брить головы какъ Китайцы и Калмыки, оставляя на темени одинъ пукъ волосъ, заплетенныхъ въ косу. Тѣ, которыхъ борода густа, часть ея вырываютъ изъ щегольства. Женщины плетутъ изъ волосъ своихъ двѣ косы, распущенныя по груди; чтобъ сдѣлать ихъ толще, часто прибавляютъ конскихъ волосъ такого же цвѣта. Дѣвушки, вмѣсто двухъ большихъ косъ, заплетаютъ множество мелкихъ, висящихъ вокругъ головы.

Рубашки имъ не извѣстны. Подобно Тунгузцамъ, лѣтомъ носятъ они очень маленькое нижнее платье, а зимою широкіе панталоны, какъ у нашихъ матросовъ, и обертываютъ ноги войлокомъ или мѣхомъ, на который надѣваютъ еще длинную обувь, перевязываемую отъ лодыжки до колѣна, и похожую на длин-

ный мѣховой чулокъ; лѣтняя ихъ обувь того же вида, но безъ войлока и мѣха. Мѣсто рубашки заступаетъ иногда нанковое полукафтанье, скрывающееся подъ длиннымъ мѣховымъ кафтаномъ, покрытымъ у богатыхъ шелковыми матеріями или сукномъ съ опушкою изъ дорогихъ мѣховъ: но это уже роскошь, которой бѣдные не знаютъ. Для поклажи трубки, огнива, мѣшечка съ табакомъ, ножа, служитъ имъ поясъ, большею частію украшенный различными металлическими штучками. Лѣтомъ Буряты не покрываютъ головъ, или покрываютъ ихъ маленькими шапками изъ краснаго сукна, наподобіе скуфей: онѣ вышиты шнурками, съ шишечкою наверху. Зимнія ихъ шапки — мѣховыя, такія же, какъ у Тунгузовъ. Обыкновенный нарядъ женщинъ ничѣмъ не разнится отъ мужескаго; праздничный отличается не многимъ. Кромѣ серегъ и ожерелья, Бурятки носятъ шелковый поясъ, надѣваемый иногда какъ шарфъ; поверхъ кафтана, который всегда гораздо длиннѣе мужескаго, онѣ еще надѣваютъ очень короткую спанчу, похожую на полукафтанья Русскихъ женщинъ. Дѣвицы украшаютъ свои косы кораллами и серебряными монетами, и вообще Буряты обоихъ половъ любятъ обвѣшивать себя кораллами, бляшками и цвѣтнымъ бисеромъ.

Должно однако жъ замѣтить, что тѣ, которые приняли Христіанскую вѣру, одѣваются и носятъ волосы какъ наши крестьяне.

Оружіе ихъ состоитъ изъ лука и стрѣлъ, которыя они дѣлаютъ сами. Съ нѣкотораго однако жъ времени они выучились употреблять и огнестрѣльное оружіе, особенно на охотѣ.

Буряты дѣлаютъ почти всѣ свои вещи сами, исключая шелковыхъ матерій, получаемыхъ изъ Китая, ру-

жей и пороху, которые получаютъ они отъ Русскихъ. Главная ихъ промышленость состоитъ въ дѣланіи ножей, стрѣлъ и огнивъ, которыя у нихъ превосходны. Они искусно кладутъ серебряную насѣчку разныхъ узоровъ на всѣ желѣзныя и мѣдныя вещи, ими же выдѣлываемыя, и которымъ даютъ прекрасный блескъ посредствомъ жернова, служащаго для точенія ножей и стрѣлъ.

Торговля ихъ ограничивается почти однимъ рогатымъ скотомъ и лошадьми: только съ недавняго времени стали они продавать въ городахъ добычу своихъ охотъ и хлѣбъ, собираемый съ собственныхъ полей.

Клятвы ихъ достойны примѣчанія. Исповѣдующіе шаманскую вѣру, весьма почитаютъ одну скалу, находящуюся на островѣ Ольхонѣ, въ Байкалѣ, и Бурятъ, приведенный къ этой скалѣ, не осмѣлится утверждать лжи изъ боязни быть подавленнымъ ею: ему довольно присягнуть предъ этимъ утесомъ, чтобъ доказать справедливость своего иска. Это самая страшная клятва, какую только можетъ дать Бурятъ.

Ихъ гостепріимство и человѣколюбіе сдѣлали бы честь всякому образованному народу. Буряты, далекіе отъ того, чтобъ почитать бѣдныхъ какъ-бы оставленными Богомъ, всегда подаютъ помощь путешественнику, и доставляютъ разорившемуся средства къ поправленію его состоянія, стадъ, юрты, оружія. Гостепріимство ихъ носитъ еще отпечатокъ первыхъ временъ. Когда путешественникъ, землякъ или иностранецъ, остановится въ ихъ улусѣ, всякой считаетъ за великую честь принять его и заколоть барана для угощенія: богатые убиваютъ даже многихъ барановъ, и приглашаютъ сосѣдей участвовать въ ихъ пирше-

ствѣ. Обыкновеніе требуетъ, поставивъ предъ гостемъ барана, жаренаго или вареннаго, представить ему на блюдѣ вареную баранью голову: блюдо помѣщается такъ, чтобъ морда была обращена къ гостю, и если онъ знаетъ обхожденіе и хочетъ сдѣлать удовольствіе хозяину, долженъ взять блюдо, оборотить голову по солнцу, вырѣзать со лба треугольный кусокъ кожи, и бросить его въ огонь. Это родъ жертвы. Потомъ онъ кушаетъ часть, отрѣзанную позади уха и со щекъ, возвращаетъ блюдо тому, кто его поставилъ, и отдаетъ честь говядинѣ, раздѣляя ее всѣмъ, кто находится въ юртѣ. Принимая гостя, Бурятъ всегда дѣлаетъ ему подарокъ по своему состоянію, хотя бы онъ прежде вовсе не зналъ его, и, при отъѣздѣ, отъ чистаго сердца желаетъ ему благополучнаго пути, всякаго возможнаго счастія, и прочая. Онъ провожаетъ его самъ, или посылаетъ проводить до ближняго улуса, гдѣ передаетъ его своимъ родственникамъ и друзьямъ.

У Бурятъ существуетъ рѣдкое въ свѣтѣ правило: они никогда не цѣлуютъ ни своихъ женъ, ни дѣтей, ни родственниковъ, ни друзей: знакъ любви состоитъ въ оказываніи другъ другу ласкъ и угожденій, и въ обнюхиваніи. Измѣнническій поцѣлуй есть изобрѣтеніе, котораго они еще не знаютъ. Счастливые Буряты!

Ю. ДЖУЛІЯНИ.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ УДОБРЕНІИ ЗЕМЛИ НАВОЗОМЪ.

Въ слѣдствіе старишнаго предразсудка, будто-бы растительныя вещества, входящія въ составъ навоза, могутъ сдѣлаться растворимыми въ водѣ, и слѣдовательно полезными для удобренія земли не иначе, какъ подвергнувшись предварительно извѣстной степени броженія или гніенія, — многіе сельскіе хозяева кладутъ навозъ на свои поля не прежде, пока онъ достаточно перегніетъ, или, какъ говорится, перепрѣетъ. Не взирая, что это мнѣніе имѣетъ многихъ защитниковъ, не только между сельскими хозяевами, привыкшими дѣйствовать по указанію ихъ прадѣдовъ, но даже и между нѣкоторыми новѣйшими писателями — должно однако жъ согласиться, что оно противурѣчитъ не только теоріи, но и практическимъ наблюденіямъ; ибо, если бъ такое предварительное гніеніе навоза было въ самомъ дѣлѣ необходимо по вышесказанной причинѣ, то, по совершенномъ перегнитіи онаго, вся масса сего перегноя должна бы обратиться въ совершенно растворимое вещество; однако жъ мы этого не замѣчаемъ, да и едва-ли кто можетъ доказать, чтобы растворимость навоза увеличивались по мѣрѣ перепрѣванія онаго. Столь ошибочное мнѣніе только вовлекаетъ сельскихъ хозяевъ въ заблужденіе; слѣдуя оному безусловно, они безъ всякаго вознагражденія теряютъ большое количество землеудобряющихъ началъ, содержащихся въ навозѣ и, просто сказать, гоняются за чѣмъ то несбыточнымъ и физически невозможнымъ. Навозъ, перепрѣвая въ кучахъ,

никогда не обратится въ совершенно растворимое вещество, да если бъ это было и возможно, то даже и въ такомъ случаѣ земледѣлецъ не получилъ бы отъ сего желаемой выгоды; ибо, покуда навозъ прѣетъ и нѣкоторыя находящіяся въ немъ растительныя вещества гніютъ, обращаясь, положимъ, и въ растворимое вещество, то въ тоже самое время другія, гораздо драгоцѣннѣйшія начала, въ томъ же навозѣ содержащіяся, разлагаются и, улетая въ видѣ испареній, безвозвратно теряются; между-тѣмъ какъ, оставаясь въ землѣ подъ посѣвомъ, они приносили бы сему послѣднему существенную пользу. Съ другой стороны, поелику всякое землеудобряющее вещество дѣйствуетъ тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ оно долѣе остается въ землѣ; и притомъ опытами доказано, что корни растеній, отъ природы уже одарены свойствомъ растворять и обращать въ соки питательныя вещества именно въ то самое время, когда растеніе имѣетъ въ нихъ нужду: то не очевидно ли, что гораздо выгоднѣе полагать въ землю неперепрѣлый навозъ, чѣмъ предварительно доводить его до весьма несовершенной степени растворимости?

Изслѣдовавъ хорошенько явленія, сопровождающія свободное разложеніе органическихъ веществъ, легко постигнуть всю важность потери землеудобряющихъ началъ, происходящей въ кучѣ прѣющаго навоза. Съ той самой минуты, какъ органическое тѣло лишилось своей жизненности, часть составныхъ началъ его начинаетъ отдѣляться, или въ свободномъ состояніи, или въ видѣ новыхъ соединеній, не существовавшихъ въ живомъ тѣлѣ. Начала сіи, подверженныя совокупному дѣйствію теплоты и влажности, измѣняются и, разлагаясь, вступаютъ въ новыя соединенія и тѣмъ скорѣе, тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ болѣе содержится азота въ орудныхъ тѣлахъ. При вліяніи сихъ обстоятельствъ основныя начала органическихъ тѣлъ, какъ то: углеродъ, кислородъ, водородъ, азотъ и проч. отдѣляются изъ гніющей массы и, соединяясь между собою, образуютъ амміакъ (ѣдкій нашатырный спиртъ), угольную кислоту, углеводородный, фосфороводородный и сѣроводородный газы, которые не только безъ пользы разсѣваются въ атмосферѣ, но даже еще заражаютъ воздухъ.

Итальянскій агрономъ, Г. Тадден, извѣстный своими познаніями и многими сочиненіями по части земледѣлія и сельскаго хозяйства вообще, помѣщенными въ разныхъ Французскихъ Журналахъ и отличающимися основательностію и ясностію изложенія, желая въ точности опредѣлить потерю землеудобряющихъ началъ, происходящую при гніеніи животныхъ навозовъ, сдѣлалъ слѣдующій опытъ:

Высушивъ при температурѣ въ 48° Р. т. извѣстное количество голубинаго, человѣчьяго, овечьяго и коровьяго помётовъ, каждый порознь, онъ растеръ ихъ въ мелкій порошокъ. Опредѣливъ потомъ въ каждомъ изъ сихъ навозовъ относительное количество твердой массы, оставшейся послѣ просушки оныхъ и сравнивъ его съ первоначальнымъ количествомъ тѣхъ же веществъ, онъ взялъ поровну всѣхъ четырехъ помётовъ, и смочивъ ихъ равнымъ же количествомъ чистой воды, положилъ въ четыре отдѣльные сосуда. Сосуды сіи были нарочно неплотно закрыты для того, чтобы наружный воздухъ имѣлъ въ нихъ свободный доступъ, и слѣдовательно, чтобы потомъ можно было опредѣлить потерю въ вѣсѣ каждаго изъ сихъ навозовъ, которая произойдетъ въ нихъ отъ гніенія въ продолженіе трехъ-лѣтнихъ мѣсяцевъ, Мая, Іюня и Іюля. Въ продолженіе всего этого времени онъ постоянно наблюдалъ измѣненія, происходившія въ каждомъ изъ сихъ навозовъ въ разныя эпохи гніенія; время отъ времени подливалъ въ сосуды чистой воды, коль скоро замѣчалъ въ нихъ недостатокъ влаги, нужной для поддержанія гніенія, и наконецъ, 1-е Августа изслѣдовалъ оставшіяся въ сосудахъ массы, высушивъ оныя предварительно, и нашелъ, что твердый остатокъ каждаго навоза былъ значительно меньше взятаго первоначально количества оныхъ, а именно, изъ 100 частей каждаго помета осталось:

Голубинаго	16	съ дробью.
Человѣчьяго	50	— — —
Овечьяго	68	— — —
Коровьяго	80	— — —

Почти тотъ же результатъ полученъ былъ еще и другимъ агрономомъ, Г. Гаццери, производившимъ опыты надъ тѣми же навозами; и если въ конечныхъ выводахъ сихъ

опытовъ и есть нѣкоторая разность, то она очень незначительна, и, вѣроятно, зависитъ отъ неодинаковаго количества употребленныхъ наземовъ, отъ неравнаго времени гніенія оныхъ и другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Г. Гаццери продолжалъ еще далѣе свои изслѣдованія: онъ сравнилъ, по возможности точнымъ образомъ, количество соляныхъ и землистыхъ частицъ, содержавшихся въ разныхъ наземахъ, какъ прежде, такъ и послѣ перегноенія оныхъ. Изъ этого сравненія онъ совершенно убѣдился, что перепрѣлый навозъ содержитъ въ себѣ иногда вдвое или по-крайней-мѣрѣ одною третью болѣе соляныхъ и землистыхъ частицъ, нежели неперегнившій наземъ; а какъ при производствѣ опытовъ онъ употреблялъ перегнанную воду, въ которой слѣдовательно не могло находиться соляныхъ и землистыхъ веществъ, то этого достаточно, кажется, для убѣжденія, что при гніеніи животнаго навема всегда бываетъ значительная потеря. Изъ опытовъ Г. Гаццери усматривается, что потеря сія обыкновенно простирается въ пометахъ:

Куриномъ, человѣчьемъ и овечьемъ до.....$^1/_2$
Лошадиномъ болѣе.....$^1/_3$
Коровьемъ.....$^1/_4$

Если же изъ вѣса массы, оставшейся послѣ гніенія, вычтемъ вѣсъ землистыхъ и соляныхъ веществъ, которыхъ, собственно говоря, не слѣдуетъ причислять къ веществамъ, способствующимъ къ питанію растеній, то вышеозначенная потеря будетъ еще значительнѣе.

Означенная потеря въ вѣсѣ наземовъ, преимущественно зависящая отъ гніенія оныхъ, дѣлается еще замѣтнѣе, если испытуемый наземъ очень сложенъ, и въ особенности если въ немъ содержится моча. Эта жидкость, которая, какъ извѣстно, сама по себѣ очень скоро загниваетъ, не только возбуждаетъ гнилое броженіе въ веществахъ трудно гніющихъ, но еще до такой степени ускоряетъ гніеніе, что въ короткое время вся масса смоченнаго сю навема превращается въ сухой черноземъ. Столь быстрое измѣненіе легче всего примѣчается въ конскомъ навозѣ, особливо когда земледѣльцы, для ускоренія прѣлости, поливаютъ его мочею или другою скоро согнивающею жидкостію.

Слѣдующій опытъ еще болѣе подтверждаетъ справедливость вышесказаннаго:

Г. Таддеи, обливъ пятью фунтами человѣческой мочи пять же фунтовъ овечьяго навоза, содержащаго 30 частей, по вѣсу на 100, соломы и 70 частей настоящаго кала, выставилъ часть этой смѣси на воздухъ въ муравленой плошкѣ. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, высушивъ оставшуюся массу, онъ нашелъ, что количество взятаго имъ назема, вѣсившее въ свѣжемъ состояніи 38 $^{23}/_{24}$ унцій, вѣсило по прекращеніи гніенія только 20 $^{15}/_{24}$ унціи, и что изъ 11 унцій соломы осталась только одна унція. Желая продолжать опытъ далѣе, онъ смочилъ полученный остатокъ опять тою же мочею, и по прошествіи еще трехъ мѣсяцевъ нашли въ плошкѣ только 15 унцій сухаго назема. Наконецъ по прошествіи цѣлаго года весь навемъ обратился въ рыхлую землистую массу, вѣсившую только 11 унцій, вѣсъ которой вѣроятно уменьшился бы еще болѣе, если бы ее подвергнуть дальнѣйшему броженію.

Подобному же испытанію были подвергаемы двѣ другія смѣси, состоявшія: одна изъ человѣчьяго кала, соломенной сѣчки и мочи, а другая изъ коровьяго помета, сѣчки и мочи. По окончаніи гніенія оказалось, что потеря въ вѣсѣ человѣчьяго кала была больше, нежели въ навозѣ рогатаго скота. Такимъ образомъ новый опытъ подтвердилъ извѣстное уже положеніе, что коровій навозъ есть самый холодный, а конскій занимаетъ средину между овечьимъ и коровьимъ. По невозможности показать причину сего различія, замѣтимъ только, что она не зависитъ отъ рода пищи животнаго; ибо конскій и коровій навозы всегда болѣе или менѣе сохраняютъ существенныя свои отличія, чѣмъ бы коровы и лошади ни питались, овсомъ ли, соломенною ли сѣчкою, сѣномъ, или травою. Впрочемъ земледѣльцу важно знать въ подробности только относительную степень гніючести каждаго назема, дабы, основываясь на семъ познаніи, онъ могъ избирать такой навозъ, который наиболѣе приличенъ почвѣ и растеніямъ, которыя онъ воздѣлываетъ.

Вообще гніеніе принимается химиками за особый родъ обугленія безжизненныхъ, органическихъ веществъ; да и дѣйствительно, во всякой остающейся послѣ гніенія массѣ

уголь всегда находится въ избыткѣ предъ всѣми прочими началами растительныхъ и животныхъ веществъ. Большое же количество угля, содержащееся въ черноземѣ, который, какъ извѣстно, происходитъ отъ медленнаго гніенія растительныхъ веществъ, очевидно показываетъ, что въ нихъ содержались еще другія начала, которыя находились въ соединеніи съ углемъ, но при гніеніи отдѣлились отъ него и улетѣли. Перегнившій же или, такъ называемый, перепрѣвшій навозъ, очень близко подходитъ къ чернозему, слѣдовательно ясно, что при гніеніи навоза въ кучахъ теряются изъ него такія вещества, которыя въ противномъ случаѣ остались бы въ почвѣ и необходимо служили къ удобренію оной. Желающіе точнѣе удостовѣриться въ потерѣ землеудобряющихъ началъ перепрѣвшаго навоза, или, лучше сказать, убѣдиться почти въ совершенномъ уничтоженіи ихъ во время гніенія, пусть возьмутъ два опредѣленныя количества одного и того же навоза: одно въ свѣжемъ, а другое въ перепрѣвшемъ состояніи, и потомъ сожгутъ въ глиняныхъ плошкахъ. Тогда въ золѣ перепрѣвшаго навоза найдется нерастворимыхъ солей втрое болѣе, нежели въ золѣ, полученной черезъ пережиганіе свѣжаго навоза. Слѣдовательно безъ ошибки можно положить, что въ перегнившемъ навозѣ содержится плодотворныхъ началъ по-крайней-мѣрѣ вдвое меньше, чѣмъ въ свѣжемъ.

Но кромѣ того, что перепрѣвшій навозъ содержитъ въ себѣ менѣе землеудобряющихъ веществъ, нежели свѣжій, есть еще другія, не меньше важныя, обстоятельства, дающія ему послѣднему явное преимущество передъ первымъ. Причины сіи суть: 1-е) что перепрѣвшимъ навозомъ почва удобряется не такъ прочно, какъ свѣжимъ; 2-е) что перепрѣвшій навозъ не разрыхляетъ почвы около корней растенія, и потому необходимый для нихъ атмосферный воздухъ не можетъ такъ удобно проникать въ почву; 3-е) что онъ не усиливаетъ въ землѣ теплоты, столь необходимой для прозябенія растеній.

Извѣстный Англійскій Химикъ Гумфри Деви, собравъ и разложивъ газы, отдѣлявшіеся изъ свѣжаго конскаго навоза, который онъ подвергалъ медленному гніенію въ большей реторгѣ, нашелъ, что они состоятъ преимущественно изъ

угольной кислоты, углеводороднаго газа и азота. Пары, выходившіе изъ гніющей массы, сгустившись, дали значительное количество жидкости непріятнаго запаха, содержавшей амміакъ въ соединеніи съ уксусною и угольною кислотами. Потомъ загнувъ шейку другой реторты, наполненной навозомъ же, такъ, что отдѣлявшіеся при гніеніи онаго газы, могли свободно распространяться около корней дерна, Деви по прошествіи недѣли замѣтилъ, что дернъ началъ значительно лучше разрастаться. Этотъ опытъ Англійскаго Химика ясно показываетъ, какъ много теряетъ земледѣлецъ, удобряющій свои поля перепрѣвшимъ навозомъ. Множество паровъ и газовъ, отдѣляющихся при гніеніи навоза, вовсе теряются, между-тѣмъ какъ тѣже газы, оставаясь въ навозѣ, могли бы въ послѣдствіе времени доставить воздѣлываемымъ растеніямъ большой запасъ питательныхъ веществъ.

Показавъ ущербъ, которому подвергаются земледѣльцы, удобряющіе свои поля перепрѣвшимъ навозомъ, остается еще опровергнуть возраженія, которыя могутъ сдѣлать сельскіе хозяева, нуждающіеся въ большомъ количествѣ навоза и потому принужденные увеличивать запасъ онаго частою перемѣною подстилки въ конюшняхъ и хлѣвахъ, или, говоря другими словами, примѣшивать къ настоящему навозу постороннія вещества, которыя сами по себѣ не составляютъ хорошаго навоза. Для обращенія этихъ-то веществъ въ плодотворный навозъ, можетъ-быть скажутъ иные, надобно навозъ предварительно перегноить: самая Библіотека для Чтенія назвала замысловатымъ и одобрила Саксонскій способъ унавоживать землю, и говорила о пользѣ предварительнаго перегноенія дерна между слоями навоза, даже о необходимости этого процесса въ переслоенныхъ кучахъ навоза съ дерномъ, такъ почему жъ нынче совѣтуютъ намъ остерегаться пуще огня, чтобы не только навозъ, да даже и солома въ немъ не перепрѣли.

Разсмотримъ это предполагаемое возраженіе. Очень справедливо, что частою перемѣною подстилки значительно увеличивается запасъ навоза, и даже его качество терпитъ отъ того не слишкомъ много; а съ другой стороны этимъ отвращаютъ многія болѣзни скота, происходящія отъ не-

чистоты помѣщеній; но если сообразить хорошенько потерю плодотворныхъ началъ, содержащихся въ навозѣ и улетающихъ при гніеніи онаго, и сравнить эту невыгоду съ ничтожнымъ увеличеніемъ количества навоза перегнившею соломою и другими веществами, употребляемыми на подстилку: то кто не согласится, что земледѣлецъ, съ намѣреніемъ возбуждающій гніеніе въ навозѣ, содержащемъ и много соломы, жертвуетъ существенными выгодами мнимому только улучшенію приготовляемаго имъ навема и воображаемому увеличенію запаса его, и черезъ то добровольно лишаетъ себя огромнаго количества плодотворныхъ началъ, безвозвратно теряемыхъ для слѣдующаго посѣва, тѣмъ болѣе, что и не перегнившая солома сама по себѣ составляетъ ужѐ посредственный навемъ, особливо, если она, будучи употреблена на подстилку, напиталась мочею и прочею навозною влагою, которая безъ нея ушла, бы можетъ-быть въ землю, служащею помостомъ въ стойлахъ, или безъ всякой пользы и даже ко вреду скота скоплялась бы подъ поломъ, что также нерѣдко случается.

Тутъ вовсе нѣтъ противурѣчія: при Саксонскомъ способѣ примѣшивается къ навозу вмѣсто соломы дернъ, который, вбирая въ себя влагу изъ навоза, сушитъ его и тѣмъ не только не содѣйствуетъ, но напротивъ того препятствуетъ его гніенію; а если самъ и прѣетъ, то прѣетъ по необходимости, и при всемъ томъ въ переслоенныхъ такимъ образомъ кучахъ сохраняются даже и летучія начала, соединяясь на время частію съ землею, которая находится въ дернѣ, частію же опять съ навозомъ, сквозь слои котораго имъ должно пробираться. Впрочемъ, здѣсь встрѣчается еще одно, совершенно постороннее обстоятельство, которое даже требуетъ, чтобы дернъ, то есть, коренья травъ попортились или вовсе сгнили, — въ противномъ случаѣ они могли бы снова взойти и заглушить цѣлое поле.

Такъ изъ всего явствуетъ, что земледѣлецъ, желающій хорошо и прочно удобрить свои поля, долженъ всѣми силами стараться отвращать несвоевременное гніеніе навоза; и потому возможность съ небольшими издержками и трудами сушить навозъ домашняго скота и обращать его въ такія же сухія массы, въ какихъ естественно находятся по-

меты куръ и голубей, составила бы въ земледѣліи немаловажную выгоду. Для просушки навоза можно бы, кажется, раскладывать его на солнце небольшими кучками, и потомъ уже сгребать въ одну большую кучу. Просушенный такимъ образомъ навозъ конечно будетъ сохраняться довольно долго; если же бы, паче чаянія, внутри такой кучи и замѣчено было со временемъ значительное повышеніе температуры, то ее почти всегда можно снова разбросать, и тѣмъ остановить броженіе въ самомъ началѣ. Моча, вода и другія жидкости, которыми нѣкоторые хозяева поливаютъ у себя навозныя кучи, для отвращенія гніенія, прекращаютъ его только на короткое время, но потомъ еще болѣе усиливаютъ оное. Деви и другіе агрономы совѣтуютъ вывозить навозъ прямо на поле, и зарывать его тамъ въ землю, тѣмъ скорѣе, чѣмъ удобнѣе онъ гніетъ. Они утверждаютъ, что это есть лучшее и вѣрнѣйшее средство сохранить въ навозѣ большую часть содержащихся въ немъ летучихъ плодотворныхъ началъ; ибо составныя части навоза, зарытаго въ землю, не такъ скоро приходятъ въ броженіе и потому плодотворныя начала удобнѣе и долѣе удерживаются землею и кореньями. Если бы почему либо нельзя перевозить на поле всего запаса получаемаго ежедневно навоза, и непосредственно зарывать въ землю, то можно сберегать его въ ямахъ, вырытыхъ въ тѣни на сѣверъ, выложенныхъ внутри кирпичемъ или обмазанныхъ крѣпко убитою глиною и закрываемыхъ досками. Деви совѣтуетъ дѣлать эти ямы покатыми въ одну сторону, и въ стѣнѣ пробивать стоки для спуска жидкости въ другую такую же яму, выкопанную нѣсколько ниже первой. Полезно также перемѣшивать навозъ съ дубовою толчею, остающеюся послѣ дубленія кожъ.

Каждый сельскій хозяинъ, хорошо вникнувшій въ дѣйствіе употребляемыхъ имъ наземовъ, долженъ наблюдать, чтобы не мѣшать въ одно мѣсто навоза разнородныхъ животныхъ, а держать ихъ каждый отдѣльно; дабы потомъ удобнѣе ему было брать тотъ или другой изъ нихъ, смотря по надобности. *Н. Ф.*

МУРАВА ДЛЯ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ,

НЕ СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ СВИНЦУ.

Для приготовленія сей муравы, толкутъ въ самый мелкій порошокъ смѣсь четырехъ частей прокаленной соды и пяти частей чистаго бѣлаго песка, не имѣющаго въ себѣ ни сколько желѣза. Приготовленный такимъ образомъ порошокъ кладется въ самый огнеупорный тигель, натертый внутри мѣломъ, и ставится въ самый сильный жаръ гончарной печи или въ обыкновенный горнъ; когда смѣсь расплавится и остеклуется, толкутъ ее въ мелкій порошокъ, разводятъ водою и намазываютъ на глиняную посуду; при всемъ же прочемъ поступаютъ какъ съ обыкновенною муравою. Эта мурава, проникая очень удобно въ глину, составляетъ на ней родъ стеклянаго слоя, который имѣетъ превосходный блескъ, и не портится ни отъ кислотъ, ни отъ щелочей.

Слѣдующія пять смѣсей даютъ также очень хорошую мураву и могутъ быть съ пользою для сего употребляемы.

1. Стекла.....32 части
   Буры.....16
   Виннаго камня..... 3

Бура предварительно пережигается, потомъ же поступаютъ во всемъ, какъ сказано выше.

2. Пережженной соды. .....50 частей
   Истолченнаго въ порошекъ кремня....90

Для превращенія въ порошокъ кремней, сначала ихъ накаливаютъ до красна и въ такомъ видѣ кидаютъ въ холодную воду, а потомъ уже толкутъ въ ступкахъ. Смѣшавъ соду съ кремнемъ, плавятъ эту смѣсь вышеупомянутымъ образомъ.

3. Соды.....80 частей
   Песка 70
   Глины.....40

Пережегши соду и высушивъ и истерши глину, смѣшиваютъ сіи вещества съ пескомъ и потомъ ихъ плавятъ, какъ выше сего сказано.

4. Пережженой соды.....3 части
Кварцоваго песка.....4

Смѣшавъ оба вещества, плавятъ ихъ такимъ же образомъ.

5. Порошка пемзы.....16 частей
Порошка окисла марганца (черной магнезіи) 1

Смѣшавъ пемзу и марганецъ плавятъ ихъ, какъ сказано выше.

Увѣряютъ, что мурава, приготовленная любымъ изъ сихъ способовъ, очень красива, прочна и долговѣчна; что же касается до здоровья, то уже конечно безвреднѣе обыкновенной муравы, приготовляемой съ свинцомъ. *Н. Ф.*

БѢНСКІЙ СПОСОБЪ ВОРОНИТЬ РУЖЬЯ.

Есть множество различныхъ способовъ воронить ружейные стволы и вообще всякія желѣзныя вещи. Трудно опредѣлить, который изъ нихъ лучшій; но можно по-крайней мѣрѣ положиться на знатоковъ этого дѣла, что нижеслѣдующій, преимущественно употребляемый Вѣнскими оружейными мастерами, заслуживаетъ полное одобреніе по своей прочности и красотѣ.

Возми по вѣсу:

Слабой селитряной кислоты (крѣпкая водка).....1 часть.
Селитрянаго эѳира.....1
Виннаго спирта.....2
Мѣднаго (синяго) купороса.....4
Раствора соляно-кислаго желѣза (желѣзной настойки) 2

Растворивъ купоросъ въ достаточномъ количествѣ воды, смѣшай его хорошенько въ стеклянномъ сосудѣ съ прочими вышепоказанными веществами. Приготовивъ эту смѣсь и вычистивъ какъ можно лучше ружейный стволъ, такъ, чтобъ на немъ не оставалось ничего посторонняго, смажь его посредствомъ мягкой губки приготовленнымъ составомъ, заткнувъ напередъ дуло и затравку. Черезъ 24 часа, т. е. когда составъ на стволѣ высохнетъ, очисти его жесткою

щеткою, смажь снова, опять просуши, и повторивъ это раза три или четыре, смотря по надобности, окуни стволъ въ кипящій щелокъ, потомъ вынувъ, вытри его до-суха, выгладь крѣпкимъ деревяннымъ лощиломъ и наконецъ покрой обыкновеннымъ краснымъ спиртовымъ лакомъ. Дабы лакъ ложился глаже и ровнѣе, недурно стволъ нагрѣть отъ 70 до 80 градусовъ Р. т., опустивъ его предварительно въ кипятокъ. По отлакированіи ствола надобно его снова выгладить, сначала гладиломъ, а потомъ мягкою щеткою или суконкою. *Н. Ф.*

СРЕДСТВО ПРОТИВЪ РЖАВЧИНЫ.

Холстина, напитанная крѣпкимъ растворомъ сѣрнокислаго натра или глауберовой соли (sal mirabile glauberi) въ извѣстковой водѣ, и потомъ тщательно высушенная, очень хорошо предохраняетъ отъ сырости и ржавчины самыя нѣжныя стальныя вещи, какъ то, ланцеты, иглы и другіе хирургическіе инструменты, плотно сю обернутые. Не только желѣзо и сталь, но и другія вещи, какъ-то, пергаментъ, бумага и проч., будучи завернуты въ такую холстину, также хорошо предохраняются отъ сырости.

Пейэнь, весьма много занимавшійся этимъ предметомъ, въ недавнемъ времени открылъ, что известь, особливо негашеная, и всѣ щелочи имѣютъ вообще свойство предохранять желѣзо отъ ржавчины. Стальная вещь, засыпанная негашеною известью, не ржавѣетъ; намагниченная игла, повѣшенная на шелковинкѣ въ насыщенной известковой водѣ, ни мало не теряетъ своихъ первоначальныхъ свойствъ; желѣзныя вещи, лежащія въ щелочномъ растворѣ, или густо онымъ смазанныя, сохраняютъ весь свой блескъ и чистоту, даже въ самыхъ сырыхъ мѣстахъ. *Н. Ф.*

V.

КРИТИКА.

1. Исторія Донскаго Войска, *Описаніе Донской Земли и Кавказскихъ минеральныхъ водъ.* Владиміра Броневскаго. *Санктпетербургъ. Четыре части.*

2. Обозрѣніе Исторіи Армянскаго народа, *отъ начала бытія его до возрожденія Армянской Области въ Россійской Имперіи. Сочиненіе* Сергѣя Глинки, *Москва. Двѣ части.*

Ничто такъ рѣзко не знаменуетъ степени образованности пишущаго класса въ каждомъ народѣ, и даже степени образованности самого народа, какъ его Историческая Литература. Изъ всѣхъ предметовъ, въ которыхъ упражняется перо, эта часть самая сложная, самая трудная, и можетъ назваться барометромъ не только учености писателя, но и атмосферы чувствъ и понятій, въ которой онъ пишетъ. Здѣсь отражаются въ полномъ свѣтѣ и его собственныя познанія, и мнѣнія, которыя онъ раздѣляетъ или старается раздѣлять съ своими соотечественниками, и нравственныя понятія страны, и наконецъ искусство, пріобрѣтаемое навыкомъ и упражненіемъ, побѣждать свои страсти, свою самонадѣянность, свои и чужіе предразсудки въ пользу истины и общаго блага, или то, что называется образованіемъ.

Нельзя сказать, чтобы наши историческіе труды, которые впрочемъ обнаруживаютъ уже значительный успѣхъ во многихъ частяхъ этого Искусства, могли быть провозглашены образцовою частію нашей Литературы и лучшимъ зеркаломъ нашего просвѣщенія: въ крайнемъ случаѣ, это зеркало не льститъ гля-

дящемуся въ немъ предмету, и чуть-ли не искривляетъ его слишкомъ, по винѣ мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ весьма немногими изъятіями, труды наши по этой части обнаруживаютъ одинъ общій недостатокъ, — незнаніе ремесла историческихъ изслѣдованій. Послѣ Романа и Сказки, Исторію почитаютъ у насъ самымъ легкимъ предметомъ литературной дѣятельности: каждый пишетъ Исторію, кому только попались въ руки двѣ старыя грамоты, три или четыре рѣдкія книги; одни безъ обиняковъ сознаются въ предисловіяхъ, что они сочиняютъ ее, потому что имѣютъ время и охоту; иные ограничиваютъ свое историческое приготовленіе простымъ вызовомъ черезъ газеты сообщать имъ, что кто знаетъ, потому что они уже пишутъ Исторію. Составлять Исторію изъ того, что кто подаритъ вамъ по вѣжливости! Нѣтъ, не такимъ образомъ писатели приступаютъ къ дѣлу въ истинно ученомъ свѣтѣ, гдѣ историческія творенія считаются всегда результатомъ необыкновеннаго трудолюбія, терпѣнія, прилежныхъ изысканій, долгихъ соображеній, обширной учености и тщательно воздѣланной мысли. Тотъ, кто сбирается писать какую-нибудь Исторію, долженъ сперва посвятить многіе годы совокупленію вокругъ себя всего, что только можетъ просвѣтить умъ его вразсужденіи избраннаго предмета; долженъ сличить всѣ тексты сблизить, всѣ отголоски одного и того же извѣстія, извѣдать всѣ сопряженныя съ нимъ нравственныя и физическія обстоятельства; долженъ преслѣдовать его не только на родной землѣ, но и за ея предѣлами, до послѣдней точки эха, произведеннаго имъ въ бытописаніяхъ рода человѣческаго; долженъ проникнуть во всѣ приступные источники, не пропустить ни одной строки, не увидя ея собственными глазами, и не взвѣсивъ собственнымъ безпристрастіемъ. Первая обязанность въ такомъ случаѣ — знать гдѣ искать; вторая — умѣть искать и находить.

Для этого нужна безконечная начитанность. Нѣтъ такого мелкаго историческаго вопроса, который бы не требовалъ соединенія множества книгъ, бумагъ и выписокъ, и долговременнаго обзора его со всѣхъ сторонъ. Если къ чему-либо въ Литературѣ впрямъ примѣняется прекрасное учрежденіе Петра Великаго — «Не отговариваться незнаніемъ однажды обнародованнаго Закона,» такъ это къ историческимъ трудамъ нашего вѣка: писатель, который не знаетъ того, что уже разъ сказано было по его предмету, и что разъ внесено въ общій архивъ человѣческихъ знаній, ничѣмъ не извинителенъ. Надобно умѣть искать. Для того, кто пишетъ о человѣкѣ, даже различіе языковъ не есть отговорка: онъ обязанъ знать все, что въ его время извѣстно людямъ объ его вопросѣ. Черезъ себя или черезъ другихъ, онъ долженъ сорвать съ посторонняго свидѣтельства завѣсу незнакомыхъ ему звуковъ, и исчерпать весь свѣтъ, сокрытый въ нѣдрахъ его. Настоящій историкъ въ XIX вѣкѣ знаетъ всѣ языки, въ которыхъ находится что-нибудь полезнаго для его дѣла. Нынѣшнее просвѣщеніе доставляетъ нужныя для этого пособія.

Одинъ Карамзинъ, кажется, постигалъ у насъ въ точности условія и обязанности историческаго приготовленія. Если онъ не всюду ихъ исполнилъ, слѣдуетъ приписать это огромности предпріятія, превосходящаго силы одного человѣка; но его сочиненіе удостовѣряетъ на всякомъ шагу, что онъ имѣлъ и ясное понятіе о ремеслѣ, о механизмѣ историческихъ изслѣдованій, и то терпѣливое, любопытное, недовѣрчивое трудолюбіе, которое ведетъ одно къ полезнымъ для Исторіи результатамъ. Карамзинъ не пренебрегалъ ни чѣмъ умышленно, и незнаніе какого-нибудь языка не было для него преградою: онъ повѣрялъ свои понятія со всѣми показаніями, и если которыя повѣрилъ недостаточно, то самыя же его ошибки слу-

жать еще сильнѣйшимъ подтвержденіемъ потребности безпрерывной повѣрки. Неотъемлемое, неизмѣримое превосходство Карамзина состоитъ именно въ умѣніи сообщить изысканію ту подлинно ученую, образованную форму, которой никто почти доселѣ не успѣлъ у насъ придать своему произведенію. Послѣ него уже почти никто не желаетъ украсить чело свое мученическимъ вѣнцомъ ученаго изыскателя, и тщательное историческое приготовленіе не почитается даже необходимостью: Исторію пишутъ съ плеча, – Карамзинъ за все отвѣчаетъ! Прискорбно видѣть великолѣпный трудъ незабвеннаго мужа расхищаемымъ тѣми, которые долженствовали бъ дополнять и усовершать его своими открытіями, своимъ трудолюбіемъ: почти нѣтъ исторической книги, гдѣ бы цѣлыя страницы Карамзина, цѣлыя главы не являлись въ подлинникѣ или передѣланными на другой ладъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя, по скромности, довольствуются простымъ заимствованіемъ изъ него своихъ доказательствъ, – какъ-будто въ Исторіи свидѣтельство со второй руки имѣло какое-нибудь значеніе! какъ-будто основный законъ исторической Критики не обязывалъ всякаго опирать свои сужденія только на *источникахъ* и на личномъ удостовѣреніи!

Эти общія мысли о существѣ изысканій и долгѣ изыскателя дѣйствій прошедшаго человѣка могутъ быть полезны въ томъ отношеніи, что напомнятъ молодымъ любителямъ историческихъ занятій объ условіяхъ, требуемыхъ ученымъ свѣтомъ отъ трудовъ того, кто въ нынѣшнее время беретъ въ руки въ Европѣ перо историка. Хорошее университетское ученіе одно въ состояніи раскрыть и показать эти условія въ цѣломъ ихъ пространствѣ. Примѣнять ихъ здѣсь въ особенности къ какому-нибудь сочиненію, уже вышедшему изъ печати, было бы излишне: взыскивая съ

одного за ихъ попраніе, пришлось бы взыскивать можетъ-быть со всѣхъ. Эти сочиненія такъ уже родились, пошли въ стволъ, и такъ должны отживать вѣкъ въ своей грубой и неочищенной корѣ. Станемъ по-крайней-мѣрѣ надѣяться на будущность, — и надѣяться тѣмъ болѣе, что въ собственной нашей Литературѣ имѣемъ уже одинъ прекрасный образецъ къ подражанію и благородному соперничеству.

Мы не дѣлаемъ ни какихъ примѣненій. Оставимъ совершенно въ сторонѣ техническую часть двухъ историческихъ твореній, лежащихъ передъ нами, и обратимся къ ихъ содержанію. Г. Броневскій написалъ, подъ именемъ Исторіи Донскихъ Казаковъ, очень занимательную и разнообразную книгу, которую съ удовольствіемъ прочтутъ всѣ Русскіе: особенно первая часть ея представляетъ чрезвычайно сильный интересъ, какого едва можно ожидать отъ Романа. Дѣйствительно: что можетъ-быть болѣе похоже на вымыселъ, на картину, созданную пылкимъ и поэтическимъ воображеніемъ, какъ быть и подвиги Донскихъ удальцевъ въ первой эпохѣ ихъ существованія? Кто изъ Русскихъ въ состояніи оставаться равнодушнымъ къ чудесной повѣсти о первоначальной судьбѣ, о претерпѣнныхъ нѣкогда бѣдствіяхъ, собранныхъ лаврахъ и причиненныхъ опустошеніяхъ нынѣ вѣрнѣйшими сподвижниками славы его отечества? Г. Броневскій раздѣлилъ ихъ исторію на четыре періода, изъ которыхъ первый объемлетъ эпоху отъ 1520 по 1646 годъ: Казаки вели въ то время жизнь «рыцарскую,» говоритъ авторъ, и потому первая эпоха названа имъ «рыцарскою.» Признаемся, что это названіе чрезвычайно насъ удивило, и мы бы никакъ его не поняли, если бъ самъ авторъ не объяснилъ намъ, что значитъ слово — *рыцарскій*: оно значитъ «буйный, своевольный, разбойничій.» Нельзя не замѣтить, что подобное опредѣленіе рыцарства довольно странно

въ устахъ историка, которому должно быть извѣстно, какъ извѣстно всѣмъ историкамъ, что рыцарство было установлено для обузданія разбоевъ, а не для разбойничанія, для охраненія чести женщинъ и безопасности путниковъ, для водворенія порядка помощію частнаго мужества, когда правительственныя мѣры оказались для этого слишкомъ слабыми. Вѣдь рыцарство подчинено было положительнымъ законамъ, имѣло установленные обряды,— и строгія правила чести, которыми доселѣ мы руководствуемся, завѣщаны намъ этимъ сословіемъ! Рыцарство было учрежденіе..... Но мы напрасно привязываемся къ словамъ, между-тѣмъ какъ достоинство книги состоитъ въ ея предметѣ: съ авторомъ Исторіи Донскихъ Казаковъ о словахъ и спорить не возможно, потому что онъ весьма рѣдко употребляетъ ихъ въ тѣсномъ ихъ значеніи. Положимъ, что эта первая эпоха была «рыцарская», то есть, буйная: занимательность ея подъ перомъ Г. Броневскаго ни сколько не потеряетъ отъ неловкости ея заглавія.

Мы сожалѣемъ, что авторъ не приступилъ прямо къ дѣлу, но счелъ нужнымъ начать свой разсказъ общимъ историческимъ разсужденіемъ, для котораго нужно быть коротко знакомымъ съ безчисленными трудами новѣйшей критической Литературы. Производство Казаковъ отъ Амазонокъ и Сармато-скиѳовъ можетъ прельщать однихъ учениковъ или тѣхъ, которые только вчера начали читать Исторію, и не требовало опроверженія. Что касается до Саркела и значенія его имени, то автору, кажется, не извѣстны превосходныя изысканія объ этомъ Гг. Френа и Клапрота: онъ еще слѣдуетъ Лербергу, который самъ не понималъ того, объ чемъ толковалъ, принимая слова Персидскія за Турецкія, и обманывая самого себя дурнымъ ихъ произношеніемъ. Миллеръ вводитъ его въ другое заблужденіе на счетъ смысла и начала имени

Казаковъ, и заставляетъ смѣшивать ихъ съ Кассогами среднихъ вѣковъ. Мы не думаемъ, чтобы можно было разсуждать о происхожденіи слова *казакъ* безъ пособія оріентализма и его исторической Критики. Этотъ вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и мы ограничимся общимъ замѣчаніемъ. Слово *казакъ* есть собственное имя народа, который мы нынѣ называемъ Киргизами. Кажется, что это поколѣніе, издревле извѣстное въ Азіи отвагою, хищничествомъ и ловкостью всадниковъ, съ давняго времени придало имя свое отрядамъ легкой конницы, употребляемымъ Восточными властелинами для разныхъ воинскихъ назначеній, подобно тому какъ народное имя Швейцарцевъ превратилось въ Европѣ въ наименованіе извѣстнаго рода служителей. То вѣрно, что у Монголовъ, завладѣвшихъ Россіею, оно означало, кромѣ Киргизовъ, еще вооруженныхъ всадниковъ, не приписанныхъ ни къ какому улусу, не составляющихъ собственности ни какого хана, ни бека, бѣжавшихъ отъ своихъ качествъ владѣльцевъ, — коротко сказать, «вольныхъ» воиновъ изъ разныхъ поколѣній, соединяющихся въ летучіе отряды. Не только Монгольскіе ханы и беки, но и Русскіе князья часто имѣли въ своей службѣ подобные отряды. Слова *казакъ* и *вольный* были какъ бы однозначащія, и поэтому первое изъ нихъ, соединяющее въ себѣ притомъ понятіе о воинѣ, такъ нравилось бѣглецамъ изъ Россіи и Литовской Руси, поселявшимся при Днѣпрѣ и Донѣ. Вотъ все, что при нынѣшнемъ состояніи оріентальной исторической Критики, можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностью о происхожденіи слова *казакъ*: оно, по-видимому, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Касоговъ.

Не должно однако жъ думать, чтобы понятіе «казачества» не было извѣстно на Сѣверѣ гораздо прежде слова *казакъ*. Оно, кажется, очень древнее, и въ нѣко-

торомъ отношеніи можетъ быть названо кореннымъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ, проявлявшимся въ разныя времена подъ различными именами. Здѣсь мы позволимъ себѣ, сдѣлать одно сближеніе. Хотя слово *казакъ* есть собственное имя огромнаго народа, но оно очень давно сдѣлалось уже нарицательнымъ, и притомъ имѣетъ правильное производство отъ извѣстнаго корня. Какъ нарицательное, въ восточно-Турецкихъ языкахъ оно значитъ - безпріютный, скитающійся, никому неподвластный, вольный. Баберъ часто употребляетъ въ своемъ Джагатайскомъ нарѣчіи слова *казаклыкъ*, *казаклямакъ* въ этомъ смыслѣ. Какъ производное, оно происходитъ отъ *казъ*, гусь, и значитъ—гусакъ,—«свободный какъ дикій гусь», говорятъ Турки*: нѣкоторые оріенталисты хотѣли вывести его отъ глагола *казмакъ*, копать, не примѣчая, что, по грамматическому свойству восточно-Турецкихъ нарѣчій, оно тогда было бы *казкакъ*, а не *казакъ*. Названіе Черкесовъ, которые сами себя именуютъ Адигами, происходитъ отъ Персидскаго слова *серкешъ*, испорченнаго грубыми устами Горцевъ, и тоже значитъ — неподвластный, бунтующій, вольный. Новгородцы, еще до нашествія Монголовъ, славились своею «вольницей». Присовокупите къ тому Венгро-Славянское *гуса*, *гусаръ*, «свободный всадникъ, бродяга, разбойникъ», происходящее также отъ слова (*гусъ*) гусь, съ его производными,—*гусарити*, разбойничать на морѣ, *гусарица*, разбойничья лодка, и т. д., — и вы получите четыре однозначащія названія, четыре разные перевода одной и той

* Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ есть поговорка — *распоряжаться свободно какъ сѣрый* (дикій) *гусь*. Удивительно, что въ Европѣ Славянское а въ Азіи сѣверо-Восточные народы одинаково соединяли понятіе независимости и свободы, съ понятіемъ объ этой птицѣ. Что *гусаръ* значитъ собственно «гусакъ», въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія: гусь самецъ называется по-Словацки husar, по-Сербски hussar, gussor, по-Чешски, hauser, husak, по-Польски gensior, и проч. *Казакъ* по сіе время означаетъ гусака въ Турецко-Джагатайскомъ нарѣчіи.

же идеи, и, что примѣчательнѣе, дважды выраженныя метафорою, заимствованною отъ одного физическаго предмета. Вотъ, почему Малороссійскіе и Донскіе Казаки назывались попеременно то Черкесами, то Казаками, то Вольницей, то даже, какъ напримѣръ Новосербскіе ихъ сосѣди и нерѣдко товарищи, Гусарами.

Г. Броневскій старается еще доказать, въ томъ же разсужденіи, что нынѣшніе Донцы происходятъ отъ чистой Русской крови, и никогда не приставали къ Ордынскимъ Казакамъ, обитавшимъ въ тѣхъ же мѣстахъ въ началѣ XVI столѣтія. Доводы автора не кажутся намъ убѣдительными. Доселѣ ничто не опровергаетъ весьма правдоподобнаго предположенія, что остатки Ордынскихъ Казаковъ, не присоединившіеся къ Киргизамъ, своимъ соплеменникамъ, образовавшимъ уже новое ханство, могли быть первымъ ядромъ, около котораго копились Русскіе бѣглецы. Скоро это ядро могло исчезнуть отъ безженства, преобладающаго въ скопищѣ, и Русское поколѣніе, безпрестанно умножающееся новыми пришлецами остаться одно хозяиномъ союза. Первоначальное соединеніе двухъ разнородныхъ племенъ ни сколько не мѣшаетъ нынѣшнимъ Донцамъ быть сынами Славянскихъ предковъ: да если бъ они были и потомками Монголовъ, какое жъ тутъ безчестіе? Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто бы доказалъ прямое происхожденіе свое отъ Чингисхана, самаго страшнаго и безобразнаго Монгола въ мірѣ, былъ бы нынче одинъ изъ благороднѣйшихъ дворянъ въ Европѣ, и всѣ Французскіе герцоги и Испанскіе гранды еще позавидовали бъ его родословной. Душевныя качества составляютъ человѣка; благородныя чувства — гражданина: у кого есть то и другое, тотъ приноситъ собою честь всякому роду.

Но пора приступить къ Исторіи. Мы пропускаемъ догадку автора, будто Царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ преслѣдовать бродягъ и разбойниковъ въ цѣломъ государствѣ съ тѣмъ дальновиднымъ намѣреніемъ, чтобъ они ушли на Донъ, и основали тамъ казачье войско, могущее впослѣдствіи служить оплотомъ Россіи: она довольно похожа на извѣстный анекдотъ о Фридрихѣ Великомъ, который закричалъ прицѣлнвавшемуся въ него солдату: «Стой! ты хочешь убить меня въ первомъ сраженіи, тогда какъ Семилѣтняя Война теперь только начинается!» Первый историческій подвигъ Донскихъ Казаковъ, уже являющихся на поприщѣ въ видѣ сильнаго военнаго отряда, относится къ 1559 году, въ которомъ разбили они Ногаевъ, а первая къ нимъ граммата, отысканная авторомъ на Дону, къ 1571. Россійскіе Государи хотя по-временамъ и переписывались съ ними, но, въ сношеніяхъ съ Турціею и Крымскими ханами, безпрестанно жаловавшимися на ихъ разбои, рѣшительно отъ нихъ отказывались, и называли ихъ ворами и бѣглецами. Эта двусмысленная политика была для государства тягостнѣе явнаго имъ покровительства и принятія отвѣтственности передъ сосѣдями за ихъ поведеніе: Донскіе поселенцы, видя себя оставляемыми Россіею при каждой опасности, чуждались кореннаго своего отечества, и грабили его наравнѣ съ непріятельскою землею. Убійства пословъ и воеводъ, разореніе городовъ и торговли, неистовства Казаковъ въ смутныя времена самозванцевъ, безпрерывная опасность быть вовлеченнымъ въ войну за нихъ или съ ними, всѣ бѣдствія, которыми наполнены любопытныя, но горестныя страницы этой части книги, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой нерѣшимости. Въ 1588 году Россія находилась въ весьма сомнительныхъ отношеніяхъ къ Турціи:

«Около сего времени, говоритъ авторъ, Донскіе Казаки являются на ратномъ полѣ въ значительныхъ силахъ. Принимая къ себѣ Запорожскихъ Казаковъ и всякихъ бродягъ, вели они непрестанную войну съ Азовомъ, съ Черкесами, съ Тавридою, и ватагами ходили на море искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ царскихъ. Въ Константинополѣ, послы наши называли ихъ шайкою разбойниковъ, а изъ Москвы посылали имъ воинскіе снаряды, порохъ, свинецъ; такъ что, если Султанъ вредилъ намъ набѣгами Крымскихъ Татаръ, Царь могъ вредить ему своею Донскою вольницею, которая, прикрывая границы съ сей стороны, не уступала, въ ловкости и искусствѣ наѣздничьемъ, лучшимъ Крымскимъ грабителямъ. По сему уваженію, когда Казаки своевольствомъ заслуживали опалу, то Государи, снисходя, щадили ихъ за то, что они были непримиримыми врагами злодѣевъ и зломысленниковъ Россіи.»

Мы привели это мѣсто, чтобъ познакомить читателей съ образомъ сужденій автора: конечно, не всѣ раздѣлятъ его мнѣніе о приличіи и благоразуміи подобной политики, особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ государства.

Но какъ не въ этихъ сужденіяхъ состоитъ важнѣйшее достоинство труда Г. Броневскаго, то мы прямо отсюда перейдемъ къ лучшимъ мѣстамъ книги, своею занимательностью и обиліемъ совокупленныхъ фактовъ, вполнѣ выкупающимъ недостатки, которые, по непріятному долгу критика, принуждены мы были здѣсь обнаружить. Покореніе Азова Казаками и исторія Стеньки Разина кажутся намъ отличнѣйшими статьями въ этомъ сочиненіи, — особенно покореніе Азова. Этотъ блистательный, почти безпримѣрный въ Исторіи подвигъ романической храбрости, чудесный образецъ дерзкаго удальства въ успѣхѣ, и потомъ геройской твердости духа въ бѣдѣ, былъ достоинъ всѣхъ усилій со стороны историка, и авторъ посвятилъ ему драгоцѣннѣйшую часть своихъ изысканій. Конечно всякому изъ насъ было бы пріятнѣе найти и въ

этомъ прекрасномъ, разнообразномъ отрывкѣ нѣсколько болѣе Критики; самому даже автору, изъ уваженія къ столь превосходному факту, слѣдовало быть осторожнѣе и строже въ выборѣ преданій, чтобы неумѣстными преувеличеніями не превращать въ басню событія, и такъ уже почти невѣроятнаго; но и за то, что онъ намъ представилъ, мы ему благодарны. Если бъ Г. Броневскій, за неимѣніемъ другихъ пособій, прибѣгнулъ хотя къ Гаммеровой Исторіи Оттоманской Имперіи, то онъ безъ-сомнѣнія не подвергъ бы насъ трудному испытанію вѣрить вмѣстѣ съ нимъ, будто 1,400 человѣкъ Казаковъ могли выдержать долговременную осаду въ дрянной крѣпости противъ 200,000 Турокъ, — по-крайней-мѣрѣ 200,000, потому что авторъ говоритъ о *сотняхъ* тысячъ, — и еще разбить ихъ въ добавокъ. Что касается до «четырнадцати народовъ,» то есть, какъ говорится, четырехъ на-десять языковъ, «поднятыхъ Султаномъ» противъ горстки дурно вооруженныхъ наѣздниковъ, то, мы думаемъ, и самъ авторъ не слишкомъ вѣритъ своей риторической фигурѣ, тѣмъ болѣе, что онъ почти никогда не приписываетъ словамъ опредѣлительнаго значенія; но числа!.... но 1,400 противъ 200,000!.... 1,400 безъ всякихъ средствъ къ защитѣ, кромѣ своей храбрости, а 200,000 съ страшною артиллеріею въ 129 *огромныхъ* осадныхъ пушекъ и 642 меньшихъ орудій разнаго калибра!.... Армія, какой Султанъ не приводилъ съ собою подъ Хотинъ, съ артиллеріею, какой не было у Турокъ даже подъ Вѣною!..... Это заслуживало нѣсколько вниманія. Такія украшенія въ состояніи обезобразить и самую красоту. «Сидѣніе» въ Азовѣ — событіе само по себѣ столь прекрасное, что никакъ нельзя было страшиться, чтобы его блескъ, его поэтическая сторона не помрачились отъ приведенія обстоятельствъ, искаженныхъ невѣжествомъ и легковѣрностью, въ логическія формы, къ мѣрѣ людскихъ вѣроятностей. Уменьшите

бусурманъ до десятой доли, оно и тогда еще будетъ неслыханный подвигъ.

Постараемся привести дѣло въ большую ясность при помощи Турецкихъ офиціяльныхъ лѣтописей, которыя, какъ извѣстно, составляются по государственнымъ журналамъ. Подробности осады и средства защиты, описанныя исторіографомъ Наима-эфендіемъ, могутъ быть употреблены съ пользою для исправленія очевидныхъ преувеличеній «Отписки» атамана къ Царю, и хорошо освѣщаютъ многія части этого достопамятняго дѣла, представленнаго Г. Броневскимъ по рукописному «Сказанію объ Азовскомъ сидѣніи,» хранящемуся въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго. Кто пишетъ исторію, тотъ долженъ всегда сличать показанія отечественныя съ разсказомъ противниковъ. Audi alteram partem! Вѣдь Исторія не Романъ: по-крайней-мѣрѣ въ ней безпрестанно говорятъ о безпристрастіи.

«Въ мѣсяцѣ мухарремѣ 1051 (1541) года, капитанъ-«паша, Сіавушъ, и янычарскій кетхода, Гайдеръ-«ага-заде, выступили съ эскадрою въ Черное Море, «имѣя порученіе освободить Азовъ. Въ этотъ походъ «назначены Силистрійскій бейлербей, Гусейнъ-паша, «съ корпусомъ своего пашалыка; Татарскій ханъ Бе-«гадиръ-Гирей, съ Крымскимъ войскомъ, и Кафскій «паша, Юсуфъ, съ своимъ отрядомъ. Они всѣ четверо «осадили крѣпость. Находившіеся въ крѣпости невѣр-«ные взорвали мину: около семисотъ человѣкъ мусуль-«манъ взлетѣли на воздухъ, и получили мученическій «вѣнецъ за вѣру. Потомъ зажгли они вторую мину: «опять много народа сдѣлалось мучениками. На третью «ночь невѣрные сдѣлали вылазку, завязалось силь-«ное сраженіе, и нѣсколько человѣкъ правовѣрныхъ «попалось къ нимъ въ плѣнъ. Потомъ стали отыски-«вать мины невѣрныхъ, одну нашли, и взяли нахо-«дившійся въ ней порохъ. Потомъ учредили осаду, и

«съ *обыхъ* сторонъ дрались съ *превосходнымъ* мужест-
«вомъ: множество душъ погибло въ этихъ схваткахъ
«какъ у осаждающихъ, такъ и осажденныхъ. Между-
«тѣмъ одинъ Татаринъ бѣжалъ изъ Азова, и сказалъ
«мусульманскимъ начальникамъ, что, въ крѣпости,
«невѣрныхъ *пять тысячъ*. Чтобы войско не испуга-
«лось, когда эта вѣсть распространится въ станѣ, и
«не потеряло духа, Татарина тотчасъ упрятали. Му-
«сульмане тоже подвели мину: отъ взрыва загорѣлась
«внѣшняя стѣна, которую невѣрные построили изъ
«дерева и наполнили внутри землею. Они были не въ
«силахъ потушить огонь: стѣна горѣла цѣлыя сутки,
«разрушилась, и проклятые ушли въ цитадель. Какъ
«въ одинъ день весь мусульманскій порохъ былъ из-
«расходованъ, то войско, уже до того приведенное въ
«разстройство, двадцать два дня въ бездѣйствіи наблю-
«дало за чертою осажденной цитадели, поджидая воз-
«вращенія людей, посланныхъ въ Константинополь и
«въ Кафу за порохомъ. Верховный визирь, не пред-
«полагавшій, чтобы такъ трудно было взять Азовъ,
«отдалъ приказъ объ отпускѣ 5000 центнеровъ поро-
«ху. Чиновники сказали: «Довольно 1800 центнеровъ!»
«— да и отправили столько. Пока вторично послали
«въ Константинополь за порохомъ и его получили,
«прошло почти семь недѣль, и наступилъ Дмитріевъ
«день, время, въ которое войско расходится по до-
«мамъ на зиму. Волею или неволею, надобно было
«возвращаться домой, не взявъ крѣпости. Хотя Азовъ
«остался въ рукахъ невѣрныхъ, но по крайней-мѣрѣ
«истребили весь запасъ дерева, приготовленнаго
«Казаками для постройки лодокъ, и сожгли деревян-
«ное предмѣстье; сверхъ-того ихъ самихъ погибло
«тутъ нѣсколько тысячъ: не будь этого, они, постро-
«ивъ себѣ зимою двѣсти чаекъ, въ началѣ весны навѣр-
«ное напали бы на берега Чернаго Моря. Когда нѣсколь-
«ко галеръ, отправленныхъ изъ Константинополя въ

«помощь, съ янычарами и порохомъ прибыло на мѣсто «осады, войско и эскадра уже воротились-было до-«мой: они обратились въ Кафу, для содержанія тамъ «гарнизона и проведенія зимы.»

Въ этомъ описаніи говорится о разныхъ обстоятельствахъ и подробностяхъ которыхъ не показано въ матеріялахъ, употребленныхъ авторомъ, и слѣдственно весьма неполныхъ. Напротивъ, Г. Броневскій упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, по словамъ «Сказанія объ Азовскомъ сидѣніи,» о вылазкѣ 5,000 Казаковъ: это число осажденныхъ согласно съ повѣстью Турецкаго исторіографа. Но положительное показаніе послѣдняго о пашахъ и лицахъ, назначенныхъ въ походъ совершенно противорѣчитъ извѣстіямъ автора о «четырнадцати народахъ,» поднятыхъ противъ крѣпости третьяго разряда, каковою былъ Азовъ, и реляціи атамана о несмѣтности арміи и артиллеріи. Изъ самаго обстоятельства, что Турецкіе начальники «упрятали» Татарина, извѣстившаго ихъ о нахожденіи въ крѣпости 5000 непріятеля, чтобы не испугать осаждающихъ, позволительно заключить съ достовѣрностью, что Турокъ было не такъ много. Но ихъ можно исчислить. Бейлербей Силистріи выставлялъ обыкновенно, для большихъ походовъ, 10,000 ратниковъ; въ распоряженіи Кафскаго паши находилось отъ 4 до 5000; какъ на эскадрѣ, состоящей изъ галеръ, отправленъ былъ не янычарскій ага, а только кетхода, то янычаръ не могло быть болѣе 6 или 7000: для значительнѣйшаго ихъ числа не было бъ и мѣста на флотиліи, которая сверхъ-того должна была взять съ собою извѣстную часть артиллеріи и піонеръ для осадныхъ работъ, да еще толпу служителей, безъ которыхъ Турки не трогаются съ мѣста. Ежели высадное войско простиралось до 10,000, то и этого ужъ много. Такимъ образомъ, всего на все Турокъ не могло быть больше 25,000 человѣкъ. Татары доставляли

Султану отъ 20 до 30,000 всадниковъ; но какъ Татары назначались только къ охраненію Турецкаго корпуса и къ набѣгамъ на Русскія области во время осады, къ которой они были вовсе неспособны, то число собственно осаждающихъ должно ограничить вышеприведеннымъ итогомъ. Топчу-башы не было на эскадрѣ: слѣдственно и артиллерія была не многочисленная, — что доказывается еще и малымъ количествомъ отправленнаго съ нею пороху, и самонадѣянностью Верховнаго Визиря, считавшаго взятіе Азова бездѣлицею. Во всякомъ случаѣ, защита этой крѣпости и противъ 25,000 грознаго въ то время и искуснаго въ военномъ дѣлѣ непріятеля, охраняемаго двадцатисячнымъ корпусомъ Татаръ, и командуемаго отличнымъ полководцемъ, Гуссейнъ-пашею, который незадолго передъ тѣмъ разбилъ на-голову 60,000 Поляковъ, Валлаховъ и Сербовъ съ гораздо меньшими силами, — эта защита, и безъ всякихъ прикрасъ, пребудетъ навсегда въ Исторіи однимъ изъ блистательнѣйшихъ чудесъ неустрашимости и самоотверженія. Авторъ описываетъ благородную рѣшимость и Христіанскія чувства, одушевлявшія горстку героевъ въ опаснѣйшую минуту осады, — и мы возьмемъ у него эту прекрасную страницу, которой нельзя читать безъ умиленія.

«Осажденные находились не въ лучшемъ положеніи. Несмотря на дожди, холодные вѣтры, раны, болѣзни и всякаго рода недостатки, Казаки, на развалинахъ разрушеннаго вала, почти потерявъ всю артиллерію и истощивъ снаряды, не сходя съ мѣста, бились честно и мужественно. Турки на стрѣлахъ посылали имъ грамоты, въ коихъ каждому Казаку обѣщали выдать по тысячѣ талеровъ, лишь бы сдали имъ Азовъ *; но Казаки *прельщеніемъ басурманскимъ* не прельстились, и, съ помощію Бога и Николая

* Положимъ, для большей вѣроятности, по 100 піастровъ, такъ какъ Турки всегда считали на піастры, и никогда не имѣли ихъ много.

Чудотворца, за Вѣру и Государя (которымъ были они безпощадно отвергнуты) крѣпко стояли. Наконецъ, не имѣя чѣмъ перемѣниться, не имѣя времени отдохнуть утомились, едва могли стоять на ногахъ: открылась цынга, и смрадъ отъ убитыхъ тѣлъ причинилъ болѣзни еще жесточайшія. Самые отважные изъ нихъ, уже не видѣли возможности сопротивляться долѣе, не имѣли надежды устоять; и за всѣмъ тѣмъ, никто не хотѣлъ сказать — *сдадимся*! Живые захотѣли быть мертвыми, и всѣ тѣ, которые еще остались на ногахъ, и въ рукахъ могли держать оружіе, положили источить послѣднюю остающуюся въ тѣлѣ каплю крови, рѣшились, не долѣе, какъ въ слѣдующее утро, умереть, и какъ-можно дороже продать головы свои. Написали къ Царю и Патріарху грамматы — «да простятъ ихъ, *непотребныхъ и ослушныхъ рабовъ*, слезно умоляя, отпустить имъ вину и помянуть души ихъ грѣшныя.» Всю ночь молились, прощались другъ съ другомъ, цѣловали крестъ и Евангеліе на томъ, чтобы при смертномъ часѣ стоять дружно и жизни не беречь. Потомъ, призвавъ Бога въ помощники, съ умиленіемъ положили по три земныхъ поклона предъ иконами угодника Николая и Іоанина Предтечи, въ послѣдній разъ обнялись, — и при разсвѣтѣ, въ 1 день Октября, на память Покрова Богородицы, строемъ, молча и перекрестясь, выступили..... Но въ передовыхъ укрѣпленіяхъ была мертвая тишина; утренній туманъ недолго скрывалъ истину: станъ враговъ оказался пустымъ. Благодарность, радость и удивленіе, ободрили истощенныхъ витязей. Въ *уторопь*, и тѣ, которые сидѣли въ крѣпости, и тѣ, кои окружали непріятельскій лагерь, пустились въ погоню, и, настигнувъ непріятеля на берегу моря, смѣло и близко подошедъ къ нестройнымъ ихъ толпамъ, почти *въ припоръ ружья* открыли бѣглый огонь. Турки, изумленные столь дерзновеннымъ нападеніемъ, измѣнили обычной имъ храбрости: въ безпорядкѣ, смятенною толпою бросились на гребныя суда, и съ судами во множествѣ утопали. Столкнувъ послѣднихъ въ воду, Казаки взяли тутъ большое султанское (?!) знамя и еще семь меньшихъ знаменъ.»

Большое султанское знамя развѣвается только передъ палаткою Султана и на его дворцѣ, и не могло

находиться тамъ, гдѣ его самого не было. Неужели Азовское сидѣніе сдѣлается на волосъ славнѣе отъ этого знамени? Слова однако жъ имѣютъ какое-нибудь значеніе! Въ Исторіи, особенно. Историческая Критика есть только искусство взвѣшивать и опредѣлять точное значеніе всякаго употребляемаго слова. Что касается до описаннаго авторомъ нападенія на отступающихъ Турокъ, то оно, по-видимому, относится къ остаткамъ высаднаго войска, потому что Гусейнъ-паша удалился сухимъ путемъ по направленію къ Очакову; и какъ Оттоманскіе ратники служили только до Димитріева дня, послѣ котораго ни какая власть не въ силахъ удержать въ лагерѣ, то храбрые защитники Азова безъ-сомнѣнія обязаны своимъ спасеніемъ столько же своей доблести, сколько и этому счастливому обстоятельству.

Азовъ, какъ извѣстно, взятъ былъ Казаками единственно со скуки, чтобъ немножко потѣшиться въ полѣ, да показать бусурманамъ свое удальство. Они воспользовались для этого удаленіемъ въ Аккерманъ Гисамъ-Гирея, который съ сильнымъ отрядомъ Татаръ оберегалъ эту крѣпость и, по свидѣтельству Наима-эфендія, вдругъ двинулся къ Днѣстру, чтобъ соединиться съ Ногаями и вмѣстѣ съ ними свергнуть Крымскаго Хана съ престола. Московское правительство не имѣло ни какого вліянія на ихъ предпріятіе, и даже, когда атаманъ донесъ о благополучномъ покореніи Азова, не одобрило ихъ своевольства. Турецкій посолъ, Кантакузинò, пріѣзжавшій въ Москву съ примѣчательнымъ предложеніемъ, переселить Донцевъ въ Азіятскую Турцію для спокойствія обоихъ государствъ, былъ убитъ ими. Казаки были предоставлены собственнымъ силамъ и мщенію раздраженныхъ Турокъ, передъ которыми наши послы отреклись отъ нихъ формально. Новое доказательство ихъ безпримѣрной храбрости и твердости духа, — незабвенная за-

щита Азова, изумило и даже растрогало тогдашнихъ царскихъ совѣтниковъ: оно долженствовало, напротивъ, раскрыть имъ глаза, обнаруживъ несомнѣннымъ образомъ то, какую пользу можно было извлечь для государства изъ Казаковъ и ихъ подвига, если бъ тогда принять рѣшительно судьбу ихъ подъ крыло генія Россіи, и соединить ихъ пользы съ пользами отечества; если бъ тогда же стать вмѣстѣ съ ними твердою ногою въ Азовѣ, завладѣніе которымъ тотчасъ принесло ту выгоду, что Татары перестали дѣлать набѣги на Русскія области. Но такова была слабость или равнодушіе лицъ, участвовавшихъ въ правленіи, что Казаки, получивъ отъ личной милости Царя нѣсколько тысячъ рублей и обѣщаніе о присылкѣ двухъ сотъ поставовъ сукна, съѣстныхъ припасовъ, свинцу и пороху, были опять преданы правосудію Оттоманскаго оружія, и совѣтники, къ которымъ прибѣгнулъ кроткій монархъ, не только не утвердили его въ благородной мысли удержать за Россіею важное пріобрѣтеніе Донскихъ удальцевъ, пламенно бросающихся въ объятія прежняго отечества, но еще напугали его воображеніе странными опасеніями. Это видно изъ грамоты, отправленной къ казакамъ въ 1645 году, которою Царь убѣждаетъ ихъ очистить Азовъ, потому что «вѣдомо учинилось Намъ заподлинно, что разгнѣванный Султанъ велитъ побить всѣхъ Христіанъ, находящихся въ его владѣніяхъ.» Вслѣдствіе такого извѣстія, очень хорошо придуманнаго для того, чтобы ужаснуть добраго Царя, и вѣрнѣе подѣйствовать на простодушіе неустрашимыхъ Донцевъ, Азовъ былъ отданъ ими Туркамъ, и, спустя нѣсколько лѣтъ, Россія, почувствовавъ ошибку, начала придумывать средства къ пріобрѣтенію крѣпости, отъ которой сама добровольно отказалась. Огорченные Казаки скоро изъ своего бурнаго лона извергли на нее Стеньку Разина! Мы не можемъ не предложить читателямъ лю-

бопытной картины этихъ несчастныхъ совѣщаній, составленной Г. Броневскимъ по документамъ «Собранія Государственныхъ Грамматъ».

«Бояре думали, разноголосили, и Царь повелѣлъ созвать *Великій Соборъ* въ Москвѣ, пригласить къ совѣщанію всѣ сословія государства, позволить каждому сказать свое мнѣніе на письмѣ, и рѣшить конечно: 1. Принять ли Азовъ отъ Казаковъ? 2. Для удержанія его за Россіею, объявить ли Турецкому Султану и Крымскому Хану войну? 3. Гдѣ взять деньги, запасы и людей, потребныхъ для продолженія сей войны не на одинъ годъ?

«Соборъ собрался 3 Января 1642 года, въ Царской столовой избѣ. Царь присутствовалъ только въ первомъ засѣданіи, на которомъ думный дьякъ и печатникъ, Ѳ. Лихачевъ, объявилъ волю Царскую, по которой требовалось отъ государственныхъ чиновъ ихъ мнѣнія. На Соборѣ семъ находились: — Серапіонъ, митрополитъ Крутицкій, знатнѣйшее духовенство, бояре, окольничіе, думные люди и всѣ другія сословія отъ городовъ и сорока двухъ областей.

«На второмъ засѣданіи, на которомъ Государь уже не присутствовалъ, по прочтеніи Царскаго предложенія, митрополитъ и духовенство написали, что «они должны молить Бога о устроеніи всего міра и благосостояніи святыхъ церквей, а ратное дѣло имъ не за обычай; дѣло то есть Царя и бояръ его, а если рѣшатся на брань, они помогать готовы.»

«Стольники совѣтовали поручить удержаніе Азова однимъ Казакамъ, въ помощь имъ придать только охочихъ людей; а гдѣ взять припасы, объявили свое незнаніе. Впрочемъ начинать ли войну для Азова, на то воля Государева, а мы служить готовы. Стрѣльцы сказали: если рѣшатся на войну, то хлѣбные запасы для скораго подъема взять съ Украинскихъ городовъ и съ Троицкаго Сергіева Монастыря; если же въ казнѣ наличныхъ денегъ мало, то для скорыя Государевой службы взять у духовенства ихъ лежачую домовую казну.

«Дворяне Московскіе сказали, что Азовъ поручить защитѣ Казаковъ и охочихъ людей подъ начальствомъ Вейкова-

го Атамана, а хлѣбные и пушечные запасы отпустить изъ Царской казны. Воеводъ же послать въ Азовъ не прежде, какъ Казаки удержатъ его за Россіею. Владимірскіе, Нижегородскіе и Муромскіе дворяне сказали: «Будетъ Государю угодно, и онъ велитъ Азовъ принять; будетъ не угодно, онъ не велитъ принять; а гдѣ люди взять, и гдѣ деньги взять, Государева воля; бояре за насъ вѣчные промышленники, а мы служить рады.» Къ сему Владимірцы прибавили—«бѣдность наша Царю и боярамъ вѣдома.»

«Любовь къ отечеству и къ славѣ его раскрылись въ голосахъ, поданныхъ другими сословіями и иногородными дворянами. Мнѣніе Московскихъ дворянъ, Никиты Ивовича Беклемишева и Тимоѳея Сидоровича Желябужскаго, заслуживаетъ особое вниманіе: —они сказали: «Ту казну, какую посылаютъ въ подарокъ Крымцамъ, обратить на жалованье Войску Донскому и охочимъ людямъ. Азовъ взятъ и отстоенъ малыми людьми; и съ тѣхъ поръ, какъ взятъ, Татара не грабятъ нашей Украйны. При отдачѣ Азова всѣ Ногаи и Горцы будутъ у Турковъ; съ удержаніемъ его всѣ наши, и Россія оградится безопасностію. Если у Государя нѣтъ казны, пусть опредѣлитъ присяжныхъ добрыхъ, и велитъ имъ собрать со всѣхъ насъ по гривнѣ, и этого будетъ довольно на многіе годы; пусть разсмотритъ притѣсненія бѣдныхъ отъ людей сильныхъ и корыстовныхъ.

«Грѣхъ будетъ на насъ, говорили Новгородцы, Костромитяне, Смоленцы и всѣ другіе городовые дворяне и боярскія дѣти, если мы отдадимъ опять Христіанскій городъ бусурманамъ,» и прямо сказали,» Войну объявить, и всею землею за Азовъ крѣпко стать. Еще успѣемъ снарядить и устроить Азовъ. Вели только, Государь, не различать богатаго съ бѣднымъ; вели разсмотрѣть, отъ чего дьяки и подьячіе отяжелѣли, выстроили каменныя палаты, какихъ не бывало и у вельможъ при прежнихъ Государяхъ; вели разсмотрѣть поборы и даточныхъ людей съ монастырскихъ имѣній. Зачѣмъ лежачая казна у патріарха, митрополитовъ, епископовъ и въ монастыряхъ? Возмите ее на государственную нужду; прикажите собрать деньги и людей со всѣхъ подданныхъ по-ровну, по правдѣ, не исключая монастырскихъ и даже твоихъ дворцовыхъ служителей. Велите да-

точныхъ брать по сказкамъ, а не по писцовымъ книгамъ, и у тѣхъ, кто утаитъ, имѣніе взять въ казну; а всѣ итти готовы и рады работать головами и душею.

«Намъ читали, прибавили Каширцы, Ярославцы, Рязанцы и другіе, что Турки ведутъ войну не по одинъ годъ, но на это воля Божія: вольно Богу и въ малѣ времени укоротить. Въ Азовъ приличнѣе послать воеводъ и рать стрѣлецкую; ибо если и отдадимъ его Туркамъ, то тѣмъ войны съ бусурманами не избѣжимъ, и гнѣвъ Божій на все государство Россійское наведемъ. У Государя все есть: вели онъ кличь кликнуть, такъ явится народъ, а разорены мы, пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ, Московскою волокитою и отъ неправедныхъ судей.

«Купцы сказали: Тебѣ извѣстно, Государь, что Крымскіе и Ногайскіе Татары по всякъ годъ много берутъ полону, такъ, что многіе Украинскіе города и села опустѣли. Если сіе случается во время мира, то войною избѣжимъ сего, и не позволимъ бусурманамъ такъ поругаться нашей православной Вѣрѣ. Хотя худы стали торжишки наши отъ неправды управителей, да отъ Нѣмцевъ и Персіянъ: — они всѣ наши торжишки отбили, и воеводы потакаютъ имъ и ласкаютъ ихъ, а мы оскудали до конца; но готовы давать, что имѣемъ, и готовы итти сами и положить за Тебя свои головы.

«Разночинцы говорили: Пожары да подати, подводы да кормежныя деньги разорили насъ; разсуди насъ, Государь, съ нашими воеводами, да съ дьяками: они съѣдаютъ, что мы даемъ Тебѣ, Государю, а несмотря на то, за домъ Пресвятыя Богородицы и за Тебя, Отца-Государя, готовы итти сами и платить готовы.

«Замѣчательно, что разноголосныя мнѣнія членовъ собранія, сбивчиво, помѣщены сначала, потомъ изъ голосовъ сдѣлана выборка весьма краткая. Все непріятное боярамъ и дьякамъ выпущено; остались попреки на богатство духовенства, — въ заключеніе же рѣшенія еще кратче сказано: *Какъ угодно Царю и бояламъ, такъ и будетъ.*»

Мѣсто не позволяетъ намъ слѣдовать далѣе за авто-

ромъ въ его «Исторіи Донскихъ Казаковъ»: читатели найдутъ въ ней нѣсколько статей, запечатлѣнныхъ истинно романическою занимательностью, по случаю которыхъ даже и записные любители Исторіи охотно простятъ ей, по нашему примѣру, разныя погрѣшности противъ историческаго изложенія и строгой Критики. Несмотря на то, что Разинъ имѣлъ «всѣ качества витязя своего (XVII) вѣка,» то есть, отвагу и буйство (Стенька Разинъ былъ современникъ Великому Конде́, Тюренню, Карлу Лорренскому, герцогу Луксембургскому, Витту, Руйтеру, Монтекукулли, Іоанну Собѣскому, и поэтому или они были такіе же витязи какъ Стенька Разинъ, или онъ подобный имъ витязь!); несмотря на то, что его разбои въ Персіи называются «подвигами», а его разбои въ Россіи «злодѣйствами», несмотря на множество другихъ вещей, разсказъ Г. Броневскаго объ этомъ разбойникѣ отличается безспорнымъ превосходствомъ передъ всѣмъ, что только мы объ немъ читали. Исторія Казаковъ по необходимости теряетъ свой чудный, фантастическій колоритъ съ того времени, какъ подвиги ихъ начинаютъ составлять только часть безчисленныхъ лавровъ Русской арміи; однако жъ, собранныя отдѣльно и соединенныя авторомъ въ одно цѣлое, они образуютъ еще огромную массу славы, которая невольно приковываетъ читателя къ предмету повѣствованія.

Оканчивая рѣчь объ Исторіи, мы сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе: употребленіе бранныхъ и порицательныхъ эпитетовъ есть признакъ весьма дурнаго историческаго тона, и хорошіе писатели нашего времени отринули это мнимое средство теплоты и выразительности слога, потому что, во-первыхъ, Исторія должна говорить существительными, а не прилагательными, а во-вторыхъ, подобный слогъ не при-

личенъ философіи, которая должна всегда руководствовать перомъ историка.

Послѣ Исторіи Донскихъ Казаковъ находимъ мы, въ этомъ важномъ сочиненіи, статистику ихъ края, отрывокъ, очень хорошо написанный и заключающій въ себѣ много примѣчательнаго. Авторъ сообщаетъ намъ, между прочимъ, бюджетъ Донскаго Войска: доходы въ 1832 году простирались до 3,407,000 рублей; въ числѣ расходовъ находятся статьи на содержаніе гимназіи, училищъ, типографіи, воспитанниковъ при Московскомъ и Харьковскомъ университетахъ, ботаническаго сада, и т. п. Войско имѣетъ уже свой капиталъ въ два съ половиною милліона.

Г. Броневскій написалъ также краткую Исторію Калмыковъ, безъ которыхъ Исторія Дона была бы не полна. По несчастію для сочинителя эта статья теряетъ почти всю свою цѣну по причинѣ выхода въ то самое время двухъ пространныхъ и чрезвычайно любопытныхъ сочиненій о томъ же предметѣ, Отца Іакинѳа и Г. Нефедьева. Но, почтенный авторъ хотѣлъ исчерпать свой предметъ, и къ статистикѣ присовокупилъ еще этнографію, — описаніе нравовъ, обычаевъ и обрядовъ Донскихъ Казаковъ въ разныя времена ихъ существованія: послѣ первой (рыцарской) эпохи ихъ Исторіи, это самая занимательная часть книги. Какъ сочиненіе Г. Броневскаго безъ-сомнѣнія будетъ скоро въ рукахъ у всѣхъ нашихъ читателей, — оно по-истинѣ заслуживаетъ это, — то мы сообщимъ, имъ въ счетъ ихъ любопытства, только два небольшіе отрывка о нынѣшнихъ обычаяхъ Донскихъ нашихъ героевъ.

Со временъ Императора Александра I, домы высшаго сословія почти ничѣмъ не отличаются отъ жилищъ Русскаго дворянства, но тогда какъ мы, по части домашняго быта, уже сдѣлали успѣхи въ Политической Экономіи, наши Донскіе соотечественники

еще и знать не хотятъ про Ариѳметику, главную добродѣтель образованныхъ народовъ. Гостепріимство по-сіе-время осталось у нихъ на старомъ Русскомъ положеніи, которое не справлялось со счетами: гости дѣлаются хозяевами, а хозяинъ слугою всѣмъ, и тутъ ужъ нѣтъ ничего завѣтнаго, — лишь бы ѣлось и пилось.

«Лишь только проснулись, подаютъ чай и кофе; немного послѣ, ставятъ на столъ въ гостиной сытную закуску, водку сладкую, травникъ, запеканку, отъемное царское вино и мадеру. Закуска, состоящая изъ разныхъ препаратовъ, по вкусу и состоянію хозяина приготовленныхъ, не снимается со стола до самаго обѣда. За столомъ сытнымъ и преизобильнымъ, сначала подаютъ мадеру и другія вина; послѣ жаркаго начинаются тосты: сколько гостей, и сколько у кого друзей и пріятельницъ, отсутствующихъ и присутствующихъ, пьютъ за здоровье шипячимъ Донскимъ виномъ; подчиванье заключается разными наливочками, съ ногъ сбивательными. Послѣ обѣда подаютъ кофе, и ставятъ на столъ разныя варенья, пастилы, конфекты, *инжиръ* * и фрукты. Между небольшими антрактами, подаютъ разныхъ сортовъ меда, водицу наподобіе шампанскаго, только поспиртоватѣе. За чаемъ рѣдко пьютъ, а болѣе *варенуха*, родъ глинтвейна, отъ котораго такъ же какъ и отъ стакана рому, скорехонько въ ушахъ зазвенитъ. За ужиномъ то же подчиванье. Любимымъ или почему-либо предпочитаемымъ гостямъ, ихъ людямъ и лошадямъ корму наотвалъ, прочимъ вдоволь. Словомъ, здѣсь тороватаго съ богатымъ не различишь; и не у богатаго или чиновнаго, а у привѣтливаго и угостительнаго, гостей болѣе собирается. Такіе пиры, безъ сборовъ и пріуготовленій, часто продолжаются по недѣлѣ.

«Женщины хотя и участвуютъ во всѣхъ собраніяхъ, но отъ обращенія съ молодыми мужчинами, по скромности, уклоняются. Старички сидятъ особо, и иногда, пригласивъ къ себѣ сельскаго священника, попивая, странными голо-

* Сухіе привозимые изъ за границы фрукты, какъ-то винныя ягоды, изюмъ, миндаль, финики, и проч.

сами поютъ духовныя стихеры, и вперемежку разсказываютъ въ тысячный разъ про свои подвиги. Тутъ хвастливому пространное поле: постороннему, чтобы не помѣшать бесѣдѣ, должно притвориться вѣрующимъ, будто они одни завоевали Европу, и отправили Наполеона на Островъ Св. Елены. Впрочемъ, и есть чѣмъ похвалиться; многіе изъ нихъ служили во всѣхъ походахъ отъ 1770 до 1815 года включительно, — періодъ славный въ нашихъ лѣтописяхъ, и знаменитый для Донскихъ нашихъ сослуживцевъ. Старушки, усѣвшись на почетныхъ мѣстахъ особнячкомъ, по старинному обычаю, перекрестя пальцы скромно, почти не шевеля головою, молчатъ. Молодыя дамы между собою говорятъ о хозяйствѣ и нарядахъ; дѣвицы о балахъ и женихахъ, которыхъ послужные списки наперечетъ имъ извѣстны, хотя онѣ съ ними ни какого обращенія не имѣютъ. За столъ кавалеры ведутъ дамъ подъ ручку, а пришедши въ залу, дамы и кавалеры садятся по разнымъ сторонамъ; на балѣ тоже: оттанцовавши и не сказавши иногда и слова, расходятся съ поклономъ врознь. Дѣвица чинно садится между подругъ, а кавалеры въ другой комнатѣ, или лѣтомъ на *галдареѣ*, принимаются за трубки, выпьютъ травнику или рюмочку донскаго, и опять танцуютъ. Свободнаго свѣтскаго обращенія хотя нѣтъ еще, но дамы вообще любезны и обходительны; только, по принятому приличію, не хотятъ казаться такими въ публикѣ, — въ домѣ же у себя очень привѣтливы.»

Описаніе увеселеній на масляницѣ очень любопытно, но мы обратимся къ особенной чертѣ благородныхъ собраній того края.

«Въ прощеный день и въ другіе праздники въ нѣкоторыхъ домахъ наблюдается этикетъ, ни мало не сходствующій съ простотою нравовъ и радушнымъ гостепріимствомъ, вообще всѣми наблюдаемымъ. Хозяйка съ дочерьми, принарядившись, садится за столъ, и принимаетъ посѣтителей по чинамъ ихъ или по богатству. При входѣ однихъ она не трогается съ мѣста; другимъ небрежно кивастъ головою; иныхъ сажаетъ на креслахъ по правую себя руку, иныхъ по лѣвую, другимъ же показываетъ стулъ подалѣе отъ себя; нав

конецъ, знатныхъ встрѣчаетъ у дверей, вмѣстѣ съ мужемъ, вводитъ ихъ въ комнату подъ руки, провожаетъ даже на крыльцо, смотря по чину или по важности занимаемаго имъ мѣста. Чиновный ея мужъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, принимаетъ съ ласкою только высшихъ себя, и съ важностію равныхъ или по чему-либо нужныхъ ему людей. Старики дѣлаютъ посѣщенія не изъ свѣтскаго приличія, ибо просить прощенія въ винахъ и грѣхахъ своихъ почитается здѣсь, какъ и во всей Россіи, долгомъ Христіанскимъ, обрядомъ истинно священнымъ. Молодые ѣздятъ прощаться по иному побужденію, — сорвать поцѣлуй, что, по обычаю, допускается. Люди званія низшаго, торговцы и офицеры, непринадлежащіе къ именитымъ родамъ дворянства, приносятъ въ даръ почтѣйшимъ, коихъ покровительство можетъ когда-либо имъ пригодиться, большой пряникъ или что-нибудь изъ сластей. Въ послѣдній день масляницы, по всѣмъ улицамъ, изъ дома въ домъ бѣгаютъ, суетятся; пьяные и трезвые, пѣшіе и конные стрѣляютъ, кричатъ и поютъ. Городъ какъ бы въ мятежѣ, но жители съ миромъ и любовію провожаютъ масляницу и *прощеный день*, подобно тому, какъ Греки и Римляне нѣкогда праздновали вакханаліи. Въ понедѣльникъ Великаго Поста, съ крестомъ и земнымъ поклономъ, принимаются за грибки и капусту, но отъ винца не отказываются: имъ, какъ говорятъ, *промываютъ ротъ*.»

Вотъ, что на Дону называютъ «купать на вербное»: этотъ обычай католическихъ странъ вѣроятно сообщенъ тамошнимъ жителямъ Малороссійскими Казаками:

«Бросать въ воду тѣхъ, которые проспали заутреню на великіе праздники, по лѣности или по нечестію, ведется на Дону изстари. Обычай сей присвоенъ вербному воскресенію. Вышедшіе изъ церкви, раздѣлившись на партіи, спѣшатъ по домамъ отыскивать спящихъ, и нашедъ, сѣкутъ ихъ вербами, припѣвая: *Верба хлестъ, бей до слезъ; не я бью, верба бьетъ*! Потомъ схватываютъ лѣнивца, выносятъ изъ дома на рукахъ, и погружаютъ его въ первую попавшуюся лужу, или обливаютъ его нечистою водою. Днемъ

пируютъ по лѣнивымъ, то есть, приходятъ къ наказаннымъ пить и пировать. Татара и другіе иновѣрцы, которымъ наканунѣ сего дня случится ночевать въ станицѣ, чтобы не подвергнуть себя смрадному погруженію, ветаютъ до окончанія заутрени.

«До временъ Атамана Алексѣя Ивановича Иловайскаго, каждая станица наряжала на случай тревоги опредѣленное число очередныхъ Казаковъ. Кто по лѣности или нерадѣнію опаздывалъ на сборъ, также наказывался нечистымъ погруженіемъ, и также поилъ своихъ товарищей.»

Отъ Дона не далекъ путь на Кавказъ: вотъ почему авторъ описалъ еще Кавказскія минеральныя воды. Мы, право, не знали того, что Г. Броневскій очень пріятный юмористическій писатель! Кто бы могъ подумать, что сочиненіе, начинающееся разсужденіемъ о Скиѳахъ и Черныхъ Клобукахъ, кончится рѣчію о прелестныхъ чепчикахъ мадамъ Гзавіѐ? Однако жъ такъ случилось. Эта четвертая часть книги Г. Броневскаго есть Путешествіе въ родѣ Англійскихъ tours и sketches, – странствованіе черезъ Землю Донскихъ Казаковъ, въ Пятигорскъ, къ водамъ, – личныя приключенія автора въ странѣ, которой сочинилъ онъ Исторію, – картины нравовъ простудившихся и одержимыхъ геморроемъ, – очерки милые, умные, забавные. Мы бы желали, чтобъ всѣ Исторіи оканчивались такъ весело.

Авторъ поочередно описываетъ Новочеркаскъ, дорогу на Кавказъ, городъ Пятигорскъ, садъ, купальни, окрестности, Черкесовъ и обратный свой путь на Сѣверъ. Судя по этому описанію, Пятигорскіе больные скучнѣе самыхъ Черкесъ, которые, конецъ концовъ, очень милые люди, по-крайней-мѣрѣ въ сравненіи съ Пятигорскими больными. Послѣ обѣда всѣ пріѣзжіе больные, съ своими больными (больными – въ женскомъ родѣ), идутъ гулять на бульваръ, который кишитъ тогда народомъ, и являетъ нѣкоторый

видъ Венеціянскаго карнавала: столичныя и провинціяльныя моды представляютъ смѣсь, истинно маскарадную: кто во фракѣ и Черкесской шапкѣ, кто въ плащѣ и въ колпакѣ, кто въ буркѣ и подъ вуалью, кто въ панковомъ сюртукѣ и шитомъ золотомъ картузѣ, кто съ тюфякомъ на головѣ и ковромъ подъ мышкою. И всѣ искривлены на разные манеры, чтобъ казаться больнѣе! Замѣтьте, что, на этихъ кислыхъ прогулкахъ и въ собраніяхъ, здороваго и въ грошъ не ставятъ, и тотъ у нихъ почтеннѣе, кто больше разбитъ ревматизмомъ. Чахоточнымъ всѣ кланяются какъ фельдмаршаламъ.

«Мужчины и въ сихъ собраніяхъ наблюдаютъ простоту, слагаютъ съ себя внѣшніе знаки почестей, и посѣщаютъ дамъ просто въ сюртукахъ и безъ орденовъ. Дамы, и здѣсь какъ и вездѣ, являются съ пышностію; но, за неимѣніемъ ли столичныхъ модъ или собственнаго вкуса, на бульварѣ и въ собраніи встрѣчаешь часто непріятную для глазъ пестроту. И горе *той*, которой Граціи открыли тайну ловко одѣваться! Женщины объявятъ ей войну, войну непримиримую, и за головной уборъ, сдѣланный искусными руками Петербургской модистки, нервы ихъ до того разстраиваются, что врядъ ли и самый Нарзанъ принесетъ имъ пользу. И тогда, побѣжденныя ѣдутъ скрыть свой стыдъ за Кавказъ, въ Крымъ, въ Вятку, въ Малороссію. Провинціялка съ хорошенькимъ личикомъ, и въ собраніи и на бульварѣ, является въ томъ же нарядѣ, и, сказываясь больною, танцуетъ во всю ночь до упаду. На сихъ балахъ, враждованіе дамъ становится еще явственнѣе, и холодность ихъ обращенія между собою едва прикрывается завѣсою пристойности. Генеральскія дочки танцуютъ съ адъютантами своихъ отцевъ, а другія дѣвицы, не имѣя знакомыхъ, остаются праздными зрительницами: однѣ съ досады уходятъ, другія, просидѣвъ на одномъ стулѣ до самаго разсвѣта, оставляютъ домъ собранія, чуть не со слезами на глазахъ.»

Должно знать, что въ Пятигорскѣ много бываетъ Петербургскихъ жителей. Изъ этого вы можете пред-

ставить, сколько тамъ оригиналовъ. Петербургскій житель, – особенно Петербургскій въ полномъ смыслѣ слова, – Петербургскій въ превосходной степени, – самый Петербургскій, который движется только ночью; который восемь мясяцевъ живетъ впотмахъ, а четыре остальные критикуетъ солнце; который не доволенъ всѣмъ, пресыщенъ всѣмъ, доволенъ только собою и своимъ зеркаломъ; котораго мысль имѣетъ только одну логическую форму, – презрѣніе; для котораго даже Библіотека для Чтенія дурной журналъ, потому что она издается по-Русски и что онъ не успѣваетъ читать ея за своимъ зеркаломъ, пуделемъ и самолюбіемъ; для котораго наконецъ все дурно, кромѣ послѣдней Французской книги, тоже извѣстной ему только по заглавію, – этотъ человѣкъ въ Пятигорскѣ! Стоитъ съѣздить въ Пятигорскъ хоть бы для того, чтобъ посмотрѣть тамъ на Петербургскаго жителя.

«Привыкшіе къ роскоши и ко всѣмъ удобствамъ жизни, представляютъ здѣсь самое несчастное созданіе. Одинъ смотритъ на все въ увеличительное критическое стекло, другому всѣ предметы кажутся не на мѣстѣ, иному все надоѣло: онъ вздыхаетъ о прогулкахъ по Невѣ, объ Островахъ, о театрѣ, о пивѣ, о женѣ, – и не вѣдомо еще о чемъ.....

«Другой мой пріятель удивлялся, какъ я могу умываться одною рукою, и одѣваться съ пособіемъ одного только слуги, какъ между-тѣмъ онъ при сихъ дѣйствіяхъ и при вареніи кофе, не можетъ обойтися безъ пяти лакеевъ!

«Провинціяльная причудница, богатая и роскошная, добрая и готовая на всякой благородный подвигъ, пріѣхала съ огромною свитою праздныхъ слугъ, служанокъ, фаворитокъ и приживалокъ; привезла, сверхъ того, двухъ кошекъ и трехъ мосекъ, къ которымъ вскорѣ присоединились нѣсколько паръ фазановъ и двѣ дикія козочки; – и, не нашедъ дома, приличнаго для помѣщенія всѣхъ своихъ животныхъ и домочадцевъ, проклинала здѣшнюю кочевую жизнь, дивилась

и понять не могла, почему въ Пятигорскѣ нѣтъ того, что есть у нее въ деревнѣ, и въ Москвѣ.

«Лучшій изъ оригиналовъ, годный въ кунсткамеру, или на футляръ для контръ-баса, вѣсомъ пудовъ въ десять, лысый, жирный и, по обширности живота своего, давно уже не видавшій своихъ ногъ, снѣдая по шести разъ въ день, и поглощая всякаго рода съѣстныхъ припасовъ и питей до полутора пуда, всѣмъ жаловался на доктора, что предписалъ ему діету столь строгую, что онъ боится умереть отъ ней съ голоду!

«Наконецъ, ипохондрики составляютъ многочисленный классъ жалкихъ шутниковъ: но какъ ихъ шутки не слишкомъ забавны, то я упомяну только объ одномъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ молодой и къ несчастію чрезвычайно мнительный, вообразилъ, что онъ ничего не можетъ кушать, кромѣ одного бульону, и, съ помощію снисходительныхъ, на все согласныхъ медиковъ, лекарствами и діетою истощилъ себя до того, что наконецъ въ сильнѣйшей ипохондріи отправили его какъ безнадежнаго на Кавказъ. Дорожное движеніе, перемѣна воздуха, пріятное препровожденіе времени и воды благодѣтельнаго Машука, облегчили, разсѣяли сумрачныя его мечты. Въ свободныя отъ припадковъ слабодушія минуты, нашъ ипохондрикъ, по просьбѣ пріятелей, рѣшился пообѣдать; проглотилъ нѣсколько ложекъ супу, сжевалъ цыплячье крылышко, выпилъ рюмку шампанскаго, и, полагая, какъ думать должно, что онъ пресыщеніемъ отравилъ себя, поспѣшилъ предупредить мученія смерти. Послѣ обѣда весело раскланялся онъ съ гостьми, легъ отдохнуть, выслалъ изъ комнаты всѣхъ людей, и — пистолетнымъ выстрѣломъ разбилъ себѣ голову.

«Между прочими оригиналами, нашелъ я одного, котораго нельзя было не полюбить, нельзя не замѣтить. Какъ Пирропа называли машиною для эпиграммъ, такъ его можно назвать машиною памяти. Онъ все знаетъ, и все помнитъ: происшествія допотопныя, также какъ и нынѣшнія закулисныя, достопамятное и мелочное, святцы и родословныя, событія, къ разряду любовныхъ приключеній принадлежащія, и тайны Европейскихъ дворовъ, — все у него наизусть, все на перечетъ, по числамъ, по часамъ. Эта ходячая лѣ-

топись, лексиконъ, энциклопедія, какъ вамъ угодно назвать, очень притомъ добраго нрава, и въ существѣ своемъ противорѣчіе странное и никакъ не ожиданное. При столь обширныхъ познаніяхъ и памяти, онъ ни одной строки въ жизни не написалъ своею рукою, и въ отношеніи къ себѣ не помнитъ ничего, что дѣлаетъ: выходитъ на прогулку въ одномъ сапогѣ, и собирается на балъ, бывшій прошедшаго четверга. Въ глазахъ его блистаетъ умъ, но всѣ движенія и самые члены изображаютъ лѣнь безпробудную, доброту неисчерпаемую. Мнѣ не случалось встрѣчать ни одного лица, такъ много говорящаго. Пальцы его, кажется, сдѣланы только для того, чтобы давать. Онъ подастъ нищему монету, первую, какая ему въ кошелькѣ попадется, никогда не вспомнитъ взять сдачи съ купца, и, подобно Святому Мартину, готовъ отдать плащъ, послѣднюю рубашку проходящему, имѣющему въ томъ нужду; отдавъ, преравнодушно онъ садится дома на мягкій диванъ, а за неимѣніемъ его просто на полъ, не думая о томъ, что нынѣ и завтра нечего кушать. Словомъ мой добрый лѣнивецъ — существо достойное уваженія!»

Съ Кавказа не далеко ужъ завернуть и въ Арменію. Вотъ почему, при сей вѣрной оказіи, мы скажемъ нѣсколько словъ объ «Исторіи Армянскаго Народа,» С. Н. Глинки. Мы не долго будемъ оставаться въ Арменіи, гдѣ, впрочемъ, и дѣлать нечего.

Нужно быть сердитымъ и кровожаднымъ какъ тигръ, чтобъ запустить острые критическіе зубы въ такое невинное твореніе, какъ «Исторія Армянскаго Народа,» которая преспокойно лежитъ передъ нами. На Г. Глинку гнѣваться не возможно. Онъ такъ страстно любитъ человѣка и человѣчество, такъ пламенно желаетъ людямъ добра, и ненавидитъ войну, ссоры, кровопролитія, такъ добродушно вѣритъ всему, чему вѣрятъ Армяне, — даже тому, что Турки и Персіяне питаютъ къ нимъ уваженіе, — что обезоруживаетъ васъ своимъ чистосердечіемъ при первыхъ страницахъ, и даже заставляетъ смѣяться отъ чистаго сердца. Этотъ

почтенный Славянинъ Бѣлусъ, или Бѣлъ, называемый въ Библіи Немвродомъ, очень забавенъ, несмотря на то, что онъ душитъ бѣдныхъ его Армянъ. Мы повстрѣчались въ этой Исторіи съ Куръ-де-Жебленомъ, журналомъ des Débats и другими столь же знаменитыми историками, которыхъ бесѣда весьма пріятна и назидательна. Жаль только, что тутъ не было Г. Сенъ-Мартена, который такъ умно разсуждаетъ объ Армянской Исторіи. Вмѣсто его, авторъ позвалъ двухъ Армянъ, Шапана Цирбита и Якова Шамирова, препустыхъ компилаторовъ, хвастуновъ, прямыхъ Азіятцевъ, и заставилъ ихъ разсказывать дѣла своего народа, а самъ сѣлъ слушать ихъ, и вѣрить. Какъ жестоко надували они добраго и человѣколюбиваго хозяина, вы можете судить по слѣдующимъ немногимъ обстоятельствамъ: они увѣрили его, что Авгаръ былъ царь Армянскій; что Армяне приняли Христіанскую Вѣру въ самомъ началѣ нашей эры, что Тамерланъ былъ Армянинъ и тому подобное. Послѣ этого стоило только выбросить Цирбита и Шамирова въ окошко! Но авторъ такъ снисходителенъ, что выслушалъ ихъ до конца съ удивительнымъ терпѣніемъ, и еще списалъ вѣрно всѣ ихъ бредни, приправилъ ихъ мыслями Нибура, Гердера, Герена, Гизо, и напечаталъ.

Исторія Армянъ, которыхъ государство находилось внутри Азіи, и имѣло постоянныя сношенія съ разными древними и новѣйшими народами той части свѣта; которые были свидѣтелями всѣхъ ея переворотовъ и нерѣдко ихъ жертвами; которые, подобно Евреямъ, отъ глубокой древности и до нашихъ временъ всегда и вездѣ сохраняли свой народный, самобытный характеръ, несмотря на разсѣяніе ихъ племени по всѣмъ странамъ вселенной; которые никогда не забывали своего отечества, и писали объ его бѣдствіяхъ, о своихъ страданіяхъ, о поступкахъ съ ними ихъ разно-

племенныхъ притѣснителей, – такая Исторія, озаренная факеломъ Критики, чрезвычайно важна для наукъ Европейскихъ, и достойна всего нашего любопытства. Мы искренно сожалѣемъ, что авторъ, вмѣсто грубыхъ сказокъ Цирбита и Шамирова, не перевелъ намъ превосходнаго сочиненія Г. Сенъ-Мартена.

Судя по заглавію, – «Обозрѣніе Исторіи Армянскаго народа отъ начала бытія его до возрожденія Армянской Области,» – мы полагали сначала, что это будетъ панегирикъ реченному народу, во славу его представителей. Но предисловіе тотчасъ вывело, насъ изъ заблужденія: авторъ спѣшитъ объявить, что онъ не имѣетъ въ предметѣ писать панегирикъ, а сочиняетъ чистую Исторію. Впрочемъ даже и эта предосторожность была не нужна: подобная книга ни кѣмъ не можетъ быть принята въ похвалу себѣ. Но нѣтъ худа безъ добра: даже и въ этомъ сочиненіи есть хорошія мѣста, заслуживающія вниманіе любителей Исторіи. Свѣдѣнія, собранныя авторомъ объ отношеніяхъ Русскаго Правительства къ Армянамъ со временъ Петра Великаго, и о дѣйствіяхъ фамиліи Гг. Лазаревыхъ на пользу своего народа, очень любопытны.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОКТЯБРЬ, 1834.

Зломилла и Доброправа, дѣвы горъ, *или Встрѣча съ Казакомъ. Кавказская Повѣсть. Первый опытъ въ поэзіи* П. Маркова. *Москва, въ тип. Лазаревыхъ*, 1834, *въ*-12., *стр.* 65.

Когда вышли первые опыты въ поэзіи лорда Байрона, опыты очень неудачные, славный Англійскій критикъ, Джеффри, совѣтовалъ ему никогда не писать стиховъ. Я бы охотно подалъ такой же совѣтъ Г-ну П. Маркову, но боюсь ошибиться подобно славному Джеффри, если Г-нъ Марковъ, послѣ этого опыта, вдругъ сдѣлается Байрономъ. Почему знать!

Эдуардъ, *Повѣсть*. Н. Краснопольскаго. *Москва, въ тип. Селивановскаго*, 1834, *въ*-8. *Двѣ части, стр.* 43 – 45.

Двѣ тысячи пятьсотъ стиховъ! Буало исчислилъ – Буало отлично умѣлъ исчислять цѣны вещамъ, – что хорошій сонетъ, въ которомъ, какъ извѣстно, только четырнадцать стиховъ, одинъ стоитъ длинной поэмы. Такъ, если кто вамъ дастъ четырнадцать истинно хорошихъ стиховъ, отдайте жъ ему эти двѣ тысячи пятьсотъ, – и дѣло съ концемъ.

Новѣйшій и отборнѣйшій Россійскій Пѣсенникъ, *съ картинами. Въ двухъ частяхъ. Москва, въ тип. Пономарева*, 1834, *въ*-12, *стр.* 120.

Обманъ въ любви, *или все дѣло въ ширмахъ. Оригинальная Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе* В. Свѣшникова. *Москва, въ тип. Пономарева*, 1834, *въ*-12, *стр.* 101.

Уланскій Анекдотъ, *или Сюрпризы. Комическая Опера, сочиненная поручикомъ* Дм. Брайкевичемъ. *Николаевъ, въ тип. Гидрографическаго Черноморскаго Депо*, 1834, *въ*-8, *стр.* 120.

Дочь знаменитаго Артиста. *Комедія-Водевиль, сочиненіе Балленева и Шарля, переведенная съ Французскаго.* Д. А. Шепелевымъ. *С.-Петербургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи,* 1834, *въ*-8., *стр.* 63.

La fille de Dominique, — такъ называется этотъ Водевиль въ подлинникѣ, — пьеса очень невинная по своему содержанію, плѣнила здѣшнюю Франко-Русскую публику единственно по случаю искусной игры Г-жи Соннѐ-Лебланъ, явившейся въ роли Катерины милою и умною актрисою. Переводчикъ, по-видимому, принадлежалъ къ этой публикѣ, и такъ плѣнился игрою Г-жи Соннѐ-Лебланъ, что сейчасъ перевелъ и напечаталъ самый Водевиль. Но какъ Г. Шепелевъ напечаталъ его безъ правописанія и безъ Г-жи Соннѐ-Лебланъ, то вся прелесть пьесы исчезла для читателей. «Дочь знаменитаго артиста» можетъ представлять Парижской публикѣ особенный интересъ мѣстныхъ театральныхъ преданій, сопряженныхъ съ исторіею національной Словесности: намъ эта дочь, даже дочка этой дочери, ничего не представляютъ. Многіе ли у насъ знаютъ, кто такой былъ Баронъ? Да и какая нужда знать его Русскимъ? Занявшись переводомъ подобнаго сочиненія, Г. Шепелевъ, по мнѣнію нашему, сдѣлалъ самый несчастный выборъ; переведши poulettes «цыплятками» и lieutenant-général du Béarnais «Генералъ-лейтенантомъ Беарна», онъ сдѣлалъ самый несчастный переводъ, придавъ ему такіе куплеты, каковъ напримѣръ слѣдующій, —

Что за диво, другъ любезной,
Что плѣняемъ мы игрой,
Если каждой новизной
Полъ волнуется прелестной? —

онъ придалъ самое несчастное украшеніе. Но какъ ужъ пойдетъ кому-нибудь несчастіе!.... Вотъ, напримѣръ «Досуги Пустынника» —

Досуги Пустынника. *Москва, въ тип. Университетской,* 1834, *въ*-12., *стр.* 266.

Если переводчикъ «Дочери знаменитаго артиста» возметъ на себя трудъ прочитать ихъ со вниманіемъ, то онъ увидитъ, что все въ мірѣ суета. Водевили, переводы, Критики, все, все суета: Критики еще болѣе, чѣмъ переводы. Ученость — суета. Просвѣщеніе — суета. Даже *освѣщеніе* — суета. Ро-

мантизмъ — тоже суета, потому что «романтизмъ не есть признакъ хорошей организаціи ума и сердца.» Одно невѣдѣніе не суета: невѣдѣніе — вещь чрезвычайно положительная. Зная, можешь знать дурно, но если ужъ ни знаешь, такъ не знаешь основательно, отчетисто: тутъ нельзя не забыть, ни ошибиться. Разсужденіе такое очень утѣшительно.

Безъименный пустынникъ употребляетъ, кажется, досуги свои на то, чтобъ доказывать, что просвѣщеніе не согласно съ истиннымъ духомъ Христіанства. Я смѣю почитать себя ровно столь же хорошимъ Христіаниномъ, какъ и почтенный пустынникъ, но никогда не скажу этого. Многіе Отцы Церкви были мужи безконечно ученые. Св. Августинъ зналъ все, что только люди знали въ его время: да и большая часть знаменитыхъ ученыхъ новѣйшаго міра, несмотря на свою ученость, славились примѣрными Христіанами. Неужели Ньютона, Кеплера, Кювьѐ, можно упрекнуть въ недостаткѣ вѣрованія? Неужели во времена невѣжества, которое почтенный пустынникъ смѣшиваетъ съ Евангельскимъ невѣдѣніемъ, не было порока, расколовъ и безбожія, не было ересіарховъ и атеистовъ? Евангельское невѣдѣніе, — невѣдѣніе нравственное, отвлеченное, невѣдѣніе всего злаго, порочнаго и ложнаго, дѣтская простота души, о которой говоритъ нашъ Спаситель, — такъ же хорошо можетъ сіять въ человѣкѣ, знакомомъ со всѣми тайнами Природы, какъ и въ томъ, кто только смотритъ на Природу. Чѣмъ болѣе совершенствуются Науки, тѣмъ сильнѣе каждая изъ нихъ подтверждаетъ мудрость и могущество Бога, тѣмъ дружнѣе всѣ вмѣстѣ мирятъ онѣ недовѣрчивость съ высокими истинами Откровенія. Наша планета теперь именно вступила въ тотъ счастливый и блистательный періодъ своей вселенской жизни, когда свѣтъ Вѣры и науки начинаютъ сливаться въ одну массу; когда знаніе, долго бывшее враждебнымъ Религіи, постепенно покорятся передъ нею, и само подноситъ ей свои великія открытія для подкрѣпленія господства ея надъ человѣкомъ и его счастіемъ. Проживъ безвѣріе гордаго полузнанія, которое окунуло въ кровь вѣкъ осмнадцатый, мы казалось бы, должны бъ быть благодарны просвѣщенію, такъ скоро отдѣлившему насъ стѣною свѣта отъ этой мрачной эпохи за-

блужденія и злополучія; должны бы пособлять всѣми силами его успѣхамъ, чтобы оно умчало насъ отъ нея какъ можно дальше, а не вооружать противъ него умы, еще непримѣчающіе его благодѣяній! Я увѣренъ, что переводчикъ «Дочери знаменитаго артиста» совершенно согласенъ со мною въ этомъ отношеніи. Но почтенный пустынникъ думаетъ совсѣмъ иначе: онъ не жалуетъ просвѣщенія, учености, наукъ, потому что они «не дѣлаютъ человѣка лучшимъ»!

Отдавая полную справедливость благонамѣренности почтеннаго пустынника, мы, — я и переводчикъ «Дочери артиста,» — долгомъ считаемъ покорнѣйше представить на его соображеніе, какъ неумѣстно и даже вредно у насъ, въ наше время, подвергать анаѳемѣ все «нынѣшнее» просвѣщеніе, въ которомъ конечно можно отличать на досугѣ разные недостатки, неизбѣжные во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, но котораго никакъ нельзя опорочивать безусловно, и еще отъ имени Религіи. Изъ всѣхъ наукъ, почтенный пустынникъ уважаетъ, кажется, одну Грамматику. Конечно, это очень хорошая наука, быть-можетъ одна изъ всѣхъ, которая видимо дѣлаетъ человѣка лучшимъ; но мы не думаемъ, чтобы она много улучшила излишнюю гнѣвливость автора, и чтобы гоненіе, объявленное имъ, на какого-то Г-на Г. Р., который, по словамъ Досуговъ, «не имѣетъ ни какихъ познаній въ Русской Грамматикѣ,» совершенно сходствовало съ духомъ той Христіанской кротости, того Евангельскаго смиренія, какія желаетъ онъ перелить изъ себя въ читателя. Забота почтеннаго пустынника о грамматическихъ свѣдѣніяхъ Г-на Г. Р. — тоже суета, большая суета, и весьма непріятно поражаетъ умъ въ твореніи аскетическомъ, среди отрывковъ, оригинальныхъ и переводныхъ «съ иностраннаго», посвященныхъ предметамъ высокимъ, дышащихъ вѣрою и небомъ, и вполнѣ способныхъ принести душевную пользу читателямъ, не думающимъ ни о Грамматикѣ, ни о романтизмѣ, ни о познаніяхъ Г-на Г. Р. въ языкѣ, ни о таковыхъ же самого автора Досуговъ.

Лучшею статьею въ этой книгѣ считаемъ мы разсужденіе «О бѣдности Іисуса.» Названія нѣкоторыхъ другихъ

статей суть: Исторія человѣка, дознавшаго, на опытѣ для чего онъ жилъ на свѣтѣ, — Одинъ грѣхъ есть такое зло, котораго должно избавиться, — Праведникъ во вѣки не поколеблется, — Правосудіе, — Вздохъ о самомъ себѣ, — Гармонія, и прочая.

Разсказы Волжанина. *С.-Петербургъ, въ тип. Глазунова*, 1834, *въ*-12. *Двѣ части, стр.* 145.

Малороссійскія повѣсти, *разсказанныя* Грицькомъ Основъяненкомъ. *Книжка первая. Москва, въ тип. Лазаревыхъ*, 1834, *въ*-12., *стр.* 380.

Эта книжка заключаетъ въ себѣ три Повѣсти, — Салдацкій патретъ, — Маруся, — и Мертвецкій велыкъ-день.

«Бувъ соби колысь-то якыйсь-то маляръ, ось науми мотаетца какъ его звалы, та не згадаю.... Ну, дарма; маляръ та-й маляръ. И що то бувъ за скусный! Тамъ морока его зна, якъ-то гарно малевавъ! Чы вы, братикы, що чытаете або слухаете сюю книжку, думаете, що винъ такъ малевавъ соби просто, абы якъ? що тилько размиша краску? чы червону, чы буракову, чы жовту, та такъ просто й маже чы стиль чы скрыню? Э, ни; трывайте лышень! — якъ що вздрыть, такъ съ него патрсть и вчеше, хочь бы тоби видро, або *свыня*, такы жившенько воно й е.....»

Настоящія Малороссійскія Повѣсти, — какъ *сіе* можно видѣть изъ приложеннаго при *семъ* списка началу *оныхъ* Повѣстей.

Ночь въ Рождество Христово. *Русская Повѣсть девятнадцатаго столѣтія. Сочиненіе И. М. Т. Актера* К. Баранова. *Москва, въ тип. Университетской*, 1834, *въ*-12. *Три части, стр* 226 — 204 — 199.

Изувѣченный, *историческая Повѣсть семнадцатаго столѣтія. Сочиненіе К. Б. Сентина. Переведенная съ Французскаго И. М. Т. Актеромъ* К. Барановымъ. *Москва въ тип. Степанова*, 1834, *въ*-12. *Двѣ части, стр.* 122 — 193.

Когда недавно Французская Словесность, или книжная торговля, объявила премію тому, кто выдумаетъ ужаснѣйшее истязаніе для человѣка, нѣкто Г. Сентинъ, весьма посредственный писатель, въ одно утро перещеголялъ всѣхъ тогдашнихъ чернильныхъ палачей, представивъ Словесности или торговлѣ юношу, разумѣется поэта, — тогда были въ модѣ по-

эты, — юношу и поэта съ бурнымъ сердцемъ и высокими поэтическими вдохновеніями, которому, за стихи въ защиту «правъ народа,» отрѣзали языкъ и руки; который хочетъ писать стихи, и не можетъ управиться съ перомъ; который силится импровизировать поэму, и издаетъ только пронзительное мычаніе. Эта выдумка имѣла большой успѣхъ цѣлую недѣлю, какъ идея новая, очень жестокая, отличная, хотя сказка о Танталѣ была выдумана гораздо прежде и немножко замысловатѣе. Но скоро другіе распилили человѣка надвое, третьи содрали съ него кожу, четвертые повѣсили его за ноги, и «Изувѣченный» Г. Сентина былъ помраченъ изящнѣйшими картинами страданій, оставленъ, забытъ. Г. Барановъ нынче возобновилъ его, — для какой цѣли, не знаю; но справедливость велитъ сказать, что возобновленіе выполнено слогомъ довольно пріятнымъ, и не заключаетъ въ себѣ такихъ погрѣшностей, которыхъ бы нельзя было простить въ переводѣ посредственнаго сочиненія. Мы читали тоже и оригинальный Романъ Г, Баранова, «Ночь на Рождество Христово.» Какъ же! и очень читали. Но мы рѣшились говорить только о переводномъ.

Повѣсть Г. Сентина названа историческою, потому что основана на искаженномъ анекдотѣ, который, если бъ доказать его подлинность, былъ бы остроумнѣе всей Повѣсти. Сикстъ V, сынъ бѣднаго поселянина, достигъ папскаго сана посредствомъ долгаго и томительнаго лицемѣрства. На другой день, кто-то изъ Римскихъ шутниковъ вывѣсилъ портретъ его на статуѣ Пасквина, подписавъ подъ нимъ слова — Et homo factus est! — которыя, въ отношеніи къ лицу, очевидно содержали въ себѣ насмѣшливый смыслъ — «Наконецъ и онъ сдѣлался человѣкомъ!» Тонкое это примѣненіе священнаго изрѣченія къ случаю, несмотря на свою язвительность, говорятъ, такъ понравилось папѣ, что онъ обѣщалъ двѣ тысячи скудовъ сочинителю, сжели только тотъ откроется. Одинъ жадный Италіянецъ, совсѣмъ не авторъ надписи, чистосердечно признался въ винѣ, и получилъ обѣщанную сумму; но, наградивъ за остроуміе, Сикстъ велѣлъ предать его позорной смерти за оскорбленіе святѣйшества. Послѣ казни несчастнаго, настоящій авторъ эпиграммы начерталъ на той же статуѣ дру-

гое изрѣченіе, непосредственно слѣдующее за первымъ, — Et crucifixus pro nobis, «И пострадалъ за насъ», которое довершило анекдотъ.

Во всемъ этомъ дѣлѣ, очевидно выдуманномъ на досугѣ и впослѣдствіи перепачканномъ въ различные виды тѣми, которые его не разслышали, нѣтъ рѣчи ни о поэзіи, ни о поэтѣ съ бурнымъ сердцемъ и высокими вдохновеніями. Если кто любопытенъ знать, какъ Г. Сентинъ опять перепачкалъ его на модный ладъ, тотъ можетъ заглянуть въ изданную въ Москвѣ историческую Повѣсть, «Изувѣченный.»

1. Новый Робинсонъ, *или Швейцарское семейство, претерпѣвшее кораблекрушеніе. Сочиненіе Виса. Съ Французскаго изданія Г-жи Монтольѣ, переводъ Л.... Я.... СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи*, 1834, *въ*-12. *Часть третья, стр.* 315.

2. Повѣсти и Сказки для дѣтей, *Анны Зонтагъ, сочинительницы повѣстей для дѣтей перваго и втораго возрастовъ. СП-бургъ, въ тип. Смирдина, въ*-12. *Часть третья, стр.* 304.

Послѣднія части двухъ весьма приличныхъ для юношества сочиненій. Двѣ первыя части «Новаго Робинсона» вышли въ прошломъ году. На предъидущія части Повѣстей Г-жи Зонтагъ и на достоинства ихъ перевода мы уже имѣли случай обратить вниманіе родителей въ одной изъ прежнихъ книжекъ Б. для Ч.

Повѣсть о приключеніи Англійскаго Милорда Георга *и о Бранденбургской маркграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго Турецкаго визиря Марцимирса и Сардинской королевны Терезіи, и проч. Изданіе осьмое. Москва, въ тип. Степанова*, 1834.

Скажите, Бога ради, кто нынче первый Русскій писатель? Я утверждаю, что первый нашъ писатель Г. Матвѣй Комаровъ, «житель города Москвы.» Только плоды превосходнаго пера Г. Комарова достигаютъ у насъ осьмаго, девятаго и десятаго изданій. Онъ авторъ «Исторіи Французскаго мошенника Картуша»; онъ авторъ Ваньки Каина, Англій-

скаго милорда Георга и Турецкаго визиря Марцимириса; онъ авторъ всѣхъ безсмертныхъ твореній, которыя безпрерывно печатаются тысячами и читаются милліонами. И представьте, что его огромная слава не вооружила противъ него ни какой партіи, что его доселѣ не преслѣдовали литераторы!..... Мы ужъ не понимаемъ этого чуда. Г. Матвѣй Комаровъ, сверхъ всѣхъ своихъ качествъ, долженъ быть еще чародѣй.

Это осьмое изданіе неподражаемыхъ своихъ сочиненій Г. Комаровъ украсилъ «пріобщеніемъ къ онымъ приличныхъ гравированныхъ *куншшовъ.*»

Начальное учение Латинскаго языка, *по этимологической части, со включеніемъ правилъ произношенія буквъ и словъ, сочиненное для перваго и втораго гимназическаго классовъ, Старшимъ Учителемъ Калужской Губернской Гимназіи,* Григоріемъ Долгомостьевымъ. *Москва, въ тип. Лазаревыхъ,* 1834, *въ*-8, *стр.* VIII *и* 162.

Объ открытіи памятника Императору Александру Первому. *Сочиненіе* Ивана Бутовскаго. *СП.-бургъ, въ тип. Греча,* 1834, *въ*-8., *стр.* 42.

Дань удивленія *памятнику Императора Александра I, въ день торжественнаго освященія онаго,* 30 *Августа 1834 года, изрѣченная въ слогѣ древнихъ Латинскихъ надписей, съ Россійскимъ и Нѣмецкимъ переводомъ. СП.-бургъ,* 1834, *въ тип. Видергольма, въ листъ.*

Рѣчь, *произнесенная при открытіи публичной библіотеки, въ Екатеринославлѣ. Москва, въ тип. Университетской* 1834, *стр.* 14.

Жизнь Мазепы. *Сочиненіе* Бантыша-Каменскаго. *Съ портретомъ и снимкомъ подписи. Москва, въ тип. Семена,* 1834, *въ*-12., *стр.* 92.

Въ этомъ небольшомъ сочиненіи находится нѣсколько новыхъ и очень любопытныхъ подробностей о Мазепѣ, котораго жизнь, впрочемъ, хорошо извѣстна.

1. Историческое обозрѣніе Ойратовъ, *или Калмыковъ, съ XV столѣтіи до настоящаго времени. Сочине-*

по Монахомъ Іакинѳомъ. *СП.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента.* М. В. Д. 1834, *въ*-8., *стр.* 255.

2. Подробныя Свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ, *собранныя на мѣстѣ,* Н. Нефедьевымъ. *СП.-бургъ, въ тип. Крайя,* 1834, *въ*-8., *стр.* 286.

Первое изъ этихъ двухъ сочиненій содержитъ въ себѣ многія очень важныя для Исторіи свѣдѣнія, которыя будутъ приняты ученымъ свѣтомъ съ полною благодарностью. Второе представляетъ много любопытнаго о нынѣшнемъ бытѣ Калмыковъ. Мы представимъ нашимъ читателямъ подробное обозрѣніе того и другаго.

Продолженіе Всеобщей Исторіи *о переселеніи народовъ и образованіи новыхъ государствъ, и проч. Сочиненіе* И. Ергова. 1834. *Часть пятнадцатая, стр.* 302.

Исторія магометанскихъ и христіанскихъ государствъ въ Испаніи въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, и разсужденіе о постепенномъ упадкѣ наукъ и Словесности въ первую тысячу лѣтъ нашей эры, о торговлѣ, промышленности и улучшеніи образа мыслей въ Европѣ въ первой половинѣ втораго тысящелѣтія, и о вліяніи рыцарства на нравы и обычаи высшихъ сословій, составляютъ предметъ этой пятнадцатой части.

Tableaux de la Géographie universelle, *destinés à l'enseignement, rédigés sur un nouveau plan d'après les derniers traités de paix, etc., par* J. B. Einerling, *auteur de plusieurs journaux d'éducation. St.-Pétersbourg,* 1834, *pp.* 180.

Учебная книга Римскаго гражданскаго права, *изданная для употребленія студентовъ Г. Профессоромъ* Л. Цвѣтаевымъ. *Часть первая, или Пріуготовительная, содержащая въ себѣ краткую Исторію Римскаго Права и общія понятія о гражданскомъ правѣ. Москва, въ Университетской тип.* 1834, *въ*-8., *стр.* 85.

Объ искусствѣ литографированія. А. С.....а. *СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ,* 1834, *въ*-8., *стр.* 19.

Опытный практическій лѣсовѣдецъ, *содержащій въ себѣ описаніе всѣхъ строевыхъ деревьевъ, ихъ цвѣта, сѣмянъ, времени сѣянія, сажденія, рубки, отпрыскива-*

нія, возраста; съ примѣчаніями, сколько каждое дерево на корнь своемъ жить можетъ. Правила, основанныя на самыхъ опытахъ, сочиненіе необходимо нужное и полезное для всѣхъ хозяевъ лѣсоводцевъ, желающихъ разводить и оберегать лѣса. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, *въ*-8., *стр.* 56.

Краткое руководство *къ выгоднѣйшему куренію изъ картофеля, издалъ въ пользу занимающихся винокуреніемъ.* С. М. Д. *Москва, въ тип. Рышетникова,* 1834, *въ*-18, *стр.* 85.

Разсужденіе *о вѣрнѣйшемъ способѣ употребленія лимоннаго соку въ кровотеченіи маточномъ, и проч., и проч. Сочиненіе Г. Делоне, члена Парижскаго Медицинскаго Факультета, переведенное на Россійскій языкъ* Н. Б., *въ пользу практическихъ врачей и повивальныхъ бабокъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ,* 1834, *въ*-12, *стр.* 47.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

=

— Исторія Пугачевскаго Бунта, сочиненіе А. С. Пушкина на сихъ дняхъ выйдетъ изъ печати: къ ней приложено множество любопытныхъ актовъ, писемъ извѣстныхъ особъ, и проч. Въ слѣдующемъ отдѣльніи Б. для Ч. помѣщены два документа, заимствованныя изъ этой Исторіи, и которые внушаютъ намъ самое выгодное понятіе о матеріялахъ, служащихъ ей основаніемъ, и объ источникахъ, открытыхъ автору для его изысканій.

— Сообщая читателямъ нашимъ печальное извѣстіе о преждевременной кончинѣ почтеннаго и трудолюбиваго литератора, подполковника С. С. де Шаписта, мы считаемъ долгомъ присовокупить, что начатое имъ изданіе Бурьеновыхъ «Записокъ о Наполеонѣ» будетъ продолжаться: родственники покойнаго сдѣлали нужное распоряженіе, чтобы переводъ былъ окончанъ, и чтобы все сочиненіе было отпечатано въ надлежащее время.

=

VII.

СМѢСЬ.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *1. Движеніе частицъ вѣсомаго вещества въ прозрачныхъ тѣлахъ.* Г. Ламѐ занялся вопросомъ, относящимся къ математической Физикѣ, о свѣтистыхъ движеніяхъ вѣсомыхъ частицъ въ прозрачныхъ тѣлахъ. Изъ двухъ явленій принятой теоріи свѣта, онъ вывелъ законы равновѣсія эѳирной жидкости: эти законы состоятъ въ томъ, что собственная упругость эѳира измѣняется пропорціонально его плотности, и что вѣсомыя частицы дѣйствуютъ на эѳиръ, находящійся въ мѣстахъ, куда свѣтистое колебаніе можетъ распространяться, силою отталкивающею, которая находится въ обратномъ содержаніи къ квадратамъ разстояній. Г. Ламѐ опредѣляетъ геометрически свѣтистое движеніе эѳира вокругъ частицъ вещества, подлежащихъ вѣсу. Это опредѣленіе приводитъ его къ тому результату, что, подъ вліяніемъ одного рода свѣта, эѳиръ, окружающій вѣсомыя частицы, можетъ подраздѣляться на безконечное множество системъ волнующихся круговъ, по которыхъ движенія равновременны, или другими словами, что одной длинѣ волнованія въ эѳирѣ однородномъ можетъ соотвѣтствовать во внутренности прозрачныхъ тѣлъ безконечное множество длинъ различныхъ волнованій, изъ которыхъ каждое относится къ особенной системѣ круговъ. Мы не станемъ утомлять вниманія нашихъ читателей, слѣдуя далѣе за авторомъ въ столь отвлеченныхъ физическихъ изысканіяхъ. Эти статьи назначены только для удовлетворенія ученаго любопытства немногихъ любителей точныхъ Наукъ, и потому намъ довольно показать имъ, что открытія Г. Ламѐ ведутъ къ весьма правдоподобному заключенію, что темныя полосы, замѣченныя Фраунгоферомъ на солнечномъ дискѣ, суть не что иное какъ волны эѳира, образующіяся въ объективномъ стеклѣ телескопа, и которыя отбрасываютъ эту тѣнь на солнце.

2. Анатомическія и физіологическія замѣчанія о зрѣніи. Глазъ, по удивительному своему устройству и по легкости, съ какою, повидимому, объясняются его строеніемъ всѣ явленія зрѣнія, долженъ былъ обратить на себя вниманіе анатомиковъ, физіологовъ и физиковъ. Между-тѣмъ, несмотря на многочисленныя изысканія, которыхъ предметомъ было чувство зрѣнія, доселѣ остается еще много нерѣшеныхъ задачъ, и часто мнѣнія совершенно противоположныя подкрѣпляются доводами, равно благовидными. Г. Дюже, приготовляющій курсъ Сравнительной Физіологіи, производилъ новыя анатомическія изысканія, новые физіологическіе и физическіе опыты для объясненія всѣхъ вопросовъ объ устройствѣ и дѣйствіяхъ органа зрѣнія. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ наблюденій Г. Дюже.

Производя, подобно Г-ну Мажанди, нѣкоторые опыты надъ глазомъ бѣлаго кролика, авторъ опровергаетъ мнѣніе о томъ, будто способность глаза приспособляться къ весьма разнообразнымъ разстояніямъ, на которыя онъ смотритъ, объясняется перемѣнами въ формѣ яблока, производимыми окружающими его мускулами. Онъ думаетъ, что мускулы сжимаютъ глазъ только для того, чтобы натянуть и выгладить переднюю и заднюю поверхность, на которыхъ, по ихъ мягкости, были бы безъ того неровности, вредныя для ясности зрѣнія. Они исправляютъ притомъ уклоненія, въ которыя глазъ увлекается движеніями тѣла и головы. Боковые мускулы особенно удерживаютъ его въ одинаковомъ положеніи относительно разсматриваемаго предмета, каковы бы ни были качанія головы или обращеніе ея на своей оси.

Движенія глазной радуги произвольны, но инстинктивны и подобны въ этомъ движеніямъ вѣкъ и бровей въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Посредствомъ микроскопа авторъ открылъ въ ней не мускульныя фибры, но *фибриллы*, иногда гладкія, иногда шариками въ видѣ четокъ, смотря по ихъ распущенію или сжатію; фибриллы совершенно подобныя тѣмъ, которыя своимъ соединеніемъ образуютъ собственно такъ называемую мускульную фибру. Эти фибриллы, расположенныя довольно толстыми пластами между плевами радуги, напримѣръ у быка, производятъ, вѣроятно, и сжатіе

зрачка посредствомъ сжимательной мышицы, и расширеніе посредствомъ лучистыхъ фибриллъ.

Нѣкоторые знаменитые физіологи, Лагиръ, Галлеръ, Мажанди, приписываютъ ясное усматриваніе предметовъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, увеличенію или уменьшенію зрачка. Авторъ опровергаетъ эту вторую теорію слѣдующими опытами: 1. Смотря на неподвижный предметъ однимъ глазомъ, и попеременно то закрывая, то открывая другой глазъ, зрачекъ расширяется и сжимается по сочувствію даже и въ томъ глазѣ, который остается открытымъ и смотритъ на предметъ, а между тѣмъ онъ видитъ его все одинаково ясно; 2. въ мѣстѣ, мало освѣщенномъ, зрачки расширяются, и потому, по теоріи Лагира, надобно было бы видѣть только отдаленные предметы, а между-тѣмъ напротивъ предметы должно тѣмъ болѣе приближать къ глазу, чѣмъ слабѣе свѣтъ: зрѣніе близорукихъ становится тѣмъ короче, чѣмъ болѣе солнце заходитъ; 3. наконецъ, если смотришь попеременно на поле, освѣщенное солнцемъ, и черное тѣло, находящееся недалеко отъ глаза, зрачекъ не расширяется въ первомъ случаѣ, и не сжимается во второмъ: даже часто происходитъ противное. Продолговатая форма зрачка дѣлаетъ его способнымъ къ большему сжиманію; поэтому ночныя животныя съ продолговатыми зрачками лучше переносятъ свѣтъ, чѣмъ животныя съ круглыми зрачками, напримѣръ ночныя птицы. Горизонтальное расположеніе зрачковъ у отрыгающихъ жвачку и однокопытныхъ позволяетъ этимъ животнымъ, у которыхъ глаза имѣютъ весьма боковое расположеніе, видѣть впереди обоими глазами вдругъ, и распространяетъ зрѣніе ихъ назадъ.

Самая сѣтчатая плева не мясиста или шаровидна, какъ прежде полагали, а волокниста. Въ сѣтчатой плевѣ продолжаются волокна оптическаго нерва, и, выходя изъ точки, въ которой этотъ нервъ проникаетъ въ глазъ, какъ-бы изъ общаго центра, и правильно распространяется въ видѣ лучей къ окружности. Отъ этого происходитъ то, что поблизости къ центру они, будучи расположены одинъ на другомъ, составляютъ толстый пластъ, между-тѣмъ какъ къ окружности они составляютъ болѣе тонкій, потому что эти волокна, чрезвычайно тонкія

безъ вѣтвей во всей своей длинѣ, расположены въ одинъ рядъ. Это образованіе, гораздо лучше чѣмъ устроеніе мякотное, объясняетъ удивительное разнообразіе отдѣльныхъ впечатлѣній, которыя доставляетъ намъ зрѣніе, и объясняетъ намъ, почему мы видимъ такъ живо предметы, которыхъ образъ падаетъ на центральный, то есть, самый толстый пунктъ сѣтчатой плевы, ибо тогда лучи проходятъ въ одно время чрезъ нервныя волокна, и почему постепенно слабѣютъ впечатлѣнія, производимыя образами, отражающимися въ боковыхъ частяхъ глаза. Это ослабленіе происходитъ совсѣмъ не отъ косвеннаго паденія свѣтлыхъ лучей. Юнгъ признавалъ уже, что эта странность должна быть приписываема постепенному уменьшенію чувствительности отъ центра къ окружности сѣтчатой плевы, уменьшенію, которое онъ допускалъ, не стараясь объяснить его. Притомъ, внимательнымъ наблюденіемъ надъ самимъ собою, можно удостовѣриться, что боковые предметы мы видимъ *только слабѣе, а не менѣе ясно*, чѣмъ предметы средоточные. Самый густой пунктъ сѣтчатой плевы, авторъ называетъ зрительнымъ центромъ, а ось, проходящую изъ этого пункта чрезъ центръ роговой оболочки, зрительною осью. Такъ какъ оптическій нервъ проникаетъ въ глазъ большею частію не въ средину глубины его, то зрительный центръ не соотвѣтствуетъ оптическому центру, и зрительная ось не смѣшивается съ осью оптическою. Оптическій нервъ проникаетъ въ глазъ гораздо болѣе сзади оптическаго центра у животныхъ, у которыхъ глаза имѣютъ весьма боковое расположеніе, какъ напримѣръ у отрыгающихъ жвачку, у птицъ, пресмыкающихся и рыбъ. Поэтому ясно, что они должны косить для того, чтобы хорошо видѣть. Быкъ, напримѣръ, если онъ хочетъ посмотрѣть вдругъ обоими глазами на какой нибудь предметъ, находящійся впереди, долженъ сосредоточить на этомъ предметѣ зрительныя свои оси, которыя вообще болѣе направлены впередъ, чѣмъ оптическія оси, и такимъ образомъ исправляютъ боковое расположеніе глазъ. Оптическія оси останутся тогда внѣ, и намъ будетъ казаться ,что быкъ коситъ врозь; отчего и происходитъ его обыкновенный безсмысленный и свирѣпый взглядъ. У человѣка ось зрительная и ось опти-

ческая совершенно совпадаютъ, хотя вступленіе оптическаго нерва въ глазъ не соотвѣтствуетъ оптическому центру; но у него это вступленіе не есть самый густой пунктъ сѣтчатой плевы: большая часть нервныхъ волоконъ обращается къ желтому пятну; многіе изъ нихъ входятъ въ него, и потомъ выходятъ какъ изъ своего истиннаго центра, а это пятно совершенно совпадаетъ съ геометрическою срединою дна глаза. Отъ этого происходитъ, что человѣкъ здоровый не коситъ.

3. Вліяніе луны на нашу атмосферу. Этотъ занимательный предметъ нынче весьма обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ, которые стараются изслѣдовать, что есть истиннаго или ложнаго въ народномъ предразсудкѣ о вліяніи луны. Мы уже говорили въ нашемъ журналѣ объ изысканіяхъ Гг. Шублера и Дарсе касательно количества дождя, ниспадающаго при разныхъ фазахъ луны, и вѣроятнаго ея вліянія на перемѣны погоды. Въ послѣдней нашей книжкѣ мы говорили также о дѣйствіяхъ луннаго свѣта въ весьма жаркихъ странахъ, по наблюденіямъ собственнымъ нашимъ и Г. Монтгомери и Мартина. Надобно замѣтить, что Флогергъ, основываясь на другихъ данныхъ, открылъ явленіе важное и неожиданное. При наблюденіяхъ своихъ, произведенныхъ въ Вивьс, онъ замѣтилъ, что барометръ стоитъ среднимъ числомъ на низшей точкѣ въ 11-й день луны и на высшей въ 22-й; что между этими двумя крайними точками, онъ постепенно измѣняетъ свое положеніе, совершая такимъ образомъ въ каждый лунный мѣсяцъ опредѣленное движеніе, которое идетъ нѣсколько быстрѣе при возвышеніи, чѣмъ при пониженіи.

Результатъ, полученный Флогергомъ, долгое время оставляемъ былъ безъ вниманія, вѣроятно, потому что онъ противорѣчитъ всѣмъ аналогіямъ. И дѣйствительно, аналогія могла показать въ атмосферическихъ движеніяхъ, происходящихъ отъ дѣйствія луны, только измѣненія дневныя, какъ приливы, а между-тѣмъ дневной періодъ высоты барометрической слѣдуетъ совершенно другимъ законамъ.

Но въ вопросахъ этого рода, гдѣ неправильныя уклоненія частныхъ наблюденій далеко уходятъ за границы правиль-

ныхъ измѣненій, которыя хотятъ привести въ ясность, явленіе можетъ почитаться доказаннымъ только тогда, когда многочисленныя наблюденія, раздѣленныя между собою разстояніемъ мѣстъ и пространствомъ времени, представляютъ тождественные результаты.

Поэтому желательно было, чтобы и безъ того уже длинный рядъ барометрическихъ высотъ, замѣченныхъ въ Парижѣ, былъ подвергнутъ тому разсмотрѣнію, котораго образецъ и результатъ Г. Флогергъ представилъ въ Вивье. Надобно было, такъ же какъ дѣлалъ Г. Шублеръ въ Тибингенѣ, отмѣчать вмѣстѣ съ барометрическими измѣненіями и другія метеорологическія явленія, дождь, вѣтры, состояніе неба.

Эта работа произведена Г-мъ Буваромъ. Таблицы его, расположенныя почти также какъ и Шублеровы, ясно показываютъ существованіе барометрическаго періода, который равняется съ луннымъ періодомъ; широта уклоненія почти та же, которую означаетъ Флогергъ; высшія точки стоянія соотвѣтствуютъ тѣмъ же эпохамъ луннаго мѣсяца. Между-тѣмъ довольно вѣроятно, что эти эпохи и широта зависятъ нѣкоторымъ образомъ отъ мѣстности. Это надобно полагать по стариннымъ изысканіямъ Поатевена и Пильграма, и по новому сочиненію Г-на Марсе въ Женевѣ. Въ таблицахъ Г. Бувара, равно какъ и въ Шублеровыхъ, видно, что количество дождя и число дождливыхъ дней согласуются въ отношеніи къ вліянію луны съ ходомъ барометра.

Общіе результаты, о которыхъ говорили мы, и теперь уже могутъ занять мѣсто свое въ наукѣ. Что касается до движеній атмосферы и барометра, связанныхъ не съ луннымъ мѣсяцемъ, а съ другими періодами, напримѣръ съ эпохою нахожденія Земли въ узлахъ эклиптики или въ перигеѣ, то надобно ожидать новыхъ наблюденій. Относительно къ періодамъ столь долгимъ, къ движенію столь медленному, явленія, состоящія въ связи между собою, кажутся какъ-бы простыми отдѣльными фактами.

4. Составъ атмосфернаго воздуха. Извѣстно, что на 100 частей обыкновеннаго воздуха химическое разложеніе даетъ

почти 20 частей кислорода и около 80 частей азота: углеродъ входитъ въ составъ воздуха въ весьма маломъ содержаніи. Гг. Швалье и Бусенго удостовѣрились, что въ немъ присутствуетъ еще газъ нашатырный, котораго количество различно, смотря по мѣстоположенію, но тѣмъ не менѣе примѣтно и во многихъ случаяхъ даже очень значительно. Разлагая воду, осаждающуюся съ воздуха черезъ охлажденіе, то есть, обыкновенную росу, мы находимъ въ ней растворенный нашатырь, и даже вещества органическія.

Должно полагать, что наблюденія Гг. Швалье и Бусенго относятся къ воздуху городовъ, которые всегда издыхаютъ изъ себя множество нашатырю въ летучемъ состояніи. Извѣстно также, что воздухъ погребовъ и отхожихъ мѣстъ содержитъ въ себѣ и разные другіе газы. Во всякомъ случаѣ, должно сожалѣть, что наблюдатели не означили количества полученнаго ими нашатырнаго газа, и не опредѣлили мѣстныхъ обстоятельствъ воздуха, который имъ его доставилъ.

5. *Жабій дождь.* Неразъ уже писали о жабахъ, ниспадающихъ съ дождемъ съ атмосферы: естествоиспытатели приписываютъ это явленіе глазному обману, полагая, что жабы пребываютъ тутъ въ землѣ и послѣ дождей только выходятъ толпой на поверхность, чтобъ наслаждаться сыростью. Многіе однако жъ утверждали, будто сами видѣли жабъ, падающихъ съ воздуха. Полковникъ Марміе сообщилъ Академіи свое наблюденіе, сдѣланное въ департаментѣ Сены-и-Оаза, и могущее усугубить любопытство ученыхъ объ этомъ занимательномъ вопросѣ. Онъ гулялъ въ полѣ; вдругъ, въ недальнемъ разстояніи, разразилась гроза изъ небольшой черной тучи, быстро помыкаемой южнымъ вѣтромъ. Пришедши на мѣсто, куда пролился обильный дождь, онъ нашелъ землю усыпанною жабками въ несмѣтномъ количествѣ. Этотъ посѣвъ молоденькихъ гадовъ въ точности слѣдовалъ направленію тучи, на пространствѣ ста саженъ. По мѣрѣ того, какъ туча разсѣвалась, и число жабъ становилось меньше. Хотя самъ онъ не попалъ подъ отвратительный градъ пресмыкающагося юношества, но, по всѣмъ соображеніямъ, долженъ приписать его разрѣ-

шенію тучи отъ бремени. Онъ не отыскалъ никакого слѣда выходу этихъ животныхъ изъ-подъ почвы, и они не могли родиться изъ яицъ и достигнуть такого возраста въ пять или шесть минутъ, тѣмъ болѣе, что, въ теченіе цѣлыхъ слѣдующихъ сутокъ, не много увеличили объемъ своего тѣла. Посѣтивъ то же мѣсто на другой день, Г. Мармье нашелъ ихъ едва вдвое больше вчерашняго.

АНГЛІЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СПОСПѢШЕСТВОВАНІЯ НАУКАМЪ. *Новое объясненіе главнѣйшихъ атмосферическихъ явленій.* Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ собралось въ Эдинбургѣ Англійское Общество Споспѣшествованія Наукамъ, образовавшееся по примѣру ученыхъ съѣздовъ въ Германіи и во Франціи. Въ одномъ изъ любопытныхъ его засѣданій профессоръ Стивелли говорилъ о возможности объяснять главнѣйшія атмосферическія явленія соотвѣтственно дознаннымъ началамъ Физики.

Облака, по мнѣнію ученаго профессора, состоятъ изъ очень мелкихъ водяныхъ шариковъ, а не такъ, какъ вообще полагаютъ, изъ пузырьковъ, заключающихъ въ себѣ влажный воздухъ, который стремится разрывать ихъ. Главный доводъ, на которомъ онъ основываетъ свое положеніе, состоитъ въ томъ, что не доказано существованіе ни одного физическаго закона, которымъ объяснялось бы образованіе пузырчатыхъ облаковъ, между-тѣмъ какъ изъ дознанныхъ законовъ волосянаго притяженія очень можно вывести образованіе мелкихъ водяныхъ шариковъ въ какой-нибудь части пространства, до того отягченной водяными парами, что она не можетъ долѣе сдержать ихъ: должно замѣтить, что промежутки, которыми въ такомъ случаѣ шарики отдѣляются одинъ отъ другаго, остаются гигрометрически суше прежняго. Шарики могутъ держаться на воздухѣ потому, что они очень мелки: вѣсъ каждаго шара уменьшается соразмѣрно кубу его радіуса. Притомъ же извѣстно, что въ облакахъ весьма много электричества, и потому каждый шарикъ долженъ имѣть свою собственную электрическую атмосферу, которая, отталкивая окружающій сухой воздухъ, какъ отталкиваются сердцевинные шарики, распространяетъ объемъ капли, отнюдь не увеличивая ея тяже-

сти. Г. Стивелли изложилъ потомъ дѣйствія такого образованія облаковъ: отъ утраты водою упругаго ея состоянія, или напряженности, остается въ облакѣ пустота, которою части его держатся вмѣстѣ, и которая производитъ другія важныя слѣдствія, необходимо вытекающія изъ извѣстныхъ законовъ, и замѣчаемыя на самомъ дѣлѣ. Такъ, окружающій, сравнительно влажный, воздухъ врывается въ пустоту, расширяется, и лишаясь возможности удержать пары свои въ невидимомъ состояніи, образуетъ новую часть облака. Третье дѣйствіе состоитъ въ томъ, что пониженіе температуры, слѣдующее за расширеніемъ газовъ, часто перевѣшиваетъ освобожденіе скрытаго облачными частями теплорода, при переходѣ ихъ изъ состоянія паровъ въ водяное. Въ этомъ случаѣ, отъ врывающагося влажнаго воздуха отдѣляется больше облака, но нѣтъ сомнѣнія, что такіе переходы по нѣкоторомъ времени прекращаются; каждый шагъ приближаетъ здѣсь къ установленію атмосферическаго равновѣсія. Облака, составляющіяся послѣдними двумя способами, профессоръ называетъ второстепенными, между-тѣмъ какъ прочія могутъ быть названы первичными. Четвертое слѣдствіе образованія облаковъ заключается въ столь сильномъ нарушеніи атмосферическаго равновѣсія, что отъ него происходятъ вѣтры, болѣе или менѣе сильные, смотря по обстоятельствамъ. Пятое слѣдствіе есть, иногда весьма значительное, усиленіе электрическаго напряженія облачныхъ частей, которое объясняется обыкновенными началами электричества, особенно же тѣмъ, что съ уменьшеніемъ величины наэлектризованнаго тѣла возрастаетъ электрическое его напряженіе. Г. Стивелли объяснялъ потомъ, какимъ образомъ противное электричество облаковъ происходитъ отъ сближенія ихъ между собою, и особенно отъ встрѣчи съ вершинами горъ или холмовъ, къ которымъ они какъ-бы примыкаютъ. Когда же два противно наэлектризованныя облака сойдутся вмѣстѣ, тогда шарики ихъ притягиваются, и слившись, или опускаются ниже въ видѣ густѣйшаго облака, или, когда они такъ велики, что образуютъ капли, ниспадаютъ на землю въ видѣ дождя. На основаніи законовъ электричества ученый профессоръ показалъ, что въ продол-

женіе грозы это явленіе должно часто возобновляться, равно какъ и повторяющіеся раскаты грома. О тучахъ идущихъ по-видимому противъ вѣтра, о духотѣ, которая предшествуетъ обыкновенно грозамъ, объ вихрѣ, которымъ онѣ начинаются, и о свѣжемъ вѣтеркѣ, дующемъ послѣ нихъ, онъ говорилъ какъ о простыхъ слѣдствіяхъ своей теоріи, и заключилъ слѣдующимъ замѣчательнымъ объясненіемъ града.

Послѣ сильнаго ливня въ высотахъ атмосферы внезапно образуется иногда обширная пустота, которая поглощаетъ столько теплорода, что остальныя дождевыя капли замерзаютъ и падаютъ уже въ видѣ градинъ. Въ подтвержденіе этого положенія Г. Стивелли упомянулъ о образованіи искусственнаго града въ Хемницкихъ рудокопняхъ, въ Венгріи. Тамъ, сточная вода подымается вверхъ машиною, въ которой обыкновенный воздухъ крѣпко спирается въ большомъ чугунномъ котлѣ. Покамѣстъ воздухъ сжатъ очень сильно, рудокопъ приглашаетъ посѣтителя подставить шляпу подъ кранъ, который онъ повертываетъ: спертый воздухъ, вырываясь изнутри и задѣвая поверхность воды выбрасываетъ ее въ видѣ сосулекъ, которыя смерзаются отъ холода, произведеннаго расширяющимся воздухомъ. Онѣ обыкновенно пробиваютъ шляпу къ горькому изумленію посѣтителя и ко всегдашней потѣхѣ рудокоповъ.

ДѢЙСТВІЕ РУССКАГО МОРОЗА НА ЖЕЛѢЗО И ГАЗОВЫЯ ЛАМПЫ. Въ журналѣ Mecanic's Magazine находимъ мы весьма любопытныя практическія замѣчанія Г. Рида, служащаго при одномъ изъ казенныхъ заведеній въ Петергофѣ, о сокращеніи желѣзныхъ полосъ отъ стужъ нашего климата и о неудобствахъ, предоставляемыхъ морозомъ освѣщенію газомъ. Эти замѣчанія, сдѣланныя на родной нашей землѣ, должны по принадлежности возвратиться къ намъ, въ область нашего свѣдѣнія.

Въ 1832 году Г. Ридъ употребилъ въ токарномъ станкѣ желѣзный прутъ извѣстной длины, утвержденный концами въ дерево, и оставилъ станокъ на дворѣ. Въ одну ночь случился сильный морозъ, и прутъ выпалъ изъ мѣстъ, въ которыя упирались концы его. Никто до него не дотроги-

вался; на снѣгу не видно было ни чьихъ слѣдовъ, и причина обрушенія очевидно заключалась въ добровольномъ сжатіи металла отъ холода.

«Для измѣренія этого сжатія, говоритъ Г. Ридъ, въ слѣдующее лѣто я взялъ шестигранный чугунный прутъ въ 10 футовъ длины и въ 3 дюйма поперечника, приложилъ его къ сухой сосновой доскѣ въ 12 футовъ длины, 1 дюймъ толщины и 4 дюйма ширины, которая была десять или двѣнадцать лѣтъ въ употребленіи, и привинтилъ къ этой доскѣ двѣ скобы такъ, чтобы онѣ плотно приходились къ концамъ чугуннаго прута. Реомюровъ термометръ показывалъ тогда 14 градусовъ тепла въ тѣни. Въ прошлую зиму выставилъ я доску съ прутомъ на дворъ, положивъ ее на два кирпича, чтобъ ловчѣе было мѣрить, и чтобъ морозъ дѣйствовалъ на нее со всѣхъ сторонъ одинаково. Когда термометръ опустился до 14 градусовъ холода, я замѣтилъ, что прутъ сталъ короче на десятую долю дюйма. Измѣривъ его на другое утро, нашелъ я то же самое; но когда морозъ усилился до 21 градуса, онъ сократился ровно на осьмую долю дюйма.

Такое сжатіе весьма важно въ практическомъ отношеніи, особенно при постройкѣ чугунныхъ мостовъ: не излишне расчесть, что, при 14 градусахъ холода, на сто футовъ длины сокращеніе металла уже равняется по-крайней-мѣрѣ цѣлому дюйму; слѣдственно шести вершкамъ на сто саженъ длины, — а это именно длина Соутваркскаго Моста въ Лондонѣ. Когда морозъ возвышается до 21 градуса, то восемьдесятъ саженъ длины уже представляютъ вамъ сокращеніе равное шести вершкамъ, а сто саженъ чугуна въ длину сжимаются цѣлымъ полуаршиномъ. Какія несчастія могутъ произойти отъ подобнаго измѣненія размѣровъ, если при утвержденіи концевъ полосъ количество сжатія не было принято въ соображеніе!

«Морозъ въ прошлую зиму не превосходилъ въ Петербургѣ 25 градусовъ, но и этого слишкомъ достаточно для причиненія ужасныхъ неудобствъ въ трубкахъ, проводящихъ газъ въ лампы, потому что, какъ скоро онѣ разъ замерзнутъ, ихъ нельзя уже употреблять до Апрѣля, даже до Мая мѣсяца: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, 4 Іюля мы нашли

еще мерзлую землю не глубже двухъ аршинъ отъ поверхности почвы. При 12 и даже при 10 градусахъ холода газъ приходитъ въ твердое состояніе за стѣною дома. Одинъ владѣлецъ обширной фабрики въ Петербургѣ сказывалъ мнѣ, что газовыя лампы, выставленныя немножко подальше отъ строенія, причиняютъ ему неимовѣрныя хлопоты. Въ нашемъ заведеніи есть двѣ газовыя лампы у главнаго входа: трубкѣ нарочно дано косвенное направленіе внизъ, чтобы отвердѣлый газъ могъ самъ выпадать изъ нея на мѣдное блюдечко, къ ней привѣшенное, и хотя много его освобождается такимъ образомъ изъ своего заключенія, однако въ сильнѣйшія стужи газъ превращается въ совершенный лёдъ въ разстояніи полуаршина отъ рожка, и огонь по необходимости гаснетъ. Я снялъ однажды мѣдное блюдечко, когда оно наполнилось льдомъ, выпадающимъ изъ трубки, и поставилъ его на легкомъ огнѣ: когда жидкость испарилась, остальное начало горѣть желто-синимъ пламенемъ, достаточно обнаруживающимъ водородный газъ.»

ПОВТОРИТЕЛЬНОЕ ПРИВИВАНІЕ ОСПЫ. Въ послѣдніе годы было множество примѣровъ натуральной оспы, которою заражались люди, уже имѣвшіе оспу прививную: это возбудило вниманіе врачей и даже многихъ Европейскихъ правительствъ. Быть-можетъ, что при открытіи прививанія коровьей оспы, огромные результаты этого благодѣтельнаго открытія заставили врачей выпустить изъ виду немногіе случаи, когда прививная оспа не предохраняла отъ натуральной; быть-можетъ также, что этихъ случаевъ и дѣйствительно не бывало до послѣдняго времени. Какъ бы то ни было, но этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ одну изъ задачъ важнѣйшихъ для блага человѣчества и будущей судьбы его. Дѣйствительно, допустивъ,—что впрочемъ вѣроятно,—что случаи безуспѣшности прививной оспы являются въ наше время чаще, чѣмъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, мы найдемъ нѣсколько способовъ объяснить это явленіе, и всѣ они приведутъ къ практическимъ результатамъ, весьма важнымъ. Если положимъ, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ врачей, что коровья оспа потеряла нынѣ свою силу, и что эта искусственная болѣзнь, лишившись, подобно нѣкоторымъ

естественнымъ болѣзнямъ, части своего дѣйствія, не можетъ уже столь же вѣрно какъ прежде предохранять отъ натуральной оспы, тогда очевидно, что надобно будетъ восходить къ первому источнику прививанія и, если можно, возобновлять эту операцію въ довольно близкіе сроки. Но эта ипотеза не выдерживаетъ разсмотрѣнія, потому что коровья оспа представляла тѣ же самыя явленія у людей, которымъ прививаютъ ее нынче, какъ и у тѣхъ, которымъ привита была въ первый годъ своего изобрѣтенія. Если напротивъ мы предположимъ, что коровья оспа такъ же сильна нынѣ, какъ была прежде, но что дѣйствительность ея въ каждомъ человѣкѣ ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ онъ входитъ въ лѣта, и что человѣкъ, которому она привита, когда ему было полгода, годъ, два года, достигнувъ юношескаго возраста, лишился уже части покровительственнаго дѣйствія коровьей оспы, тогда очевидно, что для взрослыхъ, то есть, для тѣхъ, которымъ оспа привита была въ младенчествѣ, и которые достигли двадцати-лѣтняго возраста, надобно было бы искать новаго покровительственнаго средства и изслѣдовать, можетъ ли прививаніе быть возобновлено у нихъ, и можетъ ли это повторительное прививаніе предохранить взрослаго человѣка отъ натуральной оспы, какъ коровья оспа, привитая въ младенчествѣ, предохраняетъ, повидимому, до извѣстнаго возраста.

Эти вопросы побудили производить повторительное прививаніе коровьей оспы въ Англіи, Франціи и Германіи; важнѣйшіе факты собраны въ особенности въ послѣдней странѣ. Двѣ главнѣйшія Германскія державы воспользовались благопріятными обстоятельствами, представляемыми многочисленностью и дисциплиною ихъ армій, чтобы произвести рядъ опытовъ, могущихъ уничтожить всѣ сомнѣнія на счетъ повторительнаго прививанія коровьей оспы, не подвергая между-тѣмъ ни какой опасности ни здоровья войскъ, ни спокойствія жителей тѣхъ странъ, въ которыхъ они расположены. Первые опыты произведены въ 1829 году и были таковы, что потребовали произведенія ихъ въ большемъ размѣрѣ. Въ 1851, 1852 и 1853 годахъ повторительное прививаніе произведено было во мно-

гихъ полкахъ; оно продолжается и доселѣ, и представляетъ самые счастливые результаты.

Еще до 1829 года всѣ Виртембергскіе солдаты, которые не имѣли натуральной или прививной оспы, были подвергаемы прививанію коровьей оспы, при вступленіи своемъ въ службу. Оспенная зараза, свирѣпствовавшая въ Штутгардѣ въ 1829 году, заставила военнаго министра предписать, чтобы оспа прививаема была всѣмъ рекрутамъ, у которыхъ не окажется явственныхъ знаковъ натуральной или прививной оспы. Это повѣтріе снова появилось въ 1832 году въ Ульмскомъ, а въ 1833 въ Лудвигсбургскомъ гарнизонѣ, и 7 Февраля 1833 года предписано было привить оспу всѣмъ молодымъ солдатамъ, не разсматривая того, есть у нихъ оспины или нѣтъ; черезъ нѣсколько времени снова отдано было предписаніе привить оспу всѣмъ, безъ исключенія, солдатамъ Ульмскаго и Лудвигсбургскаго гарнизоновъ, потому что натуральная оспа весьма сильно свирѣпствовала въ этихъ городахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Лудвигсбургскому доктору, Гейму, поручено было наблюдать за повторительнымъ прививаніемъ оспы всѣмъ солдатамъ Виртембергской арміи.

Этотъ ученый профессоръ представилъ Лондонской Медицинской Коллегіи слѣдствія произведенныхъ имъ доселѣ наблюденій; они такъ занимательны, что мы долгомъ почитаемъ изложить ихъ здѣсь вкратцѣ. Таблица, въ которой означилъ онъ результаты повторительнаго прививанія коровьей оспы Виртембергскимъ рекрутамъ съ 1829 по 1833 годъ включительно, показываетъ, что эта операція произведена была надъ 4802 человѣками съ слѣдующими послѣдствіями:

Съ полнымъ успѣхомъ надъ	1208 ч.
Съ несовершеннымъ успѣхомъ	956.
Съ успѣхомъ, въ подробности неизвѣстнымъ	914.
Безъ успѣха	1724.
	4802 ч.

Если изъ общаго числа (4,802) мы вычтемъ 914 случаевъ, о которыхъ нѣтъ извѣстій довольно точныхъ для того, чтобы ихъ можно было отнести къ случаямъ совершенно успѣшнымъ, то увидимъ, что совершенно успѣшныхъ прививаній

было 30 на сто, несовершенно успѣшныхъ 24 на сто, и совсѣмъ неуспѣшныхъ 46 на сто. Эти результаты опровергаютъ утвержденія врачей, которые, произведя одинъ или два раза безъ успѣха повторительное прививаніе, увѣряютъ, что оно никогда не удается.

Та же таблица, по нашему мнѣнію, доказываетъ, что натуральныя или прививныя оспины, на которыя доселѣ обращали такое вниманіе, почти ничего не значатъ, по крайней мѣрѣ у людей старѣе 20 или 21 года.

	Оспины настоящія.	Несовершенныя оспины.	Отсутствіе оспинъ.	Знаки натуральн. оспы.
Повторительное прививаніе, совершенное съ полнымъ успѣхомъ.....	664	259	281	4
Съ несовершеннымъ успѣхомъ.....	572	71	1	2
Безъ успѣха...	957	500	259	8

Изъ этой таблицы видно, что присутствіе оспинъ, доказывающихъ успѣшность перваго прививанія, не послужило препятствіемъ повторительному прививанію у половины тѣхъ, у которыхъ оно совершено съ наилучшимъ успѣхомъ, междутѣмъ какъ изъ 1724 человѣкъ, на которыхъ оно не произвело ни какого дѣйствія, и у которыхъ слѣдственно надобно было бы предполагать оспины совершенныя, у 500 человѣкъ были только несовершенныя оспины, а у 259 ихъ совсѣмъ не было.

Докторъ Геймъ заключаетъ изъ этого и изъ другихъ подобныхъ фактовъ, что осмотръ знаковъ, оставленныхъ первымъ прививаніемъ, ни сколько не нуженъ, и что по присутствію или отсутствію оспинъ ничего нельзя заключать о способности человѣка къ принятію вторичнаго прививанія.

Важнѣйшее обстоятельство, на которое докторъ Геймъ обращаетъ вниманіе въ своей запискѣ, есть, безъ сомнѣнія, дѣйствіе, произведенное, на свирѣпствовавшую въ то время въ Ульмѣ и Лудвигсбургѣ оспенную заразу, стараніемъ тамошнихъ начальствъ о распространеніи повторительнаго прививанія. Эта операція, совершенная въ нѣсколько недѣль, безъ исключенія, надъ всѣми солдатами, составлявшими гарнизонъ двухъ городовъ, немедленно и совершенно прекратила между ними заразу.

Другое обстоятельство, открытое докторомъ Геймомъ, и которое доселѣ еще не было замѣчено или по-крайней мѣрѣ подкрѣплено такимъ множествомъ опытовъ, есть разность дѣйствія оспенной матеріи, происходящая отъ того, съ руки ребенка или съ руки взрослаго взята она.

«Въ-первомъ кавалерійскомъ полку, говоритъ онъ, мы тщетно пытались произвести вторичное прививаніе посредствомъ свѣжей и хорошей матеріи, взятой съ руки ребенка. Наконецъ прививаніе удалось у одного солдата, у котораго было пятнадцать прыщиковъ со всѣми признаками оспы; и потомъ мы, матеріею, взятою съ него, привили оспу всѣмъ тѣмъ, у которыхъ она не удалась, когда прививали ее матеріею, взятою съ ребенка. Даже и людямъ, принадлежащимъ къ высшему классу общества, и весьма хорошо расположеннымъ къ принятію оспы, мы часто не могли привить ея матеріею, взятою съ ребенка, и почти всегда успѣшно прививали матеріею, взятою у человѣка взрослаго.»

Въ Англіи, Германіи и у насъ существуетъ общее предубѣжденіе противъ оспенной матеріи людей взрослыхъ, несмотря на то, что докторъ Геймъ приписываетъ успѣхи свои именно употребленію оспенной матеріи взрослыхъ людей. «Это предубѣжденіе, говоритъ онъ, тѣмъ замѣчательнѣе, что не опирается даже ни на какой благовидной причинѣ, и не подкрѣпляется ни какими фактами. Напротивъ я видѣлъ случаи, что матерія, взятая съ взрослыхъ людей, которымъ оспа привита была во второй разъ, производила весьма хорошую оспу у дѣтей, подвергаемыхъ прививанію въ первый разъ. Но этого еще мало: нѣкоторымъ дѣтямъ я по нѣскольку разъ безуспѣшно прививалъ оспу матеріею, взятою съ дѣтей, и оспа у нихъ принялась какъ-нельзя лучше, когда я привилъ ее матеріею, взятою со взрослыхъ.»

Китайскій листовой свинецъ. Китайцы самымъ простымъ способомъ выдѣлываютъ тончайшій листовой свинецъ, въ которомъ отправляютъ чаи за границу, и котораго никакъ не могли поддѣлать въ Европѣ, гдѣ онъ былъ бы такъ нуженъ для предохраненія разныхъ вещей отъ вторженія сырости. Его не раскатываютъ, какъ можно было бъ

заключить по тонкости, и не куютъ, какъ казалось бы вѣроятнымъ по наружному виду листовъ, но выливаютъ ихъ прямо такъ, какъ они и есть. Этимъ занимаются двое: одинъ сидитъ на полу; передъ нимъ большой плоскій камень и подвижная плоская жъ каменная плита. Товарищъ держитъ позади его тигель съ расплавленнымъ свинцомъ, и, когда пальстъ его сколько нужно на большой камень, тотъ поднимаетъ вверхъ подвижную плиту, и опустивъ ее вдругъ на жидкій свинецъ, сдавливаетъ его въ плоскій, чрезвычайно тонкій листъ, который сейчасъ же снимается съ камня. Потомъ опять льютъ на него свинцу, дѣлаютъ другой листъ, и производство идетъ чрезвычайно быстро. Неровные края листовъ обрѣзываются и снова кладутся въ плавъ. Одинъ Шотландецъ, по имени Ваддель, видѣлъ этотъ способъ въ Китаѣ, и употребилъ его съ большимъ успѣхомъ при выдѣлкѣ весьма тонкихъ цинковыхъ пластинокъ для галваническихъ опытовъ.

МЕРИНОСЫ ВЪ ИСПАНІИ. Въ небольшой книжкѣ вышедшей въ Лондонѣ подъ заглавіемъ — «Испанія вчерашняя и сегодняшняя,» находится любопытное свѣдѣніе о мериносахъ, которое мы здѣсь выпишемъ, такъ какъ эти добрыя животныя уже сдѣлались нашими соотечественниками, и достойны своимъ поведеніемъ и своей шерстью всей любви нашей.

«Слово merino, принятое для означенія особенной породы овецъ, по-Испански собственно значитъ, «странствующій, блуждающій, кочующій,» и прекрасно выражаетъ ихъ свойство. Они никогда не остаются постоянно въ одномъ мѣстѣ, но переходятъ изъ одной провинціи въ другую. Въ началѣ Мая, до пяти милліоновъ мериносовъ переходятъ съ равнинъ Эстрамадуры, Андалузіи, Старой и Новой Кастиліи и Леона въ горы Бискаіи, Наварры, Аррагоніи и обѣихъ Кастилій. На этихъ возвышенностяхъ находятъ они свѣжую, не изсушенную палящимъ зноемъ, траву. Въ долинахъ, она перегораетъ лѣтомъ до послѣдней былинки. Въ это время года, высоты, лежащія около Сеговіи, всегда покрыты многочисленными стадами мериносовъ. Подробности ихъ странствованій очень занимательны. Хозяева богатѣйшихъ стадъ составили между собою общество, подъ названіемъ

«Месты»; законы его, какъ законы всякой монополіи, исполняются неизмѣнно. Безъ существованія этого общества, частные владѣтели никакъ не могли бы ежегодно пересылать стадъ своихъ изъ одной провинціи въ другую: и вотъ цѣль его учрежденія. Обществомъ этимъ назначаются люди, подъ присмотромъ которыхъ стада перегоняются съ долинъ на горы и въ мѣста невоздѣланныя. Въ распоряженіи Месты находится отъ сорока до пятидесяти тысячъ пастуховъ; они ведутъ жизнь кочевую и почти дикую; земледѣліемъ вовсе не занимаются, и женятся очень рѣдко, исключительно посвящая себя овцеводству, въ которомъ очень искусны и свѣдущи. Мериносы, принадлежащіе Местѣ, раздѣляются на стада, въ которыхъ бываетъ по десяти тысячъ овецъ. Каждымъ такимъ отдѣленіемъ предводительствуетъ одинъ *маіоралъ*, или главный пастухъ; въ распоряженіи его находится пятьдесятъ обыкновенныхъ пастуховъ и при нихъ столько же собакъ, для охраненія стада. Каждому маіоралу дается отъ общества верховая лошадь и около тысячи пятисотъ рублей годоваго жалованья. Содержаніе прочихъ пастуховъ назначается сообразно съ ихъ искусствомъ и радѣніемъ. Лучшіе получаютъ не болѣе сорока, а худшіе не менѣе десяти рублей въ мѣсяцъ: послѣднимъ отпускается, сверхъ того, въ день по два фунта хлѣба. Всякому пастуху дозволяется имѣть при стадѣ сколько онъ хочетъ козъ и овецъ; шерсть ихъ принадлежитъ однако жъ хозяину стада, а ему предоставляется молоко, мясо и приплодъ. Общество озабочивается заготовленіемъ большихъ запасовъ соли; ее отпускается овцамъ вдоволь, такъ, что на тысячу овецъ потребляется до двухъ тысячъ пятисотъ фунтовъ въ годъ. Места состоитъ изъ членовъ, имѣющихъ по четыре и по шести тысячъ головъ мериносовъ. Переходы этихъ огромныхъ стадъ совершаются сообразно съ обыкновеніями, существующими съ незапамятныхъ временъ. За извѣстную плату, они имѣютъ право пастись на обширныхъ поляхъ, назначенныхъ для этого употребленія, и помѣщики не могутъ ничего требовать свыше цѣны, которая однажды навсегда за то положена. Стада не могутъ вступать на обработанныя земли, но владѣльцы ихъ обязаны оставлять для прохода овецъ свободное пространство въ 45 саженъ ши-

риною. Идучи по пастбищамъ, мериносы совершаютъ по десяти верстъ, а проходя обработанными полями — по двадцати пяти верстъ въ сутки. Переходы ихъ обыкновенно простираются на семьсотъ и восемьсотъ верстъ въ длину. Общество овцеводства, о которомъ мы упоминали, имѣетъ свои собственные законы и особенное присутственное мѣсто, величаемое «Высокостепеннымъ Совѣтомъ Мести.» Онъ состоитъ изъ четырехъ судей, и предсѣдателемъ его бываетъ одинъ изъ членовъ Кастильскаго Совѣта.

СЛѢДСТВІЯ ОБРАБОТКИ ЗЕМЕЛЬ. Г. Араго прекрасно доказалъ, что, по мѣрѣ воздѣланія странъ, зимы ихъ становятся легче, лѣта холоднѣе. Но слыхалъ ль онъ, чтобъ обработка дѣлала земли необитаемыми, чтобъ она была пагубой для цѣлаго плодоноснаго края? Вѣрно нѣтъ. Такъ пусть же онъ послушаетъ, что̀ говоритъ Г. Говисонъ объ Южной Африкѣ въ сочиненіи — «Европейскія Колоніи, въ ихъ общественномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ,» — изданномъ въ Августѣ мѣсяцѣ.

«Извѣстно, какъ нельзя лучше, что во многихъ внутреннихъ частяхъ Южной Африки совершенно высыхаютъ ключи и источники, а дожди становятся годъ-отъ-году скуднѣе и непостояннѣе. Путешественникъ часто видитъ домы и мызы, покинутые хозяевами за недостаткомъ въ водѣ, которой прежде всегда было у нихъ довольно; въ другихъ мѣстахъ можно жить только двѣ трети или половину года по той же причинѣ. Въ 1818 году, когда найдено было необходимымъ учредить новое селеніе на сѣверной границѣ колоніи, выборъ правительства палъ на нынѣшнее урочище Бьюфортъ, какъ на плодоносное, богатое водою и по всему удобное мѣсто, и его купили у одного крестьянина за 14 тысячъ рейхсталеровъ. Въ то время было оно такъ извѣстно своими роскошными пастбищами, что Голландское его прозваніе заимствовано отъ этого обстоятельства; но бывши тамъ весною 1830 года, я нашелъ всю окрестность такою сухою и безплодною, что скотъ околѣвалъ безъ корма, и жители увѣряли меня, что шесть лѣтъ не видали они порядочнаго дождя, указывая въ подтвержденіе словъ своихъ

на высохшее русло рѣки Гамки. Въ округѣ Албани, преимущественно занимаемомъ Англійскими поселенцами, засуха годъ-отъ-году усиливается, и многіе изъ нихъ предвидятъ, что со-временемъ они должны будутъ покинуть свои мызы, и искать для себя новыхъ земель въ благопріятнѣйшемъ положеніи.»

До какого бѣдственнаго положенія доведены Южно-Африканскія колоніи этимъ страннымъ явленіемъ, которое заслуживаетъ полное любопытство естествоиспытателей, можно судить изъ слѣдующаго:

«Здѣшніе поселяне, boors, говоритъ Г. Говисонъ въ другомъ мѣстѣ, по необходимости довольствуются произведеніями своей почвы, какъ они ни малочисленны, и мало на свѣтѣ людей, образованныхъ или дикихъ, которые вели бы жизнь, до такой степени лишенную удобствъ и наслажденій. Окруженные безплодными, необитаемыми пустынями, вовсе не имѣя постоянныхъ сообщеній съ подобными себѣ существами, подверженные набѣгамъ Бушменовъ и нападеніямъ дикихъ звѣрей, наконецъ лишенные всѣхъ средствъ существенно улучшить свое состояніе, они считали бы себя несчастнѣйшими созданіями, если бъ имѣли понятіе о чемъ-нибудь *лучшемъ;* но теперь они довольны своею участью, и кажется, нѣтъ у нихъ желанія, котораго не могли бъ они выполнить. Путешествуя по колоніи, я посѣтилъ мызу одного селянина на берегу Львиной Рѣки, Lion's River, близъ Бьюфорта, и ходилъ съ нимъ по его усадьбѣ. Онъ сказывалъ, что у нихъ не было дождя уже *четыре года*, и что сосѣдственная рѣка такъ испортилась, что почти нельзя было изъ нея пить. Онъ пытался развести садъ, но безуспѣшно, по причинѣ щелочнаго свойства почвы: тутъ же показывалъ онъ маленькій уголокъ земли, нѣкогда чрезвычайно плодородной, который три раза въ одну пору засѣвалъ онъ пшеницею, и при всемъ томъ она едва взошла у него рѣдкими клочьями. Поверхность земли около его дома начала покрываться тонкимъ слоемъ селитры, и онъ не въ шутку говорилъ, что примется наконецъ за этотъ промыселъ, вмѣсто неудачнаго хлѣбопашества. Недавно левъ растерзалъ двухъ лошадей его, а рогатый скотъ околѣвалъ у него безъ корму. Домашній его скарбъ состоялъ изъ двухъ

деревянныхъ стульевъ, большаго сундука, стола, кровати и кое-какой глиняной посуды. Хлѣба не отвѣдывалъ онъ нѣсколько недѣль, и не могъ стрѣлять дичи за неимѣніемъ пороху.»

Мы привели эти свѣдѣнія не только для показанія непостижимыхъ перемѣнъ въ свойствѣ почвы и климата, происшедшихъ отъ расчистки земель того края, но и по поводу другаго важнаго вопроса, который долженъ скоро измѣнить Географію Африки. Колоніи, учрежденныя на западномъ ея берегу, по причинѣ убійственнаго ихъ климата и дознанной безполезности, неминуемо будутъ оставлены: та же участь ожидаетъ и поселенія, основанныя съ такими издержками въ южной полосѣ этого негостепріимнаго материка, внутренность котораго, кажется, не суждено знать Европейцу. Надежды, возбужденныя видами обширной торговли съ внутренними Африканскими народами, день-ото-дня исчезаютъ, по мѣрѣ того, какъ Англичане короче знакомятся съ мѣстными неудобствами. Большія рѣки западнаго берега, отъ которыхъ такъ много ожидали, оказываются несудоходными отъ безпрестанно увеличивающагося числа отмелей въ устьяхъ. Англія уже почти рѣшилась свои Африканскія колоніи опять уступить пустынямъ.

ВОДЯНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Нѣкто, Г. Лудвигъ, путешествовалъ недавно по Венгріи, потому что нынче всѣ путешествуютъ, и издалъ по-Нѣмецки свое путешествіе, потому что нынче и Нѣмцы издаютъ путешествія. Это бы еще не бѣда, но онъ разсказываетъ по-Нѣмецки такія вещи, какихъ давно уже не разсказываютъ и по-Китайски. Обстоятельство, которое мы приведемъ, можно было бы счесть за шутку, если бъ въ цѣлой его книгѣ хоть сколько-нибудь обнаруживалась наклонность къ шутливости: напротивъ, Г. Лудвигъ никогда не смѣется, и смѣяться не любитъ въ путешествіяхъ; онъ человѣкъ степенный, основательный, убитый или по-крайней-мѣрѣ израненный любовью, — такъ тутъ ужъ не до проказъ! Вотъ что онъ видѣлъ въ зàмкѣ Эстергази.

«Изъ Рааба отправились мы въ Панкоте, а оттуда въ Эстергази, говоритъ онъ въ своемъ Reise in Ungarn, и вышли передъ самымъ зàмкомъ, чтобъ посмотрѣть на остатки

древняго великолѣпія, которымъ блисталъ онъ, когда жили здѣсь князья, его владѣтели. Тутъ мы наткнулись на четырехъ Вѣнскихъ жителей, которымъ тоже вздумалось побывать въ Венгріи, и вмѣстѣ съ ними пошли по комнатамъ зàмка. Въ одной изъ нихъ прекрасное собраніе Китайскаго фарфору. Зала обширна и примѣчательна отличнѣйшими аль-фресско. Большая часть комнатъ расписана въ Китайскомъ вкусѣ, иногда по золотому грунту. Здѣсь видѣли мы изображеніе того чуднаго животнаго, которое было поймано въ сосѣдственномъ Нейзидлерскомъ озерѣ въ послѣдній годъ прошлаго столѣтія. Оно совсѣмъ какъ человѣкъ, но покрыто чешуей, и снабжено рыбьими перьями. Подъ тщательнымъ надзоромъ, это морское чудо постепенно привыкло къ людскому быту, и служило на кухнѣ за поваренка. Оно не ѣло ничего, кромѣ сырой рыбы и жабъ, и не произносило ни одного звука. Наконецъ, когда перестали опасаться, чтобъ чудовище скрылось, и дали ему полную свободу, оно стосковалось на сушѣ, — притомъ же боялось можетъ-быть и плети, которою ему часто грозили, — и въ добрый часъ ускользнуло въ озеро. Естественная Исторія не представляетъ намъ ни какихъ свѣдѣній объ этой породѣ животныхъ, и появленіе подводнаго человѣка по-сю-пору остается необъяснимою загадкой.»

ОПЯТЬ МЕМНОНОВЪ КОЛОССЪ. Въ первой книжкѣ Б. для Ч. отдали мы отчетъ въ изысканіяхъ славнаго Французскаго антикварія и филолога, Г. Летронна, о причинахъ древней звучности огромной Ѳивской статуи, представляющей изображеніе одного изъ царей Египетскихъ, и прозванной Греками Мемнономъ, сыномъ Авроры. Г. Летронъ доказывалъ исторически, что этотъ колоссъ началъ издавать звуки при восхожденіи солнца только съ тѣхъ поръ, какъ верхняя его часть обрушилась отъ землетрясенія, бывшаго при Неронѣ, и пересталъ издавать ихъ, какъ скоро исправили его по повелѣнію Адріана. Эту таинственную звучность, которую древніе свидѣтели сравнивали со *звономъ ударяемой мѣди*, ученый изыскатель приписывалъ освобожденію изъ полостей статуи воздуха, согрѣтаго лучами и выходившаго съ шумомъ въ какую нибудь трещи-

ну, слагая тѣмъ съ Египетскихъ жрецовъ всю вину въ умышленномъ обманѣ. Вскорѣ потомъ Англійскій антикварій, Г. Вилькинсонъ, путешествовавшій по Египту, напечаталъ свои наблюденія надъ тѣмъ же колосомъ, которыя помѣстили мы во второй книжкѣ нашего журнала. Г. Вилькинсонъ спускался самъ въ него, черезъ голову, и нашелъ въ грудной полости Мемнона движущійся камень: онъ ударялъ въ него желѣзомъ, и Арабы, стоявшіе у подножія исполинской статуи, кричали ему: *Ты бьешь по мѣди!* Какое можетъ быть лучшее доказательство плутовства жрецовъ и несостоятельности глубоко-ученыхъ выводовъ Г. Летронна? Однако жъ это неожиданное открытіе Англійскаго путешественника, удовлетворившее многихъ критиковъ, ни сколько не уменьшаетъ достоинства прекрасныхъ изслѣдованій Французскаго академика. Г. Летронъ все-еще правъ, и какъ вопросъ о звучности знаменитаго истукана самъ по себѣ чрезвычайно любопытенъ, то мы выпишемъ здѣсь отвѣтъ этого ученаго Г. Вилькинсону.

«Достовѣрно, во-первыхъ, что верхняя часть колосса уже упала, когда древніе путешественники, отъ временъ Страбона до Павзаніевыхъ, посѣщали его, и слышали звуки; во-вторыхъ, что возстановленіе его произошло послѣ путешествія императора Адріана; въ-третьихъ, что съ этого времени колоссъ молчалъ или, — по-крайней-мѣрѣ — объ немъ не говорятъ болѣе ни слова.

«Теперь, если звучный камень, о которомъ идетъ дѣло, помѣщенъ подъ грудью, онъ принадлежитъ къ части колосса, возстановленной Адріаномъ, и слѣдственно не существовалъ до возстановленія, то есть, именно въ то время, когда звучность статуи была наиболѣе извѣстною. Совершенное молчаніе колосса послѣ починки доказываетъ, что камень, о которомъ говоритъ Г. Вилькинсонъ, не могъ прежде быть употребленъ для произведенія предполагаемаго имъ дѣйствія.

«Когда допустить, что звучный камень принадлежалъ къ древней части колосса, тогда надо будетъ согласиться, что онъ вдѣланъ въ статую незадолго до посѣщенія ея Страбономъ, потому что Страбонъ первый изъ писателей упоминаетъ объ этомъ феноменѣ. Но, какъ мы прежде говорили,

съ нимъ не связывали тогда ни какого религіознаго понятія; колоссъ не получилъ еще имени Мемнона, такъ, что никто не могъ находить своей выгоды въ подобномъ обманѣ; феноменъ былъ просто неважнымъ случаемъ, почти не обращавшимъ на себя вниманія. Пришлось бы также допустить, что во весь тотъ промежутокъ времени, пока длилось это фокусничество, камень былъ на самомъ верху оставшейся части статуи, и можно было бъ спросить: какъ же ходилъ туда каждый день человѣкъ, что никто его не замѣтилъ? Не довольно было спрятаться въ пустоту, слѣдовало до нея вскарабкаться, и потомъ слѣзать оттуда невидимкою. Поэтому, нѣтъ возможности, чтобъ такой грубый подлогъ пробылъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ въ совершенной тайнѣ, тѣмъ болѣе, что одни Греки могли принимать въ немъ нѣкоторое участіе, а Египтяне, какъ намъ положительно извѣстно, были его совершенно чужды. Имъ, естественнымъ образомъ, надлежало бъ стараться разочаровать легковѣрныхъ, и обнаружить подлогъ, осквернявшій статую одного изъ древнихъ царей ихъ. Изъ одной охоты морочить добрыхъ людей, кто дерзнулъ бы обманывать самыхъ высокихъ особъ, правителей, полководцевъ, императоровъ, которые, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, посѣщали Мемнона, и слушали его звуки?

«Вотъ нѣсколько неразрѣшимыхъ историческихъ затрудненій, представляющихся въ открытіи ученаго Англійскаго путешественника; есть еще многія другія, но для изложенія ихъ потребовалось бы не мало времени: довольно и того, что мы теперь замѣтили.

«Мы отнюдь не думаемъ оспоривать дѣйствительность видѣннаго Г. Вилькинсономъ, ни подвергать сомнѣнію достовѣрность его показаній: мы допускаемъ ихъ во всей силѣ, и соглашаемся, что они подтвердятся будущими путешественниками: оспориваемъ только объясненіе, какое онъ даетъ на нихъ. Если звучный камень дѣйствительно существуетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ его полагаетъ; если онъ точно за отверзтіемъ, не случайно образовавшимся, а продѣланнымъ нарочно, то и здѣсь, по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи вопроса, мы видимъ только позднѣйшую по-

пытку возпроизвести феномень, котораго существованіе прекратилось.

«Тѣ, которые, съ Адріанова времени, предприняли исполинскій трудъ починить колоссъ, конечно надѣялись придать феномену еще болѣе разительности и необычайности, но ошиблись въ расчетѣ. Звукъ переталъ быть слышимъ, и это доказывается совершеннымъ отсутствіемъ надписей послѣ временъ Септимія Севера, и молчаніемъ Исторіи съ той же самой эпохи. Теперь, если размыслимъ обо всемъ, что придавало феномену такую важность въ то время, когда борьба между язычествомъ и Христіанствомъ достигла высшей степени, то конечно должны будемъ допустить, что для людей, предпринявшихъ выполнить такую многостоящую работу, было крайне прискорбно открыть напослѣдокъ, что желанные звуки вовсе прекратились, и потому отнюдь не удивительно, если они старались произвести искусственнымъ образомъ то самое дѣйствіе, которое прежде обнаруживалось, не извѣстно отчего. Для-этого сдѣлана была пустота въ возстановленномъ колоссѣ, и вложенъ звучный камень между песчаниковъ, неспособныхъ къ сотрясенію. Но такой подлогъ не долго могъ быть тайною; его надо было оставить, и съ тѣхъ поръ колоссъ замолкъ совершенно.

«Если замѣчанія Г. Вилькинсона точны, то предложенное здѣсь объясненіе, кажется намъ, одно только согласно съ различными фактами, представляющимися здѣсь при внимательномъ разсмотрѣніи вопроса.

«Но и въ этомъ случаѣ, открытіе ученаго путешественника было бъ чрезвычайно любопытно; оно служило бъ доказательствомъ той важности, какую возстановители статуи приписывали произведенію чуда, и обнаружило бъ тѣ сильныя побужденія, которыя заставили ихъ предпринять такую работу.»

ПРОСТООБЫЧІЕ КОРОЛЕЙ XIII ВѢКА. Въ спискѣ новыхъ Англійскихъ книгъ за прошлый мѣсяцъ читатели наши вѣрно замѣтили одну, подъ названіемъ — Rotuli literarum clausarum, etc. — «Свитки закрытыхъ листовъ, отъ 1201 до 1224, сохраненные въ Лондонскомъ Товерѣ.» Это сочине-

ніе занимательно не для однихъ только Англичанъ. Закрытыми листами, literae clausae, назывались, — въ противоположность открытымъ листамъ, или патентамъ, literae patentes, — письма въ конвертахъ, запечатанныя по-нынѣшнему обычаю. Найденные въ Товерѣ закрытые листы составляютъ переписку Англійскихъ королей XIII вѣка по ихъ домашнимъ дѣламъ: это повелѣнія разнымъ лицамъ о нарядахъ, доставкѣ живности, охотѣ, починкѣ дворцовъ и т. п., и вмѣстѣ картина нравовъ и понятій того времени. Когда подумаешь, что Европейскіе дворы уже славились тогда своею пышностью, множествомъ и цѣнностью своихъ алмазовъ, яхонтовъ, жемчугу, нельзя не удивляться простотѣ образа домашней жизни тѣхъ, которые сквозь призму Исторіи кажутся намъ окруженными роскошью и гордымъ величіемъ. Вотъ безцѣнныя черты для сочинителей историческихъ романовъ:

«Кормилица наша, Евва, говоритъ Король Іоаннъ въ одномъ изъ этихъ закрытыхъ листовъ, жаловалась намъ, что за нѣсколько времени удерживаютъ у ней жалованье по два пенса (20 коп.) въ день. Лорды Казначейства имѣютъ изслѣдовать сіе дѣло, и заплатить ей, что причитается.»

Другое письмо: «Алое платье, которое молодому королевичу Генриху должно надѣть въ Рождество, очень подержано и требуетъ починки: для сего надобны три съ половиною мѣха горностаевыхъ; да одинъ сѣрый для нашей зеленой епанчи; да еще сѣрый же для заплатокъ въ праздничной шубѣ брата нашего, Ричарда. Исподнее платье наше, которое желаемъ мы надѣть на праздникъ, находится также въ неблагоприличномъ видѣ, и требуетъ возобновленія. О чемъ и предписывается высокогордому и зѣло богатому городу нашему, Лондону, для надлежащаго исполненія.»

Въ 1213 году, Іоаннъ Безземельный опять готовился праздновать Рождество Христово, и вотъ повелѣніе, писанное имъ по этому случаю къ одному изъ придворныхъ сановниковъ:

«Король Регинальду Коригиллю. Повелѣваемъ тебѣ, чтобъ немедленно по прочтеніи сего письма, прислалъ ты въ Виндзоръ двадцать оксофтовъ вина, вкуснаго, добраго, молодаго, и Гасконскаго, и Французскаго, да четыре оксофта самаго лучшаго для нашихъ собственныхъ устъ (ad os nost-

rum), два бѣлаго и два краснаго, и чтобъ сіе отправлено было безъ отлагательства и пришло бъ къ намъ до Рождества. Къ ему жъ дню потребно для насъ 20 штукъ свиней, да 100 куръ, да 50 фунтовъ воску, да 5 фунтовъ перцу, да 2 фунта шафрану, да 10 фунтовъ миндалю, хорошаго и свѣжаго, да двѣ дюжины салфетокъ, да 100 локтей полотна для скатертей, да 50 локтей тонкаго ранціану, да пряностей для соленья, сколько сочтешь нужнымъ, и чтобъ все оное было выслано туда къ послѣдней Субботѣ или къ Воскресенью передъ Рождествомъ. Да еще пошлешь 1500 сельдей и другой рыбы и другихъ припасовъ, какъ тебѣ прикажетъ Ф. Лангебургъ. И все сіе закупишь на обыкновенномъ рынкѣ, чѣмъ заслужишь нашу признательность, и счеты, какъ слѣдуетъ, представишь въ казначейство. Что касается до фазановъ или рябчиковъ и иныхъ птицъ, какихъ ты долженъ для насъ выбрать, то получишь ихъ съ мызы. Гилдфордъ, 17 Декабря, 1213.»

ИСТОРІЯ ЗНАМЕНИТАГО ЯХОНТА, КУГИ-НУРЪ. Междутѣмъ, какъ сила оружія и воинская доблесть спорили на Западѣ о судьбѣ вѣковыхъ монархій, Восточные властелины изъ корыстолюбія заводили ничтожныя войны для грабежа и насыщенія личныхъ страстей. Въ Сентябрѣ 1812 года, по сверженіи съ престола Шахъ-Седжа, царя Кабульскаго, семейство этого несчастнаго государя выѣхало изъ земли своей, терзаемой междоусобною войною. Царица Вафъ-бегумъ удалилась въ Лагоръ, и жила тамъ, окруженная знаками величайшаго благорасположенія новыхъ своихъ хозяевъ; но Шахъ-Седжа, приведенный однимъ измѣнникомъ къ брату его, царствовавшему тогда въ Кашмирѣ, былъ заключенъ въ оковы и сдѣлался его плѣнникомъ. Ренджитъ-Сингъ, царь Лагорскій, зная, что это семейство обладаетъ превосходными драгоцѣнными каменьями, рѣшился убѣжденіемъ или силою добыть знаменитый *куги-нуръ*, яхонтъ несравненной красоты и славящійся въ цѣломъ Востокѣ по своей величинѣ и необычайному блеску, отъ чего его и прозвали «горою свѣта.» Прибѣгая къ хитрости, казавшейся ему необходимою для успѣха въ своемъ предпріятіи, и рѣшившись впрочемъ сдѣлать для этого всѣ нужныя пожер-

твованія, Ренджитъ объявилъ Вафъ-бегумѣ, что намѣренъ освободить силою ея мужа изъ плѣна, въ которомъ содержится онъ у роднаго брата, и отдать въ его владѣніе крѣпость Ротасъ съ землею, достаточною для того, чтобы онъ могъ достойнымъ образомъ поддерживать свое имя. Этотъ планъ, внушенный, по-видимому, чистѣйшимъ великодушіемъ, упоевалъ Вафъ-бегумъ робостью и надеждою, когда одинъ изъ царедворцевъ объявилъ ей, что за это она должна уступить свой *куги-нуръ*.

Вафъ-бегумъ увидѣла тогда всю великость пожертвованія, котораго отъ нея требовали, но обѣщала все отъ имени своего супруга, и велѣла сказать Ренджитъ-Сингу, что доставитъ къ нему яхонтъ свой, какъ скоро въ состояніи будетъ выкупить его въ Кашмирѣ, гдѣ онъ заложенъ за довольно значительную сумму. Но Ренджитъ-Сингъ, котораго корыстолюбіе дѣлало недовѣрчивымъ, боялся, что это только отговорка; запретилъ Вафъ-бегумѣ выходить изъ ея жилища, и поставилъ кругомъ часовыхъ, которымъ приказано было обыскивать всѣхъ имѣющихъ сношенія съ царицею; онъ даже до того простеръ свою жестокость, что не давалъ этой бѣдной женщинѣ ни хлѣба, ни воды.

Такимъ образомъ прошли два дня. Вафъ-бегумъ оказала твердость, необыкновенную въ особахъ ея пола. Видя, что надежды его не исполняются, Ренджитъ-Сингъ прибѣгнулъ снова къ прежней своей системѣ. Подъ предлогомъ освобожденія царя Кабульскаго изъ рукъ жестокаго брата, онъ заключилъ нѣсколько союзовъ, и убѣдилъ Визиря Фетихъ-хана, управлявшаго тогда Афганистанскою провинціею, принять участіе въ его предпріятіи. Они осадили Кашмиръ, и освободили Шахъ-Седжа. Ренджитъ-Сингъ отдалъ завоеванный имъ тронъ брату Фетихъ-хана, и, какъ-бы дѣйствуя по одному великодушію, увезъ съ собою царственнаго плѣнника, и раздѣлилъ съ нимъ почести торжества; но едва прошло нѣсколько дней, какъ Ренджитъ-Сингъ снова началъ настоятельно требовать награды за свою экспедицію. Въ нетерпѣніи своемъ, онъ заключилъ это несчастное семейство въ его жилищѣ, разлучилъ мужа съ женою, и подвергъ ихъ самымъ жестокимъ лишеніямъ. Между-тѣмъ цѣль его не была достигнута: онъ предложилъ сумму, нужную для выкупа ру-

бина, съ тѣмъ, чтобы онъ доставленъ ему былъ въ назначенное время; принужденный къ тому стѣсненнымъ своимъ положеніемъ, Шахъ-Седжа, который никогда не закладывалъ этого камня, рѣшился въ назначенный день молча бросить къ его ногамъ яхонтъ, завернутый въ холстину.

Но корыстолюбивому Ренджиту этого было еще мало: онъ жалѣлъ о суммѣ, пожертвованной теперь для выкупа яхонта, и, чтобы вознаградить себя за издержки содержанія своихъ плѣнниковъ, отнялъ у нихъ богатыя ихъ платья, оружіе, драгоцѣнныя каменья и все, что у нихъ было получше. Ограбивъ ихъ такимъ образомъ, онъ отправилъ этихъ несчастныхъ въ Лодіамъ, гдѣ Индійская Компанія производитъ имъ нынѣ 50,000 рупій пенсіи. Вотъ какимъ образомъ коварство сдѣлало царя Лагорскаго обладателемъ прекраснѣйшаго въ мірѣ рубина, который превосходитъ величиною и вѣсомъ самые большіе изъ извѣстныхъ алмазовъ.

Съ того времени Ренджитъ-Синъ часто повторяетъ съ ироническимъ видомъ и какъ-бы насмѣхаясь надъ прежнимъ своимъ союзникомъ: «И за все это получилъ я одинъ только голышъ!»

ДИКАРИ НОВО-ЮЖНАГО ВАЛЛИСА. Внутренняя часть этой ссылочной Англійской колоніи, покрытая горами и лѣсами, есть жилище первобытныхъ поколѣній острова, о которыхъ въ послѣднее время много писали въ разныхъ путешествіяхъ. Между прочимъ молодой натуралистъ, Г. Беннетъ, котораго не должно смѣшивать съ Беннетомъ миссіонеромъ («Путешествія Тейермена и Беннета,» Б. для Ч. книж. 2.), сообщаетъ объ нихъ очень любопытныя наблюденія, собранныя имъ въ 1832, 1833 и 1834 годахъ, и изданныя въ Лондонѣ подъ заглавіемъ — Wanderings in New South Wales, Batavia, China, etc.

«Я удостовѣрился, говоритъ Г. Беннетъ, что дикіе туземцы острова часто истребляютъ дѣтей своихъ: иногда они оправдываются тѣмъ, что въ ребенкѣ былъ какой-нибудь тѣлесный недостатокъ, и оттого-то, можетъ-быть, рѣдко встрѣтишь между ними уродливаго человѣка; иногда все дѣло въ томъ, что матери не хотѣлось таскать его съ собою. Дѣвочекъ умерщвляютъ чаще, нежели мальчиковъ. Я слы-

халъ, что одного слабаго и больнаго ребенка не только умертвили, но и съѣли: родители нашли къ этому достаточный поводъ въ томъ, что были голодны, а онъ никуда не годился и только наводилъ имъ хлопоты. Однако жъ они стыдились сознаваться въ такихъ поступкахъ, и всегда чѣмъ-нибудь оправдывались. Только одна женщина, родившаяся отъ Европейца, объявляла объ этомъ безъ зазрѣнія совѣсти, говоря, что малютка былъ точно *варагуль*, — то есть, собака. Это значитъ, что онъ былъ русый въ папеньку, и цвѣтомъ волосъ походилъ на тамошнюю собаку, между-тѣмъ какъ у туземцевъ прекрасные черные кудри.

«Преданные дѣтоубійству, они въ другихъ случаяхъ обнаруживаютъ удивительную привязанность къ умершимъ дѣтямъ, и этому есть такіе примѣры, которые можно было бъ почесть невѣроятными, если бъ они не такъ часто случались между племенами, живущими внутри колоніи. Матери кладутъ умершихъ дѣтей, отъ самаго ранняго возраста и до шести или до семи лѣтъ, въ мѣшокъ изъ кожи кангару, привѣшиваютъ его, вмѣстѣ съ *нетбули*, или *кули*, въ которомъ у нихъ обыкновенно съѣстные припасы, за спину, и носятъ съ собою десять, двѣнадцать мѣсяцевъ; даже спятъ на смертныхъ останкахъ, служащихъ имъ вмѣсто подушки, не заботясь, кажется, объ ужасномъ запахѣ, которымъ сопровождается гніеніе трупа. Вѣроятно, онѣ къ этому привыкаютъ; но женщину, обремененную такой тяжестью, обоняешь издали, даже еще не видавши, и чужестранецъ, которому не извѣстны ихъ обычаи, встрѣтившись съ нѣжной матерью, не знаетъ, что подумать объ этой вони. Когда трупъ высохнетъ, или останутся однѣ кости, ихъ сожигаютъ, хоронятъ въ землю или въ дупло дерева, и въ послѣднемъ случаѣ, отверзтіе тщательно закладываютъ камнями и тому подобнымъ. Сколько я ни распрашивалъ объ этомъ отвратительномъ обыкновеніи, только и могъ добиться, что если схоронить ребенка тотчасъ, то неравно *Буки*, или чортъ чертей, возьметъ его.»

Г-жа Троллопъ въ Бельгіи и Германіи. Какъ не говорить о Г-жѣ Троллопъ, когда она напишетъ книгу? Прежде была она ужасная либералка, но когда ей надоѣли

пріятности свободы, она рѣшилась что называется *рѣзать правду* о свободѣ, либералахъ и либералкахъ, и рѣжетъ ее остро и бойко. Помните, какъ отдѣлала она своихъ пріятелей, Американцевъ? Теперь, по очереди, принялась она за Бельгійцевъ. И спасибо за это умной Англійской Хлестовой! Г-жа Троллопъ не прощаетъ даже и своему полу. Вотъ, напримѣръ, картина дневной жизни Белгійской *дамы*.

«Она обыкновенно встаетъ часу въ седьмомъ, если только дѣти, которыя всѣ спятъ у ней въ комнатѣ, не подымутъ ея раньше. Туалетъ ея не продолжителенъ, потому что къ ночному чепцу и темненькому бумажному халату, въ которыхъ она спитъ, присоединяется только черная юбка, — не болѣе. Въ этомъ нарядѣ, съ однимъ ребенкомъ на рукахъ и съ полудюжиной за собою, отправляется она завтракать, что̀ часто происходитъ на кухнѣ, и оканчивается въ нѣсколько минутъ среди крика и ссоръ за ломти хлѣба съ масломъ и за чашки кофе.

«Послѣ этого подвига, дама принимается одѣвать свою медузгу, и всегда дѣлаетъ это съ большимъ раченіемъ и опрятностью; потомъ дѣти идутъ въ школу.

«Тутъ начинается общій смотръ всему дому, и горе прислугѣ, если вчерашніе огарки ниже ея чаянья, если найдется хоть одна пылинка на мебели или какая-нибудь чашка окажется разбитою: преступленія такого рода всегда бываютъ предметомъ самыхъ жестокихъ напрягаевъ.

«Наконецъ, благовѣстятъ къ обѣднѣ; прежній нарядъ замѣняется другимъ,—утреннимъ же и не слишкомъ щеголеватымъ: сверху накидывается черный салопъ и чепчикъ, и, съ корзинкой на рукѣ, идетъ она прежде въ церковь, а потомъ на рынокъ и по другимъ дѣламъ.

«Этотъ періодъ, блаженнѣйшій изо всего ея дня, продолжается до обѣда. На дорогѣ попадется знакомая, и пойдутъ самыя невинныя росказни. Тутъ-то узнаетъ она, сколько Г-жа такая-то передала за камбалу, и слѣдственно, какая она дурная хозяйка; а Г-жа вотъ та-то сущая скряга, торгуется цѣлые полчаса изъ осьмушки гороху: какой нагоняй дала Г-жа А. своей служанкѣ! а ребенокъ-то у Г-жи Б. захворалъ! вообразите, аббатъ заходилъ къ дѣвицѣ В., и пробылъ у ней по-крайней-мѣрѣ полчаса!!.....

«Но вотъ бьетъ двѣнадцать, и всѣ сходятся домой. Дѣти воротились изъ училища; опять поднялся шумъ и крикъ, и тѣ, которыя поменьше, стараются изо всѣхъ силъ, чтобъ обѣдъ былъ ничѣмъ не лучше завтрака. Обѣдаютъ въ прекрасной комнатѣ, убранной зеркалами, коврами и такъ далѣе, но лишенной тысячи мелочей, служащихъ для удобства. Все хорошо и исправно, и все тяжело и мрачно. Хозяева умѣютъ цѣнить потребности животнаго бытія, а впрочемъ не погнѣвайтесь: обѣдъ хорошъ и сытенъ, но объ разговорѣ не спрашивайте.

«Когда, послѣ кушанья, раздадутъ дѣтямъ дессертъ, и пошлютъ ихъ въ училище, миръ опять водворяется.

«Дама садится къ окну съ работою, и не встаетъ изъ-за нея до вечерень, а воротившись оттуда, дастъ дѣтямъ ужинать и укладываетъ ихъ спать; потомъ раздѣвается сама, завиваетъ волосы въ бумажки, молится, и, во ожиданіи супруга, болтаетъ съ людьми на кухнѣ. Добрый мужъ никогда не прійдетъ домой позже девяти: только онъ въ двери, подаютъ сытный ужинъ, и въ десять часовъ весь домъ спитъ мертвымъ сномъ.

«Такую жизнь, съ весьма немногими исключеніями, ведутъ всѣ дамы въ Антверпенѣ.

«Если онѣ отъ этого не умнѣютъ, такъ по-крайней-мѣрѣ толстѣютъ, и стало-быть такое житье для нихъ здорово. Чего жъ имъ болѣе? И зачѣмъ имъ умъ? Фламандецъ женится, чтобъ имѣть хозяйку, которая бъ его не обманывала; чтобъ обѣдъ у него былъ всегда во время, дѣти опрятны, и носки заштопаны. Болѣе онъ ничего не требуетъ, и совершенно доволенъ. Они счастливы. Чего жъ еще? Ничего: развѣ пожелать только, чтобъ вѣкъ не быть свидѣтелемъ такого несноснаго счастія.»

Ненужная и кровавая революція, произведенная Белгійцами въ подражаніе Парижанамъ, разумѣется, оставила глубокіе слѣды и язвы на нравственномъ челѣ этого края: точно такъ же, какъ въ Антверпенѣ, и въ Брюсселѣ видны еще признаки недавняго разоренія.

«Слѣдствіемъ революціи было почти совершенное разсѣяніе того пріятнаго круга, которымъ Брюссель всегда такъ славился. Многіе изъ дворянства совсѣмъ выѣха-

ли, и оставшіеся не такъ доступны, какъ были прежде. Одинъ Русскій *джентльменъ* увѣрялъ насъ, что теперь только въ Англійскихъ домахъ можно найти здѣсь удовольствіе, и что безъ нихъ никто по доброй волѣ не захотѣлъ бы жить въ этомъ городѣ. Я думала, что это было сказано изъ одной вѣжливости, потому что я Англичанка, но впослѣдствіи слыхала подобные отзывы и отъ самихъ Белгійцевъ.»

Мятежи и революціи не только ожесточаютъ и свирѣпятъ нравы, но и лишаютъ общество всѣхъ его удовольствій и пріятностей.

Напротивъ, какъ утѣшителенъ переходъ къ странѣ, благоденствующей подъ властію кроткаго самодержавія! Изъ Белгіи наша путешественница пріѣхала прямо въ Ахенъ.

«Здѣсь впервые услышала я имя Короля Прусскаго, произносимое съ чувствомъ той безпредѣльной любви, почтенія и удивленія, которыя такъ часто поражали насъ въ продолженіе странствія по его владѣніямъ. Я говорю не только о личной привязанности къ нему высшихъ сословій, — каждый, кто возьметъ на себя трудъ потолковать съ низшими и средними, услышитъ ото всѣхъ, что они видятъ въ этомъ мудромъ и добромъ Государѣ отца роднаго.»

Г-жа Троллопъ посѣтила знаменитый Крейцбергъ, или Голгоѳу, близъ Бонна. На вершинѣ холма стоитъ уединенно преждебывшій монастырь, откуда славный видъ на Рейнскую долину. Надъ лѣстницей здѣшней часовни прибита Папская булла, дарующая на цѣлый годъ отпущеніе грѣховъ тому, кто взойдетъ по этой лѣстницѣ на колѣняхъ. Но Крейцбергъ особенно извѣстенъ своимъ подземельемъ.

«Съ горящей свѣчею въ рукѣ, ключарь началъ спускаться по темной и узкой лѣстницѣ, приглашая насъ за собою. Я первая за нимъ послѣдовала, и вѣкъ не забуду зрѣлища, которое представилось глазамъ моимъ. По обѣимъ сторонамъ склепа былъ рядъ открытыхъ гробовъ, и въ каждомъ лежало сухое и сморщенное тѣло монаха, въ рясѣ и клобукѣ. Они постановлены такимъ образомъ, что ихъ можно и осязать, и разсматривать какъ хочешь близко: воспоминаніе объ моей подземной прогулкѣ между ими по-сю-пору бросаетъ меня въ дрожь! Хотя эти тѣла всегда открыты, но они чудесно сохранились. Время ихъ погребенія начинает-

ся съ 1400 и продолжается до 1715 года; впрочемъ первый изъ нихъ точно такъ же свѣжъ, какъ и послѣдній. Двадцать шесть тѣлъ совершенно на виду, а подъ этими вѣроятно хранится еще гораздо болѣе. Подъ старыми, гробы или сгнили, или ихъ вовсе не было.

«У нѣкоторыхъ тѣло еще полно и даже стройно, особенно на ногахъ; у другихъ оно какъ-будто ужъ высыхаетъ, и кое-гдѣ показываются кости. Состояніе лица также весьма различно, но отнюдь не соотвѣтственно времени. У многихъ цѣлы носъ, губы и борода, а у одного черты лица не потерпѣли даже ни малѣйшаго искаженія.

«Около другихъ, прахъ такъ и лежитъ, какъ онъ постепенно падалъ съ истлѣвавшихъ щекъ, а голова, почти въ видѣ скелета, страшно выглядываетъ изъ-подъ клобука. Одежда также не въ одинаковой сохранности: на многихъ бѣлыя ткани еще крѣпки, хоть и пожелтѣли, а на другихъ онѣ развалились. Башмаки на всѣхъ совершенно цѣлы.

«Послѣдній человѣкъ, погребенный въ этомъ склепѣ, былъ инокъ, исправлявшій должность монастырскаго садовника. Голова его украшена вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, который по-сюпору сохранилъ свою общую форму; даже можно еще различить крупные цвѣты отъ мелкихъ между изсохшимъ листьемъ и волосами покойника.»

Вотъ, что разсказываетъ намъ Г-жа Троллопъ о знаменитомъ Страсбургскомъ Мюнстерѣ:

«Я пришла въ церковь съ намѣреньемъ взобраться на вершину башни, однако жъ оставила его, наслушавшись разсказовъ ключаря. Сынъ мой, который не боится усталости, все-таки рѣшился итти, и совершилъ этотъ подвигъ, хоть послѣ и сознавался, что онъ не былъ ни легокъ, ни пріятенъ. Съ половины страшной высоты (500 футовъ) вьется около башни наружная лѣстница, и хотя она съ поручнями, но такими тонкими и такъ рѣдко подпертыми, что они почти не уменьшаютъ ея ужасовъ.

«Говорятъ, было уже три случая, что женщины до того поражались головокружнымъ дѣйствіемъ высоты, на которую удавалось имъ взобраться, что въ припадкѣ безпамятства бросались внизъ и, разумѣется, погибали. Новѣйшее изъ этихъ происшествій случилось въ послѣднія десять лѣтъ, и чело-

вѣкъ, который сказывалъ это моему сыну въ то время, какъ они стояли на самомъ верху, увѣрялъ его, что онъ былъ тому очевидцемъ. Онъ говорилъ, что бѣдняжка была молоденькая дѣвушка, и что потрясеніе чувствъ обнаружилось въ ней сперва необычайною веселостью. Она хохотала какъ безумная, и дошедъ до такого мѣста, гдѣ ничто не мѣшало смотрѣть въ самый низъ, бросилась и дико завизжала въ паденіи.

«Этотъ крикъ, замѣтилъ ключарь, былъ ужасенъ. Такъ ужасенъ, что и не вздумать.»

Чтобъ не оканчивать статьи ужасами, разскажемъ еще, какъ живописно нанимаютъ ословъ на минеральныхъ водахъ въ Эмсѣ.

«Въ прелестныхъ окрестностяхъ часто приходится проѣзжать по такимъ дорогамъ, гдѣ оселъ или лошакъ служитъ вамъ гораздо лучше гордыхъ своихъ соперницъ, — лошадей; и потому требованіе на длинноухихъ такъ велико, что каждое утро видите вы девяносто шесть ословъ и четыре мула, во всемъ убранствѣ, и слышите краснорѣчивыя, но черезъ-чуръ громкія хвалы, которыми всякой хозяинъ наперерывъ старается осыпать свою скотину. Каждый членъ этого многочисленнаго общества четвероногихъ носитъ на лбу свой нумеръ, и числа, принадлежащія самымъ сильнымъ и наилучше выѣзженнымъ осламъ, извѣстны здѣсь точно такъ же, какъ имена отличнѣйшихъ особъ въ городѣ.

«Сорокъ седьмой! Сорокъ седьмой! кричалъ не одинъ изъ подходившихъ наемщиковъ, но намъ ужъ посчастливилось улучить прекрасную зебру подъ № 47.

«Двадцать второй! Семнадцатый! Пятьдесятъ шестой! восклицали алчущіе, а хозяева ословъ еще громче предлагали другіе нумера, разсыпаясь въ похвалахъ удивительнымъ ихъ достоинствамъ. Къ счастію, тутъ всегда есть полицейскій офицеръ, котораго присутствіе умѣряетъ немножко жаръ совмѣстничества и немилосердіе запросовъ, и, кажется, объ немъ грѣшно сказать, чтобы онъ только числился на службѣ.»

СКИЦЦЫ АМЕРИКАНСКИХЪ НРАВОВЪ. Вотъ новая Г-жа Троллопъ, и не хуже старой. Нѣмецкій журналъ Morgen-

blatt сообщилъ своимъ читателямъ умныя, тонкія и прелестно начертанныя наблюденія одной Германской дамы надъ нравами Сѣверо-Американскихъ республиканцевъ, и мы не можемъ не передать нашей публикѣ хотя нѣсколькихъ отрывковъ этой любопытной статьи.

1. Первыя впечатлѣнія Нью-Іорка. Необыкновенные успѣхи, сдѣланные въ самое короткое время страною столь еще новою, какъ Соединенные Штаты, приводятъ въ удивленіе даже хладнокровныхъ и разсудительныхъ людей, а въ толпѣ, готовой всѣмъ восхищаться, не рѣдко возбуждаютъ безсмысленный восторгъ. Это часто подавало мнѣ поводъ думать, еще въ Европѣ, что слава Новаго Свѣта во многихъ отношеніяхъ черезъ-чуръ преувеличена превратными видами извѣстнаго класса писателей и общимъ повѣрьемъ. Безпристрастное обозрѣніе Сѣверо-Американскихъ нравовъ и обычаевъ на-мѣстѣ, такъ рѣзко противоположныхъ Европейскимъ, подтвердило это подозрѣніе. Разумѣется, что записные обожатели заморской республики станутъ кричать, что я изображаю ихъ лживо и неправдоподобно; но, въ справедливости моихъ замѣчаній, я ссылаюсь на всякаго, кто-только бывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно въ Нью-Іоркѣ, настоящей ихъ столицѣ, которой прочіе города во всемъ подражаютъ. Многія лица описаны мною такъ вѣрно, что кто знакомъ съ ними, тотъ легко ихъ узнаетъ.

Когда корабль нашъ присталъ къ Нью-Іоркскому берегу, каждый почувствовалъ себя оживленнымъ какъ-бы юношескою бодростію; каждый изъ глубины души привѣтствовалъ гостепріимный край, въ которомъ надѣялся найти счастіе.

Утомительное, опасное путешествіе кончилось; всѣ затрудненія побѣждены; цѣль достигнута; отнынѣ мы на лонѣ свободы, равенства, братскаго согласія и радости. Едва успѣли кинуть мостикъ съ корабля, какъ всѣ пассажиры, большіе и малые, мужчины и женщины, толпою бросились на берегъ, торопясь облобызать благословенную землю. Признаюсь, что я тоже раздѣляла ихъ чувства; но рѣшившись, не слѣдуя первому движенію, быть нѣкоторое время спокойною наблюдательницею, я помѣстилась на возвышеннѣйшей части палубы.

Пассажиры, которые съ большою поспѣшностію выскакивали на берегъ и, толкая другъ друга, цѣловали благословенную землю, вдругъ останавливались какъ окаменѣлые. Они закрывали рты и носы руками, и страшная ихъ усмѣшка выражала и отвращеніе, производимое въ нихъ ужасною неопрятностью набережной, и досаду на излишнюю торопливость къ восторгу. Признаюсь, что это нѣсколько поразстроило мои мечтанья; но я безъ труда пріискала тысячу извиненій для этой первой непріятности. Негръ уложилъ нашъ багажъ въ тачку, и быстро повезъ ее съ неопрятной набережной.

Сдѣлавъ нѣсколько сотъ шаговъ, мы очутились на великолѣпной улицѣ, прославленной *Бродвѐ*, Broadway, по справедливости почитаемой лучшею въ цѣлой Америкѣ: кареты, коляски, телѣги, экипажи всякаго рода катились взадъ и впередъ по мостовой; по широкимъ тротуарамъ, проходящимъ подлѣ богатыхъ лавокъ, толпами валили пѣшеходы. Мужъ мой обратился къ одному изъ прохожихъ, прося его указать намъ хорошую Американскую гостинницу. Намъ назвали одинъ Французскій трактиръ, но мы хотѣли скорѣе ознакомиться съ народными обычаями, и не считали удобнѣйшимъ для этого средствомъ поселиться во Французскомъ домѣ. Второй человѣкъ, къ которому мужъ мой подошелъ съ тѣмъ же вопросомъ, остановился, усмѣхнулся, и, вмѣсто отвѣта, сталъ распрашивать, когда мы пріѣхали, что намѣрены здѣсь дѣлать, и т. п. Мы прервали его рѣчь, и повторили вопросъ. «Право, не знаю!» отвѣчалъ онъ, и пошелъ далѣе. Третья, четвертая, пятая попытка была столько же неудачна; наконецъ намъ попалось семейство квакеровъ, и я рѣшилась прибѣгнуть къ этимъ друзьямъ: вѣдь они такъ себя называютъ! Но и отъ нихъ не болѣе добилась толку, хотя они говорили мнѣ *ты* и называли *своимъ другомъ*. Удовлетворивъ личному своему любопытству, они отвѣчали намъ сухо — «Не знаемъ!», и продолжали путь. Намъ не оставалось другаго средства, какъ итти къ Французской рестораціи, о которой знали только то, что она называется Hôtel de commerce, но и это не легко было исполнить: никто не могъ или не хотѣлъ указать намъ дороги. «Не знаю! — Не могу сказать!» —

были единственные отвѣты на всѣ наши распросы. Даже отъ чернаго нашего спутника не могли мы допытать другаго слова: онъ упорствовалъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ продлить время своего найма, и заставить насъ заплатить ему дороже.

Долго скитались мы по улицамъ за толпами прохожихъ, какъ вдругъ услышали говорящихъ по-Французски. Мы направились къ одному изъ нихъ. Еще не успѣли сдѣлать ему вопроса, какъ онъ уже просилъ насъ пожаловать къ нему, въ близлежащій домъ. Какая радость! то былъ трактиръ, котораго мы искали, а человѣкъ, приглашавшій насъ, — его содержатель. Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя было много торговаться; однако мой мужъ не забылъ договориться напередъ о цѣнахъ, бывъ предваренъ, что эта предосторожность необходима съ Американскими либералами. Положено было платить за квартиру и столъ, безъ вина, по доллеру въ день, съ человѣка. По лѣстницѣ, устланной прекраснымъ ковромъ, вошли мы въ просторную комнату; полъ ея также былъ покрытъ великолѣпными коврами. Легко можно было замѣтить, что они составляютъ главное украшеніе жилищъ.

Едва мы легли спать, и не успѣли еще закрыть глазъ, какъ необыкновенный шумъ, съ улицы, принудилъ насъ соскочить съ постелей. Мы отворили окно: сотни шумливыхъ Американцевъ, при звукахъ трубъ, при свѣтѣ множества факеловъ, съ крикомъ и гамомъ везли на себѣ пожарныя трубы съ безконечно длинными рукавами. Я думала, что весь домъ поднимется на ноги: ни чуть не бывало! Сосѣди наши спали преспокойно. Мы и сами охотно бы улеглись, но, къ несчастію, покуда окно оставалось открытымъ, въ комнату налетѣло такое множество какихъ-то вонючихъ комаровъ, втрое больше Европейскихъ, что нельзя было дохнуть свободно. Они насъ до крайности измучили и заразили своимъ отвратительнымъ запахомъ. Собственныя наши страданія сдѣлали насъ равнодушными ко всему, что около насъ дѣлалось; съ истинно Американскимъ хладнокровіемъ услышали мы, въ ту же ночь, еще двѣ пожарныя тревоги, и уже никто изъ насъ не имѣлъ охоты отворять окна. Мы съ нетерпѣніемъ дождались разсвѣта, въ наде-

ждѣ, что ночные наши преслѣдователи, утомленные нападеніемъ, оставятъ насъ въ покоѣ. Такъ и случилось.

Поутру мы сошли въ столовую, къ общему завтраку. Вокругъ длиннаго стола, уставленнаго множествомъ теплыхъ и холодныхъ мясъ и рыбъ, сидѣло около тридцати человѣкъ. Каждый изъ нихъ бралъ себѣ, что ему нравилось. Иной начиналъ съ салата, потомъ ѣлъ яйца, жаркое, запивалъ все это чашкою кофе, и оканчивалъ блюдомъ холодной рыбы; сосѣдъ его слѣдовалъ совершенно противному порядку. Прежде, чѣмъ мы успѣли осмотрѣться, все съѣстное было истреблено. Вслѣдъ за тѣмъ, къ удивленію нашему, со всѣхъ сторонъ раздалось требованіе — «Вилокъ! вилокъ!» Я сейчасъ только видѣла, что Американцы, за столомъ, умѣютъ и безъ нихъ обойтись, дѣйствуя съ удивительною ловкостію ножемъ. Несмотря на то, слуга принесъ нѣсколько тарелокъ съ вилками, и поставилъ ихъ посреди стола. Мужчины бросились на нихъ; каждый взялъ по одной, и, вставъ изъ за стола, отправился въ ту часть комнаты, гдѣ могъ удобно упереться ногами въ стѣну. Нѣкоторые изъ нихъ вздернули ноги даже на столъ, и въ этомъ живописномъ положеніи, преспокойно начали чистить зубы и ногти вилками. Окончивъ странную операцію, каждый вынималъ изъ кармана кусокъ табаку, и, забивъ его пальцемъ за щеку, торопливо выходилъ изъ комнаты.

Когда всѣ разошлись, содержатель подошелъ и сказалъ намъ: «Если вы не хотите вставать изъ-за стола голодными, то совѣтую впредь приниматься за дѣло безъ потери времени. У меня часто бываютъ знатнѣйшіе граждане съ своими семействами, однако жъ за столомъ никогда не сидятъ долѣе десяти минутъ. Но позвольте спросить: не съ открытыми ли окнами почивали вы сегодня?» Я не могла удержаться отъ самыхъ горькихъ жалобъ на мученія, причиненныя намъ въ прошлую ночь, насѣкомыми. «Сожалѣю, отвѣчалъ хозяинъ усмѣхнувшись, что ужасные наши *москитосъ* объявили вамъ войну съ самой первой ночи: за то, тѣмъ скорѣе они помирятся съ вами. Но покуда въ васъ останется хоть капля Европейской крови, не ждите отъ нихъ пощады. Черезъ два года ни одинъ *москито* васъ не

укуситъ; вы будете такъ же отъ нихъ безопасны, какъ природные Американцы, которыхъ они никогда не трогаютъ.

2. *Видъ главной улицы въ Нью-Іоркѣ.* Бродвѐ одна изъ лучшихъ улицъ въ свѣтѣ. Она вѣчно полна экипажами, но они далеко не такъ великолѣпны, какъ въ Европейскихъ столицахъ, и большею частію все наемные. Собственные экипажи водятся только у тѣхъ, которые держатъ ихъ для отдачи въ наемъ. Кучера и лакеи всегда одѣты въ черное. Лучшая часть Бродвѐ — середняя. Въ началѣ находятся не большіе, но красивые домы богатыхъ старинныхъ жителей Нью-Іорка. Тѣ, которые обогатились впослѣдствіи, должны были строить свои великолѣпныя жилища уже въ половинѣ улицы. Въ началѣ ея, эти зданія перемѣшаны съ маленькими, бѣдными домиками; далѣе, съ хижинами и лачугами, а тамъ стоятъ уже отдѣльно, далеко одинъ отъ другаго, и разбросаны между кучами муссора и неровностями самой почвы. Версты съ полторы далѣе, начинаются мѣста, назначенныя для построекъ *будущихъ* поколѣній: тутъ улицы только означены на грунтѣ каменистомъ, необдѣланномъ, и кой-гдѣ стоятъ еще чахлыя деревья, сохранившіяся отъ непонятнаго торжества лѣности и нерадѣнія надъ пылкимъ корыстолюбіемъ Американцевъ.

Послѣ домовъ, лавки и прохожіе всего болѣе привлекали мое вниманіе. Извѣстно, что Парижане мастера убирать со вкусомъ свои *магазины*, — названіе, которымъ величаютъ они послѣднюю лавчонку; но и Нью-Іоркцы не уступятъ имъ въ этомъ. Однако, увидѣвъ здѣсь разряженныхъ дамъ и модниковъ, которыми всегда набиты магазины, не думайте, чтобъ торговцы много отъ нихъ выиграли: я вскорѣ удостовѣрилась въ противномъ. Всѣ магазины, куда я ни заходила, были полны дамъ; хозяинъ и сидѣльцы, чрезвычайно занятые, безпрестанно то развертывали, то увертывали товары. Каждая изъ покупательницъ хотѣла все видѣть, всему знать цѣну, откуда что привезено, съ какимъ кораблемъ, когда именно, и прочая, и прочая. Забавно видѣть, какъ эти заморскія щеголихи жадно перебираютъ нѣжными ручками своими новыя матеріи и ленты; какъ непремѣнно хотятъ развернуть каждый кусокъ; какъ дѣлаютъ купцу тысячи вопросовъ; какъ внимательно разсматриваютъ

доброту товара; какъ примѣряютъ ткани, собравъ ихъ складками; какіе укладываютъ банты изъ лентъ; какъ придаютъ всему видъ, самый живописный и разнообразный, и, какъ, послѣ этого, прехладнокровно выходятъ изъ лавки, съ обѣщаніемъ скоро возвратиться, а между-тѣмъ сами идутъ въ сосѣдній магазинъ, гдѣ повторяютъ ту же продѣлку, и потомъ переходятъ въ третій, помявъ пропасть товару, и заплативъ хозяину за то подобнымъ же обѣтомъ. Такъ проводитъ время здѣшній большой свѣтъ отъ девяти часовъ утра до двухъ пополудни: тогда всѣ отправляются обѣдать, ѣдятъ много и очень скоро, отдыхаютъ съ часъ, и въ половинѣ пятаго Бродвѐ снова кишитъ народомъ. Въ это время начинаются вечернія собранія, гдѣ, какъ на биржѣ, вѣчно толкуютъ о цѣнахъ товаровъ и припасовъ, а между-тѣмъ, загородные жители посѣщаютъ магазины; и, отъ этихъ-то покупщиковъ, продавцамъ бываетъ нѣсколько лучшая пожива.

Часу въ двѣнадцатомъ, измученные сидѣльцы собираютъ остатокъ силъ, чтобъ прибрать и запереть свои товары. Должно ли послѣ этого дивиться, что на каждой почти лавкѣ видишь надпись — *Отдается въ наемъ*?

Несмотря на добрый примѣръ Нью-Іорскихъ дамъ, заходя въ разныя лавки, мнѣ совѣстно было выходить изъ нихъ съ пустыми руками, и я накупила кой-какихъ бездѣлокъ: разумѣется что я, какъ иностранка, должна была за все платить въ три-дорога. Но полученный мною тутъ же урокъ вознаградилъ другіе убытки. За первую вещь, которую хотѣла я купить, съ меня спросили доллеръ пятьдесятъ центовъ. Я положила ассигнацію въ два доллера на прилавокъ. Купецъ въ ту жъ минуту опустилъ ее въ ящикъ, и занялся другимъ дѣломъ. Подождавъ немного, я напомнила ему, что онъ не далъ мнѣ сдачи. «А какое доказательство имѣете вы въ томъ, что вы заплатили?» спросилъ онъ съ холодною миною. Я онѣмѣла отъ такой наглости! По-счастію, какой-то мужчина, принявъ мою сторону, сказалъ по-Англійски съ Французскимъ акцентомъ: «Я видѣлъ, что эта дама вамъ заплатила.» Вмѣсто отвѣта, купецъ, безъ малѣйшаго смущенія, далъ мнѣ двадцать центовъ. Я замѣтила ему, что мнѣ слѣдуетъ пятьдесятъ. Посчитавъ

съ минуту, онъ прибавилъ еще шесть. Думая пристыдить его, я спросила аспидную доску, и написала на ней весь счетъ моей покупки. Онъ тотчасъ стеръ мои числа, написалъ по-своему, и отдавая еще нѣсколько центовъ, сказалъ: «Теперь все вѣрно.» Было еще очень невѣрно, но это мнѣ такъ надоѣло, что я отвернулась, и, поклонясь, въ знакъ благодарности, незнакомому покровителю, сбиралась выйти изъ лавки. «Вижу», сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ, «что вы иностранка. Позвольте жъ предупредить васъ, что съ Американцами непремѣнно должно расплачиваться не иначе, какъ одною рукою отдавая деньги, другою получая въ томъ расписку; да сверхъ того не худо, на всякой случай, имѣть при себѣ хоть одного свидѣтеля. Кто не желаетъ терять время, тотъ долженъ запастись мелкими деньгами, чтобъ имѣть возможность тотчасъ же заплатить сколько слѣдуетъ. Здѣсь у всѣхъ одно правило, — бери, что только попадется въ руки, и съ совѣстью не считайся. Даже при размѣнѣ денегъ не дѣлаютъ изъ него исключенія.»

Прогуливаясь по Бродвѐ, должно непремѣнно держаться западной ея стороны: этого требуетъ мода, и кто не хочетъ казаться смѣшнымъ, тотъ долженъ ходить тамъ, гдѣ всѣ ходятъ. При всемъ томъ, для удобнѣйшаго сообщенія между обѣими сторонами улицы, поперегъ проложены, на извѣстныхъ разстояніяхъ, полосы изъ широкихъ плитъ; но по нимъ ходятъ одни иностранцы, и по этому ихъ сейчасъ узнаешь. Но не одна эта черта дозволяетъ легко отличать въ толпѣ народа природныхъ жителей отъ пріѣзжихъ. Кто не узнаетъ Американскаго уроженца по его небрежной одеждѣ, по его длинному, блѣдному лицу, какъ-бы искосившемуся отъ безпрестаннаго жеванія табаку, которымъ вѣчно набита одна его щека; по его коричневымъ губамъ, окрашеннымъ сокомъ того же зелья; по его большимъ, впалымъ свѣтло-сѣрымъ глазамъ; по его озабоченному лбу, на которомъ безпрерывныя ариѳметическія вычисленія провели глубокія борозды! Но это еще не всѣ примѣты: есть одна, характеристическая черта, по которой вы всегда узнаете сыновъ великаго Вашингтона: пусть только два Американца начнутъ говорить между собою, гдѣ бы и когда бъ то ни было, — дома, на улицѣ, сидя, ходя, здороваясь, проща-

ясь, въ трактирѣ, въ церкви, въ конторѣ, на балѣ, въ кофейномъ домѣ, въ театрѣ, на рынкѣ, — словомъ, всюду и во всякомъ случаѣ, на сушѣ или на морѣ, днемъ или ночью, въ городѣ или въ деревнѣ, — не пройдетъ двухъ минутъ, чтобъ вы не услышали завѣтнаго слова *доллеръ*. Доллеръ, единственный предметъ ихъ помышленій, — доллеръ, единственное божество, которому они поклоняются! Если бъ кресты на церквахъ не удостовѣряли васъ, что вы находитесь въ землѣ Христіанской, вы могли бъ подумать, что пріѣхали во мрачную Іудею!

Чтобъ отличить Американца отъ уроженца всякой другой страны, стоитъ еще только взглянуть на него, когда онъ отдыхаетъ сидя.

Коль скоро увидите вы съ улицы пару ногъ, торчащихъ изъ окна, можете быть увѣрены, что онѣ принадлежатъ природному Американскому денди, который, качаясь на стулѣ, куритъ цигару или жуетъ табакъ, — и ужъ навѣрно перочиннымъ ножемъ обрѣзываетъ себѣ ногти. У дверей трактировъ, гостинницъ, кофейныхъ домовъ, кандитерскихъ, пирожныхъ лавокъ и другихъ этого рода заведеній, вы непремѣнно найдете множество людей, которые, развалившись, сидятъ на стульяхъ, выставленныхъ на улицу. Ноги ихъ уперты въ стѣны домовъ или въ подпоры навѣсовъ, широко раскинутыхъ надъ тротуарами. Изъ оконъ подъ навѣсами болтается столько ногъ, сколько можетъ вылѣзть въ раму. Тѣ, которымъ не достаетъ мѣста ни опереть ноги объ стѣны дома, ни вывѣсить изъ окошекъ, безъ церемоніи кладутъ ихъ на спинки стульевъ, занятыхъ уже другими, и совершенно загораживаютъ дорогу. Сокъ пережеванныхъ табачныхъ листьевъ летитъ тутъ со всѣхъ сторонъ, какъ брызги водомета.

Между прекраснымъ поломъ встрѣчаются прелестныя, но чрезвычайно блѣдныя, лица. Часто видишь стройныя таліи, обворожительныя черты; но полныя груди, свѣжій и здоровый цвѣтъ лица — рѣдкость. Моды — Парижскія: однако жъ онѣ до того утрированы, что здѣшнихъ красавицъ можно иногда принять за безумныхъ. И при всемъ томъ, красавицы крайнія экономки въ своихъ нарядахъ: въ концѣ Апрѣля моды учреждаются на круглый годъ; всѣ запасаются

однимъ нарядным платьемъ и чепцомъ, въ которомъ фасонъ играетъ главную роль, а матерія не составляетъ большой важности; по большей части она не изъ дорогихъ, которыхъ и достать очень трудно, потому что привозные товары очень плохи. Европейцы знаютъ здѣшнихъ республиканцевъ, и нарочно посылаютъ имъ самыя дешевыя, то есть, самыя дрянныя издѣлія своихъ фабрикъ. Поэтому всѣ здѣсь одѣваются почти одинаково: богатые и бѣдные, бѣлые и черные, всѣ въ платьяхъ одной и той же доброты; и какъ вся сила въ странномъ покроѣ, то вездѣ только и видишь щеголей да щеголихъ. И самые характеры такое имѣютъ между собою сходство, что кто видѣлъ одного Американца, тотъ можетъ судить обо всѣхъ.»

Окончаніе этихъ занимательныхъ подробностей мы принуждены отложить до слѣдующей книжки.

ДВА ЛЮБОПЫТНЫЕ ДОКУМЕНТА О ПУГАЧЕВѢ. Спѣша воспользоваться особенною вѣжливостью А. С. Пушкина, сообщившаго намъ изъ своей книги два весьма примѣчательные документа, мы помѣщаемъ ихъ здѣсь, еще до выхода «Исторіи Пугачева», ожидаемой публикою съ такимъ нетерпѣніемъ.

1. Описаніе извѣстному злодѣю и самозванцу, какого онъ есть свойства и примѣтъ, учиненное по объявленію жены его, Софьи Дмитріевой.

«1. Мужа ея, войска Донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, зовутъ Емельянъ Ивановъ сынъ, прозывается Пугачевымъ.

«2. Отецъ его родной, былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ Михайловъ сынъ Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

«3. Тому мужу ея нынѣ отъ роду будетъ лѣтъ сорокъ, лицемъ сухощавъ, во рту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ саласками *, еще въ малолѣтствѣ въ игрѣ, а отъ того времени и донынѣ не выростаетъ. На лѣвомъ виску отъ болѣзни круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ отмѣнный, величиною съ двукопѣечникъ; на

* Техническій терминъ у кулачныхъ бойцевъ, значитъ ударъ по челюстямъ.

обѣихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы, отъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ же. На лицѣ имѣетъ желтыя конопатины; самъ собою смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, по-казацки подстригалъ, росту средняго, борода была клиномъ черная, небольшая.

«4. Вѣру содержалъ истинно православную; въ церковь Божію ходилъ, неповѣдовалея и Святыхъ Таинъ пріобщался, на что и имѣлъ отца духовнаго, Зимовейской же станицы Священника Ѳеодора Тихонова; а крестъ ко изображенію, совокуплялъ большой съ двумя послѣдними пальцами.

«5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба первобрачные, назадъ тому лѣтъ съ 10, и съ которымъ и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ двое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

«6. Оный же мужъ ея, назадъ тому три года, посланъ на службу во вторую армію, гдѣ и былъ два года, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудную болѣзнію, о которой выше значитъ, по веснѣ отпущенъ, а посему и былъ въ домѣ одно лѣто, въ которую бытность и нанялъ вмѣсто себя въ службу въ Бахмутѣ на Донцѣ казака, а какъ его звать и прозванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ; — а послѣ сего

«7. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 772 года онъ, оставивши ее съ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и какія отъ него происходили дѣла, объ ономъ, какъ онъ ничего не сказывалъ, такъ и сама не знала; а

«8. 773 года, въ Великомъ посту, тотъ мужъ ея тайнымъ образомъ пришелъ къ хуторскому ихъ дому вечеромъ подъ окошко, котораго она и пустила; но того жъ самаго часа объявила казакамъ, а они, взявши его, повели къ станичному Атаману, а онъ-де отправилъ въ Верхнюю Чирскую станицу, къ старшинѣ, но о имени его не упомнитъ, а оттуда въ Черкасской; но не довезя однако жъ до онаго, въ

Цымлянской станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ теперь находится, не вѣдаетъ,

«9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывалъ онъ Атаману и на сборѣ всѣмъ казакамъ, что былъ въ Моздокѣ, но что дѣлалъ, потому жъ не знаетъ.

«10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ арміи, такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ; да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другому писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и грамотѣ не умѣетъ.

«11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемый Емельянъ Пугачевъ, то, сверхъ ея самоличнаго съ дѣтьми сознатія и уличенія, могутъ въ справедливость доказать и родной его братъ, Зимовейской же станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачевъ (который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й арміи), да родныя жъ сестры, изъ коихъ первая Ульяна Иванова, коя нынѣ находится въ замужствѣ той же станицы за казакомъ Ѳедоромъ Григорьевымъ, по прозванію Брыкалинымъ, а вторая Ѳедосья Иванова, которая также замужемъ за казакомъ изъ Прусакъ Симономъ Никитинымъ, а прозванія не знаетъ, кой нынѣ жительство имѣетъ въ Азовѣ, которыя всѣ мужа ея также знаютъ довольно.

«12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкновенію казацкому, а иностраннаго языка ни какого не зналъ.

«13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ своимъ собственнымъ, который по побѣгѣ мужа (что дневнаго пропитанія съ дѣтьми имѣть стало не отъ чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Еремѣ Евсѣеву на сломъ, который его въ ту Есауловскую станицу по сломкѣ и перевезъ; а нынѣ особою командою паки въ Зимовейскую станицу перевезенъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и они жили, сожженъ; а хуторъ ихъ, состоящій также не-подалеку Зимовейской станицы, сожженъ же.

«14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отецъ ея былъ Есауловской станицы служилый казакъ, Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества не припомнитъ, потому что она послѣ него осталась въ малолѣтствѣ, и послѣ жъ котораго остались и теперь вживѣ находятся, дочери его,

а ей сестры родныя, первая Анна Дмитріева, въ замужствѣ Есауловской станицы за казакомъ Ѳомою Андреевымъ, по прозванію Пилюгинымъ, который и находится въ службѣ тому нынѣ 8-й годъ, а въ которой арміи, не знаетъ. Вторая Василиса Дмитріева, въ замужествѣ также Есауловской станицы за казакомъ Григоріемъ Ѳедоровымъ по прозванію Махичевымъ; да третій сынъ отца ея, а ей братъ родной, Иванъ Дмитріевъ по прозванію Недюжинъ, живетъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ казакомъ, и по отъѣздѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ при домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ готовности.»

2. Показаніе бывшаго въ 1771 году Зимовейской станицы Атаманомъ, отставшаго казака Трофима Ѳомина:

«Въ 1771 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, Емельянъ Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкаскъ для излеченія болѣзни, со взятымъ у меня станичнымъ билетомъ, и черезъ мѣсяцъ возвратился на карей лошади. На допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ: на станичномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрожской крѣпости конпаго казацкаго полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не повѣря ему, послали его взять письменный видъ отъ ротнаго командира. Пугачевъ и поѣхалъ, но предъ его возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывшій Зимовейской станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Таганрогскомъ казацкомъ полку, явился у насъ, и на станичномъ сборѣ показалъ, что онъ съ женою и Василій Кусачкинъ, да еще третій, по уговору Пугачева, бѣгали за Кубань на Куму рѣку, гдѣ онъ (Прусакъ) побывъ малое время, оставилъ ихъ и возвратился на Донъ. Почему и отправилъ я при станичномъ рапортѣ въ Черкаскъ Прусака съ женою и родною ея матерью, по причинѣ ихъ побѣга. Въ Декабрѣ того же года Пугачевъ былъ пойманъ въ его хуторѣ, и содержался подъ карауломъ. Намѣренъ былъ я его, какъ праздношатающагося, выдать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ всякаго званія людей, Старшинѣ Михайлѣ Макарову. Но Пугачевъ со станичной избы изъ-подъ караула бѣжалъ, и уже чрезъ три мѣсяца на томъ же хуторѣ пойманъ, и показалъ на станичномъ сборѣ, что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ и

посланъ мною къ Старшинѣ Макарову въ нижнюю Черкаскую станицу, а сей чрезъ нашу станицу послалъ уже его при рапортѣ въ Черкаскъ. Когда его провели, увидя по подорожной что посланъ онъ былъ въ колодкѣ, которой на немъ уже не было, приказалъ я ему набить другую, и отослалъ его въ верхнюю Курмоярскую станицу, отъ которой въ принятіи онаго Пугачева расписку получилъ. Черезъ двѣ недѣли спустя, отъ Старшины Макарова по всѣмъ станицамъ прислано было объявленіе, что оный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не иначе ежели явится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ, не знаю.»

«За неумѣніемъ грамотѣ, Василій Ермоласвъ руку приложилъ.»

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Moise, *Моисей, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Г. Шатобріана.*

Г. Шатобріанъ продалъ собраніе твореній своихъ одному книгопродавцу; въ этомъ собраніи была классическая Трагедія въ стихахъ. Книгопродавецъ отдалъ эту Трагедію внаймы Г. Кармушу, директору Версальскаго театра. Г. Кармушъ написалъ Г. Шатобріану, что хочетъ поставить его пьесу на театрѣ. Г. Шатобріанъ съ большою вѣжливостію отъ этого отказывался. Между прочими прекрасными вещами, онъ писалъ директору: «Можетъ ли нынѣ имѣть успѣхъ *классическая* Трагедія, предоставленная своему собственному достоинству? Довольно ли въ «Моисеѣ» движенія для новѣйшей сцены? Имѣетъ ли она какое нибудь собственное достоинство, въ тройномъ отношеніи къ поэзіи, характерамъ, дѣйствію? Не есть ли она твореніе водяное? Гдѣ нынѣ актеры и публика, которые бы могли играть и судить классическое? Я очень мало уважаю то, что пишу, но если бъ случилось со мною въ Версали несчастіе (въ чемъ я по совѣсти увѣренъ), то не правда ли, что этотъ опытъ сдѣлалъ бы меня смѣшнымъ, а васъ, М. Г., можетъ быть, банкрутомъ?» Но директоръ отвѣчалъ Г. Шатобріану, что онъ, директоръ, нанялъ его Трагедію у того, кто купилъ ее; что онъ, несмотря на смиренномудрое сопротивленіе почтеннаго автора, намѣренъ поставить ее на театрѣ; что

ему все равно, будетъ ли почтенный авторъ сердиться или не будетъ; что если бы, впрочемъ, почтенному автору вздумалось не шутя разсердиться, то онъ имѣетъ полное право жаловаться на него, директора Вергальскаго театра, правительству и преслѣдовать его судомъ; а что междутѣмъ Моисея станутъ играть. Г. Шатобріанъ испустилъ глубокій вздохъ во всѣхъ газетахъ. Это все еіще Комедія. Трагедія прійдетъ своимъ чередомъ. Вы видите, что вся эта переписка, заранѣе назначенная для печати, весьма хорошо была расчислена для того, чтобы возбудить всеобщее любопытство, и дѣйствительно возбудила его въ высочайшей степени. Весь Парижъ поѣхалъ въ Версаль смотрѣть славную Трагедію, которая, безъ этой Комедіи, вѣроятно, была бы играна передъ пустыми скамьями. Новое доказательство, что Комедія сестра Трагедіи. Музы помогаютъ другъ другу надувать публику: это дѣло семейное.

Вотъ Трагедія. Г. Шатобріанъ написалъ большое произведеніе въ стихахъ! Трагедію! классическую Трагедію! Онъ, великій поэтъ въ прозѣ, заключилъ предметъ свой въ классическихъ единствахъ! Онъ, писатель отважный, перескочившій за всѣ правила!... Но Г. Шатобріанъ доказалъ, что если ужъ человѣкъ поэтъ, то, все равно, какой бы языкъ ни употреблялъ онъ, онъ вездѣ поэтъ, — въ стихахъ и въ прозѣ: съ самыхъ первыхъ сценъ, вниманіе Парижской публики было приковано къ пьесѣ, — даже въ самомъ молчаніи зрители рукоплескали стихамъ Г. Шатобріана, какъ рукоплескали бы стихамъ Расина.

Предметъ Трагедіи Г. Шатобріана—первое идолопоклоненіе Іудеевъ. Каждое возмущеніе этого слѣпаго народа, руководимаго столь великимъ свѣтомъ, подвергало опасности судьбу и будущность міра. Въ этомъ отношеніи, каждое возмущеніе Еврейскаго народа есть драма, исполненная величайшей занимательности, и занимательности совершенно драматической; и въ этомъ же отношеніи Моисей не только посланникъ Божій, но законодатель, завоеватель, путешественникъ, великій человѣкъ во всей силѣ этого слова, и слѣдственно лице драматическое. Выходъ Израильскаго народа изъ Египта подъ предводительствомъ Моисея есть не толь-

ко ученіе Церкви, но Исторія. Изъ этого ученія и изъ этой Исторіи, изъ человѣка горы Синая, спускающагося оттуда посреди громовъ и молній, и человѣка, который предводительствуетъ народомъ, открываетъ ему рѣки, поитъ его, когда онъ жаждетъ, кормитъ его, когда онъ голоденъ, и доставляетъ ему тѣнь въ палящей пустынѣ; изъ этихъ двухъ частей преданія о Моисеѣ, изъ человѣка и существа сверхъестественнаго, законодателя и святаго, пророка и воина, Г. Шатобріанъ составилъ свою Трагедію. Поэтому, онъ принужденъ былъ дать своей Трагедіи форму Драмы для выраженія того, что въ Священной Исторіи есть человѣческаго, и форму лирическую, для выраженія того, что въ Библіи есть таинственнаго и божественнаго. Поэтому, его Драма то Трагедія, то Ода; то развитіе двухъ великихъ страстей человѣка, суевѣрія и любви, страстей самыхъ извинительныхъ, потому что онѣ нераздѣльны съ его природою; то внезапное, неизъяснимое проявленіе Божіей воли, приносимой громомъ, великимъ дѣйствующимъ лицемъ лирической драмы. Страсти людей и воля Бога, противопоставленныя одна другимъ: вотъ истинный предметъ Трагедіи Г. Шатобріана.

Израильтяне, предводимые Моисеемъ и преслѣдуемые Фараономъ, выходятъ изъ Египта, и переходятъ Чермное Море; они уносятъ съ собою кости Іосифа, Іосифъ говорилъ имъ: «Господь Богъ посѣтитъ васъ; унесите отсюда мои кости!» И они обѣщали подъ клятвою исполнить волю Іосифа.

По переходѣ черезъ Чермное Море, Марія, сестра Аарона, поетъ гимнъ благодаренія Господу. Тогда народъ Божій вступаетъ въ степь Сурскую; потомъ приходитъ въ Мару, гдѣ Моисей превращаетъ горькую воду въ прѣсную; изъ Мары приходятъ они въ Элимъ, изъ Элима въ Синъ, гдѣ уже они громко сожалѣютъ о плодородной землѣ Египетской. Между тѣмъ они продолжаютъ путь свой до Хорева.

Въ Рафидимѣ Іосуа встрѣчаетъ Амалекитовъ, враговъ народа Божія, и Евреи рубятъ ихъ. Наконецъ они приходятъ къ подошвѣ горы Синая. Моисей идетъ молиться Господу, который призываетъ его на вершину горы. На третій день послышался громъ и засверкали молніи. Моисей

говорилъ съ Богомъ, и Богъ отвѣчалъ ему. Господь, посреди громовъ, возвѣстилъ свои законы: онъ далъ Моисею Скрижали Завѣта, написанныя перстомъ Всевышняго Моисей сошелъ съ горы Онъ слышитъ въ станѣ шумъ и различаетъ голоса, которые поютъ. Въ отсутствіе Моисея, народъ сдѣлалъ себѣ золотаго тельца, и поклоняется ему пѣніемъ и плясками. Въ эту торжественную минуту начинается Трагедія Г. Шатобріана.

Театръ долженъ представлять Синайскую пустыню. Направо видѣнъ станъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, которыхъ палатки изъ кожъ черныхъ овецъ перемѣшаны съ верблюдами, дромадерами, ослами, кобылицами, овцами и козами; налѣво скала Хоревская, которую Моисей ударилъ жезломъ и изъ которой вытекаетъ ключъ; гробница Іосифа покоится подъ пальмами; въ глубинѣ театра простираются обширныя песчаныя равнины, съ разсыпанными на нихъ кустами смоквы и алоя, ограничивающіяся съ одной стороны Чермнымъ Моремъ, съ другой горами Хоревомъ и Синаемъ, которыхъ покатости видны на передней части сцены.

Конечно, подобная декорація была бы прекрасна. Но даже на большомъ столичномъ театрѣ не возможно было бы выполнить и сотой части этого: бѣдный Версальскій театръ только размалевалъ холстину какъ-можно восточнѣе. Но что намъ до декораціи.

Трагедія начинается. Надабъ, сынъ Аарона, предается горести. Онъ горитъ любовію. Но, достойный сынъ отца своего, юный Израильтянинъ еще борется съ пагубною страстію. Ааронъ тщетно призываетъ его; Надабъ не внимаетъ голосу отца своего. Съ того дня, какъ онъ увидѣлъ прекрасную Арзану, царицу Амалекитовъ, Надабъ лишился всей силы, необходимой для выполненія его великаго назначенія. Все это дѣйствіе есть только изложеніе, и оно оканчивается хоромъ пустыннымъ.

UNE JEUNE FILLE.

Mais qui me gardera sous l'aile de ma mère
Moise a disparu; Moïse était mon père!
O terre de Jessen, prés émaillés de fleurs

Où je cueillais ma parure ;
Comme un jeune olivier, privé d'une onde pure,
Je languis et je meurs.

MARIE.

Mes enfans, c'est assez; du palmier immobile
L'ombre se raccourcit sur l'arène stérile.
L'Arabe fuit du jour les traits étincelans,
Et le chameau s'endort dans les sables brûlans.

Дѣйствіе второе. Является Арзана, прекрасная дѣва Востока. Плѣнница овладѣла своимъ побѣдителемъ; Арзана одна изъ Расиновыхъ женщинъ, по гнѣву, по ненависти, по рѣчамъ. Въ отсутствіе Моисея, она надѣется покорить подъ ярмо свое сына Ааронова. Надабъ говоритъ ей: «Я «спасъ тебя, — и вся жизнь моя измѣнилась. Ты первая оби«таешь въ моемъ сердцѣ. Въ немъ поднялась любовь пла«менная, ужасная, какъ огненное сѣтило въ этой палящей «пустынѣ. Спокойствіе навсегда улетѣло изъ души моей, и «умъ мой блуждаетъ въ огнистыхъ мечтахъ. Какъ счастливъ «былъ бы я, если бъ могъ теряться съ тобою въ степяхъ «Аравитянина, далеко отъ глазъ завистливыхъ. Тебѣ од«ной извѣстный, тебѣ одной покорный, я бы скрылъ «жизнь мою въ уединенномъ Востокѣ. Избравъ опорою «вѣтвь (?) пальмы, я бы днемъ водилъ смирнаго твоего «верблюда; вечеромъ, на берегу какого-нибудь безвѣстнаго «источника, я бы подносилъ сосудъ къ жаждущимъ ус«тамъ твоимъ, и, подъ простою палаткою, забывая Изра«иль, прижималъ новую Рахиль къ трепещущему моему «сердцу.»

И вслѣдъ за тѣмъ, какъ-бы повинуясь сыну Ааронову, хоръ воспѣваетъ любовь.

Amour, tout chérit tes mystères,
Tout suit tes gracieuses lois;
L'hirondelle au palais des rois,
L'aigle sur les monts solitaires,
Et le passereau sous nos toits.

UNE AMALÉCITE.

Implorons du Liban la déesse charmante,
De nos longs cheveux d'or que la tresse élégante
Tombe en sacrifice à l'Amour;
Soulevons les enfers, répétons tour à tour
Du berger Chaldéen la parole puissante.

UNE AUTRE AMALÉCITE.

Qui méprise l'Amour dans les fers gémira.

UNE AUTRE.

De prodiges divers l'Amour remplit l'Asie.
Il embauma l'Arabie
Des pleurs de la tendre Myrrha;
Du pur sang d'Adonis il peignit l'anémone;
Fleur des regrets, symbole du plaisir,
Elle vit peu de tems; et le même zéphyr
La fait éclore et la moissonne.

Дѣйствіе третіе. Наконецъ является Моисей. Доселѣ зрители еще не видали его, но чувствовали его приближеніе. Моисей одинъ. Онъ лицемъ къ лицу видѣлъ Бога. Онъ несетъ Скрижали Завѣта. Моисей говоритъ:

«Скажи, какою милостію, о Властелинъ Природы, ты «благоволилъ унизиться до своего творенія и втайнѣ го«ворить съ моимъ укрѣпившимся сердцемъ, какъ мощный «другъ говоритъ съ своимъ другомъ?»

Этотъ входъ Шатобріанова Моисея произвелъ большой эффектъ. Моисей, пораженный ужасомъ, прислушивается къ радостнымъ кликамъ, выходящимъ изъ стана Израильскаго. Это тѣ же пѣсни любви, которыя Амалекитскія жены продолжаютъ и ночью. Тутъ разговоръ становится быстрымъ и сжатымъ. Моисей, едва сошедъ съ Синая, предался своему энтузіазму, и хочетъ возстановить въ народѣ своемъ порядокъ. Онъ отвергаетъ этихъ нечистыхъ женъ. Надабъ, сынъ Аарона, увлеченный страстію, хочетъ защищать Арзану. Въ станѣ загарается мятежъ.

Дѣйствіе четвертое. Но духъ Божій поддерживаетъ Моисея. Тщетно народъ его возмущается, сомнѣніе потрясаетъ умы предводителей; Моисей остается непоколебимъ, Моисей вѣритъ своему дѣлу. Онъ одинъ защищается противъ всѣхъ невѣрующихъ.

Моисей говоритъ: «Проклятіе на измѣнчивый родъ твой, «Іаковъ, если ты своими руками создаешь себѣ кумиръ! Да «будетъ проклято твое поле, твой флагъ, постель и смоков«ница на высотахъ Гебое! Да падая въ будущемъ изъ бездны «въ бездну, изъ несчастій въ несчастія, изъ преступленій «въ преступленія, ты нѣкогда увѣнчаешь свои злодѣянія,

«заклавъ агнца, сошедшаго для міра! Тогда, народъ осу-«жденный, ты будешь, разсѣянный по всей землѣ, вездѣ «влачить стыдъ и нищету свою. Ты будешь, сынъ отрѣшен-«ный отъ наслѣдства, нагой и бѣдный, плакать на развали-«нахъ твоего города, и, посреди этихъ разбросанныхъ обломковъ, ты найдешь, для своей казни, обвинительную могилу «воскресшаго Бога, и погибнешь съ горести при единствен-«ной гробницѣ, которой нечего будетъ отдавать въ день су-«да послѣдняго!»

Само собою разумѣется, что занимательность подобной драмы происходитъ не отъ непредвидѣнныхъ явленій. Правила новѣйшей Піитики не соблюдены въ этой Трагедіи; дѣйствіе въ ней просто и важно; оно идетъ къ цѣли своей прямо, безъ уклоненій, безъ неожиданностей. Тутъ нѣтъ приключеній, наполняющихъ новѣйшую драму: все просто, какъ самый предметъ Трагедіи. Явленія этого четвертаго акта, которыя не принадлежатъ Моисею, заняты Аарономъ. Зрители плакали въ одной сценѣ между Аарономъ и сыномъ его, Надабомъ. Ааронъ уже готовъ овладѣть умомъ своего сына, сынъ уже готовъ уступить отцу, какъ вдругъ является его любезная, въ слезахъ: она приходитъ испытывать своими обольщеніями этого слабаго воина посреди песчанаго моря, которое еще надобно пройти, чтобы достигнуть Обѣтованной Земли. Она побѣждаетъ. Надабъ хочетъ слѣдовать за нею къ алтарямъ лжебоговъ. Тутъ является хоръ Израильтянъ: они хотятъ унести гробъ Іосифа, чтобы онъ не былъ свидѣтелемъ столь ужаснаго отступничества.

Хоръ удаляется, и вдали раздаются его увѣщанія къ надеждѣ и мужеству. Заря занимается.

Дѣйствіе пятое. Между-тѣмъ возмущеніе сына Ааронова произвело большое зло. Часть безумнаго народа соглашается поклониться идоламъ; Надабъ, недостойный отца своего, готовится вести Арзану къ алтарю. Все кончено, жертвоприношеніе совершается; но вдругъ предстаетъ Моисей. При видѣ Моисея народъ умолкаетъ; алтари лже-боговъ низвергаются. Побѣжденная Арзана наконецъ срываетъ съ себя личину, и говоритъ, обращаясь къ своему любезному: «Сынъ Аарона! въ надеждѣ погубить его самого, я

«была столь слаба, что рѣшилась спасти себя, предавшись «тебѣ; но это усиліе свыше силъ моихъ

Это возвышаетъ характеръ Арзаны, отнимая у него сходство съ обыкновенными характерами заговорщиковъ.

Надабъ говоритъ отцу своему: «Отецъ злополучный! «проклятіе твое какъ жгучій покровъ облекаетъ твоего пер«венца! Ты не услышишь уже моего голоса, не увидишь уже «моей улыбки. Я не буду уже говорить тебѣ каждое утро: «Пойдемъ отецъ мой, отогрѣемъ на солнцѣ престарѣлыя «твои лѣта; пойдемъ, помолимся Всевышнему, и благослови «дѣтей твоихъ.»

Моисей *(народу.)*

«Да! казнь постигнетъ васъ. Мечъ еще станетъ искать «между вами ускользнувшей жертвы. Вы погибнете въ пу«стынѣ, и юныя ваши дѣти, безъ васъ, торжествуя вступятъ «въ Іерихонъ; Калебъ и Іосуа, спасенные Богомъ, одни пе«реплывутъ святую рѣку. Я самъ, оскверненный вашимъ «нечестіемъ, буду отвергнутъ землею Іакова. Привѣтствую «тебя, гора Абаримъ, съ которой глаза Моисея увидятъ «края Земли Обѣтованной,—Абаримъ, гдѣ воспѣвая смертный «гимнъ мой, благословлю въ нѣжномъ восторгѣ народъ Из«раилевъ!»

Тѣмъ оканчивается Трагедія. Слогъ ея запечатлѣнъ двоякимъ цвѣтомъ Востока,—страстію и вѣрою. Г. Шатобріанъ слишкомъ много надѣялся на внѣшнія украшенія, и слишкомъ мало на самое свое творсніе. Между — тѣмъ Моисей вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, на которую явился одинъ, совершенно безо всякаго пособія: дѣйствительно, ни одно еще литературное произведеніе не бывало такимъ образомъ предоставлено самому себѣ, преданю судьбѣ своей. Трагедія Г. Шатобріана поставлена на театръ случайно, играна бѣдными и честными актерами, привыкшими къ мелодрамамъ; хоры въ ней пѣты хористами Комической Оперы, и имъ акомпанировалъ оркестръ, состоящій изъ любителей; декорація была тяжелая, безжизненная. И, несмотря на все это, благодаря искуснымъ мѣрамъ, принятымъ заранѣе почитателями великаго поэта въ прозѣ, Трагедія его имѣла успѣхъ величайшій: ее безпрерывно играютъ и теперь въ Версали.

Трагедія кончилась, — является Критика; является Г. Жюль-Жаненъ со своимъ разборомъ, — Жаненъ, оберъ-каммергеръ Г. Виконта Шатобріана, — Жаненъ исправляющій должность придворнаго льстеца Г. Шатобріана, и труба его славы, — Жаненъ, который, нивѣсь изъ-за какой потѣхи, расточаетъ передъ Г. Шатобріаномъ самое приторное ласкательство, и говоритъ вамъ объ немъ все, что, только можетъ внушить смѣшнаго и ложнаго энтузіязмъ притворный! Какъ жаль, что Г. оберъ-каммергеру Жанену нельзя вѣрить. Вотъ что значитъ хвалить по подряду: мы даже не знаемъ, что должно думать о Трагедіи Шатобріана! Но въ его разборѣ есть выраженіе, которое насъ удивило. Говоря объ одномъ изъ хоровъ этой Трагедіи, и восхищаясь на всѣ манеры (не знаемъ право чѣмъ!), Г. Жаненъ наконецъ истощилъ всѣ роды похвалы, и въ заключеніе восклицаетъ: *Самъ Горацій не написалъ бы лучше этого*! Это любопытно. Выходитъ, что Горацій все-еще выше Шатобріана! А между-тѣмъ Шатобріанъ, по его же словамъ, величайшій изъ всѣхъ поэтовъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Это очень любопытно. Жаненъ признается, что Горацій не только поэтъ, но еще поэтъ выше Шатобріана!

2. La Famille Moronval, *Семейство Моронваль*, Драма въ пяти дѣйствіяхъ Г. Карла Лафона.

Эта Драма первый опытъ очень молодаго человѣка. Г-ну К. Лафону нѣтъ еще и двадцати двухъ лѣтъ. Этотъ опытъ доказываетъ истинный талантъ. Конечно, *Семейство Моронваль* пьеса дурная: въ составѣ ея много грубыхъ погрѣшностей, въ расположеніи сценъ и разговорѣ много недостатковъ, обличающихъ неопытность автора. Но въ немъ видны качества рѣдкія, особенно въ нынѣшнее время, — искусство, изобрѣтающее сцены разительныя, и смѣлость, которая отъ нихъ не увертывается; искусство не менѣе трудное заставлять дѣйствующихъ людей говорить почти то, что они должны говорить, и слогъ ясный и твердый, если не всегда простой и изящный, подаютъ большія надежды на будущее. Мы не станемъ разсказывать содержанія этой пьесы, потому что оно неясно, запутано, невѣроятно, хоть весьма занимательно.

5. La Lectrice, *Чтица*, Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. Байяра.

Вотъ маленькая Драма, чрезвычайно занимательная и заставляющая проливать сладкія слезы.

Въ одномъ городкѣ графства Линкольнскаго, была любима, почитаема и уважаема леди Каролина Престонъ, дочь лорда Кольбриджа, старика почтеннаго и неумолимо-честнаго.

Въ этомъ городкѣ Линкольнскаго графства стоитъ полкъ. Офицеры этого полка не могли видѣть леди Каролины Престонъ, не влюбившись въ нее. Особенно одинъ изъ нихъ, самый вѣтреный и предпріимчивый, не переставалъ преслѣдовать прекрасную леди своими нѣжностями. И эти преслѣдованія сдѣлали вредъ ея доброму имени, сколько *сіе* было возможно. Наконецъ онъ вздумалъ однажды ночью забраться черезъ окно въ комнату леди Престонъ; но окно не отворилось. Тщетно онъ просилъ, умолялъ Каролину Престонъ; окно не отворилось. Онъ провелъ всю ночь на этомъ неумолимомъ окнѣ, и наутро весь городъ видѣлъ, какъ онъ спускался съ окна, и весь городъ почелъ его за счастливаго любовника. Съ этого дня доброе имя леди Престонъ погибло; мужъ ея, лордъ Престонъ, чтобы прекратить злые толки, долженъ былъ драться на дуэли и былъ убитъ; отецъ ея, старый капитанъ Кольбриджъ, узнавъ о дурномъ поведеніи своей дочери и смерти зятя, проклялъ ее и уѣхалъ изъ Линкольнскаго графства, чтобы никогда не видать ея. Впрочемъ это только метафора, потому что капитанъ Кольдбриджъ давно уже былъ слѣпъ.

Все это происходитъ, когда занавѣсъ еще не поднимался. Сиръ Артуръ, на другой день послѣ своего гнуснаго поступка, уѣхалъ изъ города, и ничего не знаетъ о несчастіяхъ леди Престонъ, ни объ ея безчестіи, ни о смерти ея мужа, ни о нищетѣ, въ которой живетъ она, ни о проклятіи, которое надъ нею тяготѣетъ. Сиръ Артуръ живетъ у своей тетки, леди Физъ-Джеральдъ, въ одномъ старинномъ Шотландскомъ зàмкѣ, наполненномъ молодыми людьми. Они пьютъ, поютъ, охотятся, и въ старомъ зàмкѣ раздается гулъ потѣхъ ихъ. Вдругъ является старый Кольдбриджъ. Кольдбриджъ, со времени несчастія своей дочери, удалился въ

Шотландію со своимъ племянникомъ, который служитъ ему чтецомъ. Старый, слѣпой капитанъ живетъ въ совершенномъ уединеніи, ненавидитъ всю природу, и пришелъ къ леди Физъ-Джеральдъ только потому, что карета его изломалась у дверей замка. Покуда чинятъ карету, къ леди Физъ-Джеральдъ приходитъ сама Каролина, — прекрасная леди Престонъ, прежде столь блестящая, теперь бѣдная и всѣми покинутая: она проситъ мѣста кампаньонки; леди Джеральдъ предлагаетъ ее въ чтицы и проводницы старому капитану. Каролина узнаетъ отца своего! Вы можете вообразить, что она съ благодарностію принимаетъ это мѣсто. Старикъ со своей стороны очень радъ, что Трагедіи Шекспира будетъ ему читать голосъ столь нѣжный, похожій на другой, милый ему голосъ. Они ѣдутъ вмѣстѣ въ скучное жилище слѣпаго Кольдбриджа, и первое дѣйствіе оканчивается.

Во второмъ дѣйствіи, Каролина, не узнанная отцемъ своимъ, читаетъ ему Шекспирову драму, «Короля Лира». Кто изъ насъ не помнитъ наизусть божественной сцены, въ которой дочери выгоняютъ престарѣлаго, слѣпаго отца своего, и одно только помѣшательство избавляетъ его отъ отчаянія, — превосходнѣйшее изображеніе нѣжности, любви, жалости и огорченія отцовскаго сердца? Эта сцена любимаго его поэта растрогала сердце старика, и онъ принимается вспоминать со слезами о своей дочери. А дочь, сидя подлѣ него, видя, что онъ плачетъ, говоритъ ему, будто отъ Каролины получено письмо. Кольдбриджъ сначала хочетъ разорвать это письмо, не читая; но потомъ природа беретъ свое, и онъ проситъ прочесть ему это письмо. Эта сцена удивительно трогательна!

Наконецъ капитанъ узнаетъ дочь свою: онъ протягиваетъ къ ней руки, обнимаетъ ее, прощаетъ ей преступленія, которыхъ она не дѣлала. Въ то же время пріѣзжаетъ Артуръ: онъ все узналъ, и предлагаетъ Каролинѣ свою руку. Вотъ вся эта маленькая Драма: она, какъ вы видите, стара какъ колоколъ Ивана Великаго; это все та же исторія Софоклова Эдипа, Шекспирова короля Лира, — исторія всѣхъ отцевъ, слѣпыхъ или зрячихъ, оскорбленныхъ своими дѣтьми. И что жъ? эта Драма, столько разъ передѣланная, еще разъ извлекла слезы. Такъ-то справедливо, что отъ одной

и той же вещи можно плакать разъ десять сряду, а смѣяться трудно и два раза.

Г. Байяръ, лучшій ученикъ Г. Скриба, развеселилъ однако свою Драму маленькою ролью племянника, добраго малаго, насмѣшника, немножко интересана, который срываетъ иногда улыбку.

Драма эта была играна въ Фонтенсбло, въ присутствіи Короля, всей королевской фамиліи и многочисленнаго двора, и въ Journal du Debats говорятъ, что мужчины плакали пуще женщинъ. Ба! что это значитъ? Что за удивительная чувствительность вдругъ проявилась въ мужескомъ полѣ во Франціи? Ужъ полно не началось ли нынѣшней осенью въ Парижѣ возрожденіе мужчинъ посредствомъ женщинъ?

4. Charles IX, *Карлъ IX*, Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Г. Розье.

Мы упоминаемъ объ этой Драмѣ только для счета заглавіямъ: это произведеніе глупое и отвратительное, не согласное ни съ Исторіею, ни съ природою человѣка. Сюжетъ пьесы – рѣзня въ ночь Св. Варѳоломея. Въ пятомъ дѣйствіи Карлъ IX беретъ штуцеръ, отворяетъ окно, и для забавы стрѣляетъ по Протестантамъ, которые, убѣгая отъ убійцъ своихъ, переплываютъ черезъ Сену.

5. Les Immoralités, *Безнравственности новѣйшей Драмы*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Г. Дюранъ, мирный гражданинъ, добрый отецъ честнаго семейства, страхъ любитъ драматическую литературу. Онъ души не чаетъ въ Драмѣ театра Портъ-Сенмартенскаго; Александръ Дюма̀ его Корнель, и онъ не знаетъ драматическаго произведенія лучше Анжелы. Такой у Г. Дюрана вкусъ. Кровосмѣшенія, яды, кинжалы, похищенія, похожденія, обольщенія, – вотъ что нравится Г. Дюрану драмолюбцу. Но это впрочемъ ни сколько не мѣшаетъ уважать Водевили и семнадцатое столѣтіе Г-на Ансело.

Совершенно увлекаясь страстью своей къ исторической Драмѣ и канапейной Комедіи, Г. Дюранъ превращаетъ домъ свой въ театръ, или лучше въ вертепъ, въ которомъ онъ, жена, дѣти, пріятели его, занимаются то ужаснымъ, то

пріятнымъ родомъ Драмы: кровь или розовыя гирлянды, порохъ или пудра только у нихъ и видны.

Между-тѣмъ пріѣзжаетъ въ этотъ домъ изъ какой-то отдаленной провинціи бѣдный молодой человѣкъ, простоватый и плохо знакомый съ исторіею новѣйшей Драмы. Вы можете вообразить его страхъ и ужасъ, когда онъ открываетъ всѣ эти таинственныя дѣла крови и преступленія. При самомъ его пріѣздѣ, всѣ Дюраны, въ полныхъ костюмахъ, готовятся играть одну изъ самыхъ любимыхъ своихъ Драмъ. Г-жа Дюранъ приготовляетъ яды и точитъ кинжалы; сынъ Г. Дюрана, въ костюмѣ Роберта Макера, взламываетъ замки, грабитъ и рѣжетъ прохожихъ; даже сама Эвелина Дюранъ, невѣста нашего простяка, дѣвушка прелестная, съ которою онъ надѣялся быть счастливымъ, лежитъ на софѣ Г. Александра Дюма и, *теряется прекрасными своими руками въ волосахъ мужчины*, по методѣ Виктора Гюго и Г-жи Зандъ.

При видѣ всѣхъ этихъ безнравственностей, бѣдный простакъ бѣжитъ что есть мочи; онъ доноситъ на это гнусное семейство королевскому прокурору; жандармы прибѣгаютъ запыхавшись, надѣясь поймать цѣлую шайку убійцъ, разбойниковъ, бѣжавшихъ каторжниковъ и прочая, и прочая. Они находятъ только Г. Дюрана, Г-жу Дюранъ, дѣвицу Дюранъ, уже скинувшихъ свои ужасные костюмы.

Сюжетъ этого Водевиля очень хорошъ: онъ могъ бы быть написанъ умнѣе, и это не испортило бы дѣла; но онъ смѣшитъ, — и этого уже много.

6. L'Ecole des ivrognes, *Школа пьяницъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дидье и Деланда.

Этотъ Водевиль написанъ за-разъ, безъ претензій, безъ изысканности, и слѣдственно очень умно. Самыя веселыя, самыя отважныя кабацкія выраженія, шутки и насмѣшки любителей тридцати-копѣечнаго вина, собраны и приведены въ порядокъ авторами умно, красно и разнообразно. Они сначала назвали было Водевиль свой — *Жажда*, и это заглавіе было очень прилично, потому что тутъ пьютъ не на шутку. Ничего не можетъ быть проще этого Водевиля.

Двое пріятелей, двое работниковъ, двое кровельщиковъ, двое пьяницъ, обѣщаютъ своимъ женамъ не пить болѣе, и вслѣдъ за тѣмъ отправляются въ кабакъ, и тянутъ мертвую. Одинъ изъ нихъ, воротясь домой, плачетъ, смѣется, бурлитъ и сердится, засыпаетъ и бредитъ вслухъ; учитъ сына пьянствовать; становится передъ женою на колѣни, ластится къ женѣ, бьетъ жену, — чортъ его знаетъ чего онъ не дѣлаетъ! Не думаемъ, чтобы эта *Школа пьяницъ* помѣшала кому-нибудь итти въ кабакъ: безъ всякаго сомнѣнія, найдется много честныхъ любителей веселья, которые, побывавъ въ школѣ пьяницъ, станутъ ходить въ кабакъ часомъ ранѣе прежняго. Водевиль очень остроуменъ и чрезвычайно забавенъ.

7. Jacquemin, ou Qui est roi de France? *Жакменъ, или Кто же Французскій Король?*

Этотъ Водевиль не что иное, какъ списокъ чрезвычайно забавнаго Водевиля Гг. Кармуша и Мелезвиля, «Полина, или Неизвѣстно ли кто управляетъ?» Полина, управляемая однимъ молодымъ человѣкомъ, управляетъ однимъ знатнымъ бариномъ, который управляетъ королевскою любовницею, которая управляетъ королемъ, и такимъ образомъ Полина управляетъ Франціею почти такъже, какъ сынъ Перикла управлялъ Греціею. Въ этомъ умномъ Водевилѣ забавно видѣть какъ Полина, молоденькая дѣвушка, волнуетъ весь Французскій дворъ; и заставляетъ объявить войну однимъ словомъ, однимъ взглядомъ, одною улыбкою. Притомъ и эпоха была хорошо выбрана: дѣйствіе происходило во времена должностныхъ любовницъ.

«Жакменъ, или Кто же Король Французскій,» просто неискусное, неловкое подражаніе Полинѣ. Жакменъ просто — извѣстный, почтенный и понынѣ здравствующій генералъ Жакмино: авторы подобрали ему такое мудреное имя нарочно для того, чтобы никто не узналъ почтеннаго генерала по фамиліи. Тонко и очень прилично! Въ этой нелѣпой Комедіи играютъ роль два лица, одно, человѣкъ, самый благородный, самый привѣтливый; другое, женщина, которая была тогда обожаема всею Франціею, а теперь заслужила удивленіе всей Европы своимъ героическимъ муже-

ствомъ. Можетъ ли что быть гнуснѣе подобнаго неуваженію къ несчастію! Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Лудовика XVIII, за нѣсколько дней до Испанской войны. Авторы хотѣли увѣрить, что Испанскую войну объявилъ Г. Жакменъ.

8. La Tempête, *Буря*, волшебный Балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. Корали.

Миранда, дочь храбраго воина Талеса и прекрасной Гречанки Имогены, лишилась въ сраженіи и отца и матери. Турецкая армія все ниспровергнула на пути своемъ; она увела всѣхъ плѣнныхъ, забыла одну Миранду. Когда суровые мусульмане уходятъ, Аріель, сильфъ генія Оберона, спускается съ неба и уноситъ дочь Имогены и Талеса въ прекрасномъ голубомъ эшарпѣ. Такимъ-то образомъ Миранда избавляется отъ чести быть въ Сералѣ.

Ребенокъ ростетъ скоро. Миранда уже миленькая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, которой очень досадно имѣть пятнадцать лѣтъ на пустомъ острову. Правду сказать, этотъ островъ очень населенъ, но населенъ одними геніями, духами разныхъ породъ и званій, — домовыми, водяными, земляными, огненными, воздушными, лѣшими. Посреди всѣхъ этихъ духовъ Мирандѣ скучно до-смерти. Тщетно геніи стараются забавлять ее: ничто не помогаетъ. Миранда и не смотритъ на нихъ, а все поглядываетъ на Калибана.

Этотъ Калибанъ — толстый геній, мохнатый и неуклюжій: И между тѣмъ этотъ уродъ изволилъ влюбиться въ Миранду. Онъ скачетъ на четверенькахъ, чтобы забавлять ее, цѣлуетъ слѣды ея ногъ; если она роняетъ платокъ, Калибанъ его поднимаетъ и прижимаетъ къ сердцу. Калибанъ очень наскучаетъ Мирандѣ: она ни сколько не понимаетъ восторговъ этого денди изъ преисподней. Къ счастію, геній Оберонъ опять оказываетъ помощь пріемной дочери своей, Мирандѣ.

Оберонъ, хоть и геній, а очень понялъ, чего хочется Мирандѣ. Она сердцемъ и душою призываетъ мужа, —

мужа, который былъ бы не духъ и не геній, у котораго были бы завитые волосы, шелковые чулки бѣлей мантій.

Геній Оберонъ подымаетъ ужаснѣйшую бурю. *Громы бросаются на вершины скалъ, ондины низвергаются въ море, саламандры бѣгутъ за огнемъ въ нѣдра земли. Эти адскія игры сопровождаются ужаснѣйшимъ шумомъ.* Такъ говоритъ программа Балета, и надобно сказать правду, что композиторъ музыки въ точности послушался программы: онъ надѣлалъ *ужаснѣйшій шумъ.* Въ это время, море, тихо и спокойно лежавшее въ глубинѣ театра, начинаетъ воздымать свои волны, устремляется къ небу и распадается огромными клубами пѣны. Это — настоящее сердитое море, настоящіе валы, прекрасное и ужасное море. Эта декорація удивительна. Буря была такъ естественна, — такъ естественна, что, какъ видно изъ метеорологическихъ наблюденій Парижской обсерваторіи, въ этотъ вечеръ во всемъ Парижѣ и въ окрестностяхъ сливки и молоко свернулись. Никогда еще въ Парижѣ не видывали бури столь естественной и бурной. По окончаніи этой бури, волны изрыгаютъ молоденькаго господчика въ шелковыхъ чулкахъ и бѣлой мантіи: его зовутъ Фернандо. Фернандо видитъ Миранду, и между-тѣмъ какъ море успокоивается, сердце его кипитъ и скачетъ въ груди его. Миранда, со своей стороны смущается, и рука ея дрожитъ уже не отъ страха.

Не стоитъ разсказывать вамъ любви Фернанда и Миранды: они такъ много говорятъ, такъ пламенно танцуютъ другъ съ другомъ! *Наконецъ*, какъ утверждаетъ программа, *Калибанъ является и застаетъ ихъ въ любовномъ забвеніи.* Къ счастію зрительницъ, къ чести Фернанда и Миранды, надобно сказать, что они не въ точности слушаются программы, и что программа нѣсколько преувеличиваетъ. Какъ бы то ни было, но ревнивый Калибанъ призываетъ къ себѣ на помощь гномовъ, ондинъ, саламандръ, и нападаетъ на Фернанда; Фернандо, столь же храбрый какъ и влюбленный, обнажаетъ шпагу. Тутъ, какъ водится, сраженіе. Калибанъ побѣждаетъ, но Оберонъ снова спасаетъ Фернанда и отдаетъ ему Миранду.

Балетъ этотъ нелѣпость, но буря — ужасъ, а дѣвица Эсслеръ — прелесть. Дѣвица Эсслеръ Вѣнская танцовщица: она, какъ говорятъ, была предметомъ пламенной страсти покойнаго сына одного покойнаго завоевателя, умершаго на дальнемъ островѣ, подъ тропиками. Эта Г-жа Эсслеръ опасная соперница Г-жа Тальони. Но у Г-жи Тальони столько же ума въ головѣ, какъ искусства въ ногахъ. Во время этого Балета, она сидѣла въ ложѣ, и изо всѣхъ силъ аплодировала своей соперницѣ. На слѣдующій день Г-жа Таліони танцовала въ балетѣ, и Г-жа Эсслеръ сидѣла въ ложѣ и изо всѣхъ силъ ей аплодировала. Теперь онѣ квиты, и слѣдственно могутъ терзать другъ друга сколько угодно.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Есть люди, которые не отличаютъ неблагопристойности и чувственной любви отъ безнравственности и не помнятъ, что повсеніе или книга могутъ быть въ высочайшей степени благопристойныя и въ тоже время самыя безнравственныя, и на оборотъ. Это люди дальновидные. Есть люди, которые находятъ глубокомысленнымъ всякое новое мнѣніе, подобно женщинамъ, готовымъ восхищаться всякою новою лентою, и забываютъ, что время такъже скоро дѣлаетъ старыми и смѣшными новыя мнѣнія, какъ и новыя ленты. Это люди, шествующіе съ вѣкомъ. Есть люди, которые изъ человѣка надѣются, помощію безконечнаго совершенствованія, сдѣлать систематическаго барана. Это люди счастливые. Намъ кажется, что весь шумъ о юной Французской Словесности произошелъ отъ того, что люди дальновидные, шествующіе съ вѣкомъ и счастливые, вздумали говорить всѣ въ одно время о предметѣ, въ который никогда не вникали, и кричать, не слушая и не понимая другъ друга. Люди опытные, просвѣщенные, хладнокровные, разсуждающіе своей головою, а не покупными въ лавкахъ мыслями, во все продолженіе этого шума спокойно говорили имъ одно и то же въ цѣлой Европѣ, и дождались того, что юная Словесность кончилась, и что пламенные ея проповѣдники сами теперь наибольшею частію согласны съ ними.

Мы утверждаемъ положительно, что юная Словесность кончилась. Тѣ, которые еще объ ней спорятъ, по-видимо-

му не слишкомъ хорошо знаютъ существо и ходъ дѣла. Да то ли еще называютъ они юною Словесностью, что собственно должно разумѣть подъ этимъ именемъ? Юная Словесность назвалась *юною* оттого, что была затѣяна юношами, которые въ дѣтствѣ прельстились переводными красотами Шекспира, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шиллера и Гёте, и пожелали сдѣлаться Шекспирами, Байронами, Скоттами и Шиллерами, не успѣвъ кончить курса, по-крайней-мѣрѣ большею частію, и не читавъ ихъ въ подлинникѣ. Отсюда произошла теорія, которая, взявъ за основаніе Шекспировы формы, въ разсужденіи духа приписала Шекспиру то, чего въ немъ не бывало: то самое сдѣлала она съ Вальтеромъ-Скоттомъ и съ другими своими образцами. Въ этой теоріи, удостоенной пышнаго имени романтизма, было много основательнаго, много ложнаго и преувеличеннаго. Но юная Словесность состояла отнюдь не въ этой теоріи: романтизмъ для одной только Франціи могъ быть вещію новою и юною; для Европы, которая искони знала наизусть Шекспира и Шиллера, онъ былъ старая сказка. Настоящая характеристика этой Словесности заключалась напротивъ въ юности тѣхъ, которые предприняли ее въ Парижѣ. Разсудивъ хладнокровно, нельзя не согласиться, что, какъ всякая Словесность, такъ и эта юная, или правильнѣе, юношеская, должна была вполнѣ отразить на своихъ страницахъ мысли, желанія, понятія, философію своихъ производителей, + *плюсъ*, пылкость, наглость и самонадѣянность неопытнаго ихъ возраста. Она вполнѣ и отразила все это, во многихъ случаяхъ съ блескомъ, даже съ признаками высокаго таланта. Юная Словесность, какъ самобытная школа, заключается вся не въ новыхъ формахъ изящнаго,—онѣ не новы, онѣ очень стары и давно всѣмъ извѣстны, — но въ ея нравственномъ отпечаткѣ, въ ея особенной философіи. Доставъ перо въ руки, вчера выпущенные изъ училища школьники хотѣли ниспровергнуть все принятое и утвержденное опытомъ человѣчества, преобразовать общество такъ, чтобъ въ немъ было раздолье молодымъ людямъ, сдѣлать его удобнѣе и просторнѣе для безбородыхъ мудрецовъ въ желтыхъ перчаткахъ, да вперить ему правила какъ-можно поснисходительнѣе къ поэзіи холостой и трактирной жизни.

Супружество? что, какъ, супружество? прочь! это противно Природѣ. Добродѣтель? прочь! это предразсудокъ. Заслуга? прочь! это плодъ низости и коварства. Власть, величіе, собственность? прочь, прочь! разрушить, уничтожить, распредѣлить ихъ иначе! Одно дарованіе въ правѣ отдавать приказанія людямъ и имѣть деньги въ карманѣ; поэтъ и артистъ одни велики во вселенной. А законы? У людей нѣтъ другаго закона, кромѣ эгоизма и безнаказанности: мы вамъ тотчасъ приведемъ тысячи примѣровъ..... Свѣтъ — вертепъ разбойниковъ; оргіи и Гаванскія сигары, вотъ одна пріятность въ свѣтѣ! Такъ именно разсуждали юные философы въ стихахъ и прозѣ, въ Драмѣ и Романѣ, — и вотъ гдѣ была *юная Словесность!* Въ глазахъ иностранцевъ она не имѣла ничего общаго со слогомъ, ни съ формою сочиненій, ни съ картинными красотами: намъ какая до того нужда, соблюдаютъ ли Французы три единства или нѣтъ, слѣдуютъ ли они еще Расину или уже Шекспиру и Шиллеру? Мы не въ правѣ принуждать ихъ быть подражателями скорѣе того, чѣмъ другаго. Но, какъ члены Европейскаго общества, всѣ благомыслящіе иностранцы должны были отринуть съ гнѣвомъ и презрѣніемъ гайдамакское ученіе молокососовъ, стремящихся учредить въ свою пользу надъ обществами постыдный деспотизмъ своего себялюбія и скептицизма, на который ни возрастъ ихъ, ни опытность не давали имъ ни малѣйшаго права. И дѣйствительно, отличнѣйшіе критики въ Англіи и въ Германіи, которыхъ нельзя упрекнуть въ приверженности къ классицизму, потому что онъ чуждъ ихъ понятіямъ, единогласно возстали противъ этой наглости неугомонныхъ талантовъ, не вышедшихъ еще изъ-подъ опеки и уже сорвавшихъ съ себя узду общественнаго мнѣнія; и, если за границею Франціи нашлись добрые люди, которые позволили этимъ юношамъ самовластно управлять своимъ посѣдѣвшимъ умомъ и своимъ энтузіазмомъ изъ-за нѣсколькихъ блестящихъ картинъ, найденныхъ въ ихъ твореніяхъ, тѣмъ хуже для тѣхъ, которые имъ это позволили. Дѣло въ томъ, что ни одинъ знатный журналъ иностранный не одобрилъ духа и стремленія бурной толпы недоучившихся геніевъ, и скоро въ самомъ Парижѣ лучшія повременныя изданія

одно за другимъ оставили ихъ сторону. Да и по существу своему, Словесность эта не могла продолжаться болѣе пяти или шести лѣтъ: ей нельзя было вѣчно быть юною, и она кончилась по весьма простой причинѣ, — потому что тѣ, съ которыми она родилась, постепенно начали старѣться сами, начали входить въ зрѣлый возрастъ, въ которомъ потребности и понятія измѣняются. Одни изъ нихъ переженились, и, изъ гонителей супружества, стали ревностнѣйшими его защитниками; другіе разбогатѣли, и вдругъ ощутили въ себѣ высокое уваженіе къ собственности; третьихъ крикъ публики и постоянное охужденіе уважаемыхъ журналовъ заставили отказаться отъ безнравственныхъ внушеній и непристойныхъ картинъ; четвертые впали въ мистицизмъ, который еще не есть вѣрованіе, но уже переходъ отъ скептицизма къ Религіи; иные наконецъ сами образумились. Вотъ, какими путями исчезъ значительно изъ этой Словесности духъ, составлявшій ея рѣзвую юность. Сравните первыя творенія Бальзака или Жанена, — Физіологію супружества, Ослиную кожу, Барнава, — съ Деревенскимъ докторомъ, съ La recherche de l'absolu и съ новѣйшими разборами драмъ и романовъ, подписанными извѣстною фирмою — J. J. Какая противоположность въ нравственныхъ и литературныхъ правилахъ! Совсѣмъ другіе люди! Это уже не юная Словесность. То же примѣчаніе можно распространить и на другихъ. Взгляните на послѣднія драматическія произведенія, хотя еще очень слабыя въ техническомъ отношеніи. Это уже не юное, холодное, систематическое скопленіе ужаса, отвратительнаго и безнравственности, но простой, невинный романтизмъ, столь же старый какъ Шекспиръ и Шиллеръ. И такъ, вѣчный покой юной Словесности! Она уже брѣетъ себѣ бороду, и начинаетъ помышлять о дѣткахъ. Полно шалить: своей жене и своему потомству нужны другія правила, хорошіе примѣры.

Мы не говоримъ, чтобы не было такихъ, которые, подобно отсталымъ солдатамъ, идутъ еще по прежнему маршруту, тогда какъ весь полкъ свернулъ уже на другую дорогу, получивъ иное направленіе: они неизбѣжны, и нѣкоторое время будутъ еще пробовать счастія; но вообще во Французской Словесности и Критикѣ замѣтно чрезвычайное

улучшеніе. Между началомъ и концемъ текущаго года разница неимовѣрная. Мы уже не знаемъ ни одного хорошаго журнала изъ всего числа Парижскихъ повременныхъ изданій, который бы явно не насмѣхался надъ сумасбродствами покойной школы, не возставалъ сильно на тѣхъ, которые хотятъ продолжать безнравственныя ея проповѣди, даже не отдавалъ бъ преимущества чистому и простому разсказу передъ вычурною манерностью, еще недавно возбуждавшею ихъ удивленіе. Тѣ, которые у насъ стоятъ еще горою за юную Французскую Словесность, не повѣрятъ этому извѣстію: что жъ дѣлать! ихъ судьба — вѣчно отставать цѣлымъ годомъ отъ Парижскихъ модъ. Желая одолжить ихъ существеннымъ образомъ, мы спѣшимъ извѣстить ихъ при этомъ случаѣ, что нынче въ Парижѣ — въ хорошемъ тонѣ носить шляпу вышиною въ шесть вершковъ съ ровными полями, и принимать за провинціяла того, кто еще добродушно восхищается юною Словесностью.

— Revue de Paris, Журналъ, издаваемый тѣми же экс-юношами, которые незадолго сами стряпали перваго сорта юную Словесность, помѣстилъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ весьма примѣчательный взглядъ на нынѣшнее ея состояніе, по случаю новаго Романа Г-жи Дюдеванъ (Жоржъ Зандъ). Мы непремѣнно сообщимъ эту статью нашимъ читателямъ въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч. Авторъ ея, Г. Гарнье-де-Кассаньякъ, очень недавно самъ принадлежалъ къ поборникамъ юной школы. Чтобы не разрушать занимательности его разсужденія, и между-тѣмъ удовлетворить любопытству читателей касательно содержанія и достоинства Романа Г-жи Зандъ, разбираемаго почти во всѣхъ Журналахъ съ одинаковымъ охужденіемъ нравственной его цѣли и удивленіемъ литературной его красотѣ, мы теперь скажемъ только, что сочинительница — женщина неисправимая. Прекрасныя наставленія юной Словесности возмутили ее противъ супружества, сдѣлали изъ нея нравственнаго урода: правда, зрѣлый возрастъ произвелъ спасительное вліяніе надъ понятіями рѣзвой учительницы; но ученицѣ какая выгода, съ лѣтами становиться умнѣе? По мѣрѣ того какъ эта Словесность удаляется отъ своей юности, Г-жа Зандъ въ томъ же содержаніи подвигается

къ старости, и слѣдственно каждый день находитъ болѣе причинъ быть недовольною мужчинами и человѣчествомъ. Вотъ почему «Яковъ», четвертый Романъ Г-жи Зандъ, совершенно благопристойный и совершенно безнравственный, есть четвертый манифестъ противъ лютаго, злобнаго, коварнаго пола, изъ котораго дѣлаютъ мужей, любовниковъ и законодателей общества. Но Г. Гарнье-де-Кассаньякъ разскажетъ вамъ все это лучше и вѣрнѣе нашего: онъ знаетъ много любопытнаго о подлинномъ духѣ юной Словесности, объ ея партіяхъ и отдѣленіяхъ, о Г-нѣ Эме-Мартенѣ и другихъ великихъ людяхъ и великихъ вещахъ.

— Несмотря на почтеніе, съ какимъ повременныя изданія въ Парижѣ выражаются о Г. Шатобріанѣ, нѣкоторые литературные журналы говорятъ мимоходомъ, что достоинство его Трагедіи, Моисей, расхваленной Г. Жаненомъ превыше всего въ мірѣ, «можетъ подлежать спору.»

—Madame de Sommerville, Романъ Г. Юлія Сандо, получаетъ большія похвалы въ обѣихъ Revues. Простота слога и повѣсти и нравственная чистота содержанія чрезвычайно восхищаютъ бывшихъ представителей юной Словесности. Это хорошій знакъ. Романъ Г. Сандо, по-видимому, вовсе не принадлежитъ къ прежней школѣ по части своей философіи.

— Викторъ Гюго, кажется, самъ почувствовалъ, что Драма не его дѣло, и пишетъ теперь Комедію. Такимъ образомъ уже и драматическое ученіе юной школы потеряло главнаго своего начальника: оно теперь сосредоточивается все въ одномъ лицѣ Г. Александра Дюма, который, соскучивъ защищать свою теорію и славу противъ безпрерывныхъ нападеній журналовъ, объявилъ, что ѣдетъ въ Алжиръ «полюбоваться на развалины древняго Карѳагена». Намѣреніе автора историческихъ Драмъ доказываетъ обширную его ученость: нѣтъ сомнѣнія, что онъ откроетъ «развалины древняго Карѳагена», если кто-нибудь не предупредитъ его, что онѣ давно уже не существуютъ. Между-тѣмъ, передъ отъѣздомъ, Г. Дюма дрался на пистолетахъ съ Г-мъ Гальярдѐ; но какъ оба они остались невредимыми, то и нельзя знать навѣрное, кто изъ нихъ настоящій авторъ Драмы La tour de Nesle.

— Г. Жюль Жаненъ занимается изданіемъ «Исторіи Поэзіи и Словесности у всѣхъ народовъ.» Три тома уже вышли изъ печати, и объемлютъ въ себѣ Востокъ: въ первомъ томѣ заключается Путешествіе Виктора Ожіе по Востоку (Аравія); во второмъ (Индія и Персія), Сынъ Раджи; въ третьемъ (Китай), Мандаринъ Хань-вань. Вторые три тома этого собранія Романовъ и Повѣстей выйдутъ къ Новому году, и будутъ посвящены Греціи.

— Два сочиненія совершенно различныхъ родовъ привлекаютъ къ себѣ общее любопытство: «Мысли узника», несчастнаго графа Перонне, и «Христіанская Политическая Экономія», графа Виллнёвъ-Баржмона, отличаются множествомъ хорошихъ мыслей. Авторъ послѣдняго отвергаетъ все ученіе Адама Смита.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Въ безчисленномъ множествѣ Романовъ и Поэмъ, которые каждый день выходятъ въ Англіи, и чрезъ недѣлю поступаютъ въ разрядъ книгъ забытыхъ, всякое сочиненіе Г. Больвера заслуживаетъ быть примѣченнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Г. Больверъ человѣкъ съ большимъ талантомъ: мы признаемъ это, хотя талантъ его намъ и не нравится. Новый его Романъ носитъ заглавіе— «Послѣдніе дни Помпеи», и кажется, что громкая слава картины К. П. Брюллова подала ему первую мысль сочиненія, которую въ то самое время имѣлъ также одинъ, знакомый намъ, Русскій литераторъ, и въ которой Г. Больверъ опередилъ его. Твореніе Г. Больвера снискиваетъ высочайшія похвалы въ Англійскихъ журналахъ. «Ни одинъ его Романъ, говоритъ Атеней, не возбудилъ въ насъ такого удивленія къ его превосходному дарованію, и никогда могущественнѣе не владычествовалъ онъ надъ своимъ предметомъ, какъ изображая послѣдніе дни Помпеи. Единство интереса удивительно: съ той минуты какъ читатель видитъ себя непримѣтно вовлеченнымъ въ повѣсть, онъ уже не въ силахъ остановить свое любопытство до самого конца книги: авторъ мчитъ его вниманіе и чувства съ неимовѣрною быстротою, и напослѣдокъ ввергаетъ ихъ въ вихрь страстей, страданій и ужаса, которымъ оканчивается горестная исторія города, поглощаемаго Природою.» Отзывы Литератур-

ной Газеты, Спектатора и многихъ другихъ журналовъ столь же лестны для сочинителя. Мы скоро представимъ нашимъ читателямъ обширныя выписки изъ этого Романа, который, по мнѣнію нашему, заслуживаетъ быть переведеннымъ по-Русски: публика наша получила бы изъ него хорошее и живое понятіе о происшествіи, эпохѣ и мѣстахъ, къ которымъ относится безсмертное произведеніе великаго Русскаго живописца, и была бы въ состояніи чувствовать еще сильнѣе красоты этого непостижимаго чуда кисти.

— Второй Романъ, достойный всего вниманія любителей Англійской Словесности, это Tylney Hall, извѣстнаго Томаса Гуда, который въ своихъ сочиненіяхъ такъ умно и искусно соединяетъ смѣхъ съ патетическими страницами.

— Братъ Г. Больвера, Генрихъ Литтонъ Больверъ (знаменитому романисту имя—Эдуардъ), начавшій свое поприще сочиненіемъ «Англія и Англичане», которое ошибочно приписываютъ многіе въ Европѣ Эдуарду Литтону Больверу, издалъ нынче такую же картину Франціи, подъ заглавіемъ — «Франція политическая, литературная и общественная». Англія и Англичане — былъ довольно неудачный опытъ и литературныхъ способностей, и наблюденія. Франція политическая, литературная и общественная — тоже произведеніе поверхностное, зараженное духомъ партіи, но содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ современныхъ анекдотовъ.

— Капитанъ Марріетъ, авторъ презабавнаго «Питера Симпля», издалъ новое сочиненіе въ томъ же родѣ — Jacob Faithful, котораго самое оглавленіе располагаетъ читателя къ веселости. Путешествіе въ Америку извѣстнаго Капитана Базиля Галля переведено уже на Французскій языкъ, и удостоивается большихъ похвалъ въ Парижскихъ журналахъ.

— Теперь именно появляются въ Англіи великолѣпные альманахи, ежегодно изумляющіе своимъ числомъ, изящностью и роскошью всѣ Европейскія литературы. Многіе изъ вышедшихъ на 1835 годъ альманаховъ, заглавія которыхъ помѣщены ниже, въ спискѣ новыхъ книгъ, по увѣренію журналовъ, пышностью своею превосходятъ воображеніе.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

ESSAI sur la philosophie des sciences, ou Exposition analitique d'une classification naturelle de toutes les connaissances humaines par *A. M. Ampère*. 1 vol.

IDÉE PRÉCISE de la vérité première, par *M. Azaïs*. 1 vol.

LE SCEPTIQUE MODERNE, montrant le revers des choses. 1 vol.

TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE d'analyse infinitésimal, par *P.J.E.Finck*. 1 vol.

MÉMOIRE COMPARATIF sur l'histoire naturelle de l'insecte de la gale, par *F. V. Raspail*. 1 vol.

HISTOIRE DE LA POÉSIE ET DE LA LITTÉTATURE chez tous les peuples, par *Jules Janin*. 3 vol., première série.

HISTOIRE CRITIQUE DE LA LITTÉRATURE ANGLAISE, par *M. L. Mézières*. 3 vol.

CARACTERES POÉTIQUES, par *Edouard Alletz*. 1 vol

MŒURS POLITIQUES. Des espèces sociales et de la révolution de Juillet, par *Alexis Dumesnil*, auteur des Mœurs politiques au XIX siècle. 1 vol.

LA FLEURISTE, esquisse de mœurs, par *E. L. Guérin*, auteur d'Une actrice. 2 vol.

ROSSLAWLEW, ou Les Russes en 1812, roman de M. Sagoskin, traduit par *Cohen*. 2 vol.

MADAME DE SOMMERVILLE, roman, par *Jules Sandeau*. 1 vol.

LA FILLE DU PORTEUR D'EAU, roman, par *A. Gruë*. 4 vol.

CE QUE REGRETTENT LES FEMMES, roman, par *Felix Davin*. 2 vol.

UN DIVAN, roman, par *Alphonse Royer*. 1 vol.

LES JOLIES FILLES, roman de mœurs, par M. *Lamothe-Langon*. 2 vol.

UNE MAITRESSE DE LOUIS XIII, roman, par *X.B. Saintine*, auteur du Mutilé. 2 vol.

Англійскія.

A SKETCH OF CHINESE HISTORY, ancient and modern. By the Rev. *C. Gutzlaff*. 2 vols.

THE DOMESTIC AND FINANCIAL condition of Great Britain. By *G. Browning*. 1 vol.

REVENUE AND EXPENDITURE of the United Kiugdom. By *S. Wells*. 1 vol.

FRANCE, social, literary and political. By *Henry Lytton Bulwer*. 2 vols.

BELGIUM AND HOLLAND, with a sketch of the revolution in 1830 By *P. L. Gordon.* 1 vol.

AN ACCOUNT of the present state of the island of Puerto Rico. By Colonel *Flinter.* 1 vol.

TWO YEARS AT SEA. By *Jane Roberts.* 1 vol.

THE WEST-INDIA SKETCH-BOOK, with engravings of portraits, views, objets of natural history, etc. 2 vols.

WANDERINGS in New South Wales, Batavia, Pedir Coast, Singapore and China; being the Journal of a natural history in these countries during the 1832, 1833 aud 1334. By *George Bennet.* 2 vols.

NATURAL HISTORY OF ANIMACULES, containing descriptions of all the kuown species, etc., with 300 magnified plates. By *A. Pritchard.* 1 vol.

A COLLECTION OF GEOLOGICAL FACTS and practical observations, intended to elucidate the formaton of Ashby coal field. By *Edward Mammat.* 4-to.

ILLUSTRATIONS of modern sculptures, a series of engravings with descriptive prose and illustrative poetry. By *T. K. Herrey.*

A GRAMMAR OF THE KAFIR LANGUAGE. By *W. B. Boyce,* missionary. Graham's Town. 1 vol.

THE LAST DAYS OF POMPEII; a novel. By *E. L. Bulwer.* 3 vols.

TYLNEY HALL; a novel. By *T. Hood.* 3 vols.

JACOB FAITHFUL. By the author of Peter Simple, The King's Own etc. 3 vols.

THE MAN OF HONOUR, and the reclaimed; a novel By a lady of rank. 2 vols.

ENGLISH SCENES AND ENGLISH CIVILISATION, or sketches and traits in the nineteenth century. 3 vols.

LANDSCAPE ANNUAL FOR 1835, or The tourist in Spain. By *Thomas Roscoe.* 1 vol.

THE ORIENTAL ANNUAL for 4835. 1 vol.

HEAT'S PICTURESQUE ANNUAL fos 1835. Scott and Scottland. 1 vol.

THE FORGET-ME-NOT for 1835. 1 vol.

THE KEAPSAKE for 1035. 1 vol.

Нѣмецкія.

DER ZUSAMMENHANG DER SEELE mit der Geisterwelt. Vom Prof. *W. Stilling.* Ludwigsburg.

DER HOMŒOPATHISCHE ARZT als Hausfreund. Von Dr. *Weikart.* Leipzig.

TASCHENBUCH für Reisende von Mainz bis Düsseldorf, von *A. Schreiber.* Mit 1 Karte. Heidelberg.

WANDERUNGEN durch Sicilien und die Levante. Berlin.

HUELFSBUCH für Schmetterlingssammler. Von *Fr. Treitschke.* Mit 4 ausgemalten Kupfertafeln. Wien.

ITALIEN wie es wirklich ist. Bericht über eine merkwürdige Reise in den hesperischen Gefilden, als Warnungsstimme für Alle, welche sich dahin sehnen. Von *G. Nicolai.* 2 Theile. Leipzig.

HANDBUCH der christlichen Kirchengeschichte, von Dr. *J. E. Ch. Schmidt.* Fortgesetzt von Dr. *F. W. Rettberg.* 7r Theil. Giessen.

HANDBUCH der Chemie. Zum Gebrauche bei seinen Vorlesungen und zum Selbstunterrichte, entworfen von *Fr. Ph. Dulk.* 2r Theil. Chemie der organischen Körper. Berlin.

ALLGEMEINE GESCHICHTLICHE BETRACHTUNGEN über den Entwickelungsgang des Menschengeschlechts. Bearbeitet von *J. A. Kaltschmid.* Rotweil.

PRAKTISCHER NOTHHELFER auf Reisen in Deutschland, Frankreich, Italien und Griechenland. Ein Hülfsbuch für Jedermann, von Dr. *F. Possart.* München.

KRITISCHE GRAMMATIK der Sanskrita-Sprache, in kürzerer Fassung, von *F. Bopp.* Berlin.

VORLESUNGEN über Wesen und Geschichte der Reformation in Deutschland und der Schweiz, mit steter Beziehung auf die Richtungen unserer Zeit, von Dr. *K. R. Hagenbach.* Erster Theil. Leipzig.

DAS GANZE des landwirthschaftlichen Düngerwesens in einer durchgreifenden Verbesserung und Reform zur Erhöhung u. Belebung eines segensreicheren Erfolges des deutschen und preussischen Feldbaues. Von *W. A. Kreissig.* Königsberg.

GESCHICHTE ROMS in seinem Uebergange von der republicanischen zur monarchischen Verfassung, oder Pompejus, Cäsar, Cicero und ihre Zeitgenossen. Nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen. Von *W. Drumann.* Erster Theil. Königsberg.

THEORIE UND POLITIK der Besteuerung. Ein Handbuch für Staatsgelehrte, Volksvertreter und Geschäftsmänner. Von Dr. *K. Murhard.* Göttingen.

UEBER DIE GEGENWAERTIGE LAGE des englischen u. deutschen Handels, mit einer allgem. Uebersicht der Fortschritte der Production und Consumtion in Europa u. America. Von *G. v. Gülich.* Göttingen.

ANLEITUNG ZUR CULTUR der vorzüglichsten Gewebe- und Gewürzpflanzen, Caffesurrogate, verschiedener Fabrikpflanzen und deren Bereitung als Kaufmanswaare. Von *A. Seibe.*

DIE NATUERLICHEN PFLANZENFAMILIEN in ihren gegenseitigen Stellungen, Verzweigungen und Gruppirungen zu einem natürlichen Pflanzensysteme. Von *J. B. Wilbrand* Giessen.

DIE EHE nach ihrer Idee und geschichtlichen Entwickelung. Ein Beitrag zur richtigen Würdigung der Ehe und der ehelichen Verhältnisse vom allgemein-wissenschaftlichen u. vom christlich-theologischen Standpuncte. Von *Fr. Libetrut.* Nebst einem Vorworte von Dr. *A. Hahn.*

UNTERHALTUNGEN zur Schilderung Gœthe'scher Dicht- und Denkweise. Ein Denkmal von *Karl Friedrich Göschel.* 2 Bände, Schleusingen.

OSKAR VON LAUTENWALD, oder das Pœtenthal. Ein Roman von *Zweibein.* 3 Bände. Leipzig.

OLLA PŒTRIDA, von *Fr. Seybold.* Rotweil.

ERZAELUNGEN UND CHARACTERGEMAELDE berühmter Menschen aus allen fünf Welttheilen. Freiburg.

EMMERICH TOECKOELI, Fürst von Siebenbürgen. Ein histor.-rom. Gemälde von *W. v. Gersdorf.* 2 Theile. Celle.

LITERARISCH-HISTORISCHE ZEITSCHRIFT in zwanglosen Heften, von *K. H. von Tang.* Nürnberg.

GEDICHTE von *F. v. Elsholtz.* Berlin.

ZALTAO DER KUEHNE, Herzog von Ungarn, oder Tyrannei und Heldengrösse in der Schlacht an der Donau im Jahre 907. Von *C. Rössler.* Leipzig.

МОДЫ.

Парижъ. Октябрь.

До сихъ поръ ничего новаго, ничего рѣшительнаго. Къ крайнему отчаянію щеголихъ, которыя держали уже совѣтъ о судьбѣ талій и юбокъ на будущую зиму, въ Парижѣ вдругъ возвратилось лѣто, и отбросило ихъ въ прошедшее, къ забытымъ лѣтнимъ нарядамъ: въ среднихъ числахъ Октября тамъ наслаждались еще прекраснѣйшими Іюльскими днями. Поэтому, все остается въ прежнемъ положеніи. Но нельзя сомнѣваться, что зимнія моды, какъ скоро начнутся, будутъ чрезвычайно богаты и разнообразны, потому что Французская аристократія, соскучивъ сидѣніемъ взаперти въ своихъ отеляхъ, рѣшается давать балы, и вознаградить въ одну зиму три потерянные года. Два костюма, лучшіе, какіе нашли мы на полученныхъ изъ Парижа гравюрахъ, изображены на приложенной здѣсь картинкѣ. Въ высшихъ обществахъ, еще во второй половинѣ Октября, носили боль-

шею частью бѣлыя платья. Розовая или голубая лента изъ прозрачнаго атласа съ вытканными цвѣтами, опоясывая талью въ видѣ кушака, и спускаясь двумя длинными до самаго подола концами, прелестно убираетъ подобныя платья, которыя могутъ имѣть два тюлевыя вышивныя антръ-дё нѣсколько ниже колѣна. Прозрачныя атласныя ленты, en satin transparent, относятся теперь къ лучшему *стилю*, — стилю, а не тону: «хорошій тонъ» предоставленъ тѣмъ, которые къ нему не принадлежатъ.

— Нельзя представить ничего легче и изящнѣе чепчиковъ изъ тюля, называемаго *сильфомъ*, который можно бы назвать тулемъ снѣговымъ, — такъ онъ бѣлъ и тонокъ! Искусственные цвѣты, украшающіе чепчикъ, теряясь въ этой воздушной ткани, представляютъ нѣчто волшебное.

— Перчатки при платьѣ съ короткими рукавами, бѣломъ или другомъ, должны быть сѣтковыя черныя, en filet, изъ очень тонкаго шелку. Это также лучшій стиль, принятый всѣми герцогинями, у которыхъ рука полна и бѣла.

— Эшарпы изъ рѣдкаго органди гладкаго; но отличнѣйшіе эшарпы — *ленточные*, écharpes en rubans.

— Подъ корсажемъ съ открытою грудью надѣваютъ часто косынку изъ весьма рѣдкаго органди, обшитую узкимъ рюшемъ. Она должна лежать плотно на груди.

— Рукава узкіе у кисти опять появились.

— Капоты гроденаплевые обшиваются рюшемъ изъ ленты. Маншеты батистовыя со складкою, иногда обшитыя кружевомъ, — въ общемъ употребленіи.

— Въ театрѣ дамы часто являются въ тюрбанахъ, какъ въ прошлую зиму.

— Шляпки дѣлаютъ нѣсколько меньше прежняго, и тулья не столько уже поднимается спереди. Шляпки — капоты бываютъ двуцвѣтныя, — вышневыя съ свѣтло-зеленою подкладкою; коричневыя съ подкладкою изъ голубаго атласа, и т. д.

— Цвѣты дикой розы, бархатные съ атласными листьями, и цвѣты лавандовые въ большой модѣ на шляпкахъ.

— Въ модныхъ магазинахъ видны уже клоки. Между ними отличаются — клоки *Кристиносъ* съ квадратами одного

цвѣта, по двухъ разныхъ оттѣнковъ; клоки изъ матеріи à l'Erigone, съ плющевыми листьями; наконецъ плащи изъ печатной ратины съ безчисленными полосами, по которымъ разсыпаны цвѣты. Шотландскіе плащи, кажется, будутъ въ величайшей модѣ нынѣшней зимою. Плащи съ крупными квадратами живыхъ и блестящихъ цвѣтовъ, называемые *Марія Стуартъ*, чрезвычайно хороши при выходѣ изъ театра, потому что пышно красуются на подъѣздахъ, пока не подадутъ экипажей. Плащи *Кентень Дюрвардъ* также будутъ въ большомъ употребленіи: на нихъ квадраты образуются полосками самыхъ яркихъ цвѣтовъ; поле квадратовъ бываетъ темно-коричневое или каштановое. Есть также точныя подражанія плащамъ Шотландскихъ Горцевъ. поле у нихъ бываетъ красное, синее или зеленое, и на немъ рисуются большіе квадраты, составляемые полосками черными, оранжевыми, бѣлыми, и проч.

— Въ тканяхъ еще не сдѣланъ выборъ. Фулары еще въ употребленіи, но фулары совсѣмъ другихъ рисунковъ, чѣмъ тѣ, которые были въ такой модѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. Поле теперь темнаго цвѣта съ черными рисунками, или поле шоколадное, цвѣта небѣленой холстины или зеленое, съ широкими и готическими разводами или съ изображеніемъ арабесковъ и миниаретовъ; также съ квадратами, зелеными, фіолетовыми, цвѣта небѣленой холстины, синими и проч. Но есть уже матерія, которая замѣнитъ фулары: это serge de soie.

Мужскія моды. Та же нерѣшимость въ опредѣленіи фасона фраковъ, какъ и въ утвержденіи участи юбокъ на прочномъ основаніи. Тѣ, которые имѣютъ важнѣйшій голосъ въ этомъ дѣлѣ, еще не воротились изъ путешествія къ водамъ и въ свои помѣстья. Между-тѣмъ черный фракъ съ черным бархатнымъ воротникомъ, узкіе панталоны очень свѣтлаго цвѣта, почти въ обтяжку, и двубортный жилетъ, откидной, шалью, составляютъ вечерній нарядъ щеголя.

— Страсть къ тросточкамъ, въ томъ числѣ и къ надежнымъ палкамъ, съ богатыми набалдашниками, золотыми, украшенными эмалью и каменьями, доходитъ почти до бѣшенства. Нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ 600 франковъ.

Avis important. Спѣшимъ извѣстить соотечественниковъ нашихъ, которые бесѣдуютъ между собою не иначе какъ по-Французски, что нынче въ Парижѣ люди хорошаго стиля, встрѣчаясь на улицѣ или въ собраніи, уже не говорятъ — Comment vous portez-vous? Нынче говорятъ другъ другу — Comment vous suiciderez-vous? Это самая послѣдняя мода.

Самоубійство такъ пошло въ славу въ «столицѣ Европейскаго просвѣщенія,» какъ говорятъ Французы, что, по увѣренію одного весьма степеннаго журнала, цѣны на порохъ, мышьякъ и Прусскую кислоту удвоились въ одинъ мѣсяцъ. Всякъ, у кого только есть умъ, сердце и хоть немножко философіи, заимствованной изъ Романовъ, хоть сколько-нибудь того выспренняго всеобщаго скептицизма, которому старый міръ учили юные мудрецы, умерщвлять себя при первомъ случаѣ, чтобъ скорѣе раздѣлаться съ этимъ коварнымъ обществомъ, устроеннымъ въ противность Природѣ и разсудку, гдѣ торжествуетъ только сухой эгоизмъ. Женщины и мужчины, юноши и дѣвицы, лишаютъ себя жизни наперерывъ, и на смертоубійство точно такая же мода, какъ на широкіе рукава и на тросточки съ золотыми набалдашниками. Какъ мы живемъ на свѣтѣ только для того, чтобъ исполнять непреложные законы Парижскихъ модъ, то должно опасаться, чтобъ и у насъ..... Cher lecteur, comment vous suiciderez-vous?

=

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ ПЕЧАТИ.

— Въ статьѣ «Три женитьбы» на стр. 82, вмѣсто *оная жена подруга Г-жи Анжетъ,* — слѣдуетъ читать: *моя жена;* на стр. 87, вмѣсто: Буду жить тогда, когда никто ни въ чемъ не увѣренъ, — слѣдуетъ читать: *Бѣда жить тогда,* и проч.

— Въ статьѣ Повѣсти, на стр 92, вмѣсто — *если бъ не могъ видѣть дольше двухъ шаговъ, я бы не сталъ писать объ немъ повѣсти,* — слѣдуетъ читать: *Если бъ* онъ *могъ видѣть дольше двухъ шаговъ,* и проч. На стр. 104, вмѣсто — *При началѣ* этой *повѣсти,* — слѣдуетъ читать: *При началѣ первой повѣсти.* На стр. 105, вмѣсто — *его и внутреннее смущеніе,* — слѣдуетъ читать: *и его внутреннее смущеніе,* и проч.

=

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.7
ch.1